Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
АРХИВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
АРХИВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АРХИВНЫЙ ПОИСК

Электронный сборник научных статей и публикаций

Выпуск 1

Р е д а к ц и о н н ы й с о в е т:

к.и.н. И.Н. Ильина (председатель);
к.и.н. С.А. Лиманова (зам. председателя);
к.и.н. В.Ю. Афиани; к.и.н. Т.Н. Лаптева; Н.В. Литвина;
чл.-корр. РАН А.Г. Толстиков.

Москва
Архив РАН
2019

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
АРХИВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Архивный поиск

Выпуск 1

**Электронный сборник
научных статей и публикаций**

Москва
Архив РАН
2019

УДК 930.25+76.025+92
ББК 72.3, 72.6, 79.3, 85.15
А 876

Утверждено к печати Ученым советом
Архива Российской академии наук

С о с т а в и т е л и:
Д.В. Аносов, к.и.н. Т.Н. Лаптева,
к.и.н. С.А. Лиманова,
д. культурологии И.А. Урмина, А.Г. Цыпкина

Р е ц е н з е н т ы:
д.и.н. А.А. Чернобаев, к.и.н. Н.А. Комочев

Архивный поиск: электронный сборник научных статей и публикаций / Отв. сост.. Д.В. Аносов, Т.Н. Лаптева, С.А. Лиманова, И.А. Урмина, А.Г. Цыпкина. – М.: Архив РАН, 2019. – 555 с. с ил. – ISBN 978-5-9909105-8-4.

В электронный сборник «Архивный поиск» включены научные статьи и публикации по актуальным вопросам истории науки, архивоведения, археографии, музейно-выставочной и реставрационной деятельности. Издание нацелено как на углубленное изучение архивных документов, так и на их популяризацию, а также на обмен методологическими наработками между специалистами в деле сохранения научного наследия России. Среди авторов сборника – сотрудники архивов, библиотек, профильных академических и федеральных учреждений.

Первый выпуск сборника содержит материалы о развитии космической биологии, освоении Арктики, успехах женщин-ученых, опыте международного научного сотрудничества. Специальный блок статей посвящен результатам реставрационных исследований, методикам работы по восстановлению текстов латинских рукописей и императорских грамот. Отдельный подраздел включает обозрения некоторых архивных фондов, принятых на хранение в Архив РАН.

Издание рассчитано на специалистов в области архивоведения, археографии, истории, музееведения, реставрации и на всех тех, кто интересуется историей науки.

В оформлении обложки использован рисунок А.Л. Чижевского «Полдень в лесу». АРАН. Ф. 1703. Оп. 1. Д. 579в.

ISBN 978-5-9909105-8-4

© Коллектив авторов, 2019
© Архив РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....10

Раздел I. История науки.
Статьи

В.Ю. Афиани, Н.М. Осипова. Человек Солнца.
А.Л. Чижевский (1897–1964) и развитие космической биологии....14

О.Б. Бокарева. Женщины-ученые по архивным источникам Архива РАН: опыт составления энциклопедических статей о М.А. Боковой-Сеченовой, Л.С. Штерн, Е.Н. Ивановой....28

Л.Д. Виноградова. Предыстория первой научной зарубежной командировки А.П. Виноградова..... 46

Н.С. Гусев. Штрихи к дореволюционной биографии академика Н.С. Державина..... 55

М.В. Ковалев. Неопубликованная статья А.В. Флоровского «Реформы, реакция, революция» из собрания Архива РАН.....68

О.Д. Лившиц. Мария Васильевна Кленова – исследователь Антарктики (по материалам Архива РАН).....82

А.Э. Рыбченкова. Документы нобелевского лауреата Г. Дж. Меллера в Архиве РАН.....89

А.Г. Цыпкина. Межнациональные и межконфессиональные отношения в г. Трапезунде в 1916–1917 гг. и русская научная экспедиция (по воспоминаниям современников).....100

Публикации

«В этом романе я хочу поставить боевые тезисы».
Письма Д.А. Граве к О.Ю. Шмидту. 1927–1930 гг.
Публикация *В.Г. Бухерта*.....112

К истории создания Байкальской лимнологической станции АН СССР: записка Г.Ю. Верещагина «Байкальская станция в Маритуе». Публикация *Е.Н. Груздевой, Л.Д. Бондарь*.....121

Женская команда «Метелица» – исследователи Арктики. Публикация *Е.Г. Лебедевой*.....136

Наброски доклада А.П. Ганского об экспедиции на остров Шпицберген. Публикация *Н.В. Литвиной*.....148

Ответ гидробиологов лысенковцам. Публикация *А.Л. Рижинашвили*..... 163

Некоторые факты из биографии академика А.Ф. Иоффе: к 100-летнему юбилею ФТИ им. А.Ф. Иоффе. Публикация *Д.Н. Савельевой*.....172

Раздел II. Музейно-выставочная деятельность
Статьи

Е.Ю. Басаргина, Н.А. Павличенко, Н.В. Чернова. Выставка «Эстампажи Русского археологического института в Константинополе в собрании С.-Петербургского филиала Архива РАН».....184

Л.Д. Бондарь, М.В. Поникаровская. Выставка «Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля (1864–1937): галерея дипломов научных обществ».....193

Е.Г. Лебедева. Женский дилетантизм в художественном творчестве России XVIII–XIX вв..... 199

Ф.И. Мелентьев. Документы Государственного архива Российской Федерации на выставке «Последний царь: кровь и революция» в лондонском Музее науки.....211

И.А. Урмина. Актуализация научного академического наследия по освоению Арктики в музейно-выставочной деятельности.....223

Публикации

Из истории музейного дела в Академии наук СССР. О состоянии Геологического и Палеонтологического музеев после перевода учреждений Академии в Москву. Публикация *Н.В. Бойко*.....236

Раздел III. Реставрация документов

А.А. Галушкин, Н.М. Доведова, Т.С. Ткаченко, Л.М. Швиль. Выбор методики удаления жировых (масляных) пятен с бумаги.....256

А.А. Галушкин, С.Л. Гонобоблева, Н.М. Доведова, Т.С. Ткаченко. Современные реагенты систем пожаротушения для архивов, музеев и библиотек.....261

А.А. Галушкин, Н.М. Доведова, Т.С. Ткаченко, Л.М. Швиль Обеспечение сохранности архивных документов, имеющих склейки силикатным клеем.....277

Н.М. Доведова, Н.В. Завьялова. Реставрация рукописи на латинском языке «Principia Geometriae».....282

Н.М. Доведова, Н.В. Завьялова. Реставрация гипсометрического плана «Долина реки Уймень от левого притока реки Бигижи до правого притока реки Чисты».....291

Н.М. Доведова, Н.В. Завьялова. Реставрация карты из собрания «Картографических материалов XIX–XX вв.».....297

П.Е. Кандыба. Исследование и консервация графического и рукописного документа из фонда И.И. Мечникова «Седение волос и перьев (поглощение красящего вещества пигментофагами)».....307

Н.Ф. Паламарь. Сохранение рукописного наследия.....328

Н.Ф. Паламарь. Реставрация императорских грамот на пергамене.....332

Е.Г. Хосид, А.Д. Власов. Микромицеты воздушной среды архивохранилища № 21 и рабочих комнат сотрудников СПбФ Архива РАН.....342

Е.Г. Хосид, А.Д. Власов, Т.Д. Великова. Биостойкость разных видов картона, применяемых для консервационных целей в библиотеках и архивах.....348

Н.В. Чернова. Разработка методики реставрации бумажных эстампажей.....358

Раздел IV. Архивоведение, документоведение, источниковедение
Статьи

Д.В. Аносов. Краткий обзор фотодокументов фонда личного происхождения В.А. Гурко-Кряжина в Архиве РАН.....382

В.*Ю. Афиани, Е.В. Косырева*. Материалы личного фонда академика Л.В. Черепнина в Архиве РАН.....400

Е.В. Васильева. М.В. Алпатов и его зарубежные корреспонденты (по материалам личного фонда в отделе рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина).....415

Н.О. Веденеева. Графическое собрание Адриана Викторовича Прахова (1846–1916): на материалах Отдела графики, библиотеки и Отдела рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина.....429

С.А. Лиманова. К вопросу об описании палеозоологических находок Русской полярной экспедиции 1900–1903 гг.: документы из личного фонда палеонтолога М.В. Павловой в Архиве РАН.....443

М.В. Медведева. Фотоколлекции Николая Михайловича Токарского (1892–1977) в архиве ИИМК РАН.....450

Н.М. Осипова. Изучение регионов Сибири польскими исследователями в документах Архива РАН.....466

Д.Г. Полонский. Хронограф XVIII в. из собрания А.И. Яковлева в Архиве РАН.....475

Н.А. Станулевич. «Как я чту память о путешественнике Козлове П.К.» (по материалам его секретаря Б.М. Овчинникова).....488

Обозрения фондов

Д.В. Аносов. Спиваковский Александр Онисимович.....500

Д.В. Аносов. Филин Федот Петрович.....503

Е.В. Косырева. Степанов Георгий Владимирович.....507

Е.В. Косырева. Зельдович Яков Борисович.....511

Т.Н. Лаптева. Миначев Хабиб Миначевич.....514
Т.Н. Лаптева. Пашков Анатолий Игнатьевич.....517
С.А. Лиманова. Воронин Леонид Григорьевич.....521
Ю.В. Стеценко. Вахрамеев Всеволод Андреевич.....524
Ю.В. Стеценко. Козлов Генрих Абрамович.....528
Ю.В. Щепанская. Жаворонков Николай Михайлович.....532
Ю.В. Щепанская. Ковда Виктор Абрамович.....538
Список сокращений.....544
Список авторов.....550

Предисловие

Предлагаемый вниманию читателей электронный сборник научных статей и документальных публикаций составлен по результатам научно-исследовательской работы, проведенной сотрудниками разных учреждений на основе изучения архивных документов в 2018 году. Издание сборника осуществляется под грифом Архива Российской академии наук – специализированного учреждения, хранящего документальные фонды и одновременно являющегося научной организацией, что обуславливает главные направления работы: стремление к максимальному освоению документального академического наследия и введение его в научный оборот, предоставление материалов фондов для многочисленных исследователей и учреждений, работающих с историческими источниками.

Ежегодное электронное издание «Архивный поиск» задумано в целях более углубленного изучения архивных собраний, популяризации архивного документа, взаимодействия ученых и специалистов-архивистов в деле сохранения и использования научного наследия России. Кроме того, это своеобразный навигатор в поиске новых архивных данных.

Многообразие исследовательской тематики в представленных для сборника научных статьях определяется широтой состава Архивного фонда Российской Федерации и, прежде всего, комплексом научной документации, сосредоточенной в многочисленных «институтах памяти» – архивах, музеях, библиотеках страны. В поле зрения авторов находится как задокументированная история научных учреждений, так и материалы личного происхождения, раскрывающие феномен человека науки.

Имея первенствующее значение в исторических исследованиях, документальный источник значителен сам по себе, особенно с фактологической точки зрения. Публикации уникальных или малоизвестных документов в сборнике способны привести к формиро-

ванию новых научных направлений, скорректировать сложившиеся представления о тех или иных исторических событиях и лицах. В то же время знакомство с музейной-выставочной деятельностью позволит наглядно продемонстрировать, каким образом архивный источник может стать доступным для более широкой аудитории.

Сохранение документального наследия невозможно без участия реставраторов – специалистов в области функционирования документов на бумажном носителе, знатоков средств и способов письма в различные исторические эпохи. Представленные в издании результаты исследований состояния рукописных документов и разработки методики реставрации поврежденных документов важны в русле проблемы обеспечения «вечного» хранения архивных документов, передачи их последующим поколениям.

Обозрения архивных фондов, поступивших на хранение в Архив РАН, являются результатом работы историков-архивистов по научному описанию целого комплекса документов, раскрывают состав и содержание сформированных фондов. Они смогут привлечь внимание исследователей и послужить ориентиром в многообразии документации, хранящейся в академическом архиве.

Редакционный совет электронного сборника «Архивный поиск» приглашает всех заинтересованных специалистов к сотрудничеству, от которого будет зависеть дальнейший успех и результативность нашего издания.

Спасибо нашим первым авторам!

Председатель редакционного совета,
заместитель директора Архива РАН,
к.и.н. И.Н. Ильина

ИСТОРИЯ НАУКИ

Статьи

В.Ю. Афиани, Н.М. Осипова

Человек Солнца. А.Л. Чижевский (1897–1964) и развитие космической биологии

V.Y. Afiani, N.V. Osipova

A man of the Sun. A.L. Chizhevsky (1897–1964) and the development of the space biology

Аннотация: статья посвящена вкладу Александра Леонидовича Чижевского в развитие космической биологии.

Ключевые слова: А.Л. Чижевский, К.Э. Циолковский, биосфера, Солнце, биофизика, космическая биология, гелиобиология, ионификация, аэроинофикация, аэронотерапия, гематология, электрогемодинамика.

Abstract: this article is devoted to the contribution of Alexander Leonidovich Chizhevsky to the development of space biology.

Keywords: A.L. Chizhevsky, K. E. Tsiolkovsky, biosphere, Sun, biophysics, space biology, geliobiology, ionification, aeroinofication, aeronotherapy, hematology, elektrogemodinamics.

Начало космической эры – запуски спутников, пилотируемые полеты в космос – все это способствовало развитию новых направлений в науке и технологиях, в том числе в области медицины и здравоохранения. Был накоплен огромный опыт, требующий дальнейшего поиска методов и путей внедрения космических технологий в области медицины и здравоохранения на Земле.

Современные достижения основаны на опыте многих ученых, теоретически предсказавших возможность полетов в кос-

мос, в том числе ряда выдающихся мыслителей и ученых из России, таких как К.Э. Циолковский. Они еще до начала космической эры многое сделали и для того, чтобы космические полеты стали реальностью, и для философского осмысления последствий и перспектив выхода человека в космос, и для практического использования космических исследований на Земле.

Одним из таких ученых был Александр Леонидович Чижевский (1897–1964) – биофизик, основатель гелиобиологии, аэроионификации, электрогемодинамики, философ, поэт и художник[1]. Это была фигура масштаба деятелей эпохи Ренессанса, недаром его сравнивали с Леонардо да Винчи. Чижевский в своей деятельности совмещал глубокие теоретические осмысления с практическими изобретениями, реализовывал столь популярный в настоящее время междисциплинарный подход. Он внес большой вклад в самые разные области науки, культуры, медицины и техники, в том числе в биофизику, космическую биологию, аэроионизацию, ионификацию, гематологию, структурный анализ крови и многое другое.

Чижевский изучал влияние космических физических факторов на процессы в живой природе, в частности, влияние циклов активности Солнца на биосферу.

Летчик-космонавт СССР В.И. Севастьянов отмечал: «Особенно велики заслуги Александра Леонидовича перед космической биологией в самых разнообразных ее аспектах. Люди, занимающиеся проблемами космоса, – ученые, конструкторы и мы, космонавты, часто в своей работе непосредственно сталкиваемся с проблемами, которые разработал и успешно решал Чижевский. Мы отдаем ему за это дань уважения и признательности»[2].

Среди главных достижений Чижевского – создание фундаментальных основ гелиобиологии (науки о зависимости жизни и здоровья от колебаний активности Солнца)[3]. Своими пионерскими работами он исследовал механизм этого влияния: ионизацию атмосферы под воздействием космической радиации, что привело

к глубокому осмыслению биологического и физиологического действия униполярных аэроионов, разработке теории электрообмена в живых организмах. Следующий шаг ученого – практическое применение искусственной аэроионизации в медицине, ветеринарии, сельском хозяйстве, промышленности и др., решение экологических проблем.

Другой известный исследователь космоса, летчик-космонавт СССР П.П. Попович, писал: «Гелиобиология была только одним из направлений творчества ученого. И в ряде других разделов науки А.Л. Чижевский был первопроходцем, что обусловило сложность его изысканий. Он предложил аэроионификацию народного хозяйства и еще в 30-х годах подчеркивал необходимость управления качеством окружающей среды <…>»[4].

Интерес к научным знаниям, к процессам, происходившим на Солнце и в атмосфере Земли, у А.Л. Чижевского зародился с детства. Как пишут биографы ученого, чуткая нервная система ребенка реагировала на изменения погоды, и это заставляло его задуматься о причинах такой связи. Отец мальчика, офицер-артиллерист Л.В. Чижевский, поддерживал его увлечение наукой, создание и оснащение домашней химической и электрофизической лаборатории. Чижевский-мальчик ежедневно вел астрономические наблюдения с помощью телескопа. По его воспоминаниям, «<…> тщательно, со всеми подробностями, зарисовывал солнечные пятна. Записывал в дневник замеченные за сутки или двое суток изменения. Все книги о Солнце, которые нашел я в библиотеке отца, в Калужской городской библиотеке, были мною добросовестно изучены». Одновременно будущий ученый увлекался поэзией, живописью и музыкой.

В 1913 г. семья Чижевских поселилась в Калуге. Здесь Александр Леонидович познакомился с Константином Эдуардовичем Циолковским. Это знакомство оказало в дальнейшем большое влияние на Чижевского. Чижевский со своей стороны предпринял усилия для утверждения мирового приоритета К.Э. Циол-

ковского в области космонавтики и ракетодинамики, переиздав в 1924 г. его работу «Исследование мировых пространств реактивными приборами»[5], разослав ее зарубежным ученым и научным обществам, помогал в публикации статей Циолковского в московских журналах и центральных газетах.

В эпоху Первой мировой войны и Великой русской революции Чижевский получил высшее образование в Москве, естественнонаучное и гуманитарное, в т.ч. медицинское. С этого времени в научных исследованиях Чижевского переплетаются проблемы биологии, физиологии, медицины, астрономии, метеорологии, геофизики и др.

Невиданно масштабные сражения Первой мировой войны и жестокость Гражданской войны в России заставляли задуматься о разнообразных причинах этих явлений. В 1918 г. он защитил в Московском университете диссертацию по теме «Исследование периодичности всемирно-исторического процесса» на степень доктора всеобщей истории. Результаты исследований юноши были изложены в докладе, сделанном в Калуге под названием «Периодическое влияние Солнца на биосферу Земли», основанном на результатах первых опытов по воздействию отрицательно ионизированного воздуха на живые организмы (аэроионификация).

В поэтическом творчестве Чижевского в то время обнаруживаются те же мотивы:

Великолепное, державное Светило,
Я познаю в тебе собрата-близнеца,
Чьей огненной груди нет смертного конца,
Что в бесконечности, что будет и что было... <...>

1919 г.

В 24 года, в декабре 1921 г. Чижевский написал философскую работу «Основное начало мироздания»[6]. В 1924 г. в Калуге был

издан один из первых его трудов «Физические факторы исторического процесса»[7]. В них Чижевский обнаружил связь земных явлений с 11-летней периодичностью Солнца. Далеко не все в научном сообществе положительно оценили молодого ученого. К.Э. Циолковский поддержал его, опубликовав в калужской газете «Коммуна» 4 апреля 1924 г. рецензию на труд А.Л. Чижевского, в которой, ссылаясь на положительный отзыв об этих исследованиях известного ученого-биофизика П.П. Лазарева, писал: «Книжку А.Л. Чижевского с любопытством прочтет как историк, которому все в ней будет ново и отчасти чуждо (ибо в историю тут врываются физика и астрономия), так и психолог или социолог. Этот труд является слиянием различных наук воедино на монистической почве физико-математического анализа». В фонде академика П.П. Лазарева (Ф. 459) хранится знаменитая брошюра А.Л. Чижевского, изданная в 1924 г., «Физические факторы исторического процесса» с автографом П.П. Лазареву[8]. Первые научные публикации вызвали критику. Им возразил К.Э. Циолковский: «Все эти обобщения и смелые мысли высказываются автором в научной литературе впервые, что придает им большую ценность и возбуждают интерес <…>»[9]. Циолковский напутствовал ученого: «Вам придется зарыться в статистику. Собирайте побольше фактов. Но не вылезайте раньше времени. Вас сотрут <…>»[10]. Слова великого ученого и мыслителя оказались пророческими.

Чижевский исследовал проблемы солнечно-биосферных связей и ритмов, воздействия активности Солнца на микроорганизмы, животных и человека. Обобщив большой фактический материал, ученый выявил закономерности между циклами солнечной активности, связанной с изменением интенсивности потоков ионизированной плазмы из недр Солнца. Продолжая тщательно изучать влияние циклической деятельности Солнца на те или иные явления в органическом мире, Чижевский на основе статистики устанавливает тот факт, что многие эпидемические забо-

левания (чума, холера, грипп, возвратный тиф, дифтерия и др.), их начало, развитие и окончание ритмически следуют за циклической деятельностью нашего дневного светила. В годы активного Солнца изменения в биосфере влияют на все жизненные процессы: от урожайности и эпидемий, психических болезней до экономических кризисов, преступлений, войн, восстаний и революций. Дальнейшая разработка проблем изложена в книге: «Эпидемические катастрофы и периодическая деятельность Солнца» (1930 г.).

Ученый, рассматривая систему биологических процессов как единое целое, подчеркивал, что сложность взаимодействия структур биосферы обуславливается неодинаковостью проявления связи эпидемиологического механизма с колебаниями деятельности Солнца, местные геофизические и метеорологические особенности вносят своеобразие, приводя к фазовому сдвигу, сформулированному Чижевским как «закон квантитативной компенсации» в функциях биосферы в связи с энергетическими колебаниями в деятельности Солнца.

Свои открытия Чижевский облек и в поэтическую форму в стихотворении «Галилей». Тема Солнца в принципе широко представлена в его поэтическом творчестве[11]:

И вновь, и вновь взошли на Солнце пятна,
И омрачились трезвые умы.
И пал престол, и были неотвратны
Голодный мор и ужасы чумы.
И вал морской вскипел от колебаний,
И норд сверкал, и двигались смерчи,
И родились на ниве состязаний
Фанатики, герои, палачи!

Другое направление его исследований и опытов было посвящено изучению биогенного действия атмосферного электриче-

ства и аэроионов на живые организмы и практическому применению искусственной аэроионификации и аэроионотерапии[12]. Чижевский установил, что отрицательные аэроионы кислорода (ОАИК) действуют благотворно на все функции организма человека, улучшают здоровье, излечивают многие заболевания и продлевают жизнь. В работах он сделал выводы о роли ионизации в атмосфере в жизненных функциях бактерий – «вирулентность бактерий есть функция радиаций космо-телургической среды»[13], что нашло подтверждение в исследованиях ряда советских ученых. Термины, предложенные Чижевским, вошли в научный обиход. Ионы атмосферы были названы аэроионами, процесс их возникновения – аэроионизацией, искусственное насыщение ими воздуха закрытых помещений – аэроионификацией, лечение ими – аэроионотерапией.

В 1920–1930-е гг. результаты исследований Чижевского стали известны зарубежному научному сообществу. О них докладывал в 1926 г. профессор В. де Смит из Колумбийского университета на годичном конгрессе «American Association for the Advencement of Science» в Филадельфии, и в 1927 г. на конференции в Нью-Йорке. В 1927–1928 гг. статьи «О соотношении между периодической деятельностью Солнца и эпидемиями холеры и гриппа», «О периодичности возвратного тифа» и др. публиковались в Берлине, в «Русско-немецком медицинском журнале». Статья «La radiation cosmique comme facteur biologique. Resultats des recherches expérimentales de l'influence de la radiation cosmique, solaire et astrale sur les cellules et les tissus» была опубликована в 1929 г. во Франции[14]. Независимо от Чижевского близкие идеи высказывал доктор М. Фор, президент Международного института солнечных, земных и космических радиаций, ряд других ученых из Франции, Германии, Венгрии. Чижевский же предложил систематическое изложение проблемы на базе большого статистического материала в монографии, изданной в 1938 г. в Париже: «Les épidémies et les perturbations electromagnetiques du milieu exterieur»[15]. На русском

языке под названием «Земное эхо солнечных бурь» она была опубликована уже после смерти ученого в 1976 г.

К началу 1930-х гг. имя Чижевского, его достижения стали широко известны зарубежному научному сообществу, его избирали почетным членом зарубежных академий, почетным профессором университетов. Чижевского заочно избрали почетным президентом I международного конгресса по биофизике в 1939 г., проходившего в США.

В 1930-х гг. пропаганда Чижевским идей ионификации нашла поддержку властей. В качестве генератора аэроионов А.Л. Чижевским еще в 1931 г. была предложена конструкция электроэффлювиального аэроионификатора. Свое изобретение он передал в распоряжение Правительства СССР. Власти поддержали предложения ученого о внедрении его идей в практику. Ученому удалось перенести свои эксперименты в сельское хозяйство, он возглавил специально созданную Центральную научно-исследовательскую лабораторию ионификации (ЦНИЛИ, Воронеж).

Но его идеи о роли солнечных циклов в социальных процессах, в том числе в революциях, противоречили официальной идеологии. Были те, кто выступал против идей Чижевского[16]. 5 июля 1936 г. Наркомзем СССР снял ученого с должности директора Центральной лаборатории по ионификации[17]. В фонде А.Л. Чижевского в Архиве РАН сохранились подлинники трудов ученого «Аэроионы» (1938–1954), «Применение аэроионизации при лечении туберкулеза легких и болезней дыхательных путей» (1939), «Аэроионизация, биологическое действие и ее применение в медицине» (конец 1930-х), «Аэроионосанация воздуха. К вопросу о борьбе с аэрогенными заболеваниями и бактериальными загрязнениями воздуха внутри помещения» (1947–1952), «Аэроионизация в народном хозяйстве» (1952–1956), «Основы аэроионизации населенных помещений» (1958) и др.[18] Среди документов фонда обращает на себя внимание газетная вырезка с постановлением Совнаркома СССР от 11 апреля 1931 г. об одобрении широкой организации при-

менения изобретения в отношении воздействия ионизированного воздуха на рост животных[19].

В сентябре 1939 г. в Нью-Йорке состоялся 1-й Международный конгресс по биологической физике и космической биологии. На этом конгрессе Чижевский был избран Почетным президентом. За его многогранную научную и художественно-литературную деятельность Чижевского назвали «Леонардо да Винчи XX века», отмечались его гениальные по новизне, по широте охвата, по смелости синтеза и глубине анализа идеи и труды [20].

Случайно ли совпадение, но в 1940 г. была создана новая комиссия под руководством известного физика, академика А.Ф. Иоффе, которая сделала следующие выводы: «Бессмысленная и идеологически вредная "теория" о том, что революции, эпидемии людей и животных, народные движения определяются солнечными пятнами, создали проф. Чижевскому незавидную известность в реакционных кругах Франции, где он печатал эти свои "исследования"», «предложения гр[ажданина] Чижевского об организации специальной лаборатории ионификации необходимо отклонить» и запретить «дальнейшее печатание и распространения трудов, изданных под редакцией А.Л. Чижевского»[21].

Его лабораторию закрыли, а в 1942 г. ученый был арестован по политическому обвинению. В настоящее время аэронопрофилактика и аэронотерапия широко используются в лечебных учреждениях и в санаториях России. В 1950-х гг. А.Л. Чижевский опубликовал результаты своих исследований, переиздававших и после его смерти[22].

Рассматривая физические явления в крови как электрическую систему, ученый начал разрабатывать теорию электрического и магнитного взаимодействия структурных элементов крови: открыл геометрическую упорядоченность эритроцитов в кровотоке, наличие радиально-кольцевых структур («монетные столбики» – «феномен Чижевского») в движущейся крови, обусловленное

электрическим взаимодействием ее форменных элементов, исследовал геометрические модели этих систем, а также их кинематику. Открытие динамической микроструктуры крови знаменовало новый этап в физиологии кровообращения. В Архиве РАН сохранились подлинники работ А.Л. Чижевского – «Структурный анализ движущей крови» (1948–1952), «Система эритроцитов» (1949), «Динамическая система эритроцитов» (1951–1952), «Динамика системы эритроцитов» (1955), «Биофизические механизмы реакции оседания эритроцитов» (1956) и др.[23].

Достойную оценку своих идей и исследований Чижевский получил только после смерти. Исследования по гелиобиологии получили развитие в СССР с 1970-х гг., в том числе в Академии наук СССР. С тех пор проводятся научные конференции, посвященные А.Л. Чижевскому и его идеям, был открыт музей в г. Калуге, ставятся памятники и открываются памятные доски. Чижевскому было присвоено звание почетного гражданина г. Калуги. В его честь назвали малую планету – 3113 Chizhevskij. Аэрофлот присвоил имя Александра Чижевского самолету А320 производства компании Airbus и др.

1997 г. был объявлен ЮНЕСКО «Годом Чижевского» как дань памяти выдающемуся ученому и призыв к современному осмыслению и использованию его открытий и достижений.

Документальное наследие А.Л. Чижевского хранится в Архиве РАН в Москве и ждет новых поколений исследователей, которые будут развивать его идеи и воплощать их в жизнь[24].

Фонд личного происхождения А.Л. Чижевского в Архиве РАН (Ф. 1703) содержит 675 дел за период 1912–1982 гг. В первую очередь это подлинники монографий о связи биосферы Земли с солнечной активностью, по проблеме аэроионификации, по проблеме структурного анализа движущейся крови, а также статьи, доклады, заметки о К.Э. Циолковском, об электрическом способе окраски и др., отзывы о трудах других лиц, изобретения, сборники научных трудов и документов, составленные А.Л. Чижевским,

оттиски научных статей, воспоминания (1941–1964), стихотворения и рабочие материалы. Биографические документы Александра Леонидовича представлены дипломами, удостоверениями, справками, перепиской, биографией (1939–1960), списками научных трудов (1939–1960), библиографией об А.Л. Чижевском (1958), автобиографиями (1953–1960) и личным штампом. Сохранились документы о научно-организационной деятельности и по изданию трудов А.Л. Чижевского – протоколы совещаний и заседаний, переписка, издательские договоры, отзывы, планы-проспекты, материалы обследования ЦНИЛИ, объяснительные и докладные записки, документальный памфлет «Завадовщина или история одной травли» (1936), извещения, записи амбулаторных больных о состоянии здоровья до и после сеансов аэроионизации, справки, переписка о международных научных связях, об избрании членом академий, научных обществ, об издании трудов за границей.

Переписка Чижевского включает письма к О.К. Антонову, Л.С. Барайлю (США), А.И. Бергу, Л. Бертрану (Бельгия), О.Г. Газенко, А.Е. Гайсиновичу, М.М. Громову, Я.С. Гросулу, Б.В. Дерягину, И.А. Казарновскому, И. Корнблю (США), А. Ланжевену (Франция), Ф. Лассеру (Франция), А.С. Предводителеву, А.Н. Туполеву, вдове и дочери Ф.А. Цандера, К.Э. Циолковскому и его семье; письма от О.К. Антонова, М.С. Арлазорова, Л.С. Барайля, Л. Бертрана (Бельгия) С.Н. Виноградского, И.А. Казарновского, И. Корнблю (США), А. Ланжевена (Франция), Ф. Лассера (Франция), А.С. Предводителева, В.Н. Сукачева, дочери Ф.А. Цандера, К.Э. Циолковского, его дочери и внучки, жены Н.В. Чижевской и др. Кроме того, в фонде имеются оттиски научных трудов советских и зарубежных авторов с дарственными надписями (1933–1969). Изобразительный ряд содержит фотографии А.Л. Чижевского, К.Э. Циолковского, М.К. Костиной-Циолковской, летчиков-космонавтов в доме К.Э. Циолковского, Д. Пиккарди (Италия), Ф.А. Цандера, виды дореволюционной Калуги и рисунки А.Л. Чижевского.

В фонде хранятся документы об А.Л. Чижевском – отзывы К.Э. Циолковского и Ассоциации изобретателей РСФСР о книге «Физические факторы исторического процесса», советские и зарубежные журнальные и газетные статьи со ссылками и отзывами о научных трудах А.Л. Чижевского, письма и отзывы советских и иностранных ученых, тексты радио и телепередач, киносценарии, информационные сообщения о передачах, характеристики, список статей, отзывов, заметок К.Э. Циолковского о трудах А.Л. Чижевского и А.Л. Чижевского о трудах К.Э. Циолковского, извещение о смерти А.Л. Чижевского, некрологи, письма и телеграммы с соболезнованиями, переписка о посмертном издании трудов А.Л. Чижевского, материалы о проведении чтений, посвященных памяти А.Л. Чижевского, в том числе доклады разных авторов. Завершают фонд переписка жены Н.В. Чижевской с советскими и зарубежными учеными, друзьями, знакомыми и научные труды советских и иностранных ученых, среди которых И. Корнблю (США), К.С. Мещеряков, В.К. Чеховский. Документы фонда Александра Леонидовича Чижевского активно используются исследователями в читальном зале Архива РАН и в экспозициях документальных выставок.

Необходимо отметить, что документы А.Л. Чижевского находятся и в составе других фондов Архива РАН, в том числе переписка с членом-корреспондентом В.К. Аркадьевым, академиком Н.А. Морозовым, К.Э. Циолковским. Например, в фонде К.Э. Циолковского (Ф. 555) хранится статья А.Л. Чижевского «О периодичности европейского «Typhus recurrens», опубликованная в 12 номере русско-немецкого «Медицинского журнала» в декабре 1928 г. на немецком и русском языках, с дарственной надписью К.Э. Циолковскому[25]. Сохранились заключение и отзывы Комиссии при Физическом институте АН СССР по рассмотрению работ профессора А.Л. Чижевского (1938)[26].

Далеко не все творческие материалы Александра Леонидовича Чижевского опубликованы и получили известность в науке. В частности, ждет своего исследователя и публикатора перепи-

ска ученого. Исследователям ознакомление с содержанием фонда А.Л. Чижевского доступно в Информационной системе Архива РАН, имеющей web-версию, где представлены описи фонда.

Примечания

[1] Подробнее о биографии А.Л. Чижевского см.: Газенко О.Г. Предисловие // Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. 2-е изд. М., 1976. С. 5–20; Субетто А.И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке / Под науч. ред. д.филос.н. В.Г. Егоркина. СПб., 2010. С. 103–181; Ягодинский В.Н. Александр Чижевский / Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2015.

[2] *Севастьянов В.И.* Предисловие // Чижевский А.Л. Вся жизнь. М., 1974. (Годы и люди). С. 5.

[3] *Чижевский А.Л.* Солнце и мы. М., 1963; *Чижевский А.Л., Шишина Ю.Г.* В ритме Солнца. М., 1969; *Чижевский А.Л.* Земное эхо солнечных бурь. М., 1976; *Он же.* Теория гелиотараксии. М., 1980; *Он же.* Земля в объятиях Солнца. М., 2004; *Он же.* Солнечный пульс жизни / Сост. *А.Л. Голованов.* М., 2015; *Он же.* Солнце и мы. М., 1963; АРАН. Ф. 1703. Оп. 1. Д. 5.

[4] Цит. по: *Ягодинский В.Н.* Александр Леонидович Чижевский. 1897–1964.: 2-е изд. доп. М., 2005. С. 82–83.

[5] *Циолковский К.Э.* Ракета в космическое пространство. 2-е изд. [Калуга],1924; *Ziolkowsky.K.E.* Eine Rakete in den Kosmishen Raum. 2-е изд. 1924.

[6] *Чижевский А.Л.* Основное начало мироздания. Система космоса. Проблемы. Введение, главы 1, 2, 3, 4, заключение. Автограф. 1920–1921 // АРАН. Ф. 1703. Оп. 1. Д. 1; Публ. см.: *Чижевский А.Л.* Основное начало мироздания. Система космоса. Проблемы // Духовное созерцание. 1997. № 1–4.

[7] *Чижевский А.Л.* Физические факторы исторического процесса. (Tchijevsky A. Phisical factors of the historical process). Калуга, 1924.

[8] АРАН. Ф. 459. Оп. 6. Д. 70.

[9] Коммуна. Калуга, 1924. № 77. 4 апреля.

[10] Цит. по: *Ягодинский В.Н.* Александр Чижевский. С. 36–37.

[11] См.: *Чижевский А.Л.* Стихотворения. Калуга: 1915; *Он же.* Тетрадь стихотворений. 1914–1918. Калуга. 1919; *Он же.* «В науке я прослыл поэтом» (Сборник стихов) / Сост. *Л.Т. Энгельгардт.* Калуга, 1996.

[12] *Чижевский А.Л.* Руководство по применению ионизированного воздуха в промышленности, сельском хозяйстве и в медицине. М., 1959; *Он же.* Аэроионификация в народном хозяйстве. М., 1960.

[13] *Чижевский А.Л.* Лечение легочных заболеваний ионизированным воздухом». М., 1930; *Он же.* Пути разрешения проблемы ионификации. Харьков, 1933.

[14] Bulletin de l' Association Internationale Biocosmique. Noulon. 1929. № 13. P. 245–250.

[15] Библиографию публикаций А.Л. Чижевского за рубежом см.: С. 346–348.

[16] *Завадовский Б.М.* Враг под маской ученого // Правда. № 354. 1935. 25 дек. С. 4.

[17] *Чернов М.* О снятии с работы директора Цетральной лаборатории по ионификации А.Л. Чижевского // Правда. № 186. 1936. 8 июля. С. 2.

[18] АРАН. Ф. 1703. Оп. 1. Д. 46, 54, 56, 68, 78, 94.

[19] Там же. Д. 247.

[20] *Ягодинский В.Н.* Александр Чижевский. С. 312.

[21] Цит по.: Чижевский Александр Леонидович [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org (дата обращения: 19.10.2018).

[22] *Чижевский А.Л.* Структурный анализ движущейся крови. М: 1959; *Он же.* Электрические и магнитные свойства эритроцитов. М: 1973; *Он же.* Биофизические механизмы реакции оседания эритроцитов. Новосибирск, 1980.

[23] АРАН. Ф. 1703. Оп. 1. Д. 147, 151, 159, 176–181, 182.

[24] См.: *Чижевская Н.В.* Архив профессора А.Л. Чижевского // Солнце, электричество, жизнь. М., 1969. С. 89–92; *Ягодинский В.Н.* Указ. соч. С. 57–62.

[25] АРАН. Ф. 555. Оп. 6. Д. 70.

[26] Там же. Ф. 600. Оп. 3. Д. 6.

О.Б. Бокарева

Женщины-ученые по архивным источникам Архива РАН: опыт составления энциклопедических статей о М.А. Боковой-Сеченовой, Л.С. Штерн, Е.Н. Ивановой

О.В. Bokareva

The women-scientists according to the archival sources of the Archive of RAS: an experience of writing encyclopedic articles about M.A. Bokova- Sechenova, L.S. Shtern, E.N. Ivanova

Аннотация: в статье в виде краткого обзора представлены биографические сведения о трех выдающихся женщинах-ученых: М.А. Боковой-Сеченовой, Л.С. Штерн, Е.Н. Ивановой. Они оказали влияние на разные области науки: медицину, физиологию и биохимию, почвоведение и геологию. Каждая из этих женщин-ученых внесла свой вклад в развитие отечественной и мировой науки.

Ключевые слова: женщины-ученые, архивные документы, Архив РАН, М.А. Сеченова-Бокова, Л.С. Штерн, Е.Н. Иванова.

Abstract: the article presents a biographical information about three outstanding women-scientists (M.A. Bokova- Sechenova, L.S. Shtern, E.N. Ivanova) in the form of a brief review. They influenced various fields of science: medicine, physiology and biochemistry, soil science and geology. Each of these women-scientists has contributed to the development of the Russian and world science.

Keywords: women scientists, archival documents, The Archive of RAS, M.A. Bokova- Sechenova, L.S. Shtern, E.N. Ivanova.

Своими успехами отечественная наука конца XIX–XX вв. обязана не только ученым-мужчинам, но и женщинам: первооткрывательницам, исследовательницам, представительницам виднейших научных школ и направлений.

Среди них первая русская женщина-офтальмолог, супруга И.М. Сеченова – Мария Александровна Бокова-Сеченова (1838–1929) (Ил. 1).

В личном фонде И.М. Сеченова в Архиве РАН сохранился ряд материалов, касающихся М.А. Боковой-Сеченовой[1].

Мария Александровна родилась 5 (17) декабря 1838 г. в Сандомирской губернии в семье генерал-майора Александра Афанасьевича и Эмилии Францевны Обручевых[2]. В семье было 5 детей: Афанасий, Владимир, Мария, Александр, Анна. По воспоминаниям матери, Эмилии Францевны, в разные годы Обручевы жили в Варшаве, Могилеве, в Волынской губернии, в Радомской губернии[3].

В 1856 г. Обручевы переехали в село Клепенино Тверской губернии[4]. На следующий год Александр Афанасьевич вышел в отставку. Семья прикупила соседнее сельцо Федотово[5]. Старшие братья, Афанасий и Владимир Александровичи, находились на службе, младший – Александр – был отправлен отцом в Пажеский корпус[6]. Марию и Анну родители вывозили из имения в соседние губернии в гости. Во время поездки в Тулу Мария Александровна заболела скарлатиной. Ее лечащим врачом стал П.И. Боков (1835–1915), друг В.А. Обручева, специально вызванный из столицы.

Под влиянием рассказов брата и П.И. Бокова, Мария Александровна в возрасте 20 лет впервые совершила поездку в Санкт-Петербург в сопровождении матери. Знакомство с окружением брата, в которое входил Н.Г. Чернышевский, и деятельность П.И. Бокова вызвали у Марии Александровны решимость заняться врачебным делом. Смерть сестры весной 1861 г. усилила желание Марии Александровны стать врачом.

20 августа (1 сентября) 1861 г. в маленькой церкви Погоста Кокоши под Ржевом состоялась свадьба Марии Александровны Обручевой и Петра Ивановича Бокова. Осенью 1861 г. она поступила в Петербургскую Медико-хирургическую академию в качестве вольнослушательницы и проучилась в ней до 1864 г.

Вместе с подругой Н.П. Сусловой, ставшей впоследствии первой русской женщиной-врачом, она посещала физиологическую лабораторию, организованную И.М. Сеченовым (1829–1905) при кафедре физиологии, а также анатомический театр профессора В.Л. Губера. На одном из занятий В.Л. Губера она познакомилась с И.М. Сеченовым.

В рамках своего курса по физиологии И.М. Сеченов предложил ей тему по офтальмологии – проверить при помощи очков с красными стеклами правильность трехкомпонентной теории цветоощущения Г. фон Гельмгольца. В работе «Способ искусственного воспроизведения цветовой слепоты (дальтонизма)» Мария Александровна установила, что причина последней – в потере чувствительности определенных видов нервных рецепторов. Ее опыты вызвали одобрение Гельмгольца, а исследование М.А. Боковой было переведено на немецкий язык.

В 1862 г. брат Марии Александровны, В.А. Обручев, был арестован за распространение революционных прокламаций, осужден и сослан на каторгу в Сибирь. П.И. Боков оказался под подозрением у властей за соучастие и тоже был арестован. Помощь в его освобождении из-под ареста оказали Н.Н. Обручев и И.М. Сеченов. П.И. Боков продолжил заниматься врачебной практикой. Мария Александровна снова посещала физиологическую лабораторию И.М. Сеченова, занималась переводами научных трудов по медицине[7].

В 1863 г. она сдала экзамен во Второй Санкт-Петербургской мужской гимназии, получила гимназическое свидетельство. Однако новый университетский устав 1863 г. и распоряжения Министерства Народного Просвещения 1864 г. лишили жен-

щин права слушания лекций и посещения занятий даже в качестве вольнослушательниц. Несмотря на ходатайство профессора И.М. Сеченова, Мария Александровна не смогла продолжить обучение. По предложению физиолога Карла Людвига, друга И.М. Сеченова, Мария Александровна стала готовиться к обучению за границей.

В 1865 г. с разрешения мужа Мария Александровна в сопровождении И.М. Сеченова отправилась в Европу для подготовки к поступлению на медицинский факультет Цюрихского университета, последовав примеру Н.П. Сусловой[8].

И.М. Сеченов взял отпуск для командировки в Европу. Вместе с Марией Александровной он переводил учебники физиологов Л. Германа и В. Кюне, сочинение Ч. Дарвина «Происхождение человека и половой отбор», а также изучал вопросы нервной физиологии[9].

В декабре 1866 г. скончался отец Марии Александровны, она вернулась в свое имение, забрала мать и поехала к мужу в Санкт-Петербург.

Оставив Эмилию Францевну на попечение П.И. Бокова, Мария Александровна в 1868 г. поехала в Германию, к И.М. Сеченову и Н.П. Сусловой, завершавшей работу над диссертацией.

В марте 1868 г. Мария Александровна приехала в Цюрих, в апреле была принята на медицинский факультет Цюрихского университета, получила свидетельство об обучении.

В 1870 г. Мария Александровна находилась с группой медиков под руководством профессора Роде в госпитале г. Вердена, оккупированного прусскими войсками. В качестве сестры милосердия она помогала раненым французской армии.

Весной 1871 г. М.А. Бокова защитила докторскую диссертацию «К учению о кератите» (помутнение роговицы глаза) и получила диплом доктора медицины, хирургии и акушерства[10]. Узнав о разрешении императора Александра II на открытие Высших женских курсов, среди основателей которых был И.М. Сеченов, она решила

поехать в Россию и сдать экзамен на право медицинской практики на родине.

В конце 1871 г. она получила свидетельство, выданное директором медицинского департамента МВД Е.В. Пеликаном, которое подтверждало ее право на самостоятельную врачебно-акушерскую практику в России.

В 1872 г. Мария Александровна поехала в Европу с целью повышения своей квалификации. В Утрехте она вместе И.М. Сеченовым посетила знаменитого голландского офтальмолога Споллена. В 1873 г. Мария Александровна находилась с И.М. Сеченовым в Одессе, где он возглавлял кафедру физиологии Новороссийского университета, а она в это время занималась частной практикой. В 1874–1875 гг. они путешествовали по Крыму и с этого времени решили находиться вместе. В 1876 г. он стал профессором отделения анатомии, гистологии и физиологии кафедры зоологии физико-математического факультета Петербургского университета. Поселились они в доме на Васильевском острове.

В декабре 1887 г. тверское епархиальное начальство разрешило расторгнуть брак между Марией Александровной и Петром Ивановичем Боковыми по взаимному согласию. 8 (20) февраля 1888 г. состоялось венчание Марии Александровны и И.М. Сеченова в Благовещенской церкви на Васильевском острове. В 1888 г. Сеченовы переехали в Москву. Иван Михайлович преподавал на медицинском факультете Московского университета, Мария Александровна лечила крестьян в своем имении[11].

После кончины И.М. Сеченова в ноябре 1905 г. Мария Александровна занималась разбором архива мужа, способствовала увековечиванию его памяти. В августе 1908 г. она поручила А.Г. Шумилову, представителю фирмы «Георгий Лист», сделать фамильный склеп на Ваганьковском кладбище[12].

В последние годы жизни Мария Александровна провела в доме для престарелых. Согласно одному из постановлений

СНК РСФСР, она получала пенсию до 1928 г.[13]. Помимо пенсии М.А. Сеченова-Бокова с 1919 г. по 1925 г. получала выплаты от выигрышных билетов займа 1864 г., откладывая их на случай собственной кончины[14]. При этом часть денежных средств она перечисляла в Центральную комиссию по улучшению быта ученых при СНК РСФСР[15].

М.А. Сеченова-Бокова скончалась в 1929 г. и была похоронена рядом с И.М. Сеченовым, фамильное захоронение которого в советское время было перенесено на Новодевичье кладбище. В историографии она осталась как «великая жена великого мужа»[16].

Соотечественница Марии Александровны, женщина-ученый, академик в области медицинских наук, крупнейший отечественный физиолог и биохимик – Лина Соломоновна Штерн (1878–1968) – всю свою жизнь посвятила науке[17] (Ил. 2). Она родилась 14 (26) августа 1878 г. в г. Либава Курляндской губернии в семье Соломона и Елены Штерн[18]. Отец занимался экспортом хлеба в Европу. В семье было 7 детей, Лина – первенец.

В 1888 г. Лина Штерн поступила в Либавскую женскую городскую гимназию, которую блестяще закончила в 1895 г. Однако она не смогла поступить на медицинский факультет Императорского Московского университета.

В 1898 г. Л. Штерн была принята на медицинский факультет Женевского университета. Обучение в университете велось на французском языке, но для Л. Штерн это не представляло трудностей, поскольку она знала французский, немецкий, английский и итальянский языки. В Женеве девушка периодически общалась с семейством профессора А.Н. Баха, известного биохимика и физиолога.

В доме А.Н. Баха она впервые услышала про вещество, ускоряющее скорость химических реакций («каталаза», фермент). Позже ее внимание привлекли лекции профессора Ж.Л. Прево по физиологии. Она решила заниматься на его кафедре.

В 1901 г. Л. Штерн попросила у Ж.Л. Прево разрешения обучаться в его лаборатории при кафедре физиологии, стала изучать деятельность почек и мочеточников. В 1902 г. на съезде швейцарских естествоиспытателей она выступила с докладом «О предполагаемой внутренней секреции почек».

В 1903 г. Лина Соломоновна защитила диссертацию по физиологии мочеточника («Contribution à l'étude physiologique des contractions de l'uretère»), получила диплом врача, подтвердила его на медицинском факультете Московского университета. В 1904 г. она вернулась в Женеву для продолжения работы в лаборатории Прево.

Через два года Л. Штерн опубликовала свою первую работу по тканевому дыханию, получила звание приват-доцента и стала читать курс по физиологической химии на французском языке в Женевском университете. До 1924 г. Л. Штерн изучала биохимические основы важнейших жизненных процессов, выступая в роли одновременно физиолога и биохимика.

С 1910 г. Л. Штерн начала разрабатывать проблему метаболитов на примере действия адреналина на надпочечники животных. В 1913 г. в голландском г. Гронингене на IX Международном конгрессе физиологов она сделала доклад «Значение оксидов в механизме тканевого дыхания», выдвинув теорию биологического окисления. В 1916 г. Л. Штерн занялась проблемой гематоэнцефалических барьеров, а в 1917 г.– проблемой дыхания.

По инициативе Прево Лина Соломоновна была избрана профессором Женевского университета и возглавила кафедру физиологической химии, став первой женщиной-профессором этого учебного заведения; начала сотрудничать с биохимиками Б.И. Збарским и С.Д. Балаховским.

В лаборатории при своей кафедре Л. Штерн проводила опыты по введению стрельного яда (кураре) в определенные участки мозга, подтвердив гипотезу П. Эрлиха и Е. Гольдмана о наличии барьеров в организме. 21 апреля 1921 г. она сделала доклад

в Женевском медицинском обществе на тему «Спинномозговая жидкость и ее взаимоотношения с кровью и нервными элементами мозгового ствола» и ввела термин «гематоэнцефалические барьеры». Это барьеры в мозге, отделяющие кровь от цереброспинальной жидкости. Позже она ввела термин «гистогематические барьеры» и установила, что они регулируют переход питательных веществ из крови в тканевую жидкость. Учение о гематоэнцефалическом барьере позволило понять причину неэффективности борьбы со смертельными болезнями: столбняком, энцефалитом, туберкулезным менингитом, сифилисом мозга.

Л. Штерн занималась проблемой старения. Она изучала вопросы, связанные с обменом веществ, нервной системой. Ее волновали особенности сердечной мышцы, проблемы питания и сна, а также влияние травм и шоковых состояний на организм. Основные труды Л.С. Штерн по гематоэнцефалическим барьерам начали выходить в России с 1930-х гг.[19].

В 1925 г. Лина Соломоновна получила приглашение от наркома здравоохранения Н.А. Семашко и переехала в СССР, стала преподавать курс по физиологии для студентов на кафедре физиологии во 2-м МГУ. Она проводила занятия по физиологии и биохимии вплоть до 1948 г.

С 1926 г. по 1928 г. Лина Соломоновна заведовала Отделом биохимии в Институте инфекционных болезней им. И.И. Мечникова. В 1929 г. она организовала Отдел возрастной физиологии в Институте охраны материнства и младенчества и Отдел общей физиологии при Государственном Институте экспериментальной медицины.

Л.С. Штерн предложила создать НИИ физиологии при Наркомпросе и Наркомздраве (с 1939 г. – при АН СССР) и возглавляла его до 1948 г. В это время она продолжала заниматься проблемами плацентарного барьера, координации функций в организме, физиологии утомления, лечения болезней пораженного мозга, вегетативной нервной системы, шоковых состояний[20].

В 1932 г. Л. Штерн была выбрана членом Всегерманской леопольдино-каролинской академии естествоиспытателей, принимала участие в XIV Международном съезде физиологов в Риме.

За 30-летнюю научную и педагогическую деятельность в 1934 г. Л.С. Штерн получила звание «Заслуженный деятель науки РСФСР»[21]. В 1935 г. Лине Соломоновне была присвоена ученая степень доктора биологических наук по специализации «Физиология животных» без защиты диссертации. Она основала журнал «Бюллетень экспериментальной биологии и медицины» и редактировала его до 1949 г. В 1939 г. Л.С. Штерн была избрана действительным членом АН СССР и выступила с докладом на конференции в Кремле[22].

Во время Великой Отечественной войны Лина Соломоновна разрабатывала тему шокового состояния, вопросы химической регуляции функций организма и проблему взаимоотношения центральных и периферических отделов нервной системы. В ноябре 1943 г. Лина Соломоновна стала лауреатом Сталинской премии[23]. В 1944 г. ей было присвоено звание академика АМН СССР. Она была награждена орденом Трудового Красного Знамени[24]. В 1945 г. Лине Соломоновне вручили орден Красной Звезды и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Но в январе 1949 г. Лина Соломоновна подверглась репрессиям. Она была арестована органами МГБ за сотрудничество с рядом иностранных ученых; в вину ей вменялись «широкие связи с сотрудниками английского, австралийского, датского, бельгийского и румынского посольств» и членство в Еврейском антифашистском комитете. Она находилась в тюрьме до июля 1952 г., была приговорена к высшей мере наказания, однако расстрел был заменен на пятилетнюю ссылку в г. Джамбул Казахской АССР.

Весной 1953 г. Л.С. Штерн вернулась из ссылки по амнистии и была восстановлена в числе действительных членов АН СССР. В 1955 г. она была восстановлена в КПСС. В ноябре 1958 г. ее реабилитировали[25].

В 1954–1968 гг. Л.С. Штерн заведовала лабораторией физиологии в Институте биофизики АН СССР и занималась проблемами старения и рака.

В 1960 г. Л.С. Штерн было присвоено звание почетного доктора наук Женевским университетом[26].

Лина Соломоновна скончалась 7 марта 1968 г. в Москве, была похоронена на Новодевичьем кладбище.

Л.С. Штерн – автор более 400 научных работ по физиологии и биохимии на русском и иностранных языках. Она была членом ряда организаций: Московского общества физиологов, биохимиков и фармакологов, Швейцарского общества естествоиспытателей, Женевского Общества физиков и естествоиспытателей, Женевского Медицинского общества, Женевского национального института, Французского биохимического общества, Американского Общества психологии и философии. Ее путь в науке – пример женщины-ученого с мировым именем, всесторонне одаренного человека.

Важным для развития науки является сохранение преемственности в школе ученых. Примером служения этой цели был путь, проделанный в науке Евгенией Николаевной Ивановой (1889–1973). Она являлась виднейшим представителем докучаевской школы почвоведов[27] (Ил. 3).

Евгения Николаевна родилась 12 (24) декабря 1889 г. в семье губернского секретаря Н.С. Тылкина и А.М. Ивановой. В семье было 6 детей.

В 1896 г. девочку отдали в Александровскую женскую гимназию в Санкт-Петербурге, которую она закончила с золотой медалью в 1908 г.

В 1912 г. Евгения Николаевна поступила на физико-математическое отделение Императорского женского педагогического института[28]. На следующий год она сдала государственный экзамен и получила диплом первой степени со званием кандидата естественных наук. В 1913–1921 гг. Е.Н. Иванова преподавала

естествознание и географию в средних школах Санкт-Петербурга (Петрограда, Ленинграда).

В 1916 г. она поступила на Высшие географические курсы при Докучаевском почвенном комитете Департамента земледелия. После революции она занималась исследованием почв. В 1922 г. Евгения Николаевна закончила созданный на основе курсов Географический институт по специальности почвовед[29]. В Географическом институте Е.Н. Иванова преподавала почвоведение до 1936 г.

В 1916–1919 гг., в период обучения Е.Н. Ивановой в Географическом институте, состоялась ее первая Почвенная экспедиция в степи Оренбуржья качестве почвоведа-экскурсанта. В 1919 г. она принимала участие в экспедициях в районе Нарвы и в Карелии. В 1920 г. она стала младшим научным сотрудником Почвенного института, в котором поработала до 1970 г., разрабатывая научные основы повышения плодородия почв[30].

С 1923 г. Е.Н. Иванова занималась уточнением картографического материала Тобольского и Иртышского водораздела, выполняла государственные проекты, связанные с освоением почв в сложных районах страны. Она участвовала в экспедициях на Тобол, Ишим и Иртыш (1923), в Ленинградскую область (1924–1925; д. Колтуши, Охта), в Моздокскую и Малокабардинскую степи (1924–1925), в Киргизию (1926–1927; степь Усть-Урт), в Казахстан (1926–1927), в Узбекистан (1925, 1928; Каракалпакия), в Оренбург (1928, 1929). В 1930 г. Евгения Николаевна принимала участие в Кулундинской соляной экспедиции на Алтае. В 1930-е гг. она изучала особо значимые для страны проблемы (сельскохозяйственного освоения степных и полупустынных территорий), выдвинула гипотезу «континентального соленакопления»[31].

В 1936 г. за работы по подзолистым почвам Евгения Николаевна получила степень кандидата сельскохозяйственных наук без защиты диссертации[32]. В 1939 г. Е.Н. Иванова защитила диссертацию на тему «Генезис и эволюция засоленных почв в связи

с географическими условиями», в 1940 г. стала доктором сельскохозяйственных наук, а в 1949 г. ей было присвоено ученое звание профессора[33].

Евгения Николаевна была консультантом Кольского (1934–1943) и Коми (1943–1954) филиалов АН СССР, принимала участие в Казахстанской и Туркменской экспедициях СОПС (1935–1939), а также в Уральской (1939–1945), Печорской (1942–1943), Восточно-Сибирской и Дальневосточной (1949–1950) экспедициях АН СССР. По результатам экспедиций она составляла подробные отчеты, послужившие основой для научных работ, учебников, общесоюзных геологических карт[34]. В 1945 г. Е.Н. Иванова была награждена орденом Красной Звезды, в 1946 г. – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1951–1952 гг. она принимала участие в Прикаспийской экспедиции, являлась одним из авторов-составителей «Почвенной карты Прикаспийской низменности»[35]. В 1953 г. за выслугу лет и безупречную работу в области науки Е.Н. Иванова была награждена Орденом Ленина.

В 1957–1960 гг. Евгения Николаевна была командирована в Польшу для участия в совместном проекте по составлению почвенных карт. В 1961 г. Е.Н. Ивановой была присуждена премия имени В.В. Докучаева за серию работ по систематике и классификации почв[36].

В 1963 г. она принимала участие в составлении геоботанической карты Мурманской области для Полярно-Альпийского Ботанического сада Кольского филиала АН СССР, а в 1972 г. – в составлении «Словаря почвенных терминов»[37].

В 1969 г. Е.Н. Ивановой было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР». В 1970 г. она была награждена орденом «Трудового Красного Знамени»[38].

Евгения Николаевна – автор более 200 научных работ в области отечественного почвоведения. Она скончалась 27 января 1973 г. в Москве.

Каждая из этих женщин-ученых внесла свой вклад в развитие отечественной и мировой науки, способствовала развитию новых направлений, старалась заинтересовать молодых ученых в нелегком и увлекательном деле познания окружающего мира.

Примечания

[1] АРАН. Ф. 605. Оп. 3. Д. 1–56. 1841–1927 гг. Архивные материалы были переданы на государственное хранение в 1952 г. членом-корреспондентом АН СССР О.П. Молчановой по ходатайству президента АН СССР академика А.Н. Несмеянова. К Молчановой дела поступили от ее учителя, физиолога М.Н. Шатерникова. Ему они были переданы в 1929 г. М.А. Боковой-Сеченовой.

[2] АРАН. Ф. 605. Оп. 3. Д. 1. Л. 1, 2. Метрическое свидетельство (копия) М.А. Боковой-Сеченовой, копия заявления А.А. Обручева в Волынскую духовную консисторию о выдаче метрических свидетельств его детей; Там же. Д. 12. Л. 19 об., 20 об. Воспоминания Эмилии Францевны Обручевой, матери М.А. Боковой-Сеченовой. 1862, 1867 гг.

[3] Там же. Л. 19 об.

[4] *Страхов М.А.* Упрямая госпожа. Жизнь и научная деятельность одной из первых русских женщин-врачей М.А. Сеченовой-Боковой. Тверь, 2003.

[5] *Белоболина Т.* Обручевы // Ржевские новости. 1997. 10 окт., 17 окт.

[6] Старшие братья Марии Александровны: 1) Афанасий Александрович (1835–1881) – полковник, отец академика АН СССР В.А. Обручева, 2) Владимир Александрович (1836–1912) – генерал-майор Морского ведомства.

[7] *Розова К.А.* М.А. Бокова-Сеченова, первая русская женщина врач-окулист // Фельдшер и акушерка. 1947. № 12. С. 35–39.

[8] *Магильницкий С.Г.* Мария Александровна Бокова-Сеченова // Вестник офтальмологии. 1969. № 3. С. 83–86.

[9] *Дарвин Ч.Р.* Иллюстрированное собрание сочинений / Под ред. *К.А. Тимирязева,* пер. с англ. И.М. Сеченова: в 8 томах. СПб., 1908. Т. 5.

[10] *Bokova M.[A].* Zur Lehre von der Hypopyon-Keratitis. Thesis. (Dr. med.). Universität Zürich, 1871.

[11] В 1896 г. Мария Александровна была избрана попечителем деревенской Кокошинской образовательной школы.

[12] АРАН. Ф. 605. Оп. 3. Д. 9. Л. 1–7. Распоряжения М.А. Сеченовой-Боковой. 5.11.1905 г. – 31.05.1915 г. Фирма по ее заказу изготовила надгробный памятник из черного шведского первосортного гранита на прочном фундаменте с железными рельсами, а также запасной склеп из кирпича на цементе с железной ажурной решеткой в готическом стиле.

[13] АРАН. Ф. 605. Оп. 3. Д. 6. Л. 1–2. Книжка персонального пенсионера М.А. Сеченовой-Боковой. 1927–[1928] гг.; Там же. Д. 7. Л. 1: Доверенность на имя С.П. Доброзраковой на получение персональной пенсии. 1926 г.

[14] АРАН. Ф. 605. Оп. 3. Д. 10. Л. 1. 1918 г. Выигрышные внутренние билеты № 23 займа 1864 г. в Московском купеческом банке.

[15]Там же. Д. 8. Л. 1–22. [1927–1929 гг.]. Сберегательная книжка [21-й Гострудсберкассы г. Москвы] и квитанции М.А. Сеченовой-Боковой.

[16] *Розова К.А.* М.А. Бокова-Сеченова, первая русская женщина врач-окулист // Фельдшер и акушерка. 1947. № 12. С. 39.

[17] АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 281. Л. 1–184. Личное дело академика Л.С. Штерн. Личный фонд – Ф. 1565. Оп. 1–3. Д. 1–1640.

[18] 220 лет Академии Наук СССР (1725–1945). Справочная книга. М. – Л., 1945. С. 78–79, 179–181; Рапопорт С.Я., Зубкова и др. Лина Соломоновна Штерн. Персоналия: Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия биологических наук. Физиология. Вып. 8. М., 1960.

[19] Гематоэнцефалический барьер: Сб. работ Л.С. Штерн и сотрудников НИИ физиологии Наркомпроса / Отв. ред. *Л.С. Штерн*. М. – Л., 1935; Регуляторы непосредственной среды органов: Сб. ст. / Отв. ред. *Л.С. Штерн*. М.; Л., 1938; *Штерн Л.С.* Защитные барьеры человеческого организма. М., 1947; *Она же*. Непосредственная питательная среда органов и тканей: Избр. труды. М., 1960.

[20] *Штерн Л.С.* Основные причины преждевременного старения и смерти и возможность борьбы с ними (лекция). М., 1941.

[21] АРАН. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 2. Л. 1. Выписка из протокола заседания Президиума ВЦИК от 20.05.1934 г. о присвоении звания заслуженного деятеля науки Л.С. Штерн.

[22] *Александров А.* Наши академики: К выборам в Академию наук СССР представителей медицины // Советская медицина. 1939. № 9. С. 45–46.

[23] АРАН. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 10. Л. 1. Диплом лауреата Государственной премии СССР за 1943 г.

[24] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 марта 1944 г. // Правда. 1944. 31 марта. № 78.

[25] АРАН. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 9. Л. 1–2. Письма Президиума АН СССР в Совнарком Казахской ССР о необходимости возвращения Л.С. Штерн в Москву. 25.08.1943 г. и б/д; Там же. Д. 14. Л. 1–52. Письма Л.С. Штерн в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС и др. 19.04.1954 г. – 21.06.1956 г.

[26]АРАН. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 16. Л. 1–23. Диплом Женевского университета о присвоении степени доктора «Honoris causa» Л.С. Штерн, извещения и письма ректора и членов секретариата Университета о награждении дипломом. 15.12.1959 г. – 4.08.1960 г.

[27] АРАН. Ф. 411. Оп. 51. Д. 317. Л. 1–82. Личное дело сотрудника АН СССР Е.Н. Ивановой. Личный фонд – Ф. 1672. Оп. 1. Д. 1–151. 1903–1973 гг.; Д. 67 Л. 32. Анкета Е.Н. Ивановой.

[28] Там же. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 56. Л. 5–6. Диплом об окончании физико-математического отделения Императорского женского педагогического института Е.Н. Ивановой.

[29] Высшие географические курсы при Докучаевском почвенном комитете были преобразованы 1 сентября 1918 г. в Географический институт, который стал первым высшим географическим учебным заведением в России. В 1925 г. Географический институт вошел в состав Ленинградского университета в качестве Географического факультета.

[30] Почвенный институт КЕПС (с 1927 г. – Почвенный институт им. В.В. Докучаева).

[31] АРАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–130. Классификация почв. Статья, изданная совместно с И.П. Герасимовым и опубликованная в седьмом номере журнала «Почвоведение» за 1939 г.; *Иванова Е.Н., Полынцева О.А.* К вопросу о генезисе подзолов с гумусовым иллювиальным горизонтом на продуктах выветривания нефелиновых сиенитов Хибинского масси-

ва // Проблемы советского почвоведения. Сб. 1. М. – Л., 1936. С. 7–34; *Иванова Е.Н.* Генезис и эволюция засоленных почв в связи с географическими условиями // Почвы СССР. Европейская часть: в 3 томах / Под ред. акад. *Л.И. Прасолова.* М. – Л., 1939. Т. 1. Почвы лесостепных и степных областей.

[32] Там же. Д. 1. Л. 1–23. Автореферат к присуждению ученой степени канд. с.-х. наук по совокупности работ. 1935–1936 гг.

[33]АРАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–7. Диплом доктора наук, аттестат профессора. 14.10.1948 г. – 19.07.1949 г.

[34] Там же. Д. 25. Л. 1–64. Государственная почвенная карта (очерк). 1969 г.

[35] Государственная почвенная карта СССР, масштаб 1:1000000 / Сост. сотр. Почв. ин-та им. В.В. Докучаева; под. ред. *Н.Л. Благовидовой, Е.Н. Ивановой.* М., 1951.

[36] АРАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 60. Л. 8. Свидетельство Президиума АН СССР о присуждении Е.Н. Ивановой премии им. В.В. Докучаева в размере 2 000 руб. за подписью президента АН СССР акад. М.В. Келдыша. 28.04.1961 г.

[37] Там же. Д. 86. Л. 1–6. Письмо Всесоюзного общества почвоведов о составлении Словаря почвенных терминов и об участии в заседании актива комиссии ВОП. 6.10.1972 г.

[38] Там же. Д. 63. Л. 1–17. Орденские книжки, удостоверения к медалям и значкам. 1.07.1945 г. – 17.04.1970 г.

Ил.1. М.А. Бокова-Сеченова. [1923 г.]
АРАН. Ф. 603. Оп. 1. Д. 81. Л. 1.

Ил. 2. Л.С. Штерн. Б. д. АРАН. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 144. Л. 14.

Ил. 3. Е.Н. Иванова. Альбом фотографий. [1957–1958 гг.].
АРАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 131. Л. 10 об.

Л.Д. Виноградова

Предыстория первой научной зарубежной командировки А.П. Виноградова[1]

L.D. Vinogradova

Prehistory of A.P. Vinogradov's first business trip abroad

Аннотация: в настоящей статье на основе архивных данных рассказывается о зарубежных командировках академика А.П. Виноградова, их результатах и организации.

Ключевые слова: академик А.П. Виноградов, командировки, геохимия, Биогеохимическая лаборатория АН СССР, дневники академика А.П. Виноградова.

Abstract: in this article, which based on the archival documents, author describes the foreign missions of Academician A.P. Vinogradov, their results and organization.

Keywords: A.P. Vinogradov, academician, missions, geochemistry, Biogeochemical laboratory of the Academy of Sciences of the USSR, notes of the academician.

В 1936 г. состоялась первая научная зарубежная командировка академика А.П. Виноградова (в то время он был доктором химических наук, заместителем В.И. Вернадского в Биогеохимической лаборатории АН СССР) с целью ознакомления с постановкой океанографических исследований во Франции, Англии, Дании с заездом в Прагу в лабораторию профессора Я. Гейровского[2] – изобретателя полярографии, чтобы изучить этот весьма точный метод исследований и затем внедрить его в практику лаборатории. В течение двухмесячного пребывания за границей Александр Павлович вел дневники, записывая практически все, например,

свои первые впечатления от мелькавших за окнами вагонов лесов и перелесков, небольших городков и селений; состояние вокзалов, устройство пассажирских вагонов, работу наземного транспорта, модели автомобилей; устройство, работу и стоимость проезда в подземках; с особым интересом он воспринимал достопримечательности и памятники архитектуры; его внимание привлекали толпы на улицах – он описывал, как выглядят люди, во что одеты и что модно; рассматривал лица мужчин и женщин, обращая внимание на их характерные черты. Бывая в ресторанах и кафе, наблюдал за тем, как люди проводят свой досуг. Особое место в дневниках занимают подробные записи о посещениях научных учреждений и их структуре, о встречах с научными сотрудниками и их исследованиях, об устройстве лабораторий и оснащенности приборами, аппаратурой, реактивами; о системе и правилах содержания литературы в библиотеках, в которых работал ученый. Есть в дневниках и записи о безрезультатном посещении книжных магазинов с целью поиска научной литературы по своей специальности и о поиске старых научных изданий среди вещей, которыми торговали антиквары на набережных Сены. Интересны впечатления о посещении музеев и картинных галерей. И тут надо особо подчеркнуть, что дневники вообще нельзя читать так же быстро, как путевые заметки, потому что они содержат личную оценку не только устройства и деятельности научных и других учреждений, но и осмысление творчества больших мастеров, описание шедевров, представленных в музеях, в картинных галереях и на выставках, и эти оценки требуют вдумчивого изучения. Александр Павлович выступает как тонкий ценитель живописи. В молодости он сам неплохо рисовал. В Мемориальном кабинете-музее академика А.П. Виноградова (ГЕОХИ РАН) находится его работа, написанная маслом, на которой изображена его младшая сестра Ольга, сидящая на диване с книгой в руках. Но найдя свое истинное призвание, Александр Павлович забросил занятия живописью, полностью посвятив себя геохимии.

Есть в дневниках и упоминания о крупных международных событиях 1936 г. Это Летние олимпийские игры, которые проходили в Берлине с 1 по 16 сентября, Международная товарищеская встреча по футболу между командами «Динамо» (Москва) и Сборной ветеранов профессиональных клубов Праги (Чехословакия), состоявшаяся 18 сентября на стадионе имени Масарика. Здесь же сведения и о подготовке к проведению в Париже Всемирной выставки 1937 г., проходившей с 25 мая по 25 ноября под девизом «Искусство и техника в современной жизни». Напомним, что советский павильон завоевал первый приз выставки, а символом павильона стала 24-метровая скульптурная группа «Рабочий и колхозница» из нержавеющей стали, отлитая по проекту скульптора В.И. Мухиной. В павильоне экспонировалась карта индустриализации СССР, богато оформленная с использованием драгоценных и полудрагоценных камней, а рубиновую звезду Москвы на карте украшали серп и молот из бриллиантов.

Такое разностороннее освещение в дневниках европейской действительности – пример интереснейшей ретроспективы предвоенной Европы второй половины 1930-х гг. Подчеркнем также большое значение дневников А.П. Виноградова для истории науки: записи Александра Павловича свидетельствуют о том, что в это время исследования в области биогеохимии в научных учреждениях Запада находились в зачаточном состоянии либо вообще не велись. Становится понятен столь высокий интерес зарубежных ученых к работам Биогеохимической лаборатории. Надо отдать должное научному гению В.И. Вернадского, интенсивной и упорной деятельности А.П. Виноградова, который к концу 30-х гг. прошлого столетия уже заявил о себе как о выдающемся ученом и блестящем организаторе науки, и высокой работоспособности всего коллектива Биогеохимической лаборатории АН СССР. Благодаря этим факторам биогеохимия как наука в Советском Союзе развивалась «семимильными шагами».

Дневники открывают нам неизвестные ранее страницы из биографии В.И. Вернадского. Речь идет о встрече и постоянном общении ученых в Лондоне, где их маршруты пересеклись. Александр Павлович уже находился в Лондоне, когда туда приехал Владимир Иванович. Вместе они ездили в Музей естествознания, в минералогический и геологический отделы, получали рекомендации в Британский музей для В.И. Вернадского, вместе совершали пешие прогулки по Лондону, встречались с Борисом Петровичем Уваровым[3]. Вместе обедали и, как прежде, обсуждали научные проблемы. Вот, к примеру, запись в дневниках от 25 сентября: «Вечером у Владимира Ивановича в Ronsley hotel. Делимся впечатлениями о поездках и составляем план работы на ближайшее время. Он весь охвачен вопросами логики. Логики и естествознания. Я говорю ему, что точки не существует. Эволюция, скачки, мозг. Мысль. А что дальше? Скачок? Когда, где? Куда развиваться мозгу? Мозжечок? Что такое мысль? Рассказал ему свои представления. Интересны пути образования мысли. Ее субстрата. Какая роль атома? Как это представить? Общее явление распада атома. Явление рассеяния элементов. Exchange изотопов. Приложимы ли законы термодинамики[4] к биосфере? Ушел поздно».

Надо заметить, что этой командировки для Александра Павловича Владимир Иванович добивался многие годы, считая, что А.П. Виноградов должен познакомиться с уровнем развития и постановкой океанографических исследований на Западе, так как в 20–30-е гг. прошлого столетия основной темой Биогеохимической лаборатории было изучение химического элементного состава морских организмов, разработку которого В.И. Вернадский поручил А.П. Виноградову. С 1926 г. Александр Павлович возглавил систематические исследования по биогеохимии северных морей. Каждое лето с 1926 по 1930 гг. он ездил в экспедиции на Мурманскую биологическую станцию (МБС), что находилась в Екатерининской гавани Кольского залива, лично отрабатывал методики по забору живого вещества в море, способам его хранения, опреде-

лению веса (массы) морских организмов, учету количества живого вещества в море, пробам морской воды и пр., участвовал в плавании экспедиционного судна «Персей» по Белому морю. По возвращении в Ленинград организовывал в лаборатории аналитическую работу и проводил исследования по определению химического состава морских организмов и других природных объектов. О своей работе на МБС Александр Павлович писал: «С 1926 по 1930 г. я имел возможность проводить научно-исследовательские работы на Мурманской биостанции, участвовать в плавании экспедиционного судна “Персей”. Это дало мне возможность экспериментально поставить изучение сравнительного химического элементарного состава организмов, что явилось первым шагом в разрешении вопроса о постоянстве и эволюции вида»[5]. В.И. Вернадский придавал большое значение проблеме химического элементного состава морских организмов. С 1929 г. он ежегодно обращался к директору Государственного океанографического института (ГОИН) И.И. Месяцеву[6] по поводу заграничной командировки для своего сотрудника. Обращался В.И. Вернадский и в Президиум АН СССР: «Происходящая сейчас организация научной работы – создание новых институтов – требует познавательного ознакомления с западноевропейской методикой работы. Особенно это важно для молодых специалистов, никогда не выезжавших за пределы Союза, каким является А.П. Виноградов. А.П. Виноградов должен в 4 месяца посетить, если возможно, научные станции в Кале, Бергене, Плимуте Ливерпуле, Эдинбурге, Роскове. Одновременно ознакомится с методикой работы в Institut Pastera, в Биогеохимической лаборатории проф. Бертрана и в Геттингене, в новом минералогическом (и геохимич[еском]) институте проф. В. Гольдшмидта. Он должен собрать материал в связи со своей работой по распространению Zn, Mn и т.д. в морских организмах»[7]. Но шли годы, а вопрос о командировке А.П. Виноградова никак не решался. Летом 1933 г. Биогеохимическая лаборатория, как и вся гидробиологическая наука в СССР, вовсе лишилась морской науч-

ной базы в связи с ликвидацией по постановлению руководства страны Мурманской биостанции, так как на ее месте было решено построить военный порт стратегического назначения. Все сотрудники Мурманской биостанции были арестованы Экономическим отделом полномочного представителя ОГПУ в Ленинградском военном округе, ценнейшие коллекции уничтожены[8]. ГОИН был реорганизован во Всесоюзный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО) и передан в систему Наркомпищепрома. Урон, нанесенный ликвидацией Мурманской биостанции, был огромен, так как на долгие годы прервалось развитие фундаментальной гидробиологии северных морей. В начале октября 1933 г. Вернадский писал Виноградову из Праги: «Я не знаю, что будет с Океаногр[афическим] институтом? Если они захотят превратить его в рыбный – как может сохраниться наша тематика? Нам надо иметь свои станции. Морскую и сухопутную»[9]. После переезда Биогеохимической лаборатории АН СССР из Ленинграда в Москву[10] Владимир Иванович с большей настойчивостью начал хлопотать в Президиуме академии о зарубежной командировке А.П. Виноградова на два месяца: «А.П. Виноградов уже теперь несет на себе всю тяжесть работы над организацией Лаборатории и будет вести ее постройку. В сущности, он сейчас ведет под моим руководством эту Лабораторию и, очевидно, должен явиться моим заместителем. По моему возрасту и моему намерению посвятить остаток жизни над работой по подведению итогов моей научной мысли и работы, я в ближайшем году отойду от ведения институтов – и Биогеохимической лаборатории АН, и Госуд[арственного] Рад[иевого] института. Необходимо, чтобы в Лаб[oратории] во главе был человек, лично знакомый с постановкой научной работы на Западе и вообще за пределами нашей страны. Он должен посетить лаборатории – в эту первую командировку – Англии, Франции, Чехословакии и, если нельзя, или по условиям жизни Германии неудобно его посещение этой страны – то [в] Италии или скандинавских странах. Он должен

познакомиться с заграничными институтами, лабораториями и биологическими станциями и войти в личный контакт с научными работниками в этой новой области знаний. Он должен учесть все это при постройке (надеюсь, в 1936 г.) Лаборатории в Москве»[11].

4 июня 1936 г. Владимир Иванович в письменной форме обращается к председателю Совмина В.М. Молотову. Вот строки его письма, касающиеся командировки А.П. Виноградова: «<…> Одновременно[12] Академия ходатайствует о заграничной командировке ученика моего, моего заместителя по Биогеохимической лаборатории доктора А.П. Виноградова, молодого талантливого ученого. Это сложившийся ученый – я убежден, что он будет очень крупным научным деятелем страны. Он никогда не был за границей. Командируется он на два месяца. В моей Лаборатории никто не был за границей, и это вредно отражается на ее работе. Я хотел бы, чтобы мы выехали вместе – я бы ему помог при начале. Очень прошу Вас помочь мне и в этом деле <…>»[13]. Командировка А.П. Виноградова была поддержана Президиумом АН СССР. Ходатайствовал академик Г.М. Кржижановский. Текст письма В.М. Молотову от 8 июня 1936 г. приводится без купюр:

«Дорогой Вячеслав Михайлович! По поводу письма академика В.И. ВЕРНАДСКОГО относительно его заграничной командировки и поездки его заместителя по Биогеохимической лаборатории доктора А.П. ВИНОГРАДОВА считаю необходимым сообщить следующее.

1. Работы биогеохимической лаборатории при личном ознакомлении произвели на меня чрезвычайно благоприятное впечатление. На этом участке работы мы, по-видимому, не только находимся на уровне мировой науки, но идем с заметным опережением. Тончайший химический анализ в приложении к очередным проблемам биогеохимических процессов доводится в этой лаборатории до выявления таких закономерностей, которые помимо громадного научного интереса могут иметь и большое практическое приложение. В Лаборатории сконцентрирован значительный круг

людей, больших знатоков дела, и одним из самых выдающихся ученых является как раз тот самый А.П. ВИНОГРАДОВ, о котором ходатайствует акад. В.И. ВЕРНАДСКИЙ.

2. В прошлые годы мы уже неоднократно отпускали В.И. ВЕРНАДСКОГО за границу вместе с женой, и до сих пор он, по тем данным, которыми мы, конечно, располагаем, не давал поводов к отказу в таких его поездках. В своих выступлениях в Академии, на мой взгляд, он ныне держится более прилично, чем в прошлые годы. ВЕРНАДСКИЙ является одним из основоположников биогеохимии, а ВИНОГРАДОВ – главнейшим продолжателем его дела. Со своей стороны я поддержал бы их поездку за границу.

С ком[мунистическим приветом] Г. Кржижановский»[14].

На письме резолюция: «Не возражаю. В. Молотов» и подписи: Сталин, С. Орджоникидзе, А. Андреев, А. Микоян, В. Чубарь.

Такая блестящая характеристика, данная Г.М. Кржижановским деятельности Биогеохимической лаборатории и лично А.П. Виноградову, вероятно, сподвигла высшее руководство страны дать согласие на выезд ученых за границу.

Примечания

[1] Рукопись дневников академика А.П. Виноградова, где описываются эти командировки, находится в АРАН (Ф. 1691).

[2] Гейровский (J. Heyrovsry) Ярослав (1890–1967) – чехословацкий химик, основатель полярографии, член ЧАН (1952). Окончил Карлов университет (1918), ученик Б. Браунера. Экстраординарный (с 1922), ординарный профессор физической химии Пражского университета (с 1926). Директор Государственного полярографического института в Праге (с 1950), носящего его имя (с 1964). Иностранный член АН СССР (с 1966) и ряда других академий. Нобелевская премия по химии (1959).

[3] Уваров Борис Петрович (1888–1970) – русский энтомолог, специалист по саранчевым. Работал на юге России до 1910 г. В 1920 г. эмигрировал в Великобританию, где продолжал свою деятельность. Руководитель Междуна-

родного центра по изучению саранчи (1929–1940) и Противосаранчевого исследовательского центра (1945–1959), член Лондонского королевского общества (1950), почетный член Всесоюзного энтомологического общества.

[4] В конце 1960-х гг. прошлого столетия А.П. Виноградов выступает с идеей использования физико-химической теории и термодинамических расчетов для изучения природных геологических процессов. Как теперь оказалось из дневников, о приложении законов термодинамики к изучению биосферы Александр Павлович думал еще в 1936 г. и долго вынашивал эту идею, чтобы научно обосновать ее состоятельность.

[5] АРАН. Ф. 518. Оп. 5. Д. 23. Л. 4–9.

[6] Месяцев Иван Илларионович (1885–1940) – советский зоолог, д-р биологических наук, профессор, зав. кафедрой и декан физико-математического факультета МГУ, исследователь Арктики, один из основоположников советской океанологии. В 1922 г. под его руководством построено первое советское морское экспедиционное судно «Персей».

[7] АРАН. Ф. 566. Оп. 1. Д. 16. Л. 26.

[8] *Виноградова Л.Д.* «Я не мог пройти мимо науки» (О жизни и деятельности академика А.П. Виноградова). М., 2007. С. 68.

[9] Переписка В.И. Вернадского А.П. Виноградова / Отв. ред. *А.А. Ярошевский.* Сост. и автор комментариев *Л.Д. Виноградова.* М., 1995. С.102.

[10] В 1934 г. правительство страны меняет статус подчинения Академии наук. Постановлением Совнаркома от 25 апреля Академия наук из ведения ЦИК СССР переходила в ведение СНК СССР а ее Президиум и практически все научные учреждения переводились из Ленинграда в Москву.

[11] АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. Л. 40.

[12] Одновременно Вернадский хлопотал о поездке за границу в этом же 1936 г. для себя и Натальи Егоровны для встречи с дочерью и с ее семьей, которая проживала в Праге и имела частную практику врача-психиатра, а также для лечения в Карлсбаде и работы в научных библиотеках Парижа и Лондона.

[13] Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1922–1991. 1922–1952 / Сост. *В.Д. Исаков.* М., 2000. С. 238.

[14] Там же. С. 237.

Н.С. Гусев

Штрихи к дореволюционной биографии академика Н.С. Державина*

N.S. Gusev

Touches of pre-revolutionary biography of academic N.S. Derzhavin

Аннотация: в статье рассматривается деятельность Н.С. Державина во время Балканских войн 1912–1913 гг. и Первой мировой войны по публичной защите болгарской точки зрения на македонский вопрос. Демонстрируются его связи с болгарскими официальными лицами и учеными, приводятся его печатные и устные выступления.

Ключевые слова: Н.С. Державин, Балканские войны, македонский вопрос.

Abstract: this article deals with the activity of N.S. Derzhavin for the public protection of the Bulgarian point of view on the Macedonian question during the Balkan wars of 1912–1913 and the First World War. His connections with Bulgarian officials and scientists are demonstrated, his printed and oral presentations are given.

Keywords: N.S. Derzhavin, the Balkan wars, the Macedonian question.

Фигура академика и организатора науки Николая Севастьяновича Державина является весьма противоречивой. С одной стороны, нельзя отрицать того факта, что благодаря его усилиям в Ленинграде в 1930-е гг. возник (правда, ненадолго) Институт

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-512-76004 ЭРА_а.

славяноведения, где возобновились славистические исследования; способствовал он и созданию современного Института славяноведения РАН, во главе которого он, видимо, надеялся встать, но тому помешала болезнь[1]; немало он содействовал сохранению и развитию русско-болгарских научных и общественных связей. С другой стороны, Н.С. Державин являлся ярким образцом «новых академиков» раннего советского времени. Он четко улавливал еще не выраженную линию партии и следовал ей: в 1922 г. вошел в руководство только что созданной «Группы левой профессуры» в Петроградском университете, на посту ректора Ленинградского университета провел массовое «очищение» преподавательского и студенческого состава от «неблагонадежного» элемента. Затем стал верным сторонником и активным пропагандистом идей марризма; следуя переменам в политике, мог сначала публично ругать представителей российского славяноведения XIX в., а затем – возвеличивать[2]. Это приносило свои дивиденды: за работы об истории русского народа и славянах в древности (вопросах, крайне далеких от научной специализации Державина) он был удостоен Сталинской премии.

Биография этого слависта в общих чертах известна и не раз освещалась на страницах научной литературы[3]. В рамках данной статьи хотелось бы обратиться к одному эпизоду жизни Николая Севастьяновича, о котором если и упоминается, то вскользь, но он крайне показателен для всей последующей судьбы академика.

* * *

В 1912–1913 гг. Балканы подтверждали свою славу нестабильного и проблемного региона. Болгария, Сербия, Греция и Черногория в войне, вошедшей в историю как Первая балканская, разгромили Османскую империю. Начало этих событий вызвало в России бурную общественную реакцию[4]. Приват-доцент Петербургского университета Н.С. Державин пристально следил за происходящим, и начало боевых действий для него было ожи-

даемым. Незадолго до официального начала вооруженных столкновений он написал болгарскому историку В. Златарскому: «Чувствую, что ваша война вызовет у нас взрыв братских славянских чувств»[5]. В России стартовала кампания по популяризации Балкан. Читались публичные лекции о полуострове (не прошел мимо этого и герой настоящей статьи[6]), появлялись обзоры истории и культуры стран региона. Так, в «Вестнике Европы» вышла статья болгарского литературоведа К. Крыстева-Миролюбова о болгарской литературе[7]. Изначально он ее отправил Державину. Тот попытался пристроить работу в журнал «Исторический вестник», но там ответили, что тематика не соответствует направлению издания. Тогда российский славист отнес текст в «Вестник Европы»[8], где он и вышел. Параллельно интеллигенция стала организовывать группы для обсуждения происходящего, в них входили не только общественные деятели, но и ученые. В работе нескольких из них наряду с цветом преподавательского состава столичного университета принимал участие и Державин[9]. В основном на подобных заседаниях осуждались уступки российской дипломатии перед Австро-Венгрией. Суть проблемы заключалась в том, что под давлением Вены великие державы приняли решение о создании Албании в границах, ставящих крест на одной из главных сербских целей – приобретении выхода к морю. Сербы, не получив из Петербурга твердой поддержки, были вынуждены уступить, а следом выдвинули к союзной Софии требование о компенсации, указав на земли Македонии. В Болгарии на это пойти не могли, и между двумя славянскими государствами начался конфликт, который в итоге летом 1913 г. вылился во Вторую балканскую войну. Однако весной того года еще существовали надежды на мирное разрешение проблемы. Согласно сербско-болгарскому договору, в случае споров арбитром становился российский император. Началась борьба за симпатии его подданных. София и Белград в ней активно использовали журналистов, общественных деятелей, не были обойдены вниманием

и ученые[10]. В Петербург приехали профессор Белградского университета Р. Кошутич и А. Белич, выпускник Московского университета, будущий академик и глава Сербской академии наук и искусств. Вдобавок активно выступал в поддержку позиций Белграда петербургский славист П.А. Лавров. Болгары в этом противоборстве проигрывали, лишь в конце весны 1913 г. в Петербург приехал профессор Софийского университета И. Шишманов[11], и появилось воззвание Болгарской академии наук. Ссылаясь на «Энциклопедию славянской филологии», подготовленную российскими учеными, БАН указывала на преобладание болгарского элемента в Македонии. Помимо этого, в документе было выражено возмущение притеснениями населения спорной территории «со стороны сербских общественных деятелей и администрации». На это воззвание Белград отреагировал заявлением собственной Академии, дав понять Софии, что не дело научных учреждений критиковать правительства или выступать третейским судьей в спорах государств[12], и письмом ученого секретаря Академии Л. Стояновича, где утверждалось, что цель этих выступлений подчинение и уничижение Сербии[13].

Действия академий в мае 1913 г. в Петербурге вызвали дискуссию, развернувшуюся в Обществе славянского научного единения. Там выступил против воззвания БАН Белич, указав, что необходимо ориентироваться на современных исследователей, которые утверждают, что население Македонии нельзя считать болгарским, поскольку проблема более сложна и запутана. Шишманов издевательски отвечал ему, доказывая несостоятельность выводов сербского ученого. Однако проблема вызвала конфликт не только среди балканских ученых, но и среди российских. Державин с трибуны перечислял доказательства преобладания болгарского этноса в Македонии, а затем перешел к полемике с Беличем. Он указал на напрасность попыток «приездом в Россию повлиять на отношение русского общества к сербским домогательствам», т.к. еще была свежа память о русско-турецкой вой-

не 1877–1878 гг. Он сам имел знакомых, поливших своей кровью спорную территорию, поэтому для него «представляется немыслимым отдать эти дорогие могилы в руки народа с ними не связанного»[14].

Возражал приват-доценту коллега по университету М.Г. Долобко, обвиняя Державина в намеренно односторонней подборке мнений исследователей по вопросу об этнической принадлежности населения Македонии, «нужной г[осподину] докладчику для его дальнейших целей». После этих слов председатель собрания остановил Долобко, поскольку «от заключений о намеренности удобнее было бы воздержаться»[15]. Закончилось все скандалом: на слова Белича о том, что Болгарская академия не понимает того, что понимает и первокурсник, Шишманов ушел, хлопнув дверью. Заседание приняло резолюцию 16 мая 1913 г., где сообщалось, что ввиду сложности и запутанности проблемы единственным выходом из ситуации является арбитраж. «Будет ли этим арбитром Россия или гаагский трибунал – это должны исключительно решить спорящие стороны»[16].

Вместе с Шишмановым, видимо, ушел и Державин, поскольку уже через день он обратился к В.Д. Плетневу, не стесняясь тому в начале письма признаться, что не знает его имени и отчества. Отметим, что выбор адресата неочевиден, поскольку председателем общества являлся П.И. Бахметьев, а резолюцию принимали под председательством М.П. Чубинского[17]. Николай Севастьянович сообщил, что видел предварительные проекты резолюции общества, но затем в них были внесены изменения, возводящие хулу на болгарскую академию, а он (потому, что тесно связан «с этим весьма заслуженным пред славянской наукой и много наработавшим по имя культуры и свободы своего народа учреждением», и в силу того, что резолюция была принята после доклада Белича, «т.е. является как бы вытекающей из давления, оказанного на Общество сербской пропагандой») больше не может продолжать сотрудничество с Обществом славянского

научного единения. Схожее письмо Державин отправил 19 мая в газету «Русская молва», где также указал, что резолюцию приняли после 1 часа 30 минут пополуночи, когда он на заседании уже отсутствовал. При этом автор выразил сожаление, что «камень, искусно брошенный здесь среди нас в болг[арский] народ сербами, г[осподами] Беличем и Генчичем[18], попал в цель: он поссорил два братских народа, болгар и русских», но сохранял надежду, что болгары поймут, что выраженное в резолюции мнение не является позицией всего русского общества[19].

Однако буквально через месяц стороны стали решать проблему оружием, не прибегая к помощи ни Петербурга, ни Гааги. Для Болгарии все кончилось разгромом как в военном, так и в репутационном плане: в России за ней прочно укоренилось клеймо предателя славянства и братоубийцы, редкие попытки здраво взглянуть на произошедшее тонули в ругани в адрес Болгарии и ее руководства[20].

Для Державина безоговорочным виновником Второй балканской войны являлась противоположная сторона. 3 августа он сообщил В. Златарскому: «Я лично до того удручен всем случившимся, что не могу ни работать, ни думать, больше всего я возмущен этими мерзавцами-сербами». Указав, что в мае выступал против «Белича, Генчича, Лаврова и других в защиту Болгарии»[21], будущий академик, видимо, понимал, что равновесие на Балканах еще не установлено, и шанс ревизии Бухарестского мира может вскоре подвернуться: «Теперь я основательно изучил Македонский вопрос, подготовил специальную брошюру, осенью думаю читать, где только будет возможность, доклады и лекции»[22].

И действительно, лекции он читал, в том числе и в Обществе славянского научного единения[23], в чьей деятельности обещал больше не участвовать. Его активная позиция была замечена в Болгарии. 30 апреля 1914 г. Славянское благотворительное общество в Болгарии отправило Державину письмо с благодарностью

за публичное выражение симпатии к болгарскому народу, «особенно же за правду, которую вы всегда так доблестно высказывали в пользу ныне униженного и ограбленного, но не отчаивающегося нашего отечества». В послании Николая Севастьяновича причисляли к «светлым, трезвым и руководящим умам, которые продолжают высоко держать факел правды». Это патетическое обращение подписали председатель и секретарь общества, лично знакомые с будущим академиком и бывшие в курсе его деятельности – бывший посланник в Петербурге С. Бобчев и И. Шишманов, о котором речь шла выше[24].

В то же время с упомянутой в письме Златарскому «специальной брошюрой» ситуация оказалась сложнее. Издатели, видимо, не надеялись в сложившихся условиях заработать на произведении, идущем в разрез с общественными настроениями, к тому же касающемся потерявшей актуальность темы. Требовалось найти средства на публикацию. Логичным выходом являлось получение их от Болгарии. Но тут возникла заминка. Еще 16 октября 1913 г. болгарский посланник в Петербурге Р. Димитриев запросил на издание и гонорар Державину 3000 левов – немалую по тем временам сумму[25]. Однако по неясным причинам ответа не последовало, и 18 марта 1914 г. посланник повторил свой запрос, добавив, что сербская пропаганда усиливается, благодаря постоянной раздаче орденов и подарков, Болгарию же защищал только Державин и делал это бесплатно. При таком подходе, резюмировал Димитриев, расширение поддержки страны не может произойти. 21 мая деньги в несколько меньшем объеме (2500 левов) были получены, но выход книги отложили до сентября в силу того, что публика уже ушла в отпуска, и в Петербурге летом книги не пускают в продажу[26]. В конечном счете «специальная брошюра» все-таки появилась, в дар Библиотеке Академии наук автор ее передал 18 ноября 1914 г.[27], когда уже вовсю кипели сражения Первой мировой войны.

В книге Державин отдельную главу назвал «Сербская точка зрения и сербские методы трактовки вопроса», однако весь труд

фактически являлся опровержением заявлений сербских ученых и публицистов. Помимо этого не единожды подчеркивалось значение Македонии для Болгарии – она называлась национальной святыней, оттуда началась борьба за освобождение страны, ради ее присоединения десятилетиями велась тяжелая работа, накапливались силы, и «вполне нормальная болгарская жизнь вдруг выбивалась из колеи при малейшем эксцессе со стороны турецкого режима в несчастной Македонии»[28]. После лета 1913 г., по словам автора, положение Болгарии было ужасным, ведь она пережила «трагедию крушения национальной мечты о конечном объединении всего народа, исстрадавшегося под вековым гнетом и принесшего так много жертв на алтарь славянской свободы»[29]. История подарила болгарам шанс на исправление этого положения – началась Первая мировая война. Болгария не поспешила выступить на чьей-либо стороне и заняла выжидательную позицию, дабы понять, какой из военно-политических блоков сможет обеспечить ревизию Бухарестского мира, завершившего Балканские войны. Россия как союзник Сербии не могла этого сразу обещать, вдобавок общественное мнение было настроено против официальной Софии и одновременно буквально требовало от болгарского народа выступить в защиту славянства[30]. В этой ситуации книга Державина оказалась весьма кстати. Тогда же бывший болгарский премьер-министр И. Гешов выпустил работу, посвященную судьбе Балканского союза – его истокам и причинам трагического развала в 1913 г.[31] Она была переведена на русский язык, и ее автор обратился к Державину с просьбой помочь с публикацией перевода и его распространением среди общественных деятелей и редакций газет. Перед этим следовало посоветоваться с П.Н. Милюковым о том, в каком количестве и в каком издательстве печатать книгу. Затем же Гешов просил: «Телеграфируйте мне, пожалуйста, сколько рублей Вам отправить. Вы меня очень обяжете, если не откажетесь включить в сумму не только Ваши траты, но и вознаграждение за Ваш труд»[32].

Книга вышла в том же году в типографии «Научное дело»[33], но какую роль в этом сыграл Державин, выяснить пока не удалось.

* * *

В Первой, а затем и Второй мировых войнах Болгария именно из-за Македонии и итогов Второй балканской войны выбирала сторону тех, кто обещал реванш. В каждом случае это была не Россия, что и привело к горькой ситуации сражений потомков освободителей с потомками освобожденных. Для Николая Севастьяновича же спор о Македонии остался принципиальным на всю жизнь. Автора критической рецензии на книгу о македонском вопросе А.М. Селищева он навсегда зачислил в сербофилы[34], с Беличем и спустя десятилетия продолжал заочно спорить[35], а вручение тому звания почетного профессора Московского университета попытался превратить в фарс[36]. Однако стоит признать, что для публичной защиты Болгарии после Балканских войн требовалась смелость. Даже П.Н. Милюков, всегда считавшийся болгарофилом, в 1913 г. старался дистанцироваться[37]. По мнению болгарского исследователя И. Йолова, ставка официальной Софии на молодого и малоизвестного Державина как на проводника ее позиции и была обусловлена отказом прежних русофилов высказываться публично[38].

Нельзя не задуматься о причинах активной поддержки Державиным Болгарии и ее прав на Македонию. Возможно, он исходил из холодного расчета, ожидая выгоды для себя. Эту версию мы не можем доподлинно опровергнуть или подтвердить, но вся последующая биография слависта[39] наводит на мысли о допустимости и такого объяснения. Наверное, было у него и чувство морального долга перед страной, публиковавшей его книги, в которой у него было много друзей. Однако не стоит упускать из виду и вероятность того, что Николай Севастьянович действовал так, исходя из личных симпатий к Болгарии и ее народу. Он вырос в болгарском селе; как и любой исследователь, мог незаметно для

себя «влюбиться» в объект исследования. В пользу такой догадки говорит дневниковая запись лингвиста С.Б. Бернштейна о дне смерти академика Державина: «Через всю свою жизнь он пронес любовь к болгарскому народу, его истории, культуре, языку»[40].

Примечания

[1] *Досталь М.Ю.* Сектор славяноведения Института истории АН СССР // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 284–285.

[2] *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004. С. 306.

[3] *Ангелов Д.* Н.С. Державин като историк на българския народ // Исторически преглед. 1963. Кн. 6; *Голубева О.Д.* Державин Николай Севастьянович // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биографический словарь. Т. 2: Российская Публичная библиотека – Государственная Публичная библиотека в Ленинграде 1918–1930. СПб., 1999; *Кондрашов Н.А.* Н.С. Державин – ученый славист и педагог // Русская речь: научно-популярный журнал Института русского языка АН СССР. 1988. Вып. 1; *Хаджиниколов В.* Академик Николай Севастьянович Державин и българската наука // Списание на Българската Академия на Науките. 1993. № 5–6.

[4] Об этом см: *Гусев Н.С.* Первая Балканская война и русское общество // Славяноведение. 2015. № 5. С. 43–50; *Кострикова Е.Г.* Первая Балканская война и российское общество // Вестник Университета дружбы народов. Серия «История России». 2009. № 4. С. 97–110.; *Она же.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идейная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017.

[5] Българо руски научни връзки XIX–XX век. Документи. София, 1968. С. 95.

[6] Там же.

[7] *Крэстев-Миролюбов К.* Современная болгарская литература // Вестник Европы. 1913. № 6. С. 151–159.

[8] ГАРФ. Ф. Р8091. Оп. 110. КМФ-5. Болгария, поступление 3А-110. 1878–1948. Д. 10. Л. 1.

[9] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Д. 278. Л. 29 об.

[10] Подробнее см.: *Гусев Н.С.* Русский «фронт» борьбы за Македонию // Родина. 2014. № 6. С. 82–85; *Он же.* Болгария и Сербия в 1912–1913 гг.: соперничество за статус «любимца» России на Балканах // Вынужденное соседство – добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв. М.; СПб., 2017. С. 67–90.

[11] Подробнее о его деятельности на этом поприще см.: *Гусев Н.С.* Профессор И.Д. Шишманов в болгаро-сербской борьбе за русские симпатии в 1912–1913 гг. // Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева. М., 2017. С. 178–194; *Он же.* Профессор Иван Шишманов на защите болгарских интересов в Петербурге в 1912–1913 гг. // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. X. Харків–София, 2017. С. 232–242.

[12] Сербо-болгарский спор за обладание Македонией. Оценка событий, предшествовавших сербо-болгарской войне 1913 года, в изложении заинтересованных сторон и членов общества. Пг., 1915. Приложения. С 1–5.

[13] Там же. С. 9. Современная сербская и болгарская историографии освещают эти события пристрастно, каждая идеализирует мотивы и поступки ученых своих стран, отрицая откровенно политический характер их действий. См. напр.: *Божић С.* Македонија као спорно питање између Српске Краљевске Академије и Бугарске Академије Наука 1913. године // Балкански ратови 1912/1913: Нова виђења и тумачења. Београд, 2013. С. 389–390; *Конева Р.* Голямата среща на българския народ. Културата и предизвикателствата на войните 1912–1918 г. София, 1995. С. 34.

[14] Сербо-болгарский спор… С. 116–118.

[15] Там же. С. 121–129.

[16] Там же. Приложения. С. 11.

[17] Там же.

[18] Имеется в виду Джордже Генчич – бывший сербский министр, прибывший в Петербург весной 1913 г. и также принимавший участие в заседании Общества славянского научного единения.

[19] СПбФ АРАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 150. Л. 1–3.

[20] Подробнее см.: *Котов Б.С.* Межсоюзническая война лета 1913 года в восприятии русского общества (по материалам прессы) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 101–112.

[21] Но будущему академику его противостояние на этом поле не казалось препятствием для других планов. В то время он закончил работу над двухтомным трудом о болгарских колониях в России, который вскоре защитил как магистерскую диссертацию. При этом первый том издавала Болгарская академия наук (*Державин Н.С.* Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии). Материалы по славянской этнографии. Т. 1. София, 1914), на второй же требовалось найти средства. Их можно было получить от университета, и здесь Державин не стеснялся обращаться с просьбами к своим противникам. 7 ноября он написал П.А. Лаврову, что подал декану ходатайство о публикации второго тома, необходимо лишь одобрение факультетского совета. И в связи с этим просил оказать поддержку в данном вопросе, за что обещал быть «всегда глубоко признателен». Подпись также свидетельствовала о большом желании получить средства: «Искренне Вам преданный и сердечно Вас уважающий Ник. Державин» (СПбФ АРАН. Ф. 284. Оп. 3. Д.67. Л.1). В итоге книга была издана уже в Петрограде (*Державин Н.С.* Болгарские колонии... Т. 2. Пг., 1915).

[22] ГАРФ. Ф. Р8091. Оп. 110. КМФ-5. Болгария, поступление 3А-110. 1878–1948. Д. 10. Л. 3.

[23] Централен държавен архив на Република България (далее – ЦДА). Ф. 176К. Оп. 3. № 106. Л. 2–3.

[24] СПбФ АРАН. Ф. 827. Оп.3. Д. 259. Л. 1.

[25] Так, согласно закону 1912 г., на всю Болгарскую академию наук минимальная субсидия государства в год составляла 60 000 левов (*Саздов Д.* Социална политика в законодателството на демократична България (1880–1912) София, 2008. С. 537).

[26] ЦДА. Ф. 176К. Оп. 3. № 106. Л. 2–6.

[27] Согласно автографу на экземпляре, хранящемся в БАНе.

[28] *Державин Н.С.* Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. СПб., 1914. С 8–9.

[29] Там же. С. 131.

[30] *Гусев Н.С.* Россия и Болгария в 1913–1918 гг. // Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2018. Т. 1. С. 226–236.

[31] *Гешов И.Е.* Балканският съюз. Спомени и документи. София, 1915.

[32] *Он же.* Лична кореспонденция / Съст. Р. Попов, В. Танкова. София., 1994. С. 280.

[33] *Он же.* Балканский союз. Воспоминания и документы. Пг., 1915.

[34] *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи / Отв. ред. *В.Н. Топоров.* М., 2002. С. 125, 181. Хотя в рецензии А.М. Селищев и признает, что до 1870-х гг. македонские славяне «были известны как славяне болгарские – болгары» (Ученые записки Казанского университета. 1915. № 6/7. С.3), он, видимо, стал нелюб Державину именно за тщательный научный разбор книги, продемонстрировавший не только допущенные ошибки, но и некомпетентность будущего советского академика в вопросах лингвистики и диалектологии.

[35] *Бернштейн С.Б.* Указ. соч. С. 39–40.

[36] Там же. С. 106.

[37] Научен архив на Българската академия на науките (далее – НА БАН). Ф. 11К. Оп. 3. А. е. 968. Л. 50.

[38] *Йолов И.Г.* Руски автори за България и Сърбия в македонски конфликт. 1885-1917 г. София, 1999. С. 69.

[39] См. напр.: *Аксенова Е.П.* «Изгнанное из стен Академии»: Н.С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы // Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 69–81.

[40] *Бернштейн С.Б.* Указ. соч. С. 175.

М.В. Ковалев

Неопубликованная статья А.В. Флоровского «Реформы, реакция, революция» из собрания Архива Российской академии наук*

M.V. Kovalev

The unpublished article «Reforms, reaction, revolution» by A.V. Florovsky from the collection of the Archive of RAS

Аннотация: статья посвящена анализу рукописи А.В. Флоровского «Реформы, реакция, революция», которая хранится в Архиве Российской академии наук в Москве. Анализируются исторические и политические взгляды А.В. Флоровского.

Ключевые слова: А.В. Флоровский, историография, императорская Россия, Архив РАН, реформы в России, консерватизм, либерализм, революция, народничество, Великие реформы, Александр II.

Abstract: the article is devoted to study of the manuscript «Reform, reaction, revolution» by A.V. Florovsky from the Archives of Russian Academy of Sciences in Moscow. The historical and political views of A.V. Florovsky are analyzed.

Keywords: A.V. Florovsky, historiography, Imperial Russia, Archives of the Russian Academy of Sciences, reform in Russia, revolution, liberalism, conservatism, populism, the Great reforms of Alexander II.

Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968) принадлежал к числу крупнейших историков русской эмиграции. Он оставил после себя не только множество опубликованных книг и статей, но также колоссальное архивное наследие, распыленное волею

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-01-00236-ОГН.

судеб между Прагой и Москвой[1]. Его систематическое изучение началось лишь в 1990-е гг. Но до сих пор оно хранит в себе исключительные по своему содержанию материалы о русской послереволюционной эмиграции, российско-европейских научных связях, университетском образовании, историографии[2]. Поэтому с полной уверенностью можно сказать, что исследователей ждет еще немало интересных и даже уникальных находок.

В обширном фонде А.В. Флоровского в Архиве РАН в Москве сохранился примечательный документ. Речь идет о большой по объему работе, напечатанной на машинке и озаглавленной «Реформы, реакция, революция»[3]. Она представляет собой обзор социально-политической и экономической истории России от начала XVIII в. и до 1917 г., то есть от рождения империи и до крушения. К ее содержанию мы еще вернемся специально.

Точное время написания статьи неизвестно. Архивисты отнесли ее появление к 1950-м гг.; именно эта дата зафиксирована на обложке архивной папки. Непонятно, правда, на чем конкретно такое предположение основано. Но с большой долей уверенности можно сказать, что напечатана статья на пишущей машинке, которой историк пользовался в 1940–1960-е гг. На это указывает сравнение исследуемой работы с другими машинописными текстами историка, достоверно относящимися к указанному периоду. Рукописную версию статьи (А.В. Флоровский обычно сначала писал текст от руки) обнаружить не удалось. В своей обширной переписке профессор А.В. Флоровский не упоминал о работе над статьей. Непонятно, с какой целью она была написана. Статья довольно велика по объему, и не всякий журнал принял бы ее из-за этого к публикации. По своей форме она явно непохожа на материалы университетских лекций, которые в архиве историка сохранились в большом числе. Статья не содержит научного аппарата в виде сносок или списка литературы. Неизвестно, чем пользовался автор при ее написании; в тексте нет не только конкретных, но даже косвенных указаний.

И это при том, что А.В. Флоровский был ученым высочайшей историографической культуры, он всегда уделял большое внимание существующей научной литературе, следил за работами своих коллег.

Статья настолько выбивается из творчества ученого, что даже хочется поставить под сомнение его авторство. Но нет. Автором был, конечно же, А.В. Флоровский. На это указывает уже не шрифт пишущей машинки, но стиль изложения – угловатый, пространный и многословный, наполненный сложными синтаксическими конструкциями. Многочисленные стилистические изъяны словно говорят о том, что статья давалась автору нелегко. А.В. Флоровский не был, конечно, мастером художественного слова, но все свои тексты он педантично вычитывал и правил. Здесь же редактура отсутствует. И не чувствуется глубокого творческого вдохновения. Вместо него – обобщения уже известного. Но об этом речь впереди.

Предполагал ли А.В. Флоровский опубликовать свою статью? И если да, то где? Что побудило его обратиться к непривычной теме? Насколько связан его труд с предшествующими работами? Вопросов возникает очень много. Попытаемся дать ответы хотя бы на часть из них.

Еще до революции научные интересы А.В. Флоровского были сосредоточены на истории императорской России, а именно – на эпохе Екатерины Великой[4]. Можно вспомнить, конечно, и его работы о крестьянской реформе, написанные перед самой эмиграцией[5]. Однако своей собственной законченной концепции русской истории этого периода у ученого тогда еще не сложилось. Живя за рубежом, А.В. Флоровский постепенно отходил от екатерининской тематики, обращался к ней лишь эпизодически, используя наработанный еще в России материал, и во многом повторяя полученные ранее выводы[6]. В пражский период своей жизни он сосредоточился на истории чешско-русских связей, а в 1940-е гг. сфокусировался на внешней политике России в Центральной и

Восточной Европе в эпоху Петра Великого, уделяя особое внимание взаимоотношениям с Австрией.

Впрочем, это не значит, что история российского имперского проекта, освободительного движения, общественной мысли, реформаторства не интересовала А.В. Флоровского совсем. Она находила свое отражение в университетских курсах по русской истории XVIII–XIX вв., которые он читал в Карловом университете, начиная с 1933 г. Их содержание стало предметом обстоятельного исследования Е.П. Аксеновой. Благодаря сохранившимся черновикам и конспектам, мы можем реконструировать его отношение к имперскому периоду. Он использовал применительно к нему привычную для дореволюционной историографии хронологию, делившую период по царствованиям. Так появились исторические зарисовки А.В. Флоровского о Петре Великом, Александре I, Николае I, Александре II, Александре III и Николае II[7].

В своих лекциях он говорил о постепенной эволюции государственной и политической жизни России от абсолютизма в сторону конституционной монархии. Особое значение на этом пути он отводил либеральным реформам 1860–1870-х гг., которые открыли дорогу реальным преобразованиям государственной жизни. По его словам, это были «лучшие годы жизни России»[8]. Вполне закономерным и объяснимым выглядело его уважительное отношение к императору Александру II, личные качества которого позволили реализовать «реформы сверху». Впрочем, А.В. Флоровский был далек от идеализации Великих реформ и отмечал незавершенность преобразований. Она виделась ему в первую очередь в том, что так и не были созданы парламентские структуры, общество не получило реальной возможности участвовать в управлении страной[9]. Непоследовательность реформ, которым препятствовала консервативная оппозиция, способствовала быстрому скатыванию страны в пропасть во время Первой мировой войны и приблизила революцию.

Подобные взгляды в полной мере вписывались в историческую культуру русской эмиграции 1920–1930-х гг., отражали специфику ее исторического сознания и мироощущения. Американский профессор Марк Раев подметил, что основным и неоспоримым достижением императорской эпохи признавалось создание великой культуры, в особенности литературы. В это время Россия встала на путь модернизации, который был резко прерван войной и революцией. Но в то же время эмигранты остро критиковали самодержавие, которое препятствовало реформированию социальной и политической системы и лишало интеллигенцию свободы слова. Таким образом, вина за революцию отчасти возлагалась на Романовых, с их «недальновидной приверженностью бюрократическим и самодержавным методам правления, их искаженным и ограниченным взглядам на культуру»[10]. Русские эмигранты стали свидетелями гибели Российской империи и последовавшей за этим русской смуты. Перед ними возникал закономерный вопрос о причинах столь стремительного крушения всего того, что казалось незыблемым. Это заставляло еще раз переосмысливать весь исторический путь России в XVIII – начале XX вв. Императорский период воспринимался как время упущенных возможностей, как череда нереализованных, не доведенных до конца реформ и одновременно проявлений реакции и охранительства. Представления об императорской России, таким образом, были пропитаны раздумьями о революции, о ее случайности или закономерности[11].

Вернемся к анализируемой статье. Вынесенная в заглавие триада «Реформы, реакция, революция» очень точно обрисовывает идейное содержание статьи и авторское понимание истории императорской России. Специфика ее виделась А.В. Флоровскому в динамике преобразовательного и реакционного движений, которые развивались одновременно, параллельно, постоянно конкурируя и при этом влияя друг на друга. Противоречивость, несовместимость этих начал в конечном счете и привела к рево-

люции. В своем очерке А.В. Флоровский стремился разобраться в ее непосредственных причинах, понять закономерности и особенности исторического процесса XVIII – начала XX вв. Он разделял широко распространенное представление о запаздывании развития России по сравнению с иными европейскими державами, виной чему была все та же непоследовательность реформ и сила охранительного движения. Дворянская монархия постепенно перерастала в буржуазную в результате естественного развития. Но движение это было замедленным, для верховной власти оно носило, скорее, вынужденный, чем добровольный характер. Лишь Петр Великий воплощал для А.В. Флоровского образец решительного реформаторства. Все же последующие преобразования носили «характер половинчатости», невзирая на их прогрессивность. Реформаторское движение XVIII в. и в теории, и на практике было очерчено историком бегло. Например, он ничего не говорил о времени Елизаветы Петровны, лишь кратко упомянул о начинаниях Екатерины II. Центр тяжести повествования был перенесен на XIX в., особенно на пореформенный период. Такое смещение акцентов выглядит вполне объяснимым. Для А.В. Флоровского было важно найти корни революции, понять причины, приведшие к кризису и гибели империи. В отличие от многих эмигрантских коллег, он не был склонен искать их в XVIII в., например, в петровскую эпоху, которая была предметом оживленных споров в интеллектуальной культуре русского зарубежья. Напомним лишь, что Н.А. Бердяев называл Петра «большевиком на троне», а Г.П. Федотов обвинял его в духовной денационализации, которая предвосхитила русскую смуту[12]. А.В. Флоровский придерживался иных взглядов, подобные трактовки не разделял. Поэтому в своей статье он не останавливался специально ни на Петре, ни на его последователях. Истоки кризиса А.В. Флоровский прежде всего искал в XIX в., когда внутриимперские противоречия достигли своего предела, но так и не были разрешены верховной властью.

Идея самодержавия постепенно исчерпала себя, перестала отвечать духу прогресса и модернизации, но правящие круги видели в ней единственно возможную форму правления для огромной многонациональной страны. А.В. Флоровский довольно скромно оценивал реформы времен Александра I и Николая I, полагая, что власть слишком сильно была отчуждена от общества, не понимала его и боялась. Это приводило к поляризации интеллектуальной и политической жизни, нарастанию раскола между охранителями, реформаторами и революционерами, ставшего впоследствии непреодолимым («Усиление реакционных влияний определилось в известной мере и ростом революционных проявлений, но последние в свою очередь питались успехами реакции как доказательством неуспешности путей либерального воздействия на власть и неизбежности революционного ее потрясения»[13]). Лишь Великие реформы 1860–1870-х гг. виделись ему шансом на преобразование империи естественным и эволюционным путем, лишь в эту эпоху царская власть «поднялась на известную высоту исторической значительности». Он акцентировал внимание на том, что преобразования во многом были вынужденными, носили компромиссный характер. Например, он разделял широко распространенное, но не во всем бесспорное представление об упадке крепостного хозяйства и его экономической неэффективности как важных причинах крестьянской реформы. Невзирая на это преобразования 1860–1870-х гг. служили для А.В. Флоровского примером сотрудничества власти, точнее, просвещенной бюрократии и общества, воспринимались как шаг к гражданскому примирению и мирной эволюции. Но шанс был упущен в виду силы охранительной традиции. Убийство Александра II имело негативные последствия и для революционного движения, поскольку привели к расправе над ним, и для реформаторского курса, который был свернут реакционерами.

Небезынтересно взглянуть на отношение А.В. Флоровского к общественному движению. При чтении его статьи бросает-

ся в глаза предельная осторожность оценок. Непонятно, какой силе историк симпатизирует и кого осуждает. Можно, разумеется, посчитать это примером деидеологизированного, беспристрастного подхода к поворотным, неоднозначным событиям и деятелям прошлого. Хотя, вероятно, причиной всему была личная осторожность А.В. Флоровского, его желание дистанцироваться от текущей политики. И все же при внимательном прочтении вырисовываются некоторые авторские предпочтения. Так, ему явно импонировали декабристы, ставшие «символом революционного служения интересам России». Полагаю, что немало общественных деятелей было симпатично ему если не своими взглядами, то яркими личностными свойствами. Во всяком случае, в его представлении само общественное движение было порождено «деятельной работой мысли и чувства». Но народ А.В. Флоровский не идеализировал, поэтому, наверное, и писал о его «тупом молчании» во время активного народнического движения.

В статье, как и в иных текстах ученого, сложно или почти невозможно увидеть его отношение к революционным методам борьбы. Так, он не выразил своего мнения относительно революционного террора как способа политической борьбы, совершенно обошел стороной «нечаевское дело». Он упомянул о П.Л. Лаврове и М.А. Бакунине, но ни слова не сказал о П.Н. Ткачеве. Да и вообще о народничестве А.В. Флоровский написал схематично, без должной глубины. Сравнительно большее внимание он уделил распространению марксизма в России.

О его политических симпатиях судить вообще очень трудно. В годы эмиграции А.В. Флоровский занимал весьма осторожную общественную позицию, что, вероятно, дало ему возможность успешно устроиться в масариковской Чехословакии, благополучно пережить немецкую оккупацию и продолжить удачную научную карьеру в эпоху социализма. Он не участвовал в эмигрантских политических объединениях и союзах, не касался вопросов текущей политики в своих статьях и выступлениях. Е.П. Аксено-

ва предполагает, что А.В. Флоровский, вероятнее всего, придерживался либеральных взглядов и считал наиболее оптимальной формой государственного устройства в России конституционную монархию. Она обратила внимание, что историк в своих лекциях 1930-х гг. не говорил о преимуществах и целесообразности республиканского строя[14]. Впрочем, вопрос этот еще нуждается в детальном прояснении.

Из анализируемой статьи ясно вырисовывается критическое отношение А.В. Флоровского к царствованию Николая II. Еще в лекциях 1930-х гг. он обвинял последнего царя в отсутствии политического плана и стратегии развития страны. Николай II не осознавал, что идея самодержавия себя исчерпала, он цеплялся за отжившие традиции и тем самым невольно приближал революцию. Тот же взгляд присутствует в анализируемой статье. А.В. Флоровский делает акцент на вынужденном характере уступок, сделанных самодержавием в годы революции 1905–1907 гг. Роковая ошибка власти состояла в том, что в результате реформ она не смогла создать себе социальную базу, решить крестьянский, рабочий и национальный вопросы. Последнему из них, к слову, А.В. Флоровский не придавал решающего значения в нарастании общенационального кризиса. Историк ни слова не сказал о С.Ю. Витте и В.Н. Коковцове (что само по себе, естественно, не придает объективности), скромно оценивал П.А. Столыпина. Действия властей, точнее, их бездействие и привело, по мнению ученого, к краху. Незавершенность «революции сверху» породила «революцию снизу». Таков был в общих чертах взгляд историка на особенности развития императорской России. Легко заметить, что он во многом перекликается с выводами либеральной историографии. Однако не стоит торопиться ставить знак равенства.

В своей статье А.В. Флоровский отошел от персонифицированной истории, которой во многом следовал в своих лекционных курсах 1930-х гг. Е.П. Аксенова хорошо показала, сколь

большое место уделял он фигурам русских императоров и их личному влиянию на политический курс. Но теперь в тексте ученого этого не было. Зато был упор на социальные движения и «классовые отношения».

По своим методологическим взглядам, А.В. Флоровский был классическим позитивистом. Теоретические новшества были, в целом, ему чужды. Живя и работая несколько десятилетий за рубежом, он так ничего и не воспринял из методологических новаций (хотя, например, он был знаком по переписке с Марком Блоком, одним из основателей школы «Анналов», свободно читал на нескольких иностранных языках). Отметим теперь, что в анализируемой статье мы не найдем привычной для творчества А.В. Флоровского богатой фактографии. Он ограничивался лишь упоминанием самых важных дат и имен. Зато велико его внимание к макропроцессам, прежде всего, к социально-экономическим. А.В. Флоровский много места уделяет специфике российского капитализма, развитию транспорта и торговли, демографическим и социальным процессам, особенно расслоению крестьянства и зарождению пролетариата. Конечно, профессор и ранее интересовался социально-экономической историей, достаточно вспомнить его работы о русско-чешских торговых связях[15]. Все они носили типично позитивистский характер. Здесь же, в анализируемой статье, была сделана попытка широких исторических обобщений, причем, кажется, не без влияния марксистской историографии, и, что немаловажно, в ее советском варианте. Взглянем внимательно хотя бы на используемую терминологию, которая весьма непривычна для творчества А.В. Флоровского и которую мы не найдем в иных его работах. Он говорит о «царском самодержавии», «производительных силах», «классовых предпосылках», «обострении классовых противоречий», «классовых врагах», «рабочем классе». Более того, характеризуя общественное движение XIX в., А.В. Флоровский фактически принимает ленинскую периоди-

зацию, выделявшую дворянский, разночинский и пролетарский этапы его развития.

Откуда же взялись эти веяния? Откуда терминология, несвойственная, казалось бы, для историка, высланного в 1922 г. за границу? Все было бы легко объяснимо, если бы А.В. Флоровский считал себя марксистом. Но он им не был, даже живя и работая в социалистической Чехословакии в 1950–1960-х гг. И об этом прямо и не без критики говорилось в его личном деле, хранящемся в Архиве Карлова университета[16]. Да, А.В. Флоровский всегда с большим вниманием следил за советской историографией, но в идейных заимствованиях замечен не был. Так откуда же взялись новые веяния?

Рискну с предельной осторожностью предположить, что не последнюю роль сыграло знакомство русского ученого-эмигранта с видным советским историком-функционером А.Л. Сидоровым, который в октябре 1946 г. был командирован в Чехословакию для чтения лекций по истории СССР с 1861 по 1917 гг. и проведения семинара по истории Первой русской революции в Карловом университете[17]. Затем оба ученых встречались в Праге в 1957 г. Не будем забывать о том, что А.В. Флоровский после Второй мировой войны принял советское гражданство, правда, оставшись жить в Чехословакии. Он изо всех сил пытался интегрироваться в советскую историческую науку, активно переписывался с коллегами, публиковал в СССР свои работы, а на закате жизни даже посетил Родину, впервые после десятилетий вынужденной разлуки[18].

Возможно, написание статьи «Реформы, реакция, революция» было одним из шагов на пути сближения с советской историографией. В этой связи интересно ее сравнение со схожими по тематике работами 1930-х гг. Если тогда он по традиции именовал Александра II «Царем-Освободителем», то теперь этот эпитет отсутствовал. Если ранее он употреблял нейтральный термин «коммунистическая власть», то теперь этот термин превратился в «рабоче-крестьянскую власть под ведением партии

большевиков». Причем ее установление, согласно логике авторского изложения, являлось закономерным итогом общегосударственного кризиса. О Февральской революции упоминаний не было вовсе. Будто и не существовало Временного правительства. С этой точки зрения понятно, почему А.В. Флоровский не ставил перед собой сверхзадач, а пытался обобщить уже известное. Тем не менее нельзя полностью исключать и его желания осмыслить пережитые им самим события и понять их исторические истоки.

Впрочем, несмотря на попытки придать тексту марксистские оттенки, сквозь них все равно явно проступали идеи либеральной историографии, в особенности в оценке Великих реформ. С точки зрения советской науки, в статье было слишком мало обличения царизма, но при этом слишком много прямых и косвенных симпатий к реформаторскому движению. Думаю, А.В. Флоровский это прекрасно понимал, он, вероятно, не был удовлетворен своей работой. Не здесь ли кроется причина того, что он так и не попытался опубликовать ее и вообще нигде не упоминал о ней?

Несмотря на обилие вопросов, однозначные ответы на которые дать крайне трудно, статья является примечательной в контексте развития русской эмигрантской науки и интеллектуальной культуры вообще. Она затрагивает не только сугубо научные, но и общественно-политические сюжеты. Перед нами едва ли не единственный законченный текст, по которому можно хотя бы косвенно судить о взглядах А.В. Флоровского на императорский период русской истории от петровских преобразований и победоносной Северной войны до трагических страниц царствования Николая II.

Примечания

[1] См.: *Ковалев М.В.* Личный фонд А.В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге: состав документов и история формирования // Фун-

даментальня наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. М., 2013. С. 131–138.

[2] См. подробнее: *Лаптева Т.Н.* Научное наследие А.В. Флоровского (1884–1968) в Архиве РАН // Вестник архивиста. 2014. № 1. С. 70–287; *Она же.* Неизданные работы А.В. Флоровского: сохранность и отбор к публикации // Документ. Архив. Информационное общество: Сборник материалов III-ей Международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 469–475; *Афиани В.Ю., Ковалев М.В., Лаптева Т.Н.* К истории и перспективам изучения жизни и творчества Антония Васильевича Флоровского // Как зарождалась русская Прага: Материалы международного круглого стола, Прага, 26 июня 2017 г. М., 2017. С. 18–27.

[3] АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 100. Л. 2–50.

[4] *Флоровский А.В.* Из истории Екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве. Одесса, 1910; *Он же.* Состав Законодательной комиссии 1767–1774 гг. Одесса, 1915; *Он же.* К истории текста «Жалованной грамоты дворянству» 1785 года // Русский исторический журнал.1917. Кн. 3–4. С. 186–194; *Он же.* Два произведения Императрицы Екатерины II для Законодательной Комиссии 1767–1774 // Русский Архив. 1917. Кн. 2–3. С. 1–44.

[5] *Он же.* «Воля панская и воля мужицкая». Страница из истории аграрных волнений в Новороссии 1861–1863. Одесса, 1921; *Он же.* Освобождение крестьян по проектам губернских комитетов Новороссийского края // Ученые записки высшей школы г. Одессы. Т. 1. Вып. 1. Одесса, 1921.

[6] См., например: *Флоровский А.В.* Академия наук и законодательная комиссия 1767–1774 гг. // Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией в Праге. Т. 1. Вып. 2. Прага, 1924. С. 103–176; *Он же.* Шведский перевод «Наказа» императрицы Екатерины II // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1927. Т. 1. С. 149–159; *Он же.* К характеристике императрицы Екатерины II – законодательницы // Сборник Русского института в Праге. Прага, 1929. Т. 1. С. 261–278; *Он же.* Две политические доктрины («Наказ» и Дидро) // Труды IV съезда Русских академических организаций за границей. Белград, 1929. Ч. 1. С. 113–119 и др.

[7] См.: *Аксенова Е.П.* Антоний Васильевич Флоровский о Романовых // Славяноведение. 2013. № 5. С. 69–70, а также: *Ковалев М.В*. Имперская идея в учебных нарративах русской эмиграции 1920–1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Вып. 4 (27) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: http://mes.igh.ru//s207987840000732-4-1 (дата обращения: 21.09.2018).

[8] *Аксенова Е.П.* Указ. соч. С. 72.

[9] *Там же.* Указ. соч. С. 71.

[10] *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С. 216.

[11] *Ковалев М.В*. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940-е годы). Саратов, 2012. С. 296; *Он же*. Имперская идея в интеллектуальной культуре русской эмиграции // Имперские концепции в России и Германии в начале XX века. Oldenbourg, 2018. С. 130–140.

[12] Там же. С. 296–299.

[13] АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 100. Л. 25.

[14] *Аксенова Е.П.* Указ. соч. С. 70.

[15] *Florovskij A*. Obchodní styky Čech a Moravy s Východní Evropou v XVI. aXVII. století // Записки Научно-исследовательского объединения Русского свободного университета. Прага, 1938. Т. VIII (XII). № 48. С. 1–14; *Eadem.* Česko-ruské obchodní styky v minulosti (X – XVIII. století). Praha, 1954.

[16] Archiv Univerzity Karlovy. F. Filozofická fakulta Univerzity Karlovy. Inv. č. 206.

[17] АРАН. Ф. 514. Оп. 3. Д. 113. Л. 1–1 об.

[18] См.: *Ковалев М.В., Лаптева Т.Н.* «В Москве я был последний раз ровно 50 лет назад…» Из переписки А.В. Флоровского с советскими историками В.Т. Пашуто, А.А. Зиминым и Е.П. Подъяпольской // Исторический архив. 2014. № 4. С. 66–87; *Ковалев М.В.* Зигзаги судьбы: профессор А.В. Флоровский и его советские коллеги // Россия XXI. 2016. № 4. С. 82–105; № 5. С. 84–97; № 6. С. 98–113.

О.Д. Лившиц

Мария Васильевна Кленова – исследователь Антарктики (по материалам Архива РАН)

O.D. Livshic

Maria Vasilyevna Klenova is an explorer of the Antarctic (according to the materials of the Archive of RAS)

Аннотация: в статье на основе архивных документов дано описание экспедиций Марии Васильевны Кленовой, океанографа, которая проводила исследования в арктических льдах на малых суднах «Персее» и «Книповиче». Она внесла огромный вклад в развитие морской геологии.

Ключевые слова: М.В. Кленова, океанограф, Арктика, архивные документы, экспедиции, исследование.

Abstract: the article on the basis of the archival documents describes the expeditions of Maria Vasilyevna Klenova, the oceanographer, who sailed and conducted the research in the Arctic ices on small vessels «Perseus» and «Knipovich». She made the huge contribution to the development of marine Geology.

Keywords: M. V. Klenova, oceanographer, Arctic, archival documents, expeditions, research.

В Архиве РАН на хранении находятся уникальные документы, рассказывающие о жизни и научной деятельности ученых с мировым именем. Среди личных фондов ученых в Архив РАН был передан фонд океанографа, доктора геолого-минералогических наук (1937), профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР (1969) Кленовой Марии Васильевны, который поступал в Архив АН СССР из Архива и Кабинета геологических исследований

Института океанологии им. П.П. Ширшова АН СССР в 1977–1982 гг. Документы фонда представлены научными трудами, инструкциями, методическими разработками по работе над геологией морей и другими материалами о деятельности ученой, перепиской. Отдельный раздел фонда содержит биографические документы: это различные удостоверения, дипломы, аттестаты и свидетельства об учебе М.В. Кленовой, имеется небольшое количество фотодокументов.

Мария Васильевна была смелой и самоотверженной исследовательницей, первопроходцем в науке. Она опускалась в морские глубины на аппарате – прообразе современного батискафа, проводила исследования в арктических льдах и в штормовой Атлантике, высаживалась на ледяной шельф Антарктиды и на дрейфующие льдины в Северном Ледовитом океане. В первую очередь вызывают интерес экспедиции, которые выполнялись на малых суднах «Персей» и «Книпович», и их можно по праву считать выдающимися в славной истории отечественных арктических исследований.

В марте 1921 г. В.И. Лениным был подписан декрет о создании Плавучего Морского Научного Института (Плавморин) для исследования северных морей их островов и побережий, имеющих в настоящее время государственно-важное значение. Руководство Плавморина буквально сотворило чудо. В 1922 г. был построен специальный пароход – первенец советского Научно-исследовательского флота «Персей» (300 тонн, деревянная шхуна), на котором ежегодно проводились экспедиции в Белом, Баренцевом и Карском морях. «В экспедициях на “Персее” впервые женщины завоевали себе право участвовать в морской океанографической работе»[1]. М.В. Кленовой пришлось приложить немало усилий, чтобы доказать ссвои способности к тяжелой морской работе и свое право на нее.

Уже в 1923 г. экспедиция института впервые вышла из Архангельска на новом научно-исследовательском судне «Персей». Его

оборудовали для океанографических работ. Он стал не только первенцем советского научно-исследовательского флота и первым судном, спущенным на воду после Октябрьской революции, но и колыбелью советской океанографии. Еще не были ликвидированы последствия интервенции и гражданской войны. Для молодой советской республики северные моря служили единственным выходом в мировой океан. Однако берега их никак не охранялись, а за границей уже начали проявлять к нашим островам усиленный интерес, поэтому каждый рейс «Персея» имел политическое значение, утверждая интересы советского государства в западных арктических водах. Каждый рейс в то же время был первооткрывательским. Из воспоминаний Марии Васильевны Кленовой: «Рейсы "Персея" в северо-западную часть Баренцева моря и плавания во льдах были в то время смелым экспериментом. Ледовой разведки тогда не было. Слабая судовая радиостанция не могла обеспечить надежную связь с материком, а радиостанции на островах отсутствовали. Деревянный "Персей" был построен с большим запасом прочности. Он неоднократно подвергался сжатиям, таранил лед своим деревянным же форштевнем, неимоверно скрипел, но из борьбы с льдами всегда выходил победителем. Скрип на "Персее" был пронзительным. Он действовал на нервы неопытным участникам экспедиции, но мы любили нашего "Персюшку", как живое существо»[2].

В 1925 г. 27-летняя аспирантка МГУ Мария Васильевна Кленова впервые вышла в море на экспедиционном судне «Персей» и в последующие шесть лет принимала участие в 10 плаваниях на нем в полярных морях в качестве геолога экспедиции. Вот только один штрих, ярко характеризующий условия работы, который привела в своих воспоминаниях М.В. Кленова: «Иду по острову, считая шаги – приходится проводить шагомерную съемку. Делаю зарисовки, замеры падения и простирания, отбираю образцы – черные известняки кажутся первоначально однородными, но потом начинаешь различать мало заметные особенности отдель-

ных пластов. Пласты круто наклонены на запад, местами волнисто изогнуты. Вот попалась прослойка с ископаемыми – брахиоподами[3]. Стараешься проследить ее направление и вот снова в другом обнажении эта же прослойка – восторг и упоение. Хочется петь! Ни с чем не сравнимое счастье первооткрывательства! Вознаграждение за все неудобства и лишения плавания! А ландшафт – черные скалы, синие заливы и озера, желтая трава в низине. Никаких других красок. Прозрачный осенний воздух Арктики. Это крайний юг Новой Земли, ледников здесь нет, но местами в западинках у подножья склонов еще с прошлого года сохранился снег. Редкие белые пятна подчеркивают черноту скал... Волшебное впечатление!»[4]. В 1929 г. она ушла в море на «Персее», будучи начальником морской экспедиции. Впервые женщина возглавила морскую экспедицию.

В 1932 г. М.В. Кленова плавала в Баренцевом море на моторном боте «Книпович» водоизмещением всего 100 тонн – маленькое деревянное судно Океанографического института[5], которое проходило там, где до него не удавалось пройти ни одному самому мощному ледоколу. 18 августа 1932 г. «Книпович» вышел из Полярного[6]. На следующий день пришлось укрыться от шторма у полуострова Рыбачий. 20 августа бот направился на север, но еще четверо суток сильный северный ветер не позволял производить исследовательские работы. Судно продвигалось на север со скоростью всего 1–2 узла[7]. 27 августа слева на северо-западе показалась кромка льда, а еще через сутки исследователи увидели весь окруженный льдами остров Белый.

Судно повернуло на восток к острову Виктория, отыскать который оказалось совсем не просто из-за плохой видимости. Да и обозначен он был на карте не совсем верно. Экспедиция обошла остров, описала его и отметила на карте. Высадиться на него было очень трудно. Лед, которым был покрыт остров, обрывался отвесной стеной прямо в море. Исследователи обнаружили на северо-восточной оконечности острова небольшую косу, которая

выходила из-подо льда. На нее и высадилась береговая партия, в торжественной обстановке впервые поднявшая Государственный флаг СССР на этом самом северо-западном острове отечественного сектора Арктики.

При следовании к мысу Желания – самому северному мысу Новой Земли – льды становились все сплоченнее. 5 сентября в тяжелых льдах была сильно повреждена ледовая обшивка судна, пришлось ждать перемены ветра. Экспедиция в полной мере использовала попутный ветер: возглавляющий экспедицию контр-адмирал, доктор географических наук Н.Н. Зубов распорядился поднять кливер, и бот стал двигаться еще быстрее, причем словно сам выбирал себе дорогу, обходя большие льдины, проходя в щели между ними, расталкивая бортами обломки льдин[8].

В одном из докладов о рейсе на «Книпович» Мария Васильевна Кленова писала: «Кливер – самостоятельное продвижение "Книповича", способ старых китобоев, шторм все усиливался. Выход из льдов. Путь в шторм. Новая Земля и Мыс Желания – станции приятно видеть после 1927 г., когда были только медведи, от которых приходилось спасаться бегством. Теперь зимовка, о ней мало пишут, но это одна из наиболее трудных зимовок на границе 2 морей: ветра, медведи, еще не смененные зимовщики. Разрез к северу, нефть и вода на исходе. Разрез к Земле Визе. Плоский пустынный остров. Обратный путь – промеры. Пройдено 3000 миль, то есть около 5000 километров. Сделано 38 статей с полными работами и 75 станций, где были пробы грунта. 400 промеров в белых местах карты. Блестящее подтверждение теории Н.Н. Зубова. Научное значение этого рейса пока еще трудно полностью оценить, он имеет и политическое значение в том отношении, что окончательно закрепляет за СССР право на Земли Франца-Иосифа. Во втором МПГ[9] выход в Полярный бассейн и наблюдения над льдами»[10].

В этом исследовательском рейсе была обойдена с севера Земля Франца-Иосифа. В 1933 г. М.В. Кленова возглавила морскую экспе-

дицию на «Книповиче». Впоследствии она вспоминала: «На малых кораблях “Персее” и “Книповиче” мы в полной мере ощущали и штормы, и льды, и отсутствие карт и другого навигационного обеспечения. Много раз приходилось прерывать работы и “штормовать” или менять маршрут, чтобы избежать ледового плена, или даже слабыми силами пробиваться через лед. Небольшие, но хорошо приспособленные суда могут много сделать для исследования Арктики и, кроме того, гораздо дешевле больших ледоколов»[11].

Успех работы ученых на «Персее» и «Книповиче» во многом связан с культивируемой в научной среде атмосферой любви к Северу и северной природе. Мария Васильевна Кленова не исключение, она была очарована на всю жизнь Севером, искренне восхищалась и уважала уникальную природу северных морей. В капитальном труде «Геология Баренцева моря» Мария Васильевна в полной мере отразила свою любовь к Северу: «Плоское белесовато-голубое небо, низкое светящее, но не греющее солнце в туманной дымке; море светло-синее, гладкое, как политое маслом, усеянное плавучими льдами, напоминающими обломки гигантской стеклянной и фарфоровой посуды. Розовый от лучей заката снег на острове Рудольфа, черные зубцы скал мыса Флигели. Любопытная морда тюленя и его изящные плавные движения в прозрачной воде, когда он ныряет вокруг судна. Древние горы спящей красавицы Новой Земли, запорошенные первым снегом и поднимающиеся прямо из бурного и синего-синего моря. Шпицбергенские многоверстные ледники и черные острые вершины при лунном свете в полярную ночь… Широкие волны Гренландского моря и мелкая неправильная волна мутноватого Карского. И ледяные шапки островов, и весенние дни у берегов Мурмана, когда соленый йодистый запах моря сливается с запахом свежего снега. И многое-многое другое, неизгладимое и незабываемое на всю жизнь.

Такова Арктика!

Льды, теснящие судно, штормовая погода, тяжелый труд, порою лишения – все это забывается быстро. После месяцев пла-

вания по свинцово-серому морю, под серым нависшим небом особенно приятно любоваться на пожелтевшие березки на берегах Северной Двины или смотреть на мягкие очертания гранитных массивов Мурмана, расцвеченных малиновыми, фиолетовыми, желтыми красками осенних листьев черники, полярной березки, багульника. Приятно посмотреть на «настоящие» высокие леса и на теплое южное море. Но кто раз полюбил Арктику, тот уже не забудет ее. И как художник не может передать на полотне всю чистоту и прелесть полярных красок, так не хватает и слов для их описания»[12].

За заслуги перед Отечеством Мария Васильевна в 1951 г. была награждена орденом Ленина, в 1975 г. – орденом «Знак Почета», а в 1969 г. ей было присвоено звание Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР. Ее именем названы горы на побережье Русской гавани на Новой Земле, где она проводила исследования в 1920-е гг.

Примечания

[1] АРАН. Ф. 1758. Оп. 1. Д. 45. Л. 2.

[2] Там же. Д. 160. Л. 46.

[3] Тип морских беспозвоночных животных.

[4] АРАН. Ф. 1758. Оп. 1. Д. 160. Л. 13–14.

[5] Государственный океанографический институт им. Н.Н. Зубова.

[6] Полярный – город в Мурманской области России.

[7] Скорость. 1 узел = 1,852 км/ч.

[8] *Ципоруха М.И.* Моря российской Арктики. М., 2008. С. 3.

[9] Второй международный полярный год.

[10] АРАН. Ф. 1758. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–2.

[11] Там же. Л. 2.

[12] *Кленова М.В.* Геология Баренцева моря. М., 1960.

А.Э. Рыбченкова

Документы нобелевского лауреата Г.Дж. Меллера в Архиве РАН

A.E. Rybchenkova

Documents of the Nobel laureate H.J. Muller in the Archive of RAS

Аннотация: в статье рассказывается о хранящихся в Архиве РАН документах, связанных с жизнью и работой в СССР одного из основателей радиационной генетики, лауреата Нобелевской премии Г.Дж. Меллера. В их числе научные труды и личная переписка с различными учеными: Н.К. Кольцовым, А.С. Серебровским, П.П. Лазаревым, И.И. Шмальгаузеном.

Ключевые слова: Г.Дж. Меллер, личный фонд, научное наследие, генетика, евгеника.

Abstract: the article highlights the documents stored in the Archive of RAS related to the life and work in the USSR of one of the founders of radiation genetics, Nobel Prize winner H.J. Muller. Among them are scientific works and personal correspondence with various scientists: N.K. Koltsov, A.S. Serebrovsky, P.P. Lazarev, I.I. Schmalhausen.

Keywords: H.J. Muller, personal fund, scientific heritage, genetics, eugenics.

Герман Джозеф Меллер (1890–1967) – выдающийся американский генетик, ученик одного из основоположников генетики Т.Х. Моргана, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине в 1946 г. «За открытие появления мутаций под влиянием рентгеновского излучения», один из основателей радиацион-

ной генетики. В 1933 г. избран в члены-корреспонденты АН СССР. В 1933–1937 гг. работал в Институте генетики АН СССР.

В Архиве РАН хранятся документы, связанные с деятельностью Г.Дж. Меллера, которые находятся в фондах Президиума АН СССР, Института генетики АН СССР и в личных фондах ученых.

Несмотря на то, что в СССР Г. Меллер приехал только в сентябре 1933 года[1], существуют гораздо более ранние свидетельства его связей с советскими учеными и Советским Союзом. Во всей имеющейся в Архиве РАН научной переписке с Г. Меллером ясно видно его искреннее участие и заинтересованность в развитии мировой науки независимо от национальных и языковых границ. Так, сохранились письма Г. Меллера П.П. Лазареву по поводу приглашения на конвенцию Американского Общества Зоологов в 1923–24 гг., рекомендации Меллера относительно визита Лазарева в США и публикаций в России, Франции и Голландии[2]. Поддерживал стремление своих советских коллег популяризировать российскую науку Г. Меллер и после возвращения на родину: сохранилось письмо И.И. Шмальгаузена, касающееся перевода и публикации на английском языке ряда его работ («The Organism as a whole in Development and evolution», «Trends of the evolutionary process», «Factors of evolution»), ранее издававшихся только в СССР и за границей малоизвестных[3].

Особого внимания заслуживает обширная коллекция писем Г. Меллера Н.К. Кольцову и А.С. Серебровскому[4]. Еще в 1922 г. Серебровский активно обсуждал с Меллером содержание своей готовящейся статьи «Анализ наследования количественных (трансгрессивных) признаков», в том числе точных формул и правильности перевода[5]. Окончательный вариант статьи и отзыв Меллера также хранятся в Архиве[6]. С присущим ему живым участием к делу развития мировой науки Меллер всеми силами способствовал публикации работ советских ученых в международных изданиях, как, например, в случае с математическим трудом Серебровского, который он пересылает редак-

тору журнала Genetics[7]. В свою очередь, Серебровский освещал научные достижения Меллера в советской прессе: сохранилась пояснительная статья о природе и механизме генов и мутаций Серебровского «Четыре страницы, которые взволновали ученый мир»[8] к опубликованной в № 1699 журнала «Science» заметке Меллера «Искусственная трансмутация генов». В личной переписке с А.С. Серебровским Г. Меллер выражает большой интерес к генетическим экспериментам в Аниково, ученые обмениваются данными о полученных мутациях и даже культурами дрозофил. Примечательно, что в числе обсуждаемых проблем есть и влияние рентгеновского излучения на процесс мутаций; именно эти исследования принесли Меллеру мировую известность[9]. Задолго до приезда в СССР Г. Меллер также вел активную переписку с Николаем Константиновичем Кольцовым: наиболее раннее из писем датируется 17 августа 1923 г. Они обсуждают широкий спектр тем: от доступных во время визита Кольцова в Техас интересных объектов для зоологических исследований, возможностей свободного обсуждения теории эволюции, получения различных мутаций у дрозофил[10] и до малоизвестных в то время за рубежом работ русских ученых (например, Е.О. Манойлова)[11]. Г. Меллер также высоко оценивает достижения группы ученых Н.К. Кольцова уже по приезду в Советский Союз: «<…> По моему мнению, равных этой группе нет за пределами этой страны на всем европейском континенте <…>»[12]. Дружескую связь с Кольцовым Меллер сохранит до конца жизни. Примером тому можно считать сохранившееся в личном фонде Николая Константиновича приглашение на свадьбу Теи Канторович и Германа Джозефа Меллера от 1939 г.[13]

Существует целый комплекс документов, связанный с обстоятельствами его приезда в СССР. В 1932 г. на Третьем Международном Конгрессе Евгеники в Нью-Йорке Меллер представил работу «The Dominance of Economics over Eugenics», где горячо отстаивал идею, что только в социалистической стране, где все

дети независимо от пола и цвета кожи имеют равный доступ к образованию, жилищным условиям и социальным благам, возможно было бы успешное воплощение программы евгеники. В Архиве РАН сохранилась основанная на речи Г. Меллера статья «Евгеника в условиях капиталистического общества»[14] со следующими словами: «Меры, которые могли бы действительно повлечь за собою увеличение рождаемости и накопление ценных генов, противоречат господствующим принципам и действующим побуждениям частнособственнической системы с ее индивидуалистической идеологией. Некоторые евгеники предлагают выдавать на детей субсидии, но это предположение обнаруживает полное непонимание происхождения и значения изложенных трудностей, механизма и ограничивающего действия капиталистической системы. В рамках последней мы не можем надеяться достичь полного перераспределения товаров и услуг, полной реорганизации привычек и отношений, что одно могло бы оказаться достаточным для исправления существующего положения вещей. То, что требуется в настоящее время, не есть просто индивидуальная премия, подачка или какой-либо иной вид благотворительности, такой вид, который (при известной доле воображения) мог бы быть излит на отдельных избранников. Требуется общество, сознательно организованное для общего блага с тем, чтобы обеспечить каждому экономическое благосостояние, общество, полностью выполняющее свои обязательства по отношению как к младшему, так и к старшему поколению, которое производит и выращивает младшее. А все это предполагает обобществление средств производства <…>. Экономическая система капитализма, восхваляя все достижения частных выгод, независимо от того, что это стоит другим, внедряет идеалы скорее хищнического, нежели созидательного характера. Следствием этого является то, что установленные идеальные признаки, которые большинство современных евгеников и население в целом будут считать целью евгеники, на самом деле очень далеки от того иде-

ала, который должен считаться наиболее желательным в хорошо организованном обществе»[15]. Настоящим шоком для читателей газет по всему миру было слышать открытый призыв покончить с расовой дискриминацией и претензиями на классовое превосходство – особенно принимая во внимание марксистский язык Меллера и его явные симпатии Советскому Союзу как единственной стране, имевшей, по его мнению, потенциал воплотить такие идеи[16]. На самом конгрессе доклад Меллера также был встречен с большим неудовольствием и недоверием, и о попытках сорвать свое выступление Г. Меллер с возмущением рассказывал в письме А.С. Серебровскому, С.Г. Левиту и И.И. Аголу[17].

Разочаровавшись в американском научном сообществе, Меллер отправился в Европу, в Институт мозга в Берлине, где работал в тандеме с Н.В. Тимофеевым-Ресовским, но приход к власти нацистов быстро положил конец этому союзу. Здесь необходимо отметить, что Г. Меллер неоднократно получал приглашения от советских ученых, таких как А.С. Серебровский, С.Г. Левит и Н.К. Кольцов (сохранилось письмо Кольцова Меллеру с приглашением работать в Институте генетики АН СССР (ИГЕН) и описанием достижений Института в области генетики, например, кроссинговера и мутации под влиянием различных химических элементов)[18]. Однако именно после разговора с Н.И. Вавиловым в Берлине Меллер принял предложение работать в Академии наук СССР[19]. С этого времени он вел активную переписку с Непременным секретарем АН В.П. Волгиным по поводу условий переезда и проживания в СССР. Глубокая уверенность в том, что именно в Советском Союзе можно добиться замечательных успехов в области генетических исследований и готовность к преодолению любых трудностей видна в письме Волгину от 11 июня 1933 г.: «<…> Я готов полностью адаптироваться к нуждам и обстоятельствам в СССР, и, если будет предпочтительно, приехать один, или только с моим ассистентом, господином О. Офферманом, без каких-либо особых требований к жилым условиям

или иным личным вопросам. Мое единственное побуждение – быть полезным любым наиболее эффективным образом в СССР <…>»[20]. В Ленинград Г. Меллер приехал 27 сентября 1933 г. и был принят на должность старшего генетика ИГЕН[21].

Одним из первых сохранившихся научных документов, относящихся к периоду работы Г.Дж. Меллера в СССР, являются тезисы доклада «Генетика и эволюция», представленного уже 17 ноября 1933 г. в помещении Лаборатории Генетики[22]. Меллер вообще отличался высокой работоспособностью, энергичностью и деятельностью, сохранились многочисленные выписки о его командировках как внутри страны, так и за границу[23], а также об участии в работе Международного Физиологического Конгресса в 1935 г.[24]. В 1935 г. его премировали за ударную работу полным собранием сочинений Ленина на английском языке с бюстом этого же вождя пролетариата[25]. Сохранился доклад Г.Дж. Меллера «О непрерывности и дискретности наследственного вещества», в котором описывается получение ряда разрывов хромосомы путем применения Х лучей и дальнейшее изучение эффекта этих разрывов как новый метод изучения отношений между наследственными частицами в генетике[26]. В то же время большое внимание уделялось Меллером сотрудничеству с другими учеными, особенно в области биологии, примером чего может служить отзыв о биологических работах В.П. Эфроимсона: «Настоящим заявляю, что, по твердому убеждению нижеподписавшегося, биологические работы Владимира Павловича Эфроимсона представляют высокую научную ценность. Принимая во внимание его молодость, результаты его исследований, которые он до настоящего времени опубликовал, представляются исключительными и свидетельствуют об уме большой проницательности и творческой силы»[27]. В Архиве РАН также сохранились переводы некоторых поздних работ Г. Меллера: это статья «Наука в рабстве» из книги «Научные работы по генетике. Избранные труды Г.Дж. Меллера»[28] 1962 г. и заметка об опасностях и ответственности, связан-

ных с умением изменять генетическую конституцию человека в заранее заданных направлениях, опубликованная в журнале «Science» в 1965 г.[29]

В сентябре 1937 г. изменения в политическом климате страны приводят к тому, что Меллер покидает и Институт генетики, и СССР. В Архиве сохранилось его письмо в Президиум АН СССР, в котором чувствуется глубокое уважение к приобретенному в СССР опыту: «Чувствуя необходимость принять такого рода шаг, я в то же время чувствую величайшее сожаление, уезжая из СССР. Несравнимой привилегией в моей жизни является чудесный опыт и возможность быть свидетелем в течение 4 лет исторического процесса действенного социализма в первой стране на Земле и даже возможность принимать некоторое, хотя и малое, участие самому. Мое самое горячее желание и надежды – на непрерывное и успешное развитие СССР и социализма, ведущего к коммунизму во всем мире. Я ни в какой мере не оставлю моего личного усилия в этом направлении, которое глубоко укоренилось во мне, наоборот, я буду продолжать пытаться работать таким образом, чтобы приспособить мои силы и ограниченные возможности для использования их с наибольшей пользой»[30]. Слово свое Г. Меллер сдержал. Когда его назначили хроникером секции теории хромосом и гена Седьмого Международного конгресса генетики, Меллер написал эмоциональное письмо Н.И. Вавилову, где подробно проинформировал его о программе конгресса и выразил готовность принять любые советы и рекомендации, особенно касающиеся участников из СССР, т.к. он как никто был близко знаком с работой советских ученых в этой области.

Личное участие в судьбе советской генетики и дружеская привязанность Германа Меллера к ученым коллегам не вызывают ни малейших сомнений. И тем больнее было ему наблюдать за разгромом когда-то передовых групп исследователей и репрессией пионеров научной мысли. В 1948 г. Меллер выступил с речью на Восьмом Международном конгрессе генетики, обличающей

преступления против науки, совершенные в СССР. В этом же году он отправил в Академию наук СССР полное внутренней боли письмо, в котором отказался от звания члена-корреспондента и вновь выразил свое глубокое возмущение сложившейся ситуацией на советской научной сцене. Г. Меллер следующим образом объясняет свой поступок: «Обстоятельством, побудившим меня сделать это, является ряд действий вашего Президиума, о которых недавно было сообщено в печати и которые выразились в устранении, вероятно, за их приверженность к генетике таких замечательных ученых, как ваш наиболее выдающийся физиолог Орбели, как ваш наиболее выдающийся исследователь в области морфогенеза Шмальгаузен, в ликвидации Цитогенетической лаборатории крупнейшего из ваших оставшихся генетиков Дубинина, в заявлении о вашей поддержке шарлатана Лысенко, в отношении которого вы унизили себя еще несколько лет тому назад, приняв его в число ваших членов, и в отрицании, по его настоянию, принципов генетики»[31]. Это письмо было рассмотрено на закрытом заседании Президиума АН СССР, где было принято решение исключить Меллера из числа иностранных членов-корреспондентов «за клеветническую, враждебную Советскому Союзу деятельность»[32]. Так имя лауреата Нобелевской премии, генетика с мировым признанием и старинного союзника Советского Союза оказалось на долгие годы предано забвению наряду со многими выдающимися советскими и иностранными учеными. И лишь спустя более чем 40 лет доброе имя 49 необоснованно исключенных членов Академии наук СССР было посмертно восстановлено Постановлением АН СССР от 22 марта 1990 г.[33] Среди них было и имя Германа Джозефа Меллера.

Примечания

[1] АРАН. Ф. 2. Оп. 1(1933). Д. 7. Л. 457. См. письмо Г. Меллера к Непременному секретарю АН СССР В.П. Волгину о прибытии с женой, ребен-

ком и ассистентом О. Оффермaном с задержкой из-за проблем с багажом 27 сентября 1933 г. в Ленинград.

[2] АРАН. Ф. 459. Оп. 4а. Д. 174. Л. 1–9. Письма Г. Меллера П.П. Лазареву.

[3] АРАН. Ф. 1504. Оп. 3. Д. 25. Л. 1–5. Переписка Шмальгаузена И.И. с Г. Меллером. Не ранее 1946 г.

[4] АРАН. Ф. 1595. Оп. 1. Д. 437. Л. 1–23. Письма А.С. Серебровскому от Г. Меллера, профессора Техасского университета, на английском языке по вопросу исследования мутаций ген дрозофил в лабораториях в Аниково и Техасе, в том числе мутаций, вызванных воздействием рентгеновских лучей. 1923–32 гг.

[5] Там же. Д. 402. Л. 2–5. Письма А.С. Серебровского Г. Меллеру, профессору Техасского университета, на английском языке с переводом на русский язык. Приложение: копия письма от 01 февраля 1922 г. написанное Р.И. Серебровской. 1922–29 гг.

[6] Там же. Д. 78. Л. 1–26. Статья Серебровского А.С. «Анализ наследования количественных (трансгрессивных) признаков» / «An analysis of the inheritance of quantitative [transgressive] characters» на английском языке с вставками Г. Меллера и пометами А.С. Серебровского. Приложено письмо Г. Меллера и его отзыв на статью. [Не позднее 1926 г.]

[7] Там же. Д. 437. Л. 13. Письма А.С. Серебровскому от Г. Меллера, профессора Техасского университета. 18 января 1926 г.

[8] Там же. Д. 92. Л. 1–5. Статья «Четыре страницы, которые взволновали ученый мир»: пояснение профессора А.С. Серебровского к опубликованной в № 1699 журнала «Science» заметке Г. Меллера «Искусственная трансмутация генов». Опубликована: газ. «Правда», № 297, 1927 г.

[9] Там же. Д. 437. Л. 16–18. Письма А.С. Серебровскому от Г. Меллера, профессора Техасского университета. 25 февраля 1929 г., 20 января 1930 г., 10 февраля 1930 г.

[10] АРАН. Ф. 450. Оп. 3. Д. 172. Л. 59–74.

[11] Там же. Л. 50–58.

[12] Там же. Л. 64.

[13] Там же. Оп. 2. Д. 36. Л. 8.

[14] АРАН. Ф. 586. Оп. 5. Д. 55. Л. 1–5. Статья Г. Меллера «Евгеника в

условиях капиталистического общества. Об искажении понимания нужд евгеники в условиях капитализма». [Не ранее 1933 г.]

[15] Там же. Л. 3, 5.

[16] *Carlson, Elof A*. Hermann Joseph Muller 1890–1967. A biographical memoir. Washington, D.C.: National academy of sciences, 2009. [17] АРАН. Ф. 1595. Оп. 1. Д. 437. Л. 22–23. Письма А.С. Серебровскому от Г. Меллера, профессора Техасского университета. 22 июня 1932 г.

[18] АРАН. Ф. 450. Оп. 3а. Д. 17. Л. 20–20 об. Письмо Н.К. Кольцова Г. Меллеру с приглашением работать в Институте генетики. [Не позднее 1932 г.]

[19] АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1933). Д. 7. Л. 105–106. Переписка Г. Меллера с секретарем АН СССР В.П. Волгиным. 1932–33 гг.

[20] Там же. Л. 476.

[21] АРАН. Ф. 201. Оп. 2а. Д. 70. Л. 27–28. 1 июня 1934 г.

[22] АРАН. Ф. 277. Оп. 5. Д. 54. Л. 2–5. Тезисы доклада Г. Меллера «Генетика и эволюция». 1933 г.

[23] АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1934). Д. 41. Л. 499–501. Ф. 201. Оп. 2а. Д. 70. Л. 15, 12, 17.

[24] АРАН. Ф. 201. Оп. 2а. Д. 70. Л. 13.

[25] Там же. Л. 14.

[26] АРАН. Ф. 2. Оп. 2 (1934). Д. 30. Л. 129–153. Доклад Г. Меллера «О непрерывности и дискретности наследственного вещества». 1934 г.

[27] АРАН. Ф. 2024. Оп. 1. Д. 173. Л. 1. Отзыв Г. Меллера о биологических работах В.П. Эфроимсона в виде перевода с английского языка. 16 мая 1934 г.

[28] АРАН. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 281. Л. 37–39. Научные работы по генетике. Избранные труды Г.Дж. Меллера. «Наука в рабстве», перевод с английского языка. США, 1962 г.

[29] Там же. Д. 248. Л. 1–3. Заметка Г. Меллера «Ученые и евгеника», перевод с английского языка. Опубл. «Science», том 149, № 3689. 1965 г.

[30] АРАН. Ф. 201. Оп. 2а. Д. 70. Л. 24. 22 сентября 1937 г.

[31] АРАН. Ф. 411. Оп. 8. Д. 67. Л. 5–6. Открытое письмо Г. Меллера в Академию наук СССР, в котором Меллер отказывается от звания члена-корреспондента АН СССР. 24 сентября 1948 г.

[32] Там же. Л. 18–19.

[33] *Э.А. Жебрак.* Нобелевский лауреат Герман Меллер против Академии наук. // Человек. 2004. № 5. С. 79–88.

А.Г. Цыпкина

Межнациональные отношения в г. Трапезунде в 1916–1917 гг. и русская научная экспедиция (по воспоминаниям современников)*

A.G. Tsypkina

The interethnic relations in Trebizond in 1916–1917 and a Russian research expedition (according to the memories of contemporaries)

Аннотация: в настоящей статье автор рассматривает межнациональные отношения в г. Трапезунде в 1916–1917 гг. и условия работы Трапезундской экспедиции под руководством академика Ф.И. Успенского. Исследование было проведено на основе русских и зарубежных архивных материалов, воспоминаний и переписки участников событий, впервые собранных вместе. Приводятся наиболее яркие свидетельства очевидцев и цитаты. По результатам исследования были сделаны выводы об общей обстановке в г. Трапезунде во время занятия его русской армией.

Ключевые слова: С.Р. Минцлов, А.Е. Крымский, Ф.И. Успенский, Первая мировая война, Я.И. Кефели, геноцид армян, Трапезундская экспедиция.

Abstract: in this article, the author examines interethnic relations in Trabzon in 1916–1917 and the working conditions of the Trebizond expedition under the guidance of Academician F.I. Uspensky. Paying a general attention to cultural and religious interactions, the author also considers the stories connected with the Armenian genocide, the Greek-Turkish relations and the decisions taken by the Russian city

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект №14 -28-00213.

administration on inter-ethnic issues. The study was conducted on the basis of unpublished Russian and foreign archival materials, memoirs and correspondence of the participants, first collected together and analyzed. New data on life in Trebizond, interethnic relations and Russian influence on the life of the city and the region are introduced in the scientific studies, as evidence of this or that position the most striking testimonies of eyewitnesses and quotations are given. The reason for the shortcomings in the administration was the lack of staff in the administration and not the definite place of the city, which fate was connected with the outcome of the First World War.

Keywords: Ja.I. Kefeli, S.R. Mintslov, A.E. Krymsky, F.I. Uspensky, The First World War, Armenian genocide, Trebizond expedition.

В ходе Первой мировой войны 5 апреля 1916 г. русская армия заняла турецкий г. Трапезунд. Насчет межнациональных отношений был составлен особый рескрипт, где отмечалось, что трапезундский округ теперь подчиняется законам Российской империи, которые «не допускают обид, а тем более грабежей и насилий над населением, какой бы национальности оно ни было», потому что все перед законом равны[1]. Неисполнение строго каралось. Воплощение этого закона на практике, а также жизнь города во время правления русской администрации изучены недостаточно полно, несмотря на существующие по этому сюжету работы. Настоящая статья призвана восполнить пробел, анализируя и вводя в научный оборот совокупность новых источников по данному вопросу.

Местное население до 1915 г. в Трапезунде было более разнородно, но после трагических событий армянского геноцида и к приходу русских войск в город там оставались только греки и турки. Свидетельство о «правительственно организованной резне» армян содержит записная книжка академика Ф.И. Успенского, посланного в прифронтовую полосу в качестве руководите-

ля Трапезундской экспедиции[2]: «Не менее 9 тысяч пострадали в городе Трапезунте. Сначала устроили выселение, а дорогой бесчеловечно избивали в некотором удалении от города. Резня [была] произведена по всему анатолийскому побережью до Синопа. Погибли не один десяток тысяч. За избиением последовало разграбление»[3]. Как сообщает в воспоминаниях бывший городской голова доктор Кефели, «когда генерал Ляхов вошел в город, европейцы и местные христиане указали ему на турок, особо свирепствовавших в истреблении армян. По решению военно-полевого суда, был публично повешен один турок, бывший полицейский пристав»[4]. «К ужасам армянского истребления турками присоединились неистовства греческого разграбления турецких кварталов»[5] (до вступления русской армии в Трапезунд). Естественно, отмечалось, что грабила город в основном «местная чернь».

По въезде в Трапезунд судьба столкнула доктора И.Я. Кефели с грустной историей любви трапезундских Ромео и Джульетты, молодых и красивых турецкого офицера и армянской девушки, в квартиру которых он поселился. «Когда началось поголовное истребление армян, мужчин и женщин арестовывали, выводили в город и убивали, подвергая их предварительно истязаниям, а детей топили живыми в мешках в море, офицер-турок взял к себе молодую красивую армянскую девушку и поселил ее у себя на квартире, которая теперь стала нашей. <…> Армянка глубоко полюбила своего турка и оставалась с ним; по временам только плакала». Когда в Трапезунде появился казачий разъезд, турок застрелился; вслед за ним – и его возлюбленная: «Кровь влюбленных супругов-врагов широкой лужей разлилась по полу, смешавшись в одно общее целое, неразделимое навеки и несмываемое»[6].

Впрочем, наблюдения Кефели бывали и курьезными: «В Трапезунде “турки” похожи на “греков” и наоборот. Одно замечательно для местного населения и на что всегда обращала внимание моя жена: дети там в отроческом возрасте – голубоглазые и кучерявые блондины, в особенности среди греков. Взрослые же

поголовно черные и по глазам, и по волосам, и каким образом местные дети, ангелочки-херувимы с крылышками, соскочившие с икон, становятся закопченными черномазыми турками и греками, – этническая загадка»[7].

Отношение к грекам было мягким. По воспоминаниям Ф.И. Успенского, начальник штаба корпуса говорил, что «мы относимся к грекам не как к подчиненному народу, а, напротив, как к элементу, способствовавшему нашим в стране успехам. К грекам неприменимы те требования, которые возможно предъявлять к армянам и туркам. Так, по его словам, было бы очень трудно потребовать от греческой митрополии или от греческого фронтистирион предъявления каталога имеющихся у них рукописей и древних предметов»[8]. Ф.И. Успенский в качестве дружественного жеста договорился о предоставлении пожертвований местной греческой церкви[9]. Однако отношения с трапезундским митрополитом Хрисанфом не были простыми. Летом 1917 г. Успенский сделал следующие наблюдения о переменах, произошедших в Трапезунде в связи с отъездом генерала Шварца в Петроград: «С новыми лицами в администрации, – писал Ф.И. Успенский в очередном отчете, – нужно вновь налаживать отношения и знакомить их с задачами и целями экспедиции…»[10]. Русская администрация потеряла значительную долю авторитета, а митрополит Хрисанф иногда даже мешал проводить исследования. На митрополита жаловался в письмах и Ф.М. Морозов: «Митрополит, узнав, что я запираю входы в пещеры, заявил мне, что он просит не вмешиваться в дело церкви – что он сам сумеет охранить памятники и не нуждается ни в чьей помощи»[11].

Меры по охране памятников, которые должна была осуществлять экспедиция Ф.И. Успенского, касались как церквей, так и мечетей, в этом нелегком деле учитывались национальные интересы. Н.К. Клуге в письме к Б.В. Фармаковскому с грустью отмечал, что при исследовании памятников решено было вести работы так, чтобы максимально избегать межнациональ-

ных столкновений, например, «в мечетях-церквах не снимать со стен штукатурки и по возможности избегать всего того, что могло бы оскорбить религиозное чувство турок»[12]. Хотя А.Е. Крымский и пишет, что «кладбище на углу Ляховской (Узун зов) и Великошляхетской улиц <…> по приказу генерала Шварца очищено от всех надгробных плит и превращено в бульвар для гуляния – одно из самых горьких оскорблений, нанесенных русскими турецкому населению»[13], в воспоминаниях доктора Кефели говорится об обратном – что турки дали на это разрешение[14]. О высокой степени ответственности Ф.И. Успенского в обращении с любыми памятниками древности свидетельствует и следующая запись в дневнике об одной из мечетей (Измаил-баба): «Обязательно нужно закрыть и охранить! Иначе стыд перед иноверцами и перед греками!»[15].

Русская администрация часто также выступала третейской стороной в решении многих спорных греко-турецких вопросов. В такой ситуации идеальным кандидатом на роль городского головы стал караим доктор Я.И. Кефели. Помимо того, что доктор немного знал турецкий язык, с Трапезундом у него «обнаружилась кумовская связь, по-турецки “кудалык”»: «Мой племянник Бей-заде Меджид-Юсуп Кефели, – писал Кефели, – потомок 25-ти султанов, из 35-ти всех царствовавших в течение 800 лет», «пра-пра-правнук Гюль-Бахар Валиде Султан, жены султана Селима Грозного и матери Сулеймана Великолепного»[16]. Деятельность Кефели была оценена как турками, так и греками, даже заслужила высокий отзыв митрополита Хрисанфа. В частности, во время случайной встречи с Кефели в Константинополе, Хрисанф говорил, что ни один городской голова старого Трапезунда не сделал для города и его благоустройства столько, сколько сделал Кефели за несколько месяцев[17]. Турецкие газеты писали о Кефели как о защитнике мусульманского населения, и в 1923 г. на азиатском берегу Босфора турецкий министр здравоохранения, которому была известна деятельность Кефели в бытность город-

ским головой, обещал доктору сделать все возможное, чтобы тот мог наладить в Константинополе свой аптечный бизнес.

Совсем уберечь Трапезунд от разрушений не удалось: «Наши инженеры обнаружили в Трапезунде шесть водопроводов различной древности и давности постройки <…>, – писал Кефели. – Керамиковые трубы водопроводов всех степеней давности были зарыты очень поверхностно <…> Солдаты, особенно казаки, чтобы напоить коня, не задумываясь, разрывали штыком или саблей землю, пробивали каблуком сапога древнюю керамическую четырехугольную трубу, пили сами студеную, чистую воду и поили своих лошадей. Бороться с этим было очень трудно. Скоро все эти шесть систем пришли в большое расстройство к вреду не только местного населения, но и самих завоевателей»[18]. Естественно, водопровод в скором времени был поврежден. В то же время русские способствовали благоустройству города: «Зато русские, в течение одного лишь года оккупации, построили для Трапезунда целый порт с волнорезом», но из-за революции «не успели закончить этого крупного сооружения. Мало того, они строили ширококолейную железную дорогу со стороны Батума, которая и по плану, и по реализации должна была соединить Трапезунд не только с Батумом и всей необъятной Российской империей, но и с промежуточными мелкими и важными турецкими портами, лежавшими в сторону Батума»[19]. О благоустройстве края написал сестре 4 августа 1917 г. в одном из писем А.Е. Крымский: «Работая меньше в архиве, исходил хорошо соседние горы. Изумительно хорошо возделаны. Русские провели много стратегических дорог, и ходить по самым крутым Таврским вершинам теперь очень удобно…»[20].

«По всему, – писал Ф.И. Успенский, – однако, видно, что русское занятие не вызывает никаких правонарушений: солдаты покупают в лавках и платят, хотя берут с них дорого, везде движение людей, нет запрещения циркуляции в городе и по ночам»[21]. В отношении дороговизны ничего не менялось ни в течение лета

1916 г.[22], ни в 1917 г.: «Половина домов – в развалинах и расхищена, но в остальных жизнь кипит ключом, и со стороны греков идет грабительство русских. Цены бешеные»[23], – писал А.Е. Крымский своей сестре по приезде в Трапезунд.

К концу лета 1917 г., когда «стали носиться слухи» о возможном уходе русских из Трапезунда, разлад стал заметен и в отношениях между русским и греческим духовенством. По свидетельству Ф.И. Успенского, выросли раздражение и нетерпимость со стороны греческого духовенства, начавшего подстрекать против нас местную молодежь из школьных учителей и учащихся[24]. Потому, «находя более удобным занятия под открытым небом и в стороне от мест публичного наблюдения и любопытства», в августе 1917 г. ученый стал ходить в Кремль[25] и «знакомиться с положением уцелевших в нем остатков зданий»[26]. Во времена турецкого господства в городе на территории крепости «разрешалось пребывание исключительно или наследника престола, или генерал-губернатора, не допускалось ломки прежних зданий и перестройка их и доступ в него был закрыт для местных обывателей и для иностранцев»[27], поэтому исследование крепости было тем более интересно.

Многие действия были не под силу русской администрации уже исходя из начальных условий организации управления. Записи Успенского еще по пути в Трапезунд содержат интересные сведения на счет организации управления в этом городе: «Мы действуем так же неосмотрительно, как и раньше в Галиции»[28]. Там же, по мнению некоторых современных историков, местные начальники «с ничтожным штатом служащих, преимущественно канцеляристов, не имя ни соответствующего объема полномочий, ни денежных средств, оказывались в ситуации, когда вообще какое бы то ни было реальное управление вверенной территорией становилось невозможным»[29]. Все это в какой-то мере относилось и к Трапезунду 1916-го, и 1917-го гг. «Главный смысл», как писал очевидец Ф.И. Успенский, состоял в «неосве-

домленности начальственных лиц с положением дела и в принятии ими таких решений, которые могут раздразнить против нас расположенные к нам элементы населения»; «полное отсутствие распорядительности: дороговизна, издевательства над русскими, все черное дело делается солдатами, местными жителями ничего не делается»[30]. «Трапезунд, увы, не остался за Россией <…> – горестно вздыхал из Буэнос-Айреса, где он закончил в эмиграции свои дни, генерал А.В. фон Шварц. – Не так просто попасть теперь туда и собственными глазами увидеть и оценить то, что там сделано русскими; дела канцелярий, переписки, официальные документы исчезли, многие из участников уже не существуют, а потому для оценки сделанного там остается лишь один путь: свидетельства оставшихся еще живых. Особенно важным, конечно, является свидетельство лиц наиболее авторитетных». И в первую очередь Шварцу был важен отзыв великого князя Николая Николаевича, так как «всем известна его требовательность»: «Этот суровый Начальник, посетив Трапезунд 18-го июня 1916 г., т.е. когда прошло только два месяца от начала нашей работы, не удержался от публичного отзыва о сделанном, представив всех моих подчиненных к наградам: “Это гигантские работы”».[31]

Таким образом, источники показывают, что межнациональные отношения в Трапезунде времени русской администрации, в которых хотя и присутствовала некая напряженность, все же были достаточно сбалансированными, а экспедиция Ф.И. Успенского, несмотря на некоторые внутренние противоречия и внешние запреты, в целом могла работать.

Примечания

[1] РГИА. Ф. 757. Оп. 1. Д. 54. Л. 23.

[2] Подробнее об условиях работы экспедиции см. *Цыпкина А.Г.* Трапезундская научная экспедиция 1916–17 гг. Новые архивные материалы // Причерноморье в средние века. СПб., 2015. С. 212–237.

[3] *Цыпкина А.Г.* «Прибыл в Трапезунд на миноносце…» Записная книжка академика Ф.И. Успенского. 1916 г. // Исторический архив. № 3. 2017. С. 163.

[4] The Bakhmeteff archive of Russian & East European Culture, Columbia university libraries. (BAR). Kefeli papers. P. 21. Мемуары доктора Кефели не были опубликованы (единственная печатная версия находится в частной коллекции в Париже, по сведениям BnF – Bibliothèque nationale de France) и не приобрели широкой известности в историографии.

[5] *Успенский Ф.И.* Сообщение и отчет о командировке в Трапезунт. Приложение к протоколу 10 заседания Отделения исторических наук и филологии Имп. Академии наук 21 сентября 1916 г. // Известия Императорской Академии наук. Сер.VI. Т. 11. № 16. 1916. С. 1467.

[6] BAR. Kefeli papers. P. 135.

[7] Ibid., P. 20.

[8] *Цыпкина А.Г.* «Прибыл в Трапезунд…». С. 174.

[9] РГИА. Ф. 757. Оп. 1. Д. 53. Л. 130.

[10] [*Успенский Ф.И.]* Отчет о занятиях в Трапезунте летом 1917 г. Доклад 17 января 1918 г. // ИРАН. Сер. VI. № 5. 1918. С. 207–208.

[11] СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 493. Л. 1–3 об.

[12] ОР ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 372. Л. 51 об.

[13] НБУ им. В.И. Вернадского. I 26607. Л. 1 об.

[14] BAR. Kefeli papers. P. 269.

[15] *Цыпкина А.Г.* «Прибыл в Трапезунд…». С. 137.

[16] BAR. Kefeli papers. P. 36.

[17] Ibid., P. 331.

[18] Ibid., P. 49.

[19] Ibid., P. 12.

[20] НБУ им. В.И. Вернадского. I 23219. Л. 1.

[21] *Цыпкина А.Г.* «Прибыл в Трапезунд…». С. 163.

[22] Там же. С. 125.

[23] НБУ им. В.И. Вернадского. I 23213. Л. 1.

[24] СПбФ АРАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 5.

[25] Так Ф.И. Успенский называет верхнюю часть трапезундской крепости.

[26] СПбФ АРАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

[27] Там же. Л. 1.

[28] *Цыпкина А.Г.* «Прибыл в Трапезунд…». С. 162.

[29] *Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. С. 80–81. Цитата приведена с сокращениями.

[30] *Цыпкина А.Г.* «Прибыл в Трапезунд…». С. 163.

[31] ГАРФ. Ф. 10027. Оп. 1. Д. 11. С. 2. А.В. фон Шварц. «Несколько слов о Минцлове».

ИСТОРИЯ НАУКИ

Публикации

В.Г. Бухерт

«В этом романе я хочу поставить боевые тезисы» Письма Д.А. Граве к О.Ю. Шмидту. 1927–1930 гг.

V.G. Bukhert

«In this novel I'd like to put fighting theses» Letters D.A. Grave to O.Yu. Schmidt 1927–1930

Аннотация: публикация посвящена художественному творчеству выдающегося математика, почетного члена АН СССР Дмитрия Александровича Граве.

Ключевые слова: Д.А. Граве, академик, художественное творчество.

Annotation: the publication is devoted to the creative work of the outstanding mathematician, honorary member of the Academy of Sciences of the USSR, Dmitri Alexandrovich Grave.

Keywords: D.A. Grave, academician, an artistic creativity.

Выдающийся математик, основатель киевской научной алгебраической школы, почетный член АН СССР Дмитрий Александрович Граве[1], оставивший «глубокий след» в развитии науки, сыграл «большую роль в воспитании нескольких поколений математиков, педагогов и ученых»[2].

Для характеристики мировоззрения Д.А. Граве существенное значение имеет доселе неизвестный факт его творчества в области художественной литературы. Д.А. Граве проявлял определенный интерес к истории, во многих его научных работах «встречаются исторические отступления»[3]. Этим, по-видимому, объясняется избрание Д.А. Граве для своих литературных работ жанра исторического романа.

Планами в области литературного творчества Д.А. Граве делился со своим учеником[4], известным ученым и государственным деятелем О.Ю. Шмидтом[5]. 14 апреля 1927 г. Д.А. Граве писал ему, что привезет в Москву (куда он собирался приехать на Всероссийский съезд математиков) свой большой законченный роман «Нерон». Д.А. Граве описывал концепцию и содержание своего произведения и выражал надежду, что О.Ю. Шмидт поможет ему советом, основанном на «знании московских соотношений», чтобы продвинуть роман в печать[6]. 15 июня 1927 г. О.Ю. Шмидт писал Д.А. Граве: «Ваш роман цензурой Главлита одобрен. Предпринять необходимые шаги перед Госиздатом я не успел, да и вряд ли лето для этого подходящее время – заведующий Госиздатом[7] в отпуску, как и все. Осуществление этого замысла, пожалуй, лучше отложить до осени»[8].

Опубликовать роман сразу не удалось. В мае 1929 г. О.Ю. Шмидт сообщал Д.А. Граве по поводу его романа: «Его за это время читали ряд лиц в наших издательствах. Вначале бумажный кризис препятствовал реальным планам издания, но сейчас интерес к этой книге имеется большой. Издатели указывают, что они напечатали бы книгу очень охотно после некоторой переработки непринципиального свойства. Нашли бы Вы возможным соавторство с кем-либо из современных писателей, который под Вашим наблюдением сократил бы книгу и кое-где перекомпоновал? Человека можно здесь найти, если в принципе это приемлемо»[9]. Идея соавторства для Д.А. Граве оказалась неприемлемой, о чем он и сообщил О.Ю. Шмидту в письме от 18 мая 1929 г. В том же письме он писал о своем намерении создать еще два исторических романа антирелигиозного содержания: «Фальсификация религии» и «Нет бога, кроме бога»[10], и подробно делился с О.Ю. Шмидтом своим представлением об их содержании.

Расставшись с надеждой опубликовать свой роман «Нерон» в Москве, Д.А. Граве просил О.Ю. Шмидта о возвращении ему

рукописи романа. В письме О.Ю. Шмидту 28 апреля 1930 г. он просил его «еще раз принять меры к тому, чтобы рукопись моего романа была мне переслана»[11]. Эта просьба Д.А. Граве, очевидно, не была выполнена, и 17 апреля 1932 г. он снова писал О.Ю. Шмидту: «Прошу Вас убедительно принять меры к тому, чтобы рукопись романа была мне возвращена»[12]. Трудно сказать, почему О.Ю. Шмидт не выполнял просьбы своего учителя, возможно, роман ему понравился, и он считал его публикацию лишь делом времени. Как бы то ни было, публикация литературных произведений Д.А. Граве целиком или в отрывках могла бы дать более определенное представление как об их содержании, так и об их художественных достоинствах. Ныне же приходится констатировать, что как автор литературно-художественных произведений Д.А. Граве неизвестен, как неизвестно и точное местонахождение рукописей этих его работ.

Письма Д.А. Граве, хранящиеся в личном фонде О.Ю. Шмидта (Ф. 496) в Архиве РАН, публикуются по автографам в соответствии с современными правилами правописания при сохранении их стилистических особенностей.

№ 1

Д.А. Граве – О.Ю. Шмидту
Киев. Обсерваторный [пер.] 9, кв. 9. 31 марта 1927 г.

Глубокоуважаемый Отто Юльевич.

Я собираюсь на Съезд[13] в Москву. Думаю прибыть в Москву 26 апреля. Я хотел бы в этот же день повидаться с Вами, чтобы поговорить об одном литературном деле, совершенно не имеющем никакого отношения к Вашим официальным должностным соотношениям.

Прилагаю при сем программу лекции, которую я хотел бы прочитать товарищам московским рабочим[14].

Дружески жму Вашу руку.
Преданный
Д. Граве
АРАН. Ф. 496. Оп. 3. Д. 157. Л. 4.

№ 2

Д.А. Граве – О.Ю. Шмидту
Киев. 14 апреля 1927 г.
Конфиденциально

Глубокоуважаемый Отто Юльевич.

Ваше любезное письмо от 10. IV меня порадовало, ибо из него я заключаю, что Вы живы, здоровы и не сердитесь на меня. Ввиду этого я поделюсь с Вами моим секретом. Я везу в Москву, кроме научных работ, недавно законченный большой роман (!) под заглавием «Нерон»[15] (Мессианская революция). Этот роман состоит из трех частей: 1) Агриппина[16] и Нерон, 2) Пожар Рима, 3) Революция в Палестине. Роман начинается с небольшого Пролога и заканчивается также небольшим Эпилогом.

В романе проводится новая мысль, что знаменитый пожар 19 июля 64 года есть христианское революционное восстание против аристократии с ведома и при явном попустительстве Нерона. Эта мысль имеет ту выгоду, что события «Истории» Тацита[17] проще и яснее объясняются. Получается другой взгляд на личность Нерона. У меня он не мелодраматический злодей, а живая личность.

Мой роман полная противоположность елейным романам Сенкевича[18] и Фаррара[19], и может служить с антирелигиозными целями.

Душою христианского восстания является Павел. Петра я выставляю более правым ессеем. Первое христианство в моем изображении не имеет ничего общего с евангельским христианством второго века. Среди христиан того времени не существовало еще понятия о божестве Иисуса и его воскресении. Была вера в скорое пришествие мессии, который введет насильственным путем царство божие на земле.

Развратные нравы римского общества дали мне широкую возможность ввести элемент фривольности для большей легкости изложения.

Революция в Палестине написана, конечно, по Иосифу Флавию[20], но кроме голых событий, я не взял ничего из истории высокопоставленного писателя. Освещение событий принадлежит мне, причем я руководился классовым подходом.

Я не жду от Вас протекции для моего романа, ибо надеюсь, что он сам за себя постоит; все, что я жду от Вас, – это совета, основанного на знании московских соотношений. Со мной приедет Григорий Андреевич Гножевский, который будет мне помогать по поводу романа.

Преданный Вам
Д. Граве
АРАН. Ф. 496. Оп. 3. Д. 157. Л. 5–6 об.

№ 3

Д.А. Граве – О.Ю. Шмидту
Киев. 18 мая 1929 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Отто Юльевич.

Предложение о соавторстве, конечно, для меня неприемлемо, особенно с целями «сокращения и перекомпонования книги».

Вся книга у меня глубоко продумана, и ничего лишнего в ней нет, ибо все должно быть утилизовано при дальнейшей моей идейной борьбе с христианством.

Как я уже Вам сообщал, я предполагаю написать два романа:

1) «Фальсификация религии». 2) «Нет бога, кроме бога». Первый роман должен относиться к IV и V векам нашей эры. В этом романе я хочу поставить боевые тезисы: «Составление под давлением Константина[21] на Никейском соборе (325[г.]) символа веры есть – фальсификация религии». «Христианство умерло, родилось православие».

Второй роман должен относиться к XIII-му веку, и трактовать о последнем времени борьбы христианства с исламом. Предполагаю три части: 1) Ужасы войны католиков с альбигойцами[22]. Потерявший жену молодой граф (в Лангедоке) едет в крестовый поход в Палестину. 2) Грезы тысяча и одной ночи. Раненый граф попадает в имение богатого араба. Там за ним ухаживает дочь хозяина, в которую граф влюбляется. Он принимает ислам, женится на дочери хозяина и ведет счастливую жизнь во дворце тестя недалеко от Багдада. 3) Чингиз-хан[23]. Нападение монголов на Багдадский халифат. Разграбление дворца нашего героя, сопровождающееся убийством жены и детей. Графа берут в плен и увозят на судне по Средиземному морю для продажи в рабство. После ряда мытарств, граф приходит в свой дворец на юге Франции. Там он живет на иждивении своего двоюродного брата, который стал хозяином замка. Недоразумения с инквизицией. Арест графа. Пытка. Аутодафе.

Эти два романа по моему преклонному возрасту мне трудно осуществить без посторонней помощи. Тут я буду просить дать мне в помощники кого-нибудь из современных писателей.

Я, конечно, не отказываюсь от частных поправок даже идейного характера, лишь бы они не нарушали монолитность всего романа в целом. При этом, конечно, я сам должен выполнять эти поправки.

Моей статьи, напечатанной в «Вестнике Ком[мунистической] академии»[24], я еще не видел. С удовольствием пошлю Вам новую статью.

Предан[ный] Вам
Д. Граве
АРАН. Ф. 496. Оп. 3. Д. 157. Л. 10–11 об.

№ 4

Д.А. Граве – О.Ю. Шмидту
Киев. 28 апреля 1930 г.

Глубокоуважаемый Отто Юльевич.

Прошу Вас обратить внимание на подателя сего письма Александра Михайловича Владимирова, который хотел бы перевестись с Украины на службу в Москву. Он Вам лично изложит свою просьбу. Пользуюсь случаем попросить Вас еще раз принять меры к тому, чтобы рукопись моего романа была мне переслана. В настоящее время я кончаю печатанием книгу на украинском языке под заглавием: «Теоретична механика на основі техники» (около 25 листов), кроме того, у меня ряд срочных работ, так что не может быть и речи ни о соавторстве, ни даже о частичных переменах текста, на это у меня не будет абсолютно времени.

Новый академик Ю.Ф. Проскура[25] в своем аэрогидродинамическом институте в Харькове произвел опыт, о котором Вы говорили с проф[ессором] Prandtl'ем[26]. Результат получился благоприятный.

Предан[ный] Вам Д. Граве
АРАН. Ф. 496. Оп. 3. Д. 157. Л. 12.

Примечания

[1] Граве Дмитрий Александрович (1863–1939) – математик, профессор Харьковского университета (с 1897 г.) и киевского Университета св. Владимира (с 1899 г.), директор Института математики АН УССР (с 1934 г.), академик АН УССР (с 1919 г.), почетный член АН СССР (с 1929 г.).

[2] *Добровольский В.А*. Дмитрий Александрович Граве. 1863–1939. М., 1968, С. 5.

[3] Там же. С. 73.

[4] О влиянии Д.А. Граве на формирование О.Ю. Шмидта как ученого-исследователя см.: *Матвеева Л.В*. Отто Юльевич Шмидт. 1891–1956. М., 2006. С. 13–21.

[5] Шмидт Отто Юльевич (1891–1956) – ученый, государственный деятель, академик (с 1935 г.), вице-президент (1939–1942) АН СССР, академик АН УССР (с 1934 г.).

[6] АРАН. Ф. 496. Оп. 3. Д. 157. Л. 6 об.

[7] Халатов Арташес (Артемий) Багратович (1894–1938) – советский государственный и партийный деятель, председатель правления Госиздата и ОГИЗ'а РСФСР (1927–1932).

[8] ИРНБУВ. Ф. ХХ. Д. 360. Л. 1–1 об.

[9] Там же. Д. 361. Л. 1.

[10] АРАН. Ф. 496. Оп. 3. Д. 157. Л. 10–11 об.

[11] Там же. Л. 12.

[12] Там же. Л. 14 об.

[13] Имеется в виду Всероссийский съезд математиков в Москве (27 апреля – 4 мая 1927 г.).

[14] К этому письму приложена программа лекции Д.А. Граве «Электромагнитная деятельность Солнца».

[15] Нерон (37–68) – римский император (с 54 г.) из династии Юлиев-Клавдиев.

[16] Агриппина Младшая (16–59) – жена римского императора Клавдия (49), мать императора Нерона.

[17] Тацит (ок. 58 – ок.117) – римский историк.

[18] Сенкевич Генрик (1846–1916) – польский писатель, чл.-корр. (с 1896 г.), почетный академик (с 1914 г.) Петербургской АН.

[19] Фаррар Фридрих-Вильям (1831–1903) – английский писатель-богослов, профессор Кембриджского университета.

[20] Иосиф Флавий (37–после 100) – древнееврейский историк.

[21] Константин I Великий (ок. 285–337) – римский император (с 306 г.).

[22] Альбигойцы – участники еретического движения в Южной Франции в 12–13 вв.

[23] Чингисхан (ок.1155–1227) – основатель и великий хан Монгольской империи (с 1206 г.).

[24] См.: *Граве Д.А*. Принципы механики // Вестник Коммунистической академии. 1928. Кн. 3 (27). С. 212–219.

[25] Проскура Георгий Федорович (1876–1958) – ученый в области гидромеханики, гидромашиностроения и авиации, профессор Харьковского технологического института (с 1911 г.), академик АН УССР (с 1929 г.).

[26] Прандтль Людвиг (1875–1953) – немецкий ученый в области механики, профессор Высшего технического училища в Ганновере (с 1901 г.), Геттингенского университета (с 1904 г.), директор Института гидроаэродинамики кайзера Вильгельма в Геттингене (1925–1947).

Е.Н. Груздева, Л.Д. Бондарь

К истории создания Байкальской лимнологической станции АН СССР: записка Г.Ю. Верещагина «Байкальская станция в Маритуе»

E.N. Gruzdeva, L.D. Bondar

To the history of formation of the Baikal Limnological Station of the Academy of Sciences of the USSR: the G.Yu. Vereshchagin's brief «Baikal station in Maritui»

Аннотация: работа представляет собой публикацию записки Г.Ю. Верещагина (1 декабря 1925 г.), отражающей начальный период научного освоения озера Байкал и предысторию создания Байкальской лимнологической станции АН СССР.

Ключевые слова: Г.Ю. Верещагин, научное изучение Байкала, Байкальская лимнологическая станция

Abstract: the present work is a publication of G.Yu. Vereshchagin's note (December 1, 1925), reflecting the initial period of scientific development of the lake Baikal and the history of the Baikal Limnological Station of the Academy of Sciences of the USSR.

Keywords: G.Yu. Vereshchagin, the Baikal scientific study, the Baikal Limnological Station

В 2018 г. свой 90-летний юбилей отметил Лимнологический институт Сибирского отделения РАН (ЛИН СО РАН) – правопреемник Байкальской лимнологической станции (БЛС) АН СССР. Датой основания БЛС принято считать 1 октября 1928 г., и эта дата получила свое обоснование в публикации, подготовленной на основе академических документов[1]. Между тем история систематического научного освоения Байкала восходит к 1916 г. – ко

времени создания в Академии наук Комиссии по изучению озера Байкал (КИБ), первым председателем которой был академик Николай Викторович Насонов (1855–1939), с 1924 г. – академик Петр Петрович Сушкин (1868–1928), с 1928 г. – академик Владимир Леонтьевич Комаров (1869–1945).

Работа КИБ приостановилась в послереволюционные годы, но с возобновлением ее деятельности, связанной с организацией регулярных академических экспедиций – Байкальских экспедиций, – сразу был поднят вопрос о размещении на берегу озера постоянно действующей научной базы, что и завершилось в итоге созданием Байкальской станции (БАСТ), получившей статус самостоятельного академического учреждения в 1928 г. (с 1929 г. – Байкальская биологическая станция, ББС; с 1930 г. – Байкальская лимнологическая станция, БЛС). Главным инициатором и проводником этой идеи был крупный российский лимнолог, ученый секретарь КИБ с 1924 г., руководитель Байкальских экспедиций, а в будущем – первый и многолетний директор БЛС, Глеб Юрьевич Верещагин (1889–1944). Его перу принадлежит документ, описывающий предысторию создания станции и состояние лимнологических исследований на Байкале в период работы там академических экспедиций, – записка, названная Г.Ю. Верещагиным «Байкальская станция в Маритуе». Эта записка являлась приложением к двум письмам, отправленным в КИБ 7 декабря 1925 г. и содержавшим в себе обоснование необходимости создания постоянной станции на Байкале[2]. Публикация полного текста этого документа предоставит новый источниковедческий материал исследователям ранней истории лимнологических работ на Байкале и, надеемся, в первую очередь будет интересна и полезна сотрудникам ЛИН СО РАН. Юбилею этого учреждения посвящаем настоящую публикацию.

Авторы благодарят Владимира Васильевича Меншуткина, доктора биологических наук, профессора, ведущего научного сотрудника Института проблем региональной экономики РАН,

научная биография которого была тесно связана с Байкальской лимнологической станцией и с ее правоприемником – Лимнологическим институтом Сибирского отделения РАН, за оказанную при подготовке публикации консультативную помощь.

Записка Г.Ю. Верещагина «Байкальская станция в Маритуе»

Такой исключительный водоем, как Байкал, который является единственным в своем роде во всем свете по оригинальности целого ряда явлений, несомненно, требует систематического и тщательного изучения. Хотя Байкал исследуется со времен [J.G. Georgi[3] и [P.S.] Pallas'a[4], т. е. с конца 18-го века, и о нем написано свыше 400 работ, но все же все произведенные на нем до сих пор работы, если и производились планомерно, но захватывали лишь немногие специальности, а систематического, всестороннего изучения Байкала еще до сих пор произвести не удавалось. Для того чтобы была обеспечена планомерная работа на Байкале, необходима организация на нем постоянной базы – в виде станции по его изучению. Необходимость ее организации еще вызывается крайней важностью для целого ряда более тонких, более углубленных исследований иметь возможность работать на самом Байкале в лабораторной обстановке, чего при экспедиционном исследовании создать крайне трудно. Наконец, с точки зрения современной науки об озерах (лимнологии), совершенно необходимым[и] являются систематические наблюдения над возможно более широким кругом явлении в течение круглого года, что также крайне трудно организовать, не имея постоянной базы. Это прекрасно осознавалось всеми, кому пришлось лично работать на Байкале – [Б.И.] Дыбовским[5], [А.А.] Коротневым[6], [В.Ч.] Дорогостайским[7] и др., на ту же необходимость указывает и Wesenberg Lund[8] [Прим.: Wesenberg Lund [C.] Internat[ionale] Revue d[er] ges[amten] Hydrob[iologie] u[nd] Hydrogr[aphie]. Suppl. Bd. III. 1910. P. 40][9], считая открытие станции на Байкале очередной задачей лимнологии.

Попытки организовать станцию на Байкале уже были: в 1897-ом году на средства [И.А.] Пятидесятникова[10] открыта была станция в с. Голоустином[11], на которой до 1898-го года вел работу В.П. Гаряев[12]; станция эта, хотя и считалась при Вост[очно]-Сиб[ирском] отделе Русс[кого] георгаф[ического] об[щест]ва, но работала на частные пожертвования и уже через год должна была закрыться за отсутствием средств. За время ее существования в ее судьбе принимали живое участие А.В. Вознесенский[13] и В.Б. Шостакович[14]. Ходатайство Вост[очно]-Сиб[ирского] отдел[а] Русс[кого] географ[ического] об[щест]ва перед Зоологическим музеем Академии наук о поддержке станции хотя и получило принципиальную поддержку, но осталось без реальных результатов.

Следующая попытка организовать станцию на Байкале относится к 1916-ому году, когда по предложению акад[емика] Н.В. Насонова Академией наук было постановлено приступить к планомерному изучению Байкала и созданию на нем станции по его изучению. Через посредство В.Ч. Дорогостайского Академией было получено от [Н.А.] Второва[15] пожертвование в 16 000 рублей на постройку для станции судна, приспособленного для научных исследований, и предварительные исследования. В 1916-ом же году Академией приступлено было к организации станции. Организация эта, однако, еще не доведена была до конца, и даже не установлено было окончательно место, в котором должна работать станция, как события революции разъединили Сибирь от Ленинграда, и всякая дальнейшая активная деятельность Академии по изучению Байкала и, в частности, по организации на нем станции по его изучению прервались вплоть до 1924-го года, когда работа Комиссии по изучению Байкала снова возобновилась. За это время продолжение организации академической станции на Байкале взял на себя сперва В.Ч. Дорогостайский на средства, полученные в 1919-ом году от Института исследования Сибири[16], а с 1921-го года – Государственный Иркутский университет [Прим.: В 1923-м году его сменил Биолого-Географический

институт], которому Академией была передана, по его ходатайству, во временное управление на определенных условиях и сама станция. Открытая при этих обстоятельствах В.Ч. Дорогостайским станция расположена в 18-ти верстах от Байкала, в пади Большие Коты[17]. Отсутствие средств и целый ряд других неблагоприятных обстоятельств не позволили, однако, вести на станции за все время ее существования сколько-нибудь регулярных работ. В 1924-м году Г.Ю. Верещагиным была представлена в Комиссию и ею принята пятилетняя программа по изучению Байкала, в задачу которой входит и окончательная организация на Байкале постоянной станции по ее изучению.

С 1925-го [года] Байкальская комиссия[18] приступила к выполнению плана изучения Байкала и организовала при поддержке правительства Бурреспублики[19], под руководством Г.Ю. Верещагина экспедицию, работавшую, главным образом, в районе Селенги, но, кроме этого, экспедиция имела задачей подготовить окончательную организацию постоянной Байкальской станции. В этом деле экспедиция действовала совместно с Иркутской магнитно-метеорологической обсерваторией[20], которая в течение уже многих лет ведет метеорологические и гидрологические наблюдения в ряде пунктов по побережью Байкала, а в настоящее время в лице своего директора В.Б. Шостаковича заинтересована в том, чтобы создать на Байкале опорную станцию по изучению метеорологического его режима.

Первый вопрос, который встал перед Байкальской комиссией и Иркутской обсерваторией, – это место, наиболее подходящее для организации станции. Основное требование, предъявляемое станции, состояло в том, чтобы она была расположена в пункте, позволяющем вести регулярные работы и наблюдения над возможно большим кругом явлений в течение круглого года. Для этого же необходимо, чтобы на станцию возможно легко и быстро можно было бы приезжать из центра в определенные сроки специалистам для производства работы, т[ак] к[ак] особенно на пер-

вое время не приходится надеяться, чтобы безвыездно на станции круглый год жили все нужные для работы специалисты. Это же обстоятельство крайне важно для приезжающих специалистов для летних работ и обеспечения им жизненных удобств. Это первое и необходимое для жизненности станции требование, естественно, привязывает ее к железной дороге. Второе требование является то, чтобы станция находилась в пункте, не подверженном каким-либо местным влияниям, искажающим нормальное состояние Байкала, третье требование – чтобы были хорошо доступны значительные глубины, столь характерные для Байкала, так как на них важно поставить планомерные работы. Наконец, четвертое требование – чтобы в районе станции были отмелые места, где бы можно было вести работы в прибрежной зоне. Пунктом, вполне удовлетворяющим указанным условиям, по мнению Байкальской комиссии и обсерватории, оказался Маритуй[21]. Этого же мнения была секция «Воды» Госплана, в котором вопрос о месте опорной станции на Байкале рассматривался в заседании 7.V.1925 г.

Управление Забайкальской жел[езной] дор[оги] отнеслось очень сочувственно к ходатайству Байкальской комиссии о предоставлении в пользование дома на ст[анции] Маритуй и предоставило безвозмездно для помещения базы экспедиции значительную часть дома б[ывшего] начальника участка. После этого между Байкальской комиссией и Иркутской обсерваторией было заключено соглашение о совместной организации станции в Маритуе. В настоящее время для Байкальской комиссии открытое в Маритуе учреждение есть база Байкальской экспедиции[22], которая, по мнению комиссии, могла бы со временем быть превращена и в настоящую станцию по изучению Байкала. Со стороны же Иркутской обсерватории это есть опорная гидрометеорологическая станция на Байкале.

Что представляет собою эта станция-база?

Положение: Маритуй – станция на Кругобайкальской железной дороге – в <...>[23] верстах от станции Байкал и в <...> вер-

стах от станции Култук[24]. К станции примыкает расположенное в соседней пади довольно большое селение, состоящее преимущественно из теперешних или бывших железнодорожных служащих. При станции есть приемный покой, аптека, кооператив, здесь же находится управление охраны участка Кругобайкальской жел[езной] дор[оги]. Здесь же находится, правда в настоящее время не функционирующая, сейсмическая станция[25]. По примыкающей пади течет довольно большая речка – Маритуйка, в которую впадают многочисленные, сбегающие со склонов долины ручейки. Берега Байкала в окрест[ностях] Маритуя круты, скалисты, покрыты редким хвойным лесом. Байкал образует возле Маритуя довольно сильно выдающуюся бухту, дно которой преимущественно каменистое. Речка Маритуйка сравнительно очень невелика и отнюдь не изменяет своими водами характера Маритуйского залива. Дно Маритуйского залива сравнительно круто спускается по направлению к Байкалу, так что в расстоянии около 1½ верст мы имеем уже глубины до 1000 метров. На северо-западе Маритуя, вплоть до большой бухты Половинной[26], берега крутые, пересеченные рядом долин с ручейками; дно прибрежной области во многих местах круто спускается до значительных глубин, но в некоторых местах образует отмели шириною до ½ километра с песчаным и каменистым дном. В общем, Маритуй является весьма характерным пунктом для Байкала, который лишен каких-либо местных влияний и в котором благодаря близости к берегу больших глубин очень удобно вести регулярные наблюдения над всеми явлениями открытого Байкала.

К этому надо добавить, что в Маритуе в течение ряда лет уже функционировала метеорологическая станция с расширенными наблюдениями. Здесь же в течение 10 годов работал лимнограф, установленный Иркутской обсерваторией. На показаниях, именно из Маритуя полученных, в значительной мере строит свои выводы о прозрачности воды Байкала В.Б. Шостакович [Прим.: См. Известия Росс[ийского] гидролог[ического] институт[а]. Л[енин]

гр[ад]. 1924. № 11. Стр. 85–87], т[ак] к[ак] этот пункт ближе всего подходит по своим условиям к открытому Байкалу.

Помещение. Дом, в котором предоставлено помещение для станции, стоит на самом берегу Байкала, на крутом обрыве; лестница спускается к самому пляжу на берегу, к пристани; самое помещение состоит из пяти, по-городски отделанных комнат, из которых три очень большие, и прекрасной, остекленной, выходящей на Байкал веранды. В помещении сделаны экспедицией некоторые приспособления для работы: установлены полки, столы, куплены табуреты, скамьи, созданы, правда примитивные, условия для проживания при базе 5–6[-ти] занимающихся на ней лиц и для лабораторной их работы. Вместе с помещением станции передана находящая в садике при ней оранжерея, в саду же есть цементный резервуар с фонтаном. В доме же имеется водопровод, правда требующий ремонта, но не существенного, а после его восстановления возможно, как в самом здании станции, так и в оранжереях, установить аквариум с проточной водой, что крайне важно для ряда работ. При станции имеется особая бывшая казенная пристань, совершенно исправная, снабженная крышей для стоянки мелких судов и приспособлением для их подвешивания на зиму. При станции имеются, кроме того, мелкие службы.

Плавучие средства. Собственностью экспедиции является в настоящее время лишь одна лодка местного типа, а во временное пользование передан Управлением Байкальской переправы в Лиственичном[27] шестивесельный бот, на котором установлена лебедка и сделаны все приспособления для глубоководных работ. С этого судна и производятся в настоящее время все работы.

Оборудование. Станция снабжена всеми главнейшими приборами, необходимыми для гидрологических и биологических работ. Из общего снаряжения экспедиции выделен следующий комплект специально для работ на базе: 1) вьюшка ручная с тормозом, 2) трос оцинкованный диам[етром] в 3 мм – 600 метр[ов] длины, 3) батометр системы Гидрографической лаборатории в

Копенгагене, 4) термометр глубоководный системы Richter'a[28], 5) термометр глубоководный системы Negretti-Zambra[29], 6) термометр родниковый в оправе, 7) диск Секки[30], 8) шкала цветов Фореля[31], 9) набор почтальонов[32], 10) счетчик для троса, 11) количественная планктонная сеть Апштейна[33], средняя, с приспособлением для фракционированных ловов, 12) сеть Тинемана[34], 13) планктонный сачок, 14) драга с ножами, 15) драга системы Дорогостайского[35], 16) 2 трала Сигсби 3-х футов[36], 17) скребок, 18) аппарат для промывания драгировок, 19) 3 бюретки с делением 1/10 с.с.[37]. Кроме того, имеются набор склянок с притертыми пробками, колбы, пипетки и набор реактивов, необходимых для определения растворенного в воде кислорода, свободной углекислоты и бикарбонатов, материальные банки для биологических сборов и реактивы для консервировки. Кроме того, Иркутская обсерватория предоставила для работы станции: 1) лимнограф системы <...>, 2) глубоководный термометр Negretti-Zambra, 3) набор инструментов для метеорологической станции 2-го разряда[38].

Работы. Работы базы-станции начались 9 июня [1925 г.], когда для ее открытия прибыл весь состав лимнологической партии Байкальской экспедиции, прикомандированный к экспедиции ассистент Иркутского университета П.В. Тихомиров[39], который взял на себя летние работы на станции, а также назначенный Иркутской обсерваторией по соглашению с экспедицией наблюдатель – Е.В. Иванов[40]. 12.VI.[1925 г.] была взята полная гидрологическая и гидробиологическая серия до 1000 метров глубины. <...>.VI.[1925 г.] начались, правда, еще не в полном объеме, работы метеорологической станции, с 15.VI [1925 г.] начались организованные обсерваторией ежедневные наблюдения над уровнем озера по рейке и температуры поверхности воды. В течение всего лета на базе-станции работали П.В. Тихомиров и Е.В. Иванов, причем на работы первого из них в течение 2-х месяцев (с 9.VI по 9.VIII) было выделено из экспедиционных средств до 200 рублей. За эти 2 месяца, поми-

мо регулярных метеорологических наблюдений и наблюдением над уровнем и температурой поверхности воды, которые велись Е.В. Ивановым, П.В. Тихомировым совместно с Е.В. Ивановым было выделено 4 полных гидрологических формы до глубины в 200 метров, а П.В. Тихомировым, кроме того, собран небольшой материал по фауне Байкала в районе Маритуя на небольших глубинах, а также по фауне ручьев в его окрестностях и произведены небольшие энтомологические сборы.

19.VIII.[1925 г.] весь состав лимнологической партии снова прибыл в Маритуй, 21.VIII.[1925 г.] была сделана вторая полная гидрологическая серия до 1000 метров глубины, во время которой взято было 2 образца воды для полного химического анализа их: один – с поверхности, а другой – с глубины в 1000 метров. Анализы эти в настоящее время производятся проф[ессором] А.Г. Франк-Каменецким[41] в Иркутске. Кроме того, 19–20.VIII [1925 г.] был произведен ряд серий, планомерно, через каждые 3 часа, в течение 34 часов подряд для выяснения суточного хода изменений температур, кислорода и углекислоты (на глубинах в 0,2 1/2, 5, 7 1/2, 10, 25 и 50 метров) и вертикальной миграции планктона (по фракциям 200–100, 100–50, 50–25, 25–10, 10–0 метров). Этот весьма ценный материал в настоящее время еще не вполне закончен обработкой.

С 1-го IX до 1-го VI 1926 года установлена следующая программа работ на базе-станции: помимо ежедневных наблюдений метеорологических, над уровнем по рейке и температуры поверхности воды, каждую неделю производится гидробиологическая серия до 250 метров глубины, состоящая из определения температур, прозрачности, цвета и сбора планктона по фракциям; эти работы производятся Е.В. Ивановым.

<...>X.[1925 г.] установлен Иркутской обсерваторией на станции лимнограф.

В течение сентября и октября все работы на станции велись, согласно плану, Е.В. Ивановым, и произведено 8 гидрологиче-

ских серий, а 3.XI.[1925 г.] приезжал в Маритуй И.П. Сидорычев[42] и произвел химические определения; нужно надеяться, что и впредь работа на базе-станции пойдет без перерыва.

В заключение я позволю себе привести некоторые из добытых станцией результатов, которые представляют собой интерес, ввиду того что если не считать отрывочных и относящихся лишь к поверхностным слоям воды данных по содержанию кислорода, приводимых мною на основании моих работ 1916-го года [Прим.: См. Труды Комиссии по изучению Байкала. СПб., 1918. [Вып.] I. Стр. 1–56], то сообщаемые данные по содержанию кислорода, свободной углекислоты и бикарбонатов являются первыми для Байкала, а данные для глубины свыше <...>00 метров являются первыми для пресных озер всего света.

Определения всех данных, относящихся к сериям 12.VI и 21.VIII.[1925 г.], произведены Т.Б. Форш[43], данные, относящиеся к сериям 5.VII, 14.VII, 24.VII и 4.VIII.[1925 г.], определены П.В. Тихомировым, причем ввиду некоторых сомнений в точности определения углекислоты в этих сериях, а также кислорода в серии 5.VIII.[1925 г.] – я их пока не опубликовываю. Данные, относящиеся к серии <...>XI.[1925 г.], определены И.П. Сидорычевым.

Анализ приводимых данных в их сопоставлении со всеми прочими материалами, полученными Байкальской экспедицией, будет мною дан особо – в специальных работах.

Ленинград.
1.XII.1925 г.
СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 22. Л. 22–29.
Черновик. Машинопись с авторской правкой[44].

Примечания

[1] *Бондарь Л.Д., Груздева Е.Н.* О дате создания Байкальской лимнологической станции АН СССР // Миллеровские чтения – 2018: Преемствен-

ность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия / Отв. ред. *И.В. Тункина.* СПб., 2018 (в печати).

[2] СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 22. Л. 31–35 об. Опубликовано: *Бондарь Л.Д., Груздева Е.Н.* Ук. изд.

[3] Иоганн Готлиб (Иван Иванович) Георги (Johann Gottlieb Georgi; 1729–1802) – немецкий естествоиспытатель на русской службе, академик ИАН; участник экспедиции П.С. Палласа (1768–1774), занимавшийся, в том числе, исследованием Прибайкалья.

[4] Петер Симон Паллас (Peter Simon Pallas; 1741–1811) – немецкий естествоиспытатель на русской службе, академик ИАН; руководитель Первого Оренбургского отряда физических экспедиций (1768–1774).

[5] Бенедикт (Венедикт) Иванович Дыбовский (Benedykt Tadeusz Dybowski; 1833–1930) – польский зоолог, иностранный член-корреспондент АН СССР, исследователь Байкала (1867–1868, 1876) и Камчатки (1879–1883): *Бондарь Л.Д., Бишофф У.* Российско-польский ученый Б.И. Дыбовский (1833–1930) как исследователь Сибири и Камчатки // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2016. Вып. 3 (55). С. 12–18; *Bondar L., Bischoff U.* Der russisch-polnische Forscher Benedykt Dybowski auf den Spuren Stellers // «Aus Sibirien – 2017»: научно-информационный сборник. Тюмень, 2017. С. 24–27.

[6] Алексей Алексеевич Коротнев (1854–1915) – зоолог, член-корреспондент Императорской Академии наук, основатель русской биологической станции на средиземноморском побережье Франции, руководитель байкальской экспедиции Министерства земледелия и государственных имуществ в 1900–1902 гг.

[7] Виталий Чеславович Дорогостайский (1879–1938) – биолог, профессор Иркутского государственного университета, исследователь Байкала, Ангары и пр.: *Дорогостайская Е.В.* Виталий Чеславович Дорогостайский (1879–1938). СПб., 1994.

[8] Карл Везенберг-Лунд (Carl Jørgen Wesenberg-Lund; 1867–1955) – датский зоолог, член Датской королевской академии наук, профессор Копенгагенского университета, исследователь пресных вод.

[9] Примечания, имеющиеся в документе, даны в квадратных скобках с пометой «Прим.:».

[10] Иркутский купец.

[11] Большое Голоустное – село в Иркутском районе. Датой основания метеостанции, работающей и сегодня, является 1897 г.

[12] Владимир Петрович Гаряев (1874–1920) – биолог, исследователь морской фауны.

[13] Аркадий Викторович Вознесенский (1864–1936) – геофизик, климатолог; директор Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории (1895–1917).

[14] Владимир Болеславович Шостакович (1870–1942) – геофизик; директор Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории (1917–1929). Его сын Сергей Владимирович Шостакович (1902–1981) и внук Болеслав Сергеевич Шостакович (1945–2015) – историки, профессора Иркутского государственного университета.

[15] Николай Александрович Второв (1866–1918) – предприниматель и банкир.

[16] Институт исследования Сибири (ИИС) – первое в Сибири стационарное научное учреждение, созданное в Томске в 1919 г.

[17] Большие Ко́ты – существующий по сегодняшний день поселок в Иркутском районе.

[18] Байкальская комиссия – Комиссия по изучению озера Байкал АН СССР (КИБ).

[19] Бурреспублика – Бурят-Монгольская Автономная Республика.

[20] Иркутская магнитно-метеорологическая обсерватория им. А.В. Вознесенского; была открыта к югу от Иркутска в 1886 г. (сегодня ее территория входит в черту города).

[21] Современное село в Иркутской области, основанное в 1902 г. как поселок при строительстве Кругобайкальской железной дороги.

[22] После возобновления работ на Байкале в 1924 г. Академия наук снаряжала на озеро ежегодные экспедиции, продолжавшиеся вплоть до создания постоянной Байкальской станции.

[23] Здесь и далее информация, отсутствующая в документе.

[24] Култук – современный поселок в Слюдянском районе Иркутской области (не путать с деревней Култук в Усольском районе Иркутской области).
[25] Сейсмическая станция в Маритуе действовала в 1908–1917 гг.: *Хобта А.В.* Из истории создания сейсмической станции на Байкале // Культура. Наука. Образование. 2016. № 4 (41). С. 26–33.
[26] Бухта Байкала при впадении в него реки Большая Половинная. На берегу бухты – пос. Половинная – станция Кругобайкальской железной дороги.
[27] Сегодня – поселок Листвянка у истока Ангары. В 1931 г. БЛС переехала из Маритуя в Лиственичное.
[28] Оскар-Бернгард Рихтер – немецкий купец, основавший в 1850 г. в Санкт-Петербурге мастерскую по производству оптических, физических, математических, механических и метеорологических инструментов.
[29] «Negretti and Zambra» – мастерская по производству физических и оптических приборов, основанная в 1850 г. в Лондоне Генри Негретти (Henry Negretti; 1818–1879) и Йозефом Замбра (Joseph Zambra; 1822–1897). Работала до конца XX в.
[30] Прибор для определения прозрачности воды, разработанный итальянцем Анджело Пьетро Секки (Angelo Pietro Secchi; 1818–1804).
[31] Шкала, включающая различные оттенки желтого, зеленого и голубого цветов, для определения цвета воды; разработана швейцарцем Франсуа-Альфонсом Форелем (François-Alphonse Forel; 1841–1912).
[32] Воздушный почтальон – приспособление для сбрасывания грузов с высоты.
[33] Сеть Апштейна – коническая сеть для сбора фито- и зоопланктона, названная по имени немецкого зоолога Карла Апштейна (Carl Heinrich Apstein; 1862–1950).
[34] Названа в честь немецкого зоолога и эколога Августа Тинемана (August Friedrich Thienemann; 1882–1960).
[35] См. прим. 7.
[36] Трал для ловли придонных животных; назван в честь американского гидрографа Чарльза Сигсби (Charles Dwight Sigsbee; 1845–1923).
[37] 1/10 c.c. (cubic centimeter – кубические сантиметры) = 0,1 мл. Бюретки использовались для измерения растворенного в воде кислорода по ме-

тоду венгерского химика Лайоша Винклера (Lajos Winkler; (1863–1939).

[38] Метеорологические станции подразделяются на три разряда; станции второго разряда проводят наблюдения, обрабатывают и передают данные по результатам наблюдений.

[39] П.В. Тихомиров – ассистент Иркутского университета, химик. Результаты исследований на Байкале опубликовал, например, в работах: *Тихомиров П.В.* 1) Два новых вида Rotatoria из озера Байкал // Русский гидробиологический журнал. Т. 6. 1927. № 6–7. С. 143–147; 2) Новый вид Rotatoria из озера Байкал, Notholca jasnitskii n. sp. // Русский гидробиологический журнал. Т. 8. 1929. № 6–7. С. 171–174.

[40] Будущий сотрудник БЛС – Еливферий Васильевич Иванов (1872–1938); см. о нем: *Бондарь Л.Д.* Байкальская лимнологическая станция АН СССР: первый список персонального состава (по документам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию Российской революции 1917 года и 95-летию профессора исследователя индустриальных процессов послеоктябрьской Сибири Е.Е. Тармаханова. Тармахановские чтения I: Российская революция 1917 г. / Науч. ред. *Т.В. Паликова*, отв. ред. *О.Н. Полянская.* Улан-Удэ, 2017. С. 314–316.

[41] Альберт Григорьевич (Гершонович) Франк-Каменецкий (1875–1935) – химик, профессор Иркутского государственного университета (1920, с 1919 – доцент), первый декан химического факультета ИГУ (1933–1935).

[42] Иван Петрович Сидорычев – участник Байкальских экспедиций 1925–1927 гг. В конце 1927 г. пропал без вести, отправившись из Маритуя в Иркутск за покупками для станции.

[43] Тамара Борисовна Форш (1898–1989); см. о ней: *Бондарь Л.Д.* Байкальская лимнологическая станция АН СССР в довоенные годы: семейные портреты (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Миллеровские чтения – 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия / Отв. ред. *И.В. Тункина.* СПб., 2018 (в печати).

[44] Рукописный оригинал находится в том же архивном деле (СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 22. Л. 40 об.– 47).

Е.Г. Лебедева

Женская команда «Метелица» – исследователи Арктики

E.G. Lebedeva

The women's team «Metelitsa» are the arctic researchers

Аннотация: в статье автор рассказывает о нашумевшей когда-то женской команде, покорившей арктические широты. Команда «Метелица» широко известна мировой общественности как единственный в мире женский коллектив, до сих пор осуществляющий научно-спортивные экспедиции в высоких широтах Арктики и Антарктики. Эти женщины, спортсменки и ученые внесли огромный вклад в развитие отечественной науки, проводя научные исследования в условиях Крайнего Севера.

Ключевые слова: Арктика, женская история, команда «Метелица», исследования, В. Кузнецова, арктическая экспедиция, Крайний Север, научно-спортивные экспедиции, научные исследования, архивные документы, женщины.

Abstract: the author describes previously unavailable archival documents related to Metelitsa, an all-women team that explored the Arctic on skis beginning in the 1960s. The team, which included athletes and scientists, made a huge contribution to the development of research in the Far North.

Keywords: Arctic, women's history, team «Metelitsa», research, V. Kuznetsova, Arctic exploration, Far North, scientific and sports expedition, scientific research, archival documents.

История русских арктических экспедиций берет свое начало в конце XIX в., когда в Российской империи был создан арктический флот для освоения Северного морского пути. Вице-адмирал

Степан Макаров (Ил. 1) выступил с предложением начать строительство специальных прочных и мощных судов, способных форсировать арктические льды и расчищать путь для остальных кораблей экспедиций, и в 1899 г. был построен первый в мире ледокол «Ермак» (Ил. 2).

Русская полярная экспедиция 1900–1902 гг. стала первой русской научной экспедицией в Арктику. Путешествие было организовано Императорской Академией наук. Основной целью экспедиции стало исследование части Северного Ледовитого океана к северу от Новосибирских островов и поиск легендарной Земли Санникова. Руководил первой русской арктической экспедицией русский геолог и полярный исследователь барон Эдуард Толль (Ил. 3). В ходе путешествия были изучены морские течения в Карском и Восточно-Сибирском морях, проведены геологические исследования Новосибирских островов.

В XX в. интерес к исследованию Арктического региона значительно возрос, вследствие чего был организован целый ряд научных экспедиций для решения множества практических и научных задач в Арктике. В ходе русских арктических экспедиций, возглавляемых выдающимися исследователями, были совершены крупные географические и геологические открытия в Арктике. С 1903 по 1914 гг. российским ученым-гидрографом Георгием Седовым были проведены исследования устья реки Кара, острова Вайгач, Карского моря, устья реки Колыма и морских подходов к ней (Ил. 4). В 1930–1932 гг. состоялась Советская североземельская экспедиция, в ходе которой впервые был исследован архипелаг Северная Земля[1].

Команда «Метелица» (Ил. 5) широко известна мировой общественности как единственный в мире женский коллектив, осуществляющий научно-спортивные экспедиции в высоких широтах Арктики и Антарктики. «Метелица» входит в число самых значительных женских экспедиций нашей планеты за последние 2000 лет. От России и СССР чести быть внесенной в этот список удостоилась только эта команда.

«Метелица» была создана в 1966 г. мастером спорта, радиоинженером Валентиной Кузнецовой как команда лыжного марафона. В Уставе команда «Метелица» определяется «как группа целеустремленных женщин, объединенных единством взглядов, уважением друг к другу и стремлением к благородной цели – научному познанию природы и своих возможностей в экстремальных условиях»[2].

Валентина Кузнецова в интервью описывала только два случая, когда в команде оказались мужчины: «Например, когда мы должны были пойти к Северному полюсу, тогда я решила спросить, потому что одно дело – когда мы ходили между островами, все-таки мы были километр или два от острова, и другое дело – когда ты уходишь на тысячу километров от земли. Я обратилась к Сереже Печенегову, он дважды ходил в группе "Арктика". Два раза они тогда ходили – и две было смерти. И Сережа был штурманом, и мы его пригласили с собой. Для него это было большое открытие и большая радость, потому что он увидел настоящую дружбу. К примеру, та группа идет так: руководитель идет вперед как можно быстрее, а все остальные – кто догонит. Не догонишь – значит, тебе не нужно»[3].

Команда особенно отличилась в проведении научных исследований в полевых экстремальных условиях при максимальных физических нагрузках.

В фондах Архива РАН хранится документ, который позволяет оценить не только специфику работы человеческого организма при высоких нагрузках и предельно низких температурах, но и скрытую за сухими фактами решимость группы женщин преодолевать сверхчеловеческие трудности ради научных исследований.

Документ знакомит нас с результатами уникальной научной программы, выполненной в сложнейших условиях при температуре до −71°С на высоте до 3,5 км над уровнем моря.

Уже после этих событий в одном из интервью Валентина Кузнецова скажет: «<…> каждая девушка несет свою функцию. Есть

завхоз, есть фотограф или кинооператор, есть врач. То есть каждое направление вела одна из лучших женщин Советского Союза. Нужно было починить снаряжение – у нас было все запасное с собой, можно было починить, вопроса не было». «<…> у нас нет первой и нет последней, мы все вместе. Если кому-то тяжеловато, мы у него берем груз и так далее. Понимаете, все помогаем друг другу»[4].

Сегодня команда «Метелица» состоит из специалистов в области медицины (физиология, психология, травмотология, офтальмология, хирургия, гинекология, эндокринология, неврология, терапия), а также радиотехники, фотографии, экологии и других специальностей. Члены команды – в основном мастера спорта, кандидаты в мастера спорта и перворазрядники по лыжам, спортивному ориентированию, радиоспорту, парашютному спорту, альпинизму и другим видам спорта. На протяжении 30 лет проведено более 20 экспедиций в высоких широтах Арктики и Антарктиды, среди них – экспедиции по Таймыру, земле Франца–Иосифа и т.д.[5]

Текст документа воспроизводится в соответствии с современными правилами орфографии.

Из протокола заседания полярной комиссии Московского филиала Географического общества от 12 марта 1976 г.

Переход от бухты Марии Прончищевой[6] до мыса Челюскина на лыжах.

1975 г. (Апрель, май).

И.В. Соловьева:

Главный вывод: этим переходом показаны физические и психологические возможности автономного длительного перехода команды научно-спортивной экспедиции «Метелица» в зимних условиях. Просим этот переход считать или рассматривать ито-

гом второго этапа подготовки научно-спортивной экспедиции «Метелицы» в Антарктике.

Т. Кузнецова – доктор экспедиции:

Для меня как медика важно было выяснить основные климатические условия тех мест, где мы будем ходить. Для всех районов Арктики характерным является низкая температура воздуха, значительные скорости ветра, большое число пасмурных дней и дней с туманами и осадками, что обуславливает определенную суровость погоды. Кроме того, для любого времени года, как бы ни был адаптирован или акклиматизирован человек к арктическим условиям, он не может жить и работать там без достаточных средств защиты от холода.

Заметное влияние на организм человека оказывает резкая изменчивость отдельных элементов погоды на протяжении суток.

Организм реагирует не столько на среднюю величину метеорологического фактора, сколько на его изменения, которые требуют дополнительной приспособляемости и регулирующих их систем.

Считается, что за большую изменчивость погоды, оказывающую отрицательное влияние на самочувствие человека, следует принимать суточные колебания атмосферного давления свыше 5,2 миллиметров изменений за более короткий срок, температуры воздуха на 5 градусов и ветра на 5 метров в секунду.

Частые и резкие колебания основных элементов погоды являются характерной особенностью всей арктической зоны, включающей акваторию Ледовитого океана и прилегающей к ней части суши.

Вместе с суровым климатом это составляет одну из главных особенностей, затрудняющих жизнь и работу людей в высоких широтах и предъявляющих повышенные требования к здоровью человека.

В высоких широтах человек постоянно (круглый год) находится в условиях пониженной ультрафиолетовой радиации. В Арктике имеется значительная ионизация воздуха.

Проблема обеспечения полярников полноценным питанием до сего времени является весьма острой, несмотря на имеющийся большой опыт работы многих экспедиций, зимовок и ряд специальных исследований.

Нас интересовало и пополнение суточных энергозатрат и полноценность пищевого пайка по качественному составу. Исследователи давно установили связь между величиной расходуемой энергии и климатическими условиями. Чем дальше человек от экватора, тем больше он тратит энергии за сутки при выполнении одной и той же работы.

Тропики – 3000–3500 ккал.

Умеренный по – 3500–4000 ккал.

Арктическая область 4400–5500 ккал.

Брикеты поставщик энергии – пища, поэтому вполне оправдано, что питание рассматривается как один из ведущих факторов в системе жизнеобеспечения людей, направленных на работу в зоны полярного климата.

Причина повышения энерготрат:

1. Низкая температура воздуха окружающей среды;

2. Теплая одежда, нарушающая рациональные и наиболее экономичные движения для той или иной мышечной деятельности;

3. Неровная снежная поверхность, с наносами, застругами и полосами еще рыхлого снега, затрудняющих перемещение пешком с грузом и даже без груза;

4. Сильные и порывистые ветры, нарушающие ритм движения и являющиеся дополнительной помехой при ходьбе и физической работе.

5000+3000 = 7000–8000 ккал.

Такой расход энергии должен был быть у нас при выполнении тяжелой физической работы (ходьба на лыжах по торосистому льду с тяжелым грузом.)

Большое значение – содержание в потребляемой пище основных компонентов, необходимых организму для нормального функ-

ционирования, а также достаточный ассортимент продуктов: белки, жиры, углеводы в готовой пище; их побольше перед выходом и на выходе.

Минеральные вещества при низких температурах воздуха, усиленная регуляция и потеря хлоридов (холодовой диурез). Однако это увеличение диуреза может быть связано с потреблением снеговой воды (без минеральных солей, мало утоляет жажду, увеличивает количество выпиваемой воды и полиурия (квас или отвар из сухофруктов)).

Режим питания: два раза горячее, один перекус. Сон – 8–9 часов. У большинства – нормально, но со сновидениями. Питьевой режим: много воды потребляли в первые дни (отеки, задержка воды в организме, затем нормализация). Ритм сердца сокращен – постоянно стабилизировался во время нагрузки.

1. Задачи, стоявшие передо мной, – жилье, одежда, питание, медикаменты (врачебная помощь) и наблюдение за общим состоянием здоровья (исследование процесса акклиматизации и адаптации).

2. Решение этих задач могло быть успешным лишь при учете климатических условий Таймырского побережья и условий тяжелой физической нагрузки, которые нас ожидали.

Климатические особенности: полярный день; низкая температура воздуха (и резкая смена температур); ветры, белая мгла, частая метель; отрогов от «цивилизации», «узкий круг людей» (правда, достаточно хорошо знакомых – однако, состав новый по сравнению с прошлым годом).

Организм реагирует не столько на среднюю величину метеорологического фактора, сколько на резкие их колебания (например, изменение температуры воздуха за сутки на 5 градусов).

До перехода – по данным обследования, некоторые среди нас приравнены к «среднему» мужчине, но это самые сильные женщины. Таким образом, мы женщины почти обыкновенные, но физически тренированные. Тренировки, выходы под Москву,

путешествовали по Пай-Хою – все это подтверждает, что мы сможем пройти и по Таймыру.

Результаты медицинских наблюдений

По данным клинического обследования все участницы до и после перехода признаны здоровыми.

Многодневный лыжный переход с тяжелым грузом в условиях Заполярья вызывает определенные сдвиги в организме женщины, касающиеся прежде всего гормональной сферы.

Отмечается некоторая рассогласованность функций сердечно-сосудистой системы в первые дни передвижения с последующей стабилизацией показателей.

Изменяется водно-солевой баланс в сторону задержки жидкости в организме и сбалансированного водного питьевого режима.

Сама по себе физическая нагрузка, по данным проведенного исследования, является допустимой и не вызывает необратимых изменений в организме. Субъективная переносимость нагрузки участницами перехода вполне удовлетворительна.

Набор продуктов и составленные пищевые рационы полностью компенсируют энергетические траты и являются хорошо сбалансированными по составу. Врачи: А. Маркова, Т. Кузнецова».

Машинопись.1976 г.
АРАН. Ф. 1907. Оп. 1. Д. 709. Л. 21, 25–36.

Примечания

[1] Архипелаг Земля Императора Николая II открыт 4 сентября 1913 года Гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана 1910–1915 гг. Бориса Андреевича Вилькицкого (1885–1961). Сначала назван участниками экспедиции словом «Тайвай» (по первым слогам экспе-

дицинных ледоколов «Таймыр» и «Вайгач»). Официальное название «Земля Императора Николая II» в честь царствовавшего тогда российского императора архипелаг получил 10 (23) января 1914 года, когда оно было объявлено приказом № 14 морского министра. В 1926 г. Земля Императора Николая II была переименована в архипелаг Северная Земля. См. подробнее: Стенограмма доклада О.Ю. Шмидта на заседании Правительственной комиссии по изучению Севера об экспедиции на Северную Землю в 1930 г. на ледоколе «Георгий Седов» и выступления по докладу. 1930 г. АРАН. Ф. 496. Оп. 2. Д. 265. Л. 1–42.

[2] *Санин В.М.* «Не говори ты Арктике – прощай» [Электронный ресурс] // КнигоГид. URL: https://knigogid.ru/books/320457-ne-govori-ty-arktike-proschay/toread (дата обращения: 15.11.2018).

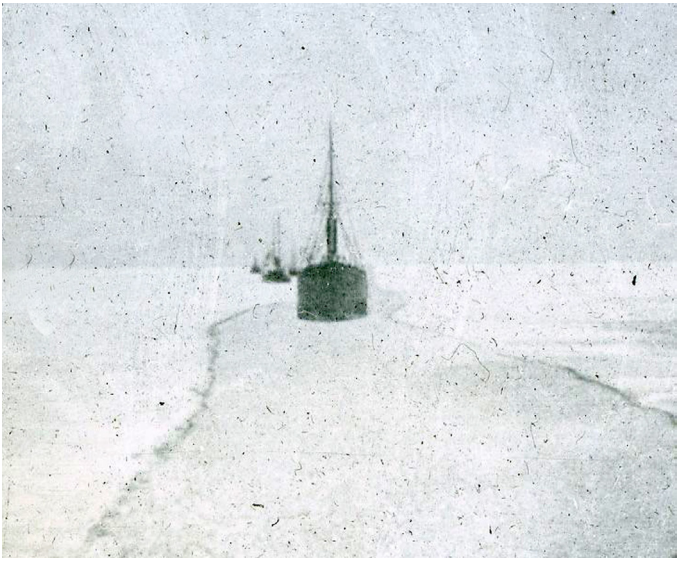
[3] *Ляленкова Т.* «Мужчина и женщина. Опыт экстремальных путешествий» [Электронный ресурс] // Радио Свобода. URL: https://www.svoboda.org/a/291573.html (дата обращения: 15.11.2018).

[4] Памяти Валентины Кузнецовой, главной метелицы страны [Электронный ресурс] // Spox.ru. URL: http://spox.ru/ru/news/10864.pamyati_valentini_kuznetsovoy_glavnoy_metelitsi_strani.html (дата обращения: 15.11.2018).

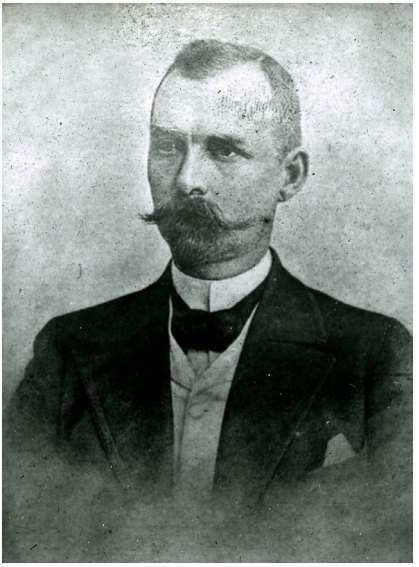
[5] Сайт команды «Метелица» [Электронный ресурс] // URL: https://metelitsa-team.ru/ (дата обращения: 15.11.2018).

[6] Историческая ошибка в имени первой полярной путешественницы Татьяны Федоровны Прончищевой устранена в 1983 г. В.В. Богдановым по документам ЦГАДА.

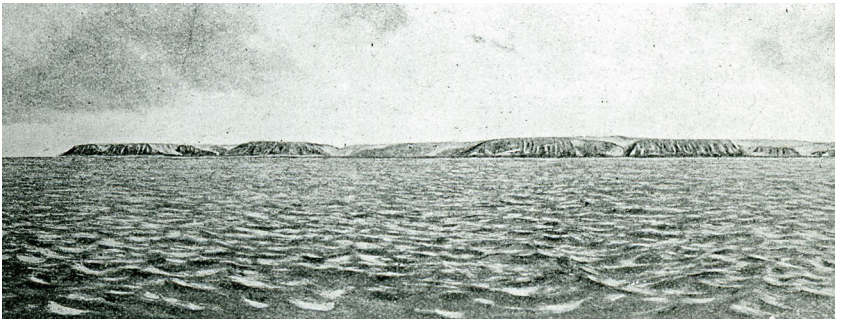
Ил. 1. Вице адмирал С. О. Макаров.



Ил. 2. Ледокол Ермак. АРАН. Ф. 529. Оп. 1. Д. 11.(29).



Ил. 3. Эдуард Толль. АРАН. Ф. 529. Оп. 1. Д. 11(30).



Ил. 4. Фотография на стекле Земля Императора Николая II.
АРАН. Ф. 529. Оп. 1. Д. 11 (6).

Ил. 5. Участницы женской команды Метелица
на Земле Ф-И. РИА новости. 1987 г.

Н.В. Литвина

Наброски доклада А.П. Ганского об экспедиции на остров Шпицберген

N.V. Litvina

Outline of the A.P. Gansky's report on the expedition to Svalbard

Аннотация: Публикация посвящена описанию впечатлений астронома А.П. Ганского об экспедициях на Шпицберген (1899, 1901 гг.).

Ключевые слова: А.П. Ганский, Шпицберген, экспедиция.

Annotation: The publication is devoted to the description of astronomer A.P. Gansky's impressions of the expedition to Svalbard (1899, 1901).

Keywords: A.P. Gansky, Svalbard, expedition.

В последнее время документы астронома А.П. Ганского благодаря усилиям сотрудников Архива РАН стали регулярно появляться в самых разных выставочных проектах. Однако корпус публикаций о нем все еще остается ограниченным. Несколько статей о работах А.П. Ганского вышло сразу после его трагической гибели в 1908 г., затем его имя прозвучало в астрономических справочниках и энциклопедиях. В середине 2000-х гг. биография А.П. Ганского привлекла внимание ученых-астрономов Одесского университета[1], а также украинский исследователь-любитель Михаил Линниченко в это же время опубликовал личные документы А.П. Ганского, хранящиеся в ЦГА города Москвы[2].

Алексей Павлович Ганский, русский астроном, геодезист, гравиметрист, родился 8 (20) июля 1870 г. в Одессе, в семье помещика Херсонской губернии Павла Петровича Ганского. После

гимназии и лицея в 1894 г. Алексей Павлович окончил физико-математический факультет Новороссийского университета и был оставлен для подготовки к профессуре и изучения пятен на Солнце. Во всех учебных характеристиках отмечались отличное и похвальное поведение, исполнительность, прилежание и любознательность А.П. Ганского.

В 1896 г. Одесскую обсерваторию посетил директор Пулковской обсерватории академик О.К. Баклунд и пригласил А.П. Ганского в Пулково на стажировку. Тем же летом Алексей Павлович принял участие в научной экспедиции по наблюдению полного солнечного затмения на Новой Земле. Полученные материалы позволили Алексею Павловичу сделать важные выводы о зависимости формы короны от количества пятен на Солнце.

В 1897 г. А.П. Ганский стажировался в Сорбонне и работал в Парижской обсерватории. За время своих исследований во Франции он в разные годы совершил девять восхождений на Монблан для изучения и фотографирования Солнца, Венеры и Юритера.

Два лета 1899 и 1901 гг. Алексей Павлович участвовал в русско-шведской экспедиции по градусному измерению на острове Шпицберген. Ганский проводил в этих экспедициях определение силы тяжести, то есть занимался в основном гравиметрией, но так же работал как геодезист, астроном и фотограф. За свою работу в последней экспедиции он был удостоен премии государя, вручаемой от имени Русского астрономического общества, в котором А.П. Ганский состоял с 1896 г.

В 1903 г. ученый начал исследования солнечной грануляции, которые он продолжал в течение последних лет своей жизни. А.П. Ганский был одним из трех астрономов, которым в начале XX в. удалось достичь необычайного искусства в получении снимков Солнца[3]. Качество фотографий Солнца и образований на нем, сделанных Алексеем Павловичем, оставалось непревзойденным до конца 1950-х гг. Данные о продолжительности жизни отдельных гранул (2–5 минут), полученные

А.П. Ганским, доныне без ссылки на автора публикуют во всех учебниках астрофизики.

В 1905 г. А.П. Ганского приняли в штат Пулковской обсерватории на должность адъюнкт-астронома. В том же году Алексей Павлович руководил экспедицией в Испанию для наблюдения полного солнечного затмения.

Ганский был первым отечественным астрономом, который осознал необходимость организации Гелиофизической обсерватории на юге. Он сам разрабатывал проект, просчитывал сметы строительства будущей обсерватории и в статьях 1900-х гг. отмечал возможность ее создания в Крыму, на Кавказе и даже на Памире[4]. В мае 1906 г. в Симеизе А.П. Ганский случайно увидел частную обсерваторию Н.С. Мальцева, стал инициатором переговоров с Пулковской обсерваторией о приобретении строений и оборудования Мальцева. В начале лета 1908 г. Алексей Павлович начал в Симеизе активную работу по установке Цейссовского астрографа и получил первые пробные снимки. 11 августа 1908 г. он трагически погиб.

А.П. Ганский был ученым-романтиком, занятым не только астрономическими расчетами и записями наблюдений, но идеями качественного совершенствования мира. Через все собственное несовершенство и одиночество Алексей Павлович пытался понять человеческое общество, найти способы сделать человеческий мир прекраснее. «Итак “я” один во всем мире, об этом мне говорит разум. Но чувства, внутреннее чувство говорит иное. Я не один, но составляю часть чего-то целого огромного»[5]. Несколько рукописей А.П. Ганского было посвящено идеалистическим намерениям создания обществ для борьбы против всякого зла, ищущих высшей жизни, взаимного общения[6]. Но описания человеческого несовершенства в дневниках и заметках ученого заметно проигрывают богатым и ярким картинам пейзажей. Его взгляд, исследовавший облака cirrus, предвещающие ненастье, а значит, дни или недели без астрономических наблю-

дений, был также взглядом художника, для которого все оттенки природы бесценны.

Во время первых экспедиций Алексею Павловичу было около 30 лет, он, как и большинство современных ему ученых-естествоиспытателей, не был подготовлен ко всем экспедиционным тяготам, но был к ним готов. Решимость ради науки, ради изучения белых пятен на карте и темных пятен на солнце отправляться в бесконечный ледяной маршрут – свойство характера, позволяющее преодолевать физические трудности, внутреннее сопротивление и нарастающее раздражение.

В дневниках А.П. Ганский день за днем описывает свои занятия: подъем, погода, работа в течение дня или затяжное ожидание погоды, когда за стенами палатки который день метель и туман, кончается провиант, напарники раздражают друг друга, ссорятся и радуются любой возможности продолжать работу, строить каменные сигналы, фотографировать, рисовать с дотошностью натуралиста... Все эти маленькие тетрадки, исписанные карандашом, когда по почерку видно, как мерзнут руки, как плохо во время качки на корабле, содержащие сотни страниц восторгов и переживаний, А.П. Ганский резюмирует в двух небольших текстах, один из которых, «Наброски доклада об экспедиции на остров Шпицберген», является подготовкой к окончательному тексту «К Северному полюсу».

В этой публикации мы приводим полный текст «Набросков…», который содержит описание пути от Петербурга до Шпицбергена, а также вариант вступления со ссылкой на современные тексту события русско-японской войны.

Собственно впечатления о Шпицбергене мы приводим из итогового текста А.П. Ганского «К Северному полюсу»[7]. В таком виде публикуемая работа – авторский рассказ о путешествии на Шпицберген, подробно описанном в путевом дневнике ученого[8]. Оба автографа носят следы авторской правки. Документы хранятся в Архиве РАН, Ф. 543 (Н.А. Морозов), Оп. 11 (документы

архива А.П. Ганского), Д. 30 и Д. 24. При подготовке публикации соблюдены современные правила орфографии и пунктуации. Подчеркивания в тексте выделены курсивом. Сокращения раскрываются в квадратных скобках.

Вступительная статья и публикация подготовлены с.н.с. Архива РАН Н.В. Литвиной.

Наброски доклада об экспедиции на остров Шпицберген

Мы поедем из Петербурга на пароходе до Стокгольма. Оттуда по жел[езной] дороге в Тронгейм[9]. Потом по фиордам Норвегии до Тромсе, а дальше уже прямо через ледовитый океан на Шпицберген.

Первый интересный город по дороге – это Выборг, в котором сохранилось много воспоминаний старины. Затем идут довольно скучные финляндские шхеры до самого Гельсингфорса[10], пристань которого всегда заполнена целыми тысячами мелких судов. Потом Hangö[11] с его старинной интересной пушкой, потом неприятный переход через Балтийское море, всегда волнующееся, желтое, грязное.

Как приятен зато вход в фиорды Стокгольма и в особенности подход к самому городу, одному из наиболее красивых в Европе по своему положению. Великолепные сады, памятники, уличное оживление, велосипедисты в огромном количестве, телефоны, распространенные как нигде в Европе, делают этот город очень интересным. А с другой стороны – огромное озеро Меларен, соединенное с фиордом шлюзами, масса каналов с подъемными мостами; все это удивительно красиво. Но как старый город, он имеет много узких темных улиц, в которые и в полдень не проникает солнце.

Чтобы поспеть за 8 дней доехать до Шпицбергена, нужно торопиться.

Железная дорога подымается все время на скандинавское плоскогорье. В Стокгольме оставили уже весну в полном разга-

ре, а здесь, на высшей точке перевала, царствует еще настоящая зима. Впрочем, и царствовать не над чем. Чахлые березки, мох – вот вся растительность.

Зато спуск к фиорду Тронгейма великолепен. Здесь опять весна, здесь климат походит на южно-европейский по богатству красок как воды, так и неба, и земли. Красивые водопады, интересные окрестности Тронгейма. Остановимся на одной из них. Это Мункхольмен[12], старинная крепость на маленьком гранитном островке, крепость, которая была преобразована в государственную тюрьму с страшными подводными камерами, потом сделалась монастырем с подземным ходом, соединяющим остров с городом, а теперь там просто маяк.

Мы были очень удивлены, не встретив там никого. Долго блуждали, пока увидали первое живое существо. Это была лисица. Как оказалось потом, ручная лисица, которая там жила с 2 собаками, старым сторожем и его женой. Больше никого на всем острове.

Едем теперь дальше по Норвежским фиордам, наиболее красивым местам, которые я когда-либо видел.

Вот Торгатен[13], гора с дырой, огромным естественным провалом в виде галереи, метров 10 вышиной.

Море удивительно тихо и спокойно, корабль идет как в реке. Так тихо, что маленькие лодочки идти не могут на парусах. Они просят, чтобы мы их подвезли, позволив прицепиться к нашим пароходам. Так тихо, что отражение в воде полное. Можно даже принять отражение за отражающийся предмет. Чем дальше к северу, тем чаще встречаются рыбаки. Иногда встречаются целые огромные флотилии, которые тащит, пыхтя, маленький пароходик. А те шхуны, которые не нашли себе никакого вожака, стоят по целым дням, даже неделям, на одном месте. Они по своему виду похожи больше на древние лодки викингов, чем на современные корабли. При виде их[14], вспоминаются норманны, смело переплывавшие на их «морских конях» огромные расстояния,

доходившие до Англии, до северных стран и далее, по преданию, до самой Америки.

Вот мы у самого северного полярного круга, проходящего через остров Трененг[15], почти через видимую здесь вершинку его.

Отсюда у нас будет постоянный день на целые 3 месяца. Чувствуется уже север. Горы больше покрыты снегом, что делает фиорды еще более красивыми, более интересными.

Вдали показывается Тромсе, один из самых северных городов, лежащий почти под 70º северной широты, т.е. выше нашей Колы, но с климатом Одессы. Там порт никогда не замерзает. Температура редко опускается до 10º ниже 0º, и только длинная двухмесячная ночь и столь же длинный летний день отличают этот город от южных.

Здесь мы приближаемся к России. Повеяло своим, родным. Много наших рыболовных и торговых судов. Нас встречают поморы, жители Архангельской губ[ернии], которые выписаны были для нашей экспедиции. Это бравые, честные, сильные люди, с одним только недостатком – любят выпить. Много было по этому поводу с ними неприятностей. Встречают нас и тамошние жители, с удивлением смотрящие на нас, в особенности дети, которые целыми толпами ходили за нами, спрашивая: «Тиска? Френска?» Т.е.: «Немцы? Французы?» На что мы отвечали: «Rysska». Они, кажется, не понимали, кто мы, хотя и живут так близко от России.

Здесь же, в Тромсе, мы впервые познакомились с чрезвычайно интересными мускусными баранами или овцебыками, впервые тогда привезенными в живом виде в Европу. Они водятся в Гренландии и в Тибете. Это остатки еще доисторических животных. Там же живут и доисторические люди – лапландцы, более похожие на граждан каменного века, чем нашего, XX-го. Живут они в грязных чумах со своими оленями, и цивилизация еще [не] касается их.

К сожалению, дольше оставаться в Тромсе нельзя, нужно спешить на север, а еще много есть интересных вещей в этом заброшенном так далеко и так высоко городке.

Мы выходим из него в полночь. Картина меняется. Нет уже прежней тишины. Море даже в фиордах волнуется. Маленькие шхуны бегут обратно, уходя, очевидно, от бури в Ледовитом океане.

Чем ближе мы подходим к выходу в открытое море, тем темнее становится небо, тем бурливее море. А в океане нас захватила уже настоящая буря. Целых 54 часа трепала она наши пароходы, утомив всех нас, всю команду. Мы ничего-ничего не ели в это время. Все были больны, даже собаки, которых мы везли с собой. Зато какое огромное удовольствие, даже наслаждение испытали мы, когда вдруг на 3-е утро почувствовали, что качка уже утихла. Мы вошли во льды. Ермак, который был тоже с нами, стал пробивать нам путь. Интересно, дорога, проделываемая во льду ледоколом, долгое время остается в виде канала.

Вдали показались берега Шпицбергена. Это целый ряд высоких гор, покрытых снегом, таких белых, что их трудно отличить от туч или ото льда.

М.Т. и М.Т.[16]

Возбуждение, вызванное русско-японской войной, проникло всюду. Казалось бы, нет на Земном шаре места, где бы ни знали об этом, не обсуждали различных происшествий этой войны. А между тем я знаю целую страну, огромный архипелаг в 400 верст длиной, не меньше – шириной, куда не проникли никакие известия об этой войне. Да и не скоро проникнут.

В полной темноте, освещаемой только вспышками северного сияния или полной незаходящей луной, лежат острова Шпицбергена вдали от обитаемой земли, отделены от нее бурным Ледовитым океаном и громадными глыбами льда, окружающими его берега. Пробиться туда нельзя ни на пароходе, даже на таком огромном ледоколе, как Ермак, ни на санях, запряженных собаками, ни пешком. Разве только воздушный шар смог бы переле-

теть через эти огромные торосы льда, но кто решится отправиться на нем туда, в ту темную ночь, в эти негостеприимные страны и рискнет вместо них попасть в Ледовитый океан, откуда спасения ему уже не будет. Но чего нельзя сделать вещественно, то можно умственно. Попробуем же и мы перенестись на время туда и забудем о всем окружающем нас.

[1904 г.]
АРАН. Ф. 543. Оп. 11. Д. 30. Л. 1–8;
Д. 24. Л. 1–8 об. Автограф.

Фрагмент доклада «К Северному полюсу»

Теперь собственно полярные экспедиции представляют собой не меньше трудностей, чем прежде. Вы помните о путешествии Нансена и о том, что он претерпел. Но до Шпицбергена в наше время доехать очень легко. Из Петербурга можно сделать это путешествие в 6-7 дней.

Это путешествие делают теперь туристы англичане и американцы для удовольствия. На Шпицбергене построен даже Hotel в Ice Fiord'e[17], что они пользуются даже некоторым комфортом.

Мы же ездили туда с другой целью, для измерения величины и формы земли.

Известно, что Земля не правильный шар, но немного сжата у полюсов. Вот для того, чтобы измерить, насколько она сжата, мы и были посланы. Измерения эти продолжались 3 года, т.е. 3 лета и 1 зиму. За это время мы и познакомились с жизнью в полярных странах.

Если хотите, сделаем это путешествие мысленно. На пустынном и негостеприимном берегу Шпицбергена был выстроен дом, где русская экспедиция прожила больше года, проведя в нем длинную, четырехмесячную, полярную ночь. Знаете ли вы, что такое полярная ночь? Это четыре месяца темноты, освещаемой

только Лунным светом, да иногда полярными сияниями. Эти последние очень красивы. Их внезапные зажигания, потухания (перемены цвета, формы, движения по небу) – это что-то фантастическое. Но еще более сказочно должно быть появление при таком волшебном свете белых медведей. Голодая целую зиму, они бегают как сумасшедшие по острову, ища себе пищи. Но все живое как бы вымерло. Тюлени и рыба, их обыкновенная пища, не попадаются, т.к. океан покрыт толстым слоем льда. Сухопутные животные или улетели, или же спят в своих норах, глубоко под снегом, откуда не доходит их запах и до чуткого носа белых медведей. Насколько хорошо они чувствуют на расстоянии, видно по тому, что на место русской зимовки явилось за зиму 63 медведя, тогда как обыкновенно в то место они совершенно не являются. Как они узнают о том, что здесь есть люди и пожива, я, право, не знаю.

Тринадцать из них было убито за зиму. Людям они тоже попадались, но реже.

Однажды наш топограф высадился на берегу Шпицбергена, чтоб сделать съемку, т.е. нанести на карту.

Разбив палатку, он отправился, чтоб осмотреть берега. Вернувшись, нашел свою палатку поваленной, все вещи разбросанными и, кроме того, не доставало одного тюка. Следы показали, что его унес белый медведь. В этом тюке была кожаная куртка и жестянка с тюленьим жиром. Он почувствовал это и унес. Через полчаса, когда уже все было приведено в порядок и топограф сел завтракать с поморами, послышался шум. В этой стране, где только ветер шумит свободно, всякий посторонний звук интересен. Один помор выскочил из палатки и видит перед собой огромного белого медведя. Он поднял крик, все выскочили, начали даже стрелять, но медведь, смешно подскакивая, уже убежал. Там его больше не видали.

Жизнь на Шпицбергене вносит своеобразие. Здесь человек становится очень близко к природе. Постоянная борьба с ней

закаляет людей. Способы сообщения – или пешком, или на собаках. Мы привезли с собой их 63 штуки. Это совершенно особый тип собак, так называемые лайки. Живущие в северной России, Сибири, на Новой Земле, где самоеды живут вместе с ними в своих чумах. Они быстро бегают, иногда делая 15–18 верст в час. Очень выносливы. Но беда, если им приходится подымать тяжести на гору. Тогда они совершенно изнемогают, падают, лают, визжат, но везти не могут. А нам приходилось подыматься на очень высокие горы, и тогда и люди, и собаки, запрягшись в сани, тащили их, иногда часов 10–12 подряд ничего не евши. Зато как придет отдых в разбитой палатке, как вкусна самая простая пища, которую нам там приготовляли матросы.

Постоянные метели, гололедицы, сильные ветры сильно мешали нам в наших работах, наблюдениях. Палатки наши заносило снегом. Целые недели мы не видали Солнца, да не только Солнца, но и стоящих рядом с нашей палаткой матросов – такие бывали там вьюги. Не раз опрокидывали ветром наши палатки, и мы оказывались в плену, пока кто-нибудь из матросов не освобождал нас. Часто по стылым дням приходилось лежать в мешках из оленьей шкуры, не имея возможности даже выйти из палатки, которые обращались в ледяные домики после гололедицы.

Все кругом покрывалось тогда льдом и снегами. И те несчастные растения, которые живут на Шпицбергене, прячась от ветра за камни, казалось, умирали под толстой коркой льда. Но стоило выйти Солнцу – и все оживало. Мы вытаскивали наши вещи, чтобы просушить их. Потом принимались за наблюдения, измерения, стоя иногда по колени в снегу и в воде. Даже растения и те оживали и кое-где появлялись такие цветы, напоминающие отчасти наши лютики, одуванчики, маки. Деревьев там нет совсем. Одни только ивы, но и те потеряли вид деревьев и обратились почти в траву. Высотой они не больше 1 вершка, 2–4 лютика и цветок. Среди кустов мака около 3 вершков высоты их и не видно.

Так на Шпицбергене растут не цветы в лесу, а лес среди цветов. Много есть странностей на этих островах. Так там вместо каменных берегов мы находим снеговые, т.к. снег не успевает растаять за лето и лежит там годами.

Нет, как ни интересен Шпицберген, долго на нем оставаться не следует. Как только осенью, в начале сентября, появятся отдельные льдины, когда они начнут все прибавляться и приближаться, угрожая пароходу затереть его, тогда нужно бросить скорее все и бежать оттуда, пока еще не поздно, иначе можно рисковать остаться на нем навсегда.

[1904 г.]
АРАН. Ф. 543. Оп. 11. Д. 30. Л. 1–8;
Д. 24. Л. 6–8 об. Автограф.

Примечания

[1] *Лемещенко Н.Д., Шевчук Т.В.* Алексей Павлович Ганский [Электронный ресурс] // Родовое гнездо. URL: http://rodovoyegnezdo.mybb2.ru/viewtopic.php?t=370 (дата обращения: 15.11.2018).

[2] ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 305. Д. 157 [Электронный ресурс] // Родовое гнездо. URL: http://rodovoyegnezdo.narod.ru/Hanski/hanskialexpav.htm (дата обращения: 15.11.2018).

[3] *Брей Р., Лоухед Р.* Солнечные пятна. М., 1966. С. 22–23.

[4] *Ганский А.П.* О наблюдении Солнца и об основании Гелиофизической обсерватории на юге России. СПб., 1905.

[5] *Ганский А.П.* Этюд «Одиночество». АРАН. Ф. 543. Оп. 11. Д. 56. Л. 2.

[6] *Ганский А.П.* «Сила в единении». Статья об организации Общества борьбы против зла внутри и вне себя. АРАН. Ф. 543. Оп. 11. Д. 51; *Он же.* Речи на собраниях членов Общества ищущих высшей жизни. Там же. Д. 53; *Он же.* Проект организации Общества взаимного общения. Там же. Д. 50.

[7] А.П. Ганский и его доклад «К северному полюсу» / публ. подгот.

Н.В. Литвина [Электронный ресурс] // Архив РАН. URL: http://www.arran.ru/?q=ru/litv1 (дата обращения: 15.11.2018).

[8] АРАН. Ф. 543. Оп. 11. Д. 12.

[9] Тронхейм – город Норвегии, расположен в устье реки Нидельвы на берегу Тронхеймского фьорда.

[10] Гельсингфорс – русское название столицы Великого княжества Финляндского, после 1917 г. – Хельсинки.

[11] Ханко – самый южный город Финляндии. Прежнее русское название Гангут. Расположен на южной оконечности полуострова Ханко и с трех сторон окружен морем.

[12] Мункхолмен – небольшой остров к северу от Тронхейма, расположенный в Тронхеймс-фьорде.

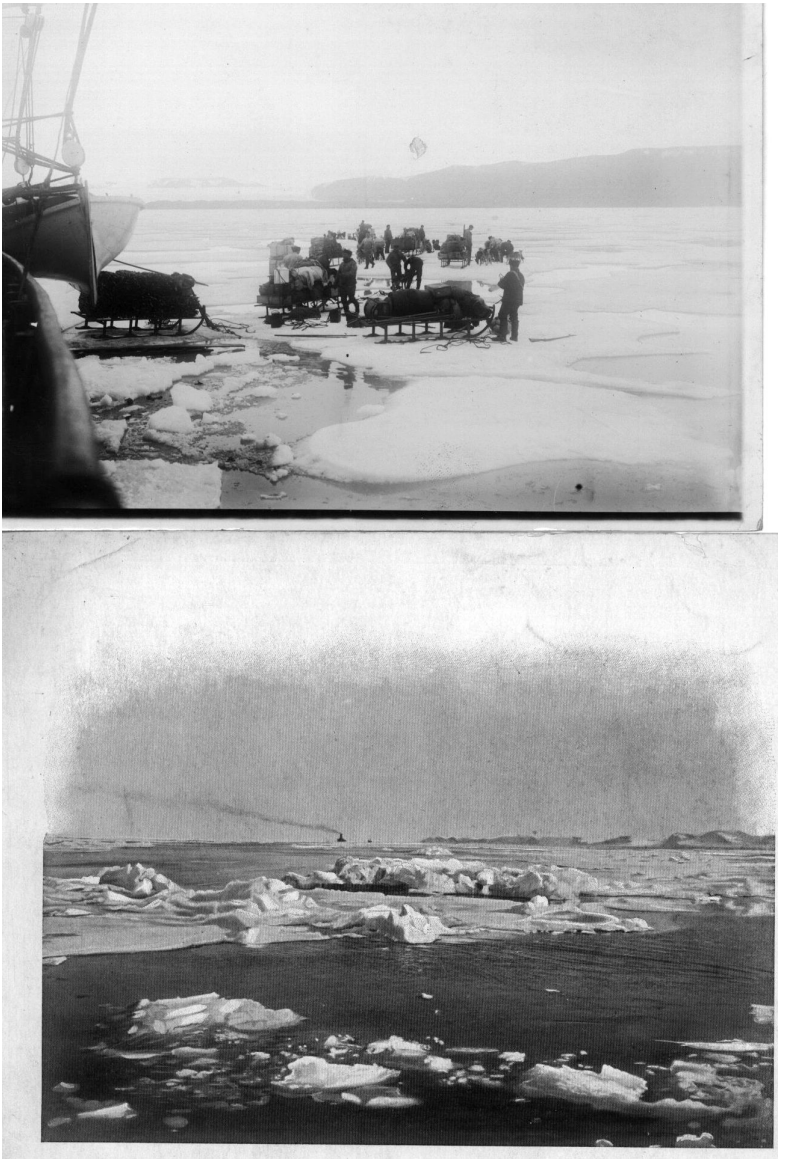
[13] Торгаттен – гора на острове Торгет.

[14] В документе: «Видя их».

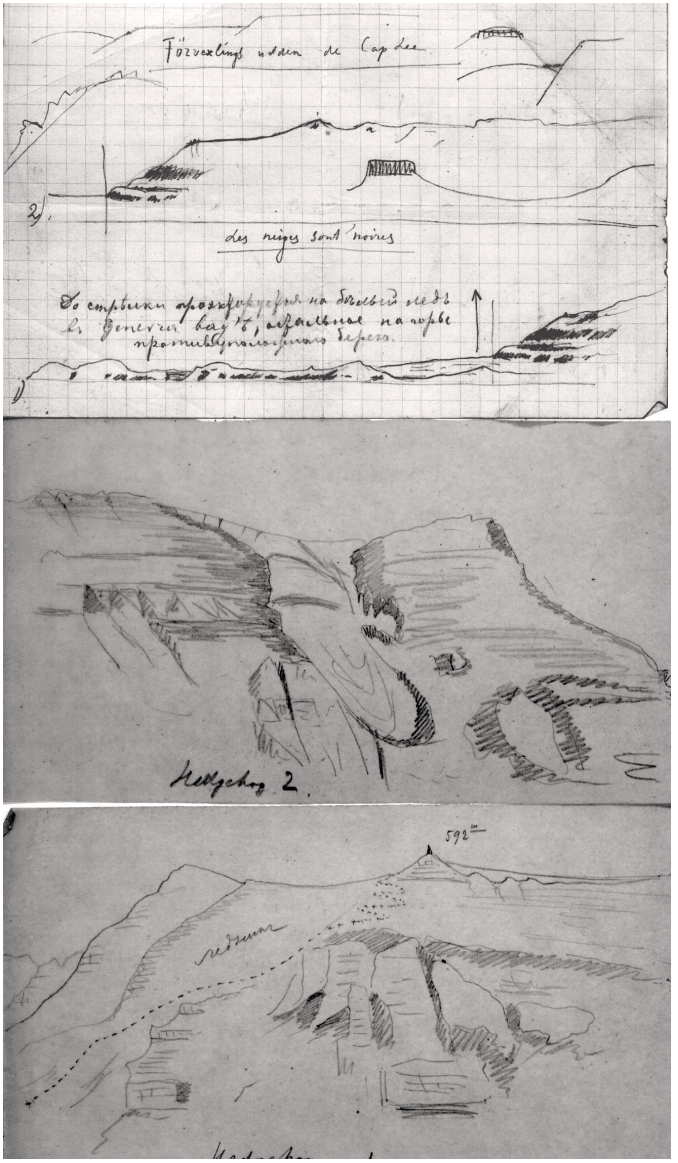
[15] Острова с таким названием обнаружить не удалось.

[16] Личности, скрытые за инициалами, не установлены.

[17] Гостиница в Ледяном фиорде – дополнительных сведений не обнаружено.



Ил. 1-2. Фотоснимки, смонтированные на одном листе. Рабочий момент и вид береговой линии Шпицбергена, сделанные во время экспедиции А.П. Ганским. [1899 г.] АРАН. Ф. 543. Оп. 11. Д. 60. Л. 8.



Ил. 3-5. Станица дневника А.П. Ганского с тремя зарисовками высот.
1. Мыс Ли, 2 и 3. Гора Хеджехог. Шпицберген. 1899 г.
АРАН. Ф. 543. Оп. 11. Д. 12. Л. 138.

А.Л. Рижинашвили

Ответ гидробиологов лысенковцам

A.L. Rizhinashvili

An answer of the hydrobiologists to the Lysenko followers

Аннотация: публикуется текст чернового документа, написанного советским гидробиологом профессором В.И. Жадиным в непростой для гидробиологии период истории. После печально известной сессии ВАСХНИЛ последовала идеологическая проработка различных областей биологического знания. Была сделана попытка навязать лысенкоистские догмы и гидробиологии (водной экологии). Известный ихтиолог Г.В. Никольский в своей статье предложил заменить изучение всей системы связей в водоеме изучением динамики стада рыб (преимущественно промысловых). Гидробиологи дали достойный отпор этим взглядам, обвинив Никольского в отрыве организма от среды. Текст В.И. Жадина позволяет наглядно увидеть использовавшиеся при этом приемы. При защите гидробиологии характерно оперирование учеными фразеологией «мичуринской биологии».

Ключевые слова: лысенкоизм, идеологические дискуссии, гидробиология, Г.В. Никольский, В.И. Жадин.

Abstract: this text of the draft document, written by the Soviet hydrobiologist Professor Vladimir I. Zhadin in a difficult period for the history of hydrobiology, is published. After the infamous session of VASKhNIL, different areas of biological knowledge were under ideological pressure. An attempt was made to impose Lysenkoism dogmas in the hydrobiology (aquatic ecology). The famous ichthyologist Georgiy V. Nikolskiy in his article proposed to replace the content of hydrobiology by study of fish populations. Hydrobiologists gave

a fitting rebuff to these views, accusing Nikolskiy of detaching the body from the environment. Zhadin's text allows us to see clearly the techniques used in this case. In the protection of hydrobiology, the scientists used the phraseology of «Michurin biology».

Keywords: Lysenkoism, ideological discussions, hydrobiology, G. V. Nikolskiy, V. I. Zhadin.

В этом году исполняется 70 лет печально известному событию в истории отечественной науки – августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Она подвела черту под идеологическими дискуссиями довоенного времени и способствовала окончательному оформлению господства доктрин «народного академика» Т.Д. Лысенко не только в области генетики и сельского хозяйства, но и в других отраслях биологического знания. За ней уже в 1950 г. последовали не менее ужасающие по своим последствиям Павловская сессия и Совещание по проблеме живого вещества.

Казалось бы, все эти идеологические мероприятия и их последствия – среди наиболее изученных страниц нашей истории вообще и истории биологии в частности. Вместе с тем для большинства исследователей осталась незамеченной еще одна «малая дискуссия». Это дискуссия о биологической продуктивности водоемов и о содержании и задачах гидробиологии (водной экологии, как сейчас часто называют эту науку), ее праве на самостоятельное существование, отношении к практике рыбного хозяйства[1]. Она интересна тем, что на ней лысенкоизму был дан достойный отпор со стороны ученого сообщества, и в итоге гидробиологию не удалось сделать опорой лженауки[2].

Дискуссия открылась статьей известного ихтиолога Г.В. Никольского[3]. В ней он обвинял гидробиологию в отрыве от практических запросов рыбного хозяйства и в том, что она занимается набором не связанных друг с другом задач. В частности, он писал, что эта наука, стремящаяся заниматься широким кругом проблем «от сапропеля до рыбы», является «плохо свя-

занным конгломератом различных вопросов биологии и географии»[4]. По мнению Никольского, вопросы, которые она разрешает, объединены только тем, что «разные специалисты плавают на одном судне»[5]. Значительная часть содержания гидробиологии, по Никольскому, относится либо к экологии организмов (как раздел экологии), либо к географии (водоем как элемент ландшафта). А следовательно, «<…> и существование гидробиологии как самостоятельной биологической науки сейчас вряд ли оправдано»[6]. Причину такого положения Никольский видит в том, что гидробиологи пытаются охватить изучением весь водоем, но не знают строение и образ жизни конкретных живых организмов. В результате гидробиология, по его мнению, и вовсе «тормозит развитие рыбного хозяйства»[7]. Зная идеологические особенности времени (наука должна служить нуждам хозяйства), мы легко можем догадаться, насколько тяжело звучит подобное обвинение.

Как известно, главнейшим положением лысенкоизма является единство организма и среды. Это единство, по мнению Лысенко и его сподвижников, настолько тесное, что, изменяя среду, мы можем изменять наследственность организма[8]. В соответствии с этим положением Никольский и направляет острие критики на якобы существующий в гидробиологии разрыв между организмом и средой. Преодолеть этот разрыв поможет изучение динамики стада, тип которого «<...> есть приспособительное свойство вида, обеспечивающее … единство организмов вида и их среды»[9]. По Никольскому, проблема биологической продуктивности сводится к проблеме продуктивности стада промысловой рыбы, которая оценивается «…через хозяйственно ценный биопродукт как результат взаимоотношений популяции вида и его среды при обязательном включении и формы хозяйства как элемента среды»[10]. В таком понимании проблема продуктивности стада становится частью проблемы популяционной динамики организмов. Вину за отставание изучения проблемы динамики стада водных организмов Никольский возлагает всецело на гидробиологов.

За статьей Никольского последовала серия статей многих крупных гидробиологов и деятелей рыбного хозяйства[11]. Большинство выступивших очень резко парировали Никольскому. Для защиты своей позиции они широко пользовались фразеологией «мичуринской биологии». Ученые обвиняли Никольского в противопоставлении организма и среды, которое он же сам и критиковал. На состоявшейся впоследствии в конце 1951 г. конференции по вопросам рыбного хозяйства гидробиологическому сообществу удалось доказать объективно комплексный характер своей науки и в значительной мере опровергнуть навязываемые лысенкоистские догмы[12]. В результате лысенкоизм в гидробиологии «не прошел».

Публикуемый ниже документ представляет собой черновую запись критических замечаний по существу статьи Никольского. Этот черновик принадлежит перу известного советского гидробиолога профессора В.И. Жадина (1896–1974) и обнаружен в его личном фонде в Научном архиве Зоологического института РАН (НА ЗИН РАН.Ф. 5, не обработан). Материал представляет интерес, так как содержит в концентрированном тезисном виде основные возражения, позволившие ученым-гидробиологам в непростое время не дать руководству страны «закрыть» гидробиологию. Насколько нам известно, Жадин нигде публично не выступал с критикой Никольского. Содержание документа демонстрирует и применявшиеся научным сообществом методы защиты в условиях идеологического давления: апелляция к системе воззрений Лысенко о единстве организма и среды; опора на необходимость решения практических задач; широкая ссылка на решения предыдущих дискуссий (Павловская сессия). Используются и личностные выпады: обвинение в клевете на науку, констатация «вреда от взглядов». Жадин также указывает на возможность нежелательных оргвыводов в случае, если неправильные взгляды Никольского будут восприняты. Документ наглядно подтверждает, что в начале 1950-х гг., еще до смерти

И.В. Сталина, в биологической науке начался новый раунд борьбы с лысенкоизмом[13]. Текст приводится в соответствии с современными правилами русского языка.

В.И. Жадин

По поводу статьи Никольского

Черновик.

Автор борется с выдуманной им концепцией гидробиологии (жизнь в воде без рыбы), т.е. создает сам себе противника, уподобляясь Дон-Кихоту, воевавшему с мельницами.

Говоря, что водоем не должен являться предметом изучения гидробиологов, автор разоружает науку как раз в тот момент, когда происходит грандиозная перестройка именно водоемов. Водоем становится той средой, изменяя которую человек воздействует и на всю жизнь в воде. Изменяя водоем, человек невольно ставится перед проблемой изменения фауны и хозяйства на водоеме, наука в этот момент должна найти рациональные формы использования водоема в целях рыбного хозяйства. А такого рода работа немыслима, конечно, без глубокого знания биологии рыб и других водных организмов.

Говоря о единстве среды и организма, нельзя забывать о среде. Глядеть на среду только глазами рыбы, это значит находиться все время в опасности недооценки роли среды. Ведь нельзя же так называемую нишу переносить из водоема в водоем, невзирая на те перемены общего его характера, которые совершаются при реконструкции водоемов.

Согласно учениям И.П. Павлова, факторы, вчера бывшие безразличными для организмов, сегодня становятся весьма активными, обусловливая проявление условных рефлексов.

Утверждая, что гидробиология ничего не дала для рыбного хозяйства, автор клевещет на советскую науку, в своей работе

далеко опередившую западную буржуазную гидробиологию и давшую примеры служения социалистическому хозяйству (работы Исаковой-Кео, том 3 «Жизни пресных вод», работа Тюрина и *даже работы по Амуру самого Никольского*[14])!

Основой использования биологических ресурсов вод и увеличения рыбной продуктивности должен быть обязательно комплексный метод, являющийся характерным признаком социалистического хозяйства, а комплексный метод может быть осуществлен только комплексной наукой. А.В. Лукин на совещании в 1950 г. говорил, что когда на полезащитные полосы приезжают по отдельности представители рыбохозяйственных, коммунальных, сельскохозяйственных учреждений и ведомства здравоохранения, то строители и колхозники впадают в полную дезориентацию – насколько противоречивы и взаимоисключающи требования различных ведомств к условиям, которым должны удовлетворять. Когда Г.В. Никольскому ставили в упрек, что он недооценивает малярийной роли новых водоемов, он отвечал, что это не его дело.

Не понимая существа гидробиологии как науки, занимающейся преимущественно вопросами малого (биологического) круговорота веществ с целью мобилизации органического вещества в виде рыб для современных потребностей человека, Никольский пытается пропагандировать работы школы Вернадского и Виноградова, которые ставят своей задачей совершенно другое – выяснение роли биологических агентов в большом круговороте, т.е. в продукции будущего.

«Пресс хищников» – это один из немногих биологических факторов, который упоминает в своей статье Никольский. Но и этот фактор освещен автором в отрыве от среды, от специфики водоемов. Действительно, в морях, некоторых реках и озерах хищники играют весьма большую роль в деле динамики стада рыб и даже в деле выработки тех или иных морфологических и биологических особенностей видов рыб. Но есть большая груп-

па водоемов, как раз особенно интересующих нас в настоящее время, – водоемов искусственных, где хищники могут или совершенно отсутствовать, или насаждаться в интересах рыбного хозяйства (судак в водохранилищах).

Вообще биологическое обоснование концепции ихтиологии, которую предлагает Никольский, очень слаба. Никаких конкретных указаний о желательных путях ихтиологического исследования не содержится: больше всего говорится о пище, вскользь упоминается о размножении, как-то методически неопределенно освещается вопрос о плодовитости. О таких важнейших элементах биологии, как потребность в кислороде и других сторонах физиологии рыб, ничего не говорится. Возможность условных рефлексов в свете учения И.П. Павлова даже не предполагается.

Зато все содержание ихтиологии, призванной служить социалистической практике, сводится к динамике стада рыб. Здесь по аналогии появляется даже проблема изучения «стада» беспозвоночных животных и растений. Что это за стада комаров и водорослей, одному Никольскому известно.

Статья Никольского носит черты спешки и несерьезного отношения к весьма серьезному и важному вопросу. В ней есть, конечно, положения, с которыми можно согласиться (ненормальное положение с комплексностью некоторых экспедиций, когда единственным объединяющим стимулом является только наличие судна, неправильная постановка преподавания гидробиологии в университетах, необходимость более широкого изучения биологии рыб, недостаточность метода сопоставления), но все это вещи, высказывавшиеся и другими авторами до Никольского и независимо. Взять хотя бы решения совещаний по проблемам гидробиологии.

Я не думаю, чтобы статья Никольского могла бы убедить кого-либо из научных работников в области гидробиологии, но она все же вредна как по своей вопиющей несправедливости[15]. Появление ее в самый канун 2-й послевоенной сталинской пяти-

летки может кое-где вызвать оргвыводы на поприще строительства науки и научных учреждений. Участники только что состоявшейся конференции по планированию зоологических работ на 2-ю пятилетку так и восприняли эту статью.

Вред от взглядов Никольского распространяется им самим и на непосредственную организационную деятельность автора.

Если бы Никольский увидел ростки нового в гидробиологии после пересмотра ее содержания с позиций мичуринской биологии, он понял бы, что комплексная биологическая наука гидробиология для осуществления на деле своей комплексности нуждается в такой организации, которая обеспечивала бы подлинную комплексность работы и получаемых из нее выводов.

Такая комплексность в смысле обсуждения выводов могла бы, казалось, быть достигнута обсуждением в научных обществах (например, Гидробиологическом), однако это далеко не всегда может быть осуществлено и в большинстве случаев не может быть высокого качества. Что касается комплексности в осуществлении самих исследовательских работ, то она может быть достигнута только организацией специального Гидробиологического института.

Примечания

[1] *Заика В.Е.* В.А. Водяницкий и всесоюзная дискуссия 1951 г. о биологической продуктивности водоемов // Экология моря. 2002. Вып. 62. С. 86–87.

[2] *Шульман Г.Е.* Пламя горячей души (жизнь и судьба российского ученого середины XX века) // Экология моря. 2006. Вып. 71. С. 7–14.

[3] *Никольский Г.В.* О динамике численности стада рыб и о так называемой проблеме продуктивности водоемов // Зоологический журнал. 1950. Т. XXIX. Вып. 6. С. 489–500.

[4] Там же. С. 499.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 498.

[7] Там же. С. 494.

[8] *Лысенко Т.Д.* Агробиология. М., 1946.

[9] *Никольский Г.В.* Указ. соч. С. 489.

[10] Там же. С. 496.

[11] См., например, *Водяницкий В.А.* Записки натуралиста. М., 1975.; *Кузнецов В.В.* Что такое проблема биологической продуктивности водоемов и как следует работать над ее решением // Зоологический журнал. 1951. Т. XXX. Вып. 2. С. 121–129.; *Мурин В.* По поводу статей Г.В. Никольского о численности стада рыб // Зоологический журнал. 1951. Т. XXX. Вып. 4. С. 331–337 и мн. др.

[12] *Водяницкий В.А.* Указ. соч.

[13] *Колчинский Э.И.* Советские юбилеи Ч. Дарвина и лысенкоизм // Историко-биологические исследования. 2015. Т. 7. № 2. С. 10–52.

[14] В оригинале слова, выделенные здесь курсивом, зачеркнуты и от руки написано «возражение Н.Л. Гербильского».

[15] Так у автора. Предложение, по-видимому, не завершено.

Д.Н. Савельева

Некоторые факты из биографии академика А.Ф. Иоффе: к 100-летнему юбилею ФТИ им. А.Ф. Иоффе*

D.N. Saveleva

Some facts from the biography of the academician Ioffe: to the 100th anniversary of The Ioffe Institute

Аннотация: физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе отмечает свой 100-летний юбилей. Благодаря этому событию мы вновь обращаем свое внимание на деятельность замечательного ученого академика А.Ф. Иоффе и исследуем новые факты его биографии на неизвестном архивном материале по русско-китайскому сотрудничеству в 1950-е гг.

Ключевые слова: Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе, русско-китайское сотрудничество в 1950-е гг.

Abstract: the Ioffe Institute celebrates his 100th anniversary. According to this event, the author explores the activities of a remarkable academic Ioffe and the new facts of his biography based on the unknown archival materials about the Russian-Chinese cooperation in the 1950s.

Keywords: The Ioffe Institute, biography, A.F. Ioffe, Russian-Chinese cooperation in the 1950s.

В 2018 г. Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе отмечает свой 100-летний юбилей. Он носит имя своего основателя Абрама Федоровича Иоффе, о котором к настоящему времени немало написано статей, книг, воспоминаний[1], однако не все аспекты его биографии освещены. Личность этого ученого была

* Работа выполнена при поддержке Гранта Академии наук Китая (CAS President's International Fellowship for Visiting Fellows. Grant Number: 2017VMB0020).

весьма многогранна, а деятельность весьма плодотворна. Фонд академика А.Ф. Иоффе хранится в Архиве РАН, сохраняется и часть документов этого ученого в СПбф АРАН, а также в архиве самого Физико-технического института.

Абрам Федорович Иоффе родился в 1880 г. в г. Ромны Полтавской губернии. После окончания Петербургского технологического института (1902) работал практикантом и ассистентом в Мюнхенском университете в лаборатории Вильгельма Рентгена (1903–1906). Затем после блестящей защиты докторской диссертации в Мюнхене, несмотря на предложение Рентгена остаться в штате его лаборатории, вернулся в Петербург и с 1906 г. стал работать старшим лаборантом Петербургского политехнического института, поскольку недавно полученная им докторская степень не признавалась в России. Тогда А.Ф. Иоффе защитил магистерскую и докторскую диссертации (1913–1915) в России и после этого был избран профессором физики.

В 1918 г. по инициативе А.Ф. Иоффе и М.И. Неменова был создан Рентгенологический и радиологический институт в Петрограде, где А.Ф. Иоффе стал директором института и возглавил его физико-технический отдел. Этот институт был реорганизован в 1923 г., и отделившийся физико-технический отдел был преобразован в Физико-технический институт, который в настоящее время носит имя своего первого директора академика А.Ф. Иоффе. Следует отметить, что в 1919–1940 гг. с некоторыми перерывами А.Ф. Иоффе был деканом на им же самим созданном физико-механическом факультете Ленинградского политехнического института, где, по замыслу, должны были проходить подготовку специалисты, которые могли бы решать задачи промышленности. Однако обучение на этом факультете по фундаментальным проблемам естествознания, математики и теоретической физики проходило таким образом, что фактически готовило кадры и для самого ФТИ, и для дочерних институтов, впоследствии отпочковавшихся от ФТИ (в 1932 г. Иоффе основал в Ленинграде Агро-

физический институт, который возглавлял до 1960 г.; по его же инициативе были организованы физико-технические институты в Томске, Харькове, Днепропетровске и Свердловске).

А.Ф. Иоффе был бессменным директором Ленинградского физико-технического института АН СССР до 1951 г., а после своей отставки стал руководить Лабораторией полупроводников АН СССР (1952–1955), которая с 1955 г. стала Институтом полупроводников АН СССР, а А.Ф. Иоффе, соответственно, стал его директором.

ФТИ с первых лет своего основания стал интенсивно приобретать обширные международные связи с известными физическими школами Германии, Англии, Голландии и Франции. Ученые ездили на стажировку за границу не только за государственный счет, но и за счет международного Рокфеллеровского фонда[2]. Там они приобретали оборудование, приборы и литературу не только для своего Института, но и для Петроградского университета и Академии наук.

В XX в. наука приобрела интернациональный характер, и условия международного сотрудничества стали необходимыми для успешного ее развития. 1950-е гг. для Физико-технического института были новым расцветом международного сотрудничества. В это время налаживались тесные связи с ведущими физиками по всему миру: со странами «социалистического лагеря», что выражалось в принятии программ по сотрудничеству, и, одновременно, – со странами «капиталистического лагеря».

Особо стоит отметить научные связи между А.Ф. Иоффе и физиками в Китае. После соглашения между правительствами СССР и КНР (1955) уже с 1956 г. в Физико-техническом институте и в Институте полупроводников появились аспиранты и стажеры из Китая.

Однако, еще до официального подписания договора о сотрудничестве и помощи в сфере науки и промышленности, А.Ф. Иоффе уже имел тесную связь с китайским обществом физиков. Об

этом говорит то обстоятельство, что всего через 3 дня после победы китайской социалистической революции 4 октября 1949 г. Иоффе стал почетным членом китайского общества физиков[3]. Нужно сказать, что список ученых, удостоившихся стать почетными членами китайских научных сообществ, весьма невелик, а сразу после социалистической революции из ученых удостоился такой чести лишь академик А.Ф. Иоффе[4].

В 1950-е гг. в Китае было издано несколько монографий А.Ф. Иоффе: «Полупроводники» (на русском и китайском языках)[5], «Полупроводники в современной физике»[6] и «Полупроводниковые термоэлементы»[7].

Последние годы жизни А.Ф. Иоффе по поручению АН СССР хлопотал о принятии СССР в состав Международного Союза чистой и прикладной физики[8]. На сессии Исполнительного комитета Международного союза чистой и прикладной физики, которая проходила в Оттаве (Канада) (12–13 сентября 1956 г.), после единогласного согласия членов Исполнительного Комитета о вхождении в Союз советских физиков, которое должно было еще быть подтверждено пленумом Союза в сентябре 1957 г. в Риме, был поставлен вопрос об участии в Союзе Китайской Народной Республики. В результате единодушно выраженного желания всех членов Комитета Исполнительный комитет поручил Иоффе передать АН КНР, что ее предложение о вступлении в число членов Союза будет приветствоваться всеми без исключения членами комитета[9]. Телеграммой, посланной Иоффе из Оттавы, начинается его переписка по поводу вхождения китайского физического общества в Международное общество чистой и прикладной физики. Переписка велась на протяжении нескольких лет; а когда из-за болезни Абрам Федорович отошел от этих дел, для него копировали переписку Международного союза и Китайского общества физиков. События протекали не гладко, начавшийся было прием в члены общества приостановился из-за принципиальной позиции китайской стороны,

поскольку почти одновременно и неожиданно была получена заявка о вхождении в это Международное общество физиков из Тайваня. По настоятельной просьбе Научно-технического общества КНР[10] А.Ф. Иоффе в одном из писем подробно рассказывает о ходе событий. Мы решили привести текст этого письма полностью. Текст письма приводится по правилам современного русского языка.

Копия, 3 сентября 1959 г.
Научно-техническому обществу
Китайской Народной Республики

Уважаемые товарищи!

Спешу ответить на Ваше письмо от 21-го августа.

Вопрос о приеме Физического общества Китайской Народной Республики в состав Международного Союза Чистой и Прикладной Физики развивался следующим образом:

На заседании Исполнительного Комитета Союза в Оттаве (Канада) в сентябре 1956 г., где я присутствовал в качестве гостя и представлял СССР, единогласно (при участии двух представителей США) принято было решение приветствовать вступление Китайской Народной Республики, и мне было поручено сообщить об этом Китайской Академии Наук. На мой запрос тогдашнему председателю Союза профессору Мотту он ответил, что речь идет о Пекине, а о Тайване вопрос не возникал. Официальной просьбы о приеме в Союз от Академии не последовало вплоть до заседания Ассамблеи Союза в Риме в сентябре 1957 г.

К этому времени получена была лишь телеграмма о согласии на мое имя от Китайского Физического Общества. На Ассамблее, где находятся делегации национальных комитетов, правительственная делегация США сообщила, что по требованию своего правительства она будет голосовать против приема

Китайского Физического Общества. Так как формально полученная мною телеграмма не являлась требуемой уставом официальной просьбой о приеме, то Исполнительный Комитет (в составе которого тогда еще не было представителей социалистических стран) решил отложить вопрос и поручить его решение следующему собранию Исполнительного Комитета, который состоит из 9–10 избранных вице-президентов. Комитет согласился еще в Оттаве, а с тех пор его состав мало изменился. Официальное предложение от Китайского Физического Общества было затем получено, и вопрос рассматривался на заседании Исполнительного Комитета 6 июля 1958 г. в Гренобле. Предложение снова было единогласно принято Комитетом, в состав которого теперь входят представители СССР и Польши, оставалось только сообщить, сколько паев желает взять на себя Китайское Физическое Общество.

На этом же заседании в Гренобле было сообщено и о письме, полученном из Тайваня с указанием на вступление Китая и с вопросом о вступлении Тайваня.

Комитет принял решение ответить, что позиция Тайваньских физиков ему непонятна, так как Союз их не запрашивал. Впрочем, как составлен был ответ, мне неизвестно. По-видимому, им сообщили правила вступления в Союз, так как последовала просьба о приеме Тайваня.

11-го и 13-го июля настоящего 1959 г. состоялась сессия Исполнительного Комитета в Москве. Генеральный секретарь сообщил, что от Китайского Физического Общества все еще нет сообщений о том, какое число паев принимает оно на себя.

В то же время получено было второе письмо из Тайваня. Копию этого письма я Вам переслал. Тайваньские физики, информируя о своих научных работах и об объеме своей организации, просили включить их в состав Союза.

Почти 1 ½ часа по этому вопросу продолжалась дискуссия, в которой я и представитель Японии профессор Котани возражали

против включения Тайваня. Вопрос о приеме Китайской Народной Республики ни в ком не вызывал сомнения.

Те члены комитета, которые считали необходимым принять всякое предложение, в том числе и Тайваньское, указывали, что, по уставу Союза, который был своевременно послан Китайской Академии Наук, каждая физическая организация, имеющая независимое существование, хотя бы она находилась в том же государстве, где уже имеются другие независимые организации, все же имеют право на вхождение в Союз.

В результате большинством голосов Комитет принял решение просить Китайскую Народную Республику вступить в Союз, определивши число паев, причем члены Комитета считали бы правильным, если бы Китай, как Индия, имел 4 пая.

Меня просили передать, что все члены Комитета горячо приветствовали бы вступление Китая и сразу же выдвинули бы его представителя в вице-президенты Союза. Члены Комитета, голосовавшие в то же время за прием Тайваня, просили меня сказать, что они высоко ценят присоединение к Союзу именно Китайской Народной Республики и просят ее не отказываться. Но они не видят возможности исключить группу физиков из Тайваня независимо от того, является ли Тайвань особым государством или нет. Для них несомненно лишь, что физики Тайваня не связаны с Академией Китайской Народной Республики. Члены Комитета высказывались даже, что, пока в Союзе нет Китайской Республики, он не может считать себя международным, но что нарушить устав и отказать в приеме физического общества они не могут.

Сообщаю о решении Комитета, которое он мотивирует своей обязанностью остаться вне политики.

Окончательное решение после сообщения китайского Физического Общества о числе паев будет принято в сентябре 1960 г. в Оттаве на сессии Исполнительного Комитета, за которым последует Ассамблея Союза. Я попрошу Генерального Секретаря

вновь выслать Вам все материалы. Прошу ознакомиться также с письмом профессора Мотта (1957 г.) в Академии и с копией письма Тайваня (1959 г.)

Искренно Вам преданный А.Ф. Иоффе (без подписи).
СПбФ АРАН. Ф. 910. Оп. 3. Д. 225. Л. 15–18.

В итоге Китайское физическое общество вступило в эту международную организацию лишь в 1984 г. Тайвань так же, как и Китай, не стал членом Общества в 1957 г., несмотря на обоюдное желание и положительное решение Исполнительного комитета о членстве.

В этой истории много драматических сюжетов, много неизученного, и мы надеемся, что будущие исследования еще прольют свет на интересные и неизвестные ныне обстоятельства.

Описанные события происходили после 1951 г., когда А.Ф. Иоффе был уже директором созданного им нового Института полупроводников Академии наук (ИПАН). Именно по полупроводниковой тематике, наряду с сотрудничеством Китайской академии наук и Физико-технического института, который стал носить имя Иоффе после его кончины в 1960 г., успешно развивалось многогранное сотрудничество ее и с ИПАНом. Это сотрудничество заслуживает отдельного рассмотрения, так как оно в значительной мере способствовало развитию советско-китайских отношений и плодотворному сотрудничеству физиков обеих стран.

Примечания

[1] См. например: *Соминский М.С.* Абрам Федорович Иоффе. М.–Л., 1964; Воспоминания об А.Ф. Иоффе. Л., 1973. С. 72–77; Абрам Федорович Иоффе (1880–1960). М., 1960; *Френкель Я.И.* Академик Абрам Федорович Иоффе (К 60-летию со дня рождения). Вестник АН СССР. 1940.

№ 10; Сборник, посвященный семидесятилетию академика А.Ф. Иоффе. М., 1950; *Кикоин И.К., Соминский М.С.* Абрам Федорович Иоффе (К восьмидесятилетию со дня рождения). Успехи физических наук. 1960. Т. 72. Вып. 2. С. 307–321.

[2] *Френкель В.Я, Джозефсон П.* «Советские физики – стипендиаты Рокфеллеровского фонда» // Успехи физических наук. Т. 160. Вып. 11. 1990. С. 103–134.

[3] СПбФ АРАН. Ф. 910. Оп. 2. Д. 44. Л. 1.

[4] См. *Корнеев С.Г.* Советские ученые – почетные члены научных организаций зарубежных стран. М., 1990.

[5] *Иоффе А.Ф.* Полупроводники. М.-Л., 1955.; *Он же.* Полупроводники. Пекин, 1955. На кит. яз.

[6] *Он же.* Полупроводники в современной физике. Шанхай, 1955.

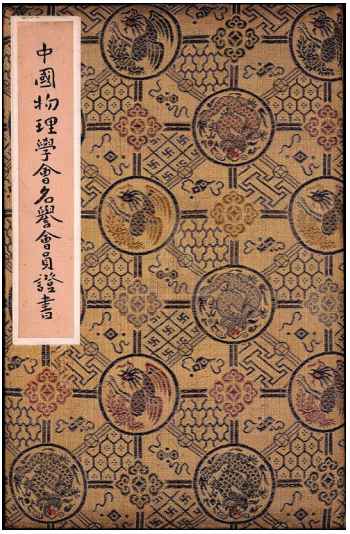
[7] *Он же.* Полупроводниковые термоэлементы. Шанхай, 1958. На кит.яз.

[8] Международный союз чистой и прикладной физики (International Union of Pure and Applied Physics – IUPAP) был создан для поддержания международных связей между научными физическими центрами различных стран, координации исследований в области физики в этих странах, публикации научных работ и т.д. Этот союз был создан в 1922 г. Верховным органом IUPAP является Генеральная ассамблея, созываемая 1 раз в 3 года. В перерывах между ассамблеями руководство осуществляет Исполнительный комитет. Финансовые средства союза складываются из членских взносов стран-участниц и ежегодных дотаций ЮНЕСКО [Электронный ресурс] // IUPAP: The International Union of Pure and Applied Physics. URL: http://iupap.org/wp-content/uploads/2013/04/history.pdf (дата обращения: 29.10.2018).

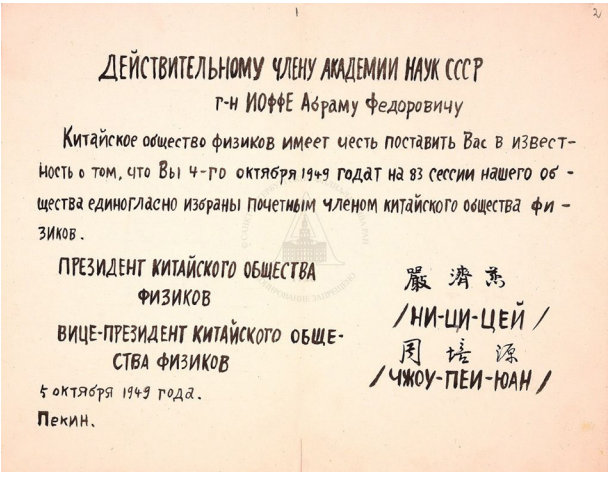
[9] СПбФ АРАН. Ф. 910. Оп. 3. Д. 225. Л. 7.

[10] Там же. Л. 13.

А.Ф. Иоффе. Фото сделано в сентябре 1960 г.



Диплом А.Ф. Иоффе. СПбФ АРАН. Ф. 910. Оп. 2. Д. 44. Л.1об.



ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ ЧЛЕНУ АКАДЕМИИ НАУК СССР

г-н ИОФФЕ Абраму Федоровичу

Китайское общество физиков имеет честь поставить Вас в известность о том, что Вы 4-го октября 1949 годат на 83 сессии нашего общества единогласно избраны почетным членом китайского общества физиков.

ПРЕЗИДЕНТ КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА ФИЗИКОВ

嚴濟慈

/НИ-ЦИ-ЦЕЙ/

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА ФИЗИКОВ

周培源

/ЧЖОУ-ПЕЙ-ЮАН/

5 октября 1949 года.

Пекин.

Диплом А.Ф. Иоффе. СПбФ АРАН. Ф. 910. Оп. 2. Д. 44. Л.1.

Музейно-выставочная деятельность

Статьи

Е.Ю. Басаргина, Н.А. Павличенко, Н.В. Чернова

Выставка «Эстампажи Русского археологического института в Константинополе в собрании С.-Петербургского филиала Архива РАН»

E.Yu. Basargina, N.A. Pavlichenko, N.V. Chernova

Exhibition «The squeezes of the Russian Archaeological Institute in Constantinople in the Collections of the St. Petersburg Branch of the Archive of RAS»

Аннотация: в широком историческом и культурном контексте выставка представляет впервые атрибутированные и реставрированные хрупкие архивные документы, отложившиеся в коллекции СПбФ АРАН – эстампажи древних надписей, выполненные сотрудниками Русского археологического института в Константинополе.

Ключевые слова: история науки, археология, эстампажи, реставрация.

Abstract: in a broad historical and cultural context, the exhibition presents newly attributed and restored fragile archival documents deposited in the collections of the St. Petersburg branch of the Archive of RAS. the squeezes of ancient inscriptions made by the staff of the Russian Archaeological Institute in Constantinople.

Keywords: history of science, archaeology, squeezes, restoration.

24–26 мая 2018 г. в рамках международной конференции «Миллеровские чтения» демонстрировалась выставка «Эстампажи Русского археологического института в Константинополе в собрании С.-Петербургского филиала Архива РАН». Эта работа – результат совместных усилий архивистов, археолога-

эпиграфиста и реставратора. Презентация выставки состоялась на пленарном заседании и вызвала повышенный интерес участников конференции.

Русский археологический институт в Константинополе – по-своему уникальное учреждение, это первая научная колония на Востоке и единственное гуманитарное научное учреждение за рубежом. Россия создала институт в 1894 г.[1] В это время многие западноевропейские страны уже давно имели свои институты в главных центрах классической археологии – в Афинах и Риме. Это считалось не только полезным научным предприятием, но и делом престижа, важным для поддержания достоинства своей страны среди цивилизованных народов. Россия тоже открыла свой институт за рубежом, но не в благословенных Афинах, а в столице бывшей Византийской империи, ведь Византия для России – это не отвлеченная область знания, а предмет, важный для изучения ее собственной истории.

Само по себе название института, включавшее в себя старое название города, подчеркивало его византиноведческую направленность. Византинисты, конечно, были рады возможности войти в непосредственное соприкосновение с византийскими памятниками и расширить масштабы своей деятельности. Но одного желания ученых создать научное учреждение исключительно для своих профессиональных целей было явно недостаточно. Учреждение института стало возможным потому, что в Стамбуле, Константинополе, или Царьграде, как его любили называть русские, встретились интересы ученых и дипломатов. Дипломаты рассчитывали на то, что институт станет опорой для русской национальной политики на Востоке. Они не ошиблись, институт пользовался авторитетом не только в научном, но и в политическом мире, и своей плодотворной научной деятельностью содействовал расширению русского влияния на Востоке. В ряде случаев научные приоритеты института определялись именно внешнеполитическими интересами России. О политиче-

ском значении института говорит и тот факт, что он находился под патронажем Российского Посольства в Константинополе, и посол являлся почетным председателем института.

Бессменным директором института был известный византинист и славист, академик Федор Иванович Успенский. Вместе с ним заботы об институте делили ученые секретари, сначала один, а с 1900 г. – два. Директор и два ученых секретаря – это и был штат института, да еще художник, работавший по вольному найму.

Институт подчинялся Министерству народного просвещения, но довольно скудно им финансировался. Мало того, первое время некоторые члены правительства не скрывали своего недоверия к Институту и смотрели на него как на эксперимент, на который не стоит тратить лишние государственные деньги. Когда директор института выражал жалобы на недостаток средств, министр народного просвещения И.Д. Делянов говорил ему в утешение: «Вы видите, голубчик, как мало развито у нас понимание задач византиноведения, попытайтесь сделать что-нибудь и с маленькими средствами, докажите, что в Константинополе есть серьезные задачи. Поверьте, тогда правительство не откажет Вам в поддержке». Ф.И. Успенский последовал совету министра и в скором времени доказал, что в области своего главного, научного предназначения, институт не имел себе равных.

Институт назывался археологическим. В конце XIX в. понятие «археология» было гораздо шире наших сегодняшних представлений об этой науке. В то время под археологией понимали исследования всего гуманитарного цикла, изучение древностей в самом широком смысле.

За 20 лет своего существования институт выполнил обширную программу изучения памятников Балканского полуострова, Малой Азии, Сирии и Палестины. Исследование римских и раннехристианских памятников в Палестине и Сирии, особенно в Пальмире, имеет тем большее значение, что некоторые из них

впоследствии, уже на нашей памяти, были уничтожены. Поэтому выполненные сотрудниками института обмеры памятников, фотографии, эстампажи надписей имеют теперь значение первоисточников.

Институт подверг обстоятельному исследованию некоторые монументальные памятники в самом Константинополе. Это, прежде всего, исследование мечети Кахрие-Джами, где сохранились мозаики и фрески начала XIV в., представлявшие ценный материал для изучения византийского искусства.

Результаты проведенных исследований печатались на страницах журнала «Известия Русского археологического института в Константинополе» (всего вышло 16 томов).

С самого начала деятельность института получила славянскую ориентацию; Успенский сумел «внедриться» в Македонию, Сербию и Болгарию. Самым внушительным предприятием института стало открытие столицы первого Болгарского царства – Плиски. Благодаря этим работам окреп международный авторитет института, расширились его контакты со славянскими учеными, что позволило в 1911 г. организовать при институте Особое славянское отделение.

Институт широко открывал свои двери для ученых всех стран, многих из них он избрал в свои почетные члены, члены и члены-сотрудники. В стенах института прошли подготовку около двух десятков молодых российских и зарубежных ученых.

Своеобразным научным центром был музей РАИК, в нем были представлены византийские памятники, произведения античных мастеров, собраниz рукописей, здесь находилась одна из лучших в мире коллекция византийских свинцовых печатей. Более того, при содействии РАИК Россия приобрела несколько уникальных памятников. На средства Николая II было приобретено пурпурное четвероевангелие VI в., в настоящее время оно украшает Рукописный отдел РНБ. Пальмирский пошлинный Тариф 137 г. н. э., огромная мраморная плита с параллельным тек-

стом торговых правил на древнегреческом и арамейском языках, находится в Государственном Эрмитаже.

Институт создал свою библиотеку – лучшую в Стамбуле. Это огромный фолиант, не меньше пуда весом, который не под силу сдвинуть с места одному человеку. Одного взгляда на него достаточно, чтобы оценить основательность подхода Ф.И. Успенского к созданию мирового центра византиноведения, которому он, конечно, отводил не одно или два десятилетия, а строил на века. Книга-инвентарь заполнена на одну десятую часть, последняя запись в ней сделана в 1918 г.: «После эвакуации новейшие поступления не вносились в инвентарную книгу. Директор Ф. Успенский».

Институт никогда не имел своего здания, все 20 лет своего существования находился в наемном помещении. В 1910-е гг. был приобретен земельный участок для строительства здания, но само здание осталось только в проекте. Не так давно турецкие власти установили памятную доску на доме, который институт занимал долгие годы, неподалеку от Российского посольства.

Первая мировая война прервала деятельность РАИК в самом расцвете: в октябре 1914 г. произошел разрыв дипломатических отношений России с Турцией, и институт был за одни сутки эвакуирован из Стамбула. Имущество института – библиотека и коллекции – было арестовано турецким правительством. Вопрос о возвращении имущества был решен только в 1929 г. Научные материалы РАИК прибыли в Ленинград. Рукописи и библиотека были переданы в БАН, часть из них перешла в библиотеку С.-Петербургского института истории РАН. Музейные экспонаты пополнили собрание Эрмитажа. Несколькими годами раньше, в 1926 г., был решен вопрос о передаче архива РАИК в Архив РАН. Неоднократно обсуждалась возможность восстановления деятельности института в Турции, поднимался этот вопрос и в начале XXI в., но каждый раз политическая обстановка или другие обстоятельства не благоприятствовала его положительному решению.

В настоящее время силами исследователей разных специальностей проводится интенсивная работа по изучению наследия института. До конца не изучены архивные материалы института, и здесь исследователей ожидают просто сенсационные находки.

На выставке представлены документы из коллекций СПбФ АРАН, среди них – портрет директора института Ф.И. Успенского (1845–1928), диплом об избрании в члены института Н.П. Лихачева (1908), а также издания РАИК, Инвентарь Библиотеки института, книги из коллекции РАИК, выявленные в Библиотеке С.-Петербургского Института истории РАН Е.З. Панченко, фотографии здания института и памятной доски на нем, выполненные сотрудницей СПбФ АРАН О.В. Иодко в 2013 г. Центральное место на выставке занимают эстампажи надписей, открытых и сохраненных заботами сотрудников РАИК, возрожденных к новой жизни талантом реставратора, разработавшего особую методику их восстановления.

Эстампажем (от фр. estampage) называют бумажный оттиск с надписи или изображения на каком-либо твердом материале – камне, металле или керамике. Для того чтобы сделать эстампаж, влажную бумагу помещают на надпись, плоской тяжелой щеткой вбивают ее в поверхность памятника и затем оставляют до полного высыхания. Чаще всего используется тряпичная вержированная бумага или бумага для рисования типа «фильтровальной». Эстампажная щетка по форме напоминает щетку для одежды, обычно она не менее 35 см в длину, имеет длинную ручку и упругую щетину длиной не менее 2 см. В тех случаях, когда надпись имеет глубоко вырезанные буквы или же когда буквы имеют острые края, последовательно накладывается несколько листов эстампажной бумаги.

Оборотная, т.е. прилегавшая к камню, сторона эстампажа является высокоточной негативной копией надписи, которую впоследствии можно изучать и фотографировать при различном освещении. К другим достоинствам эстампажей относит-

ся то, что их легко транспортировать, они делают доступными памятники, находящиеся в отдаленных и иногда труднодоступных местностях. Эстампажи очень часто делались сразу же после находки надписи и фиксировали, таким образом, наилучшую степень ее сохранности. По мнению всех специалистов по эпиграфике, эстампажи могут храниться в течение длительного времени и спустя столетие сохраняют точность передачи мельчайших деталей поверхности камня.

Прежде всего, следует отметить эстампаж надписи – посвящения Посейдону, Колебателю земли, 2-й пол. II в. н. э. из античной Герасы (совр. Джараш, Иордания), одного из полисов Декаполиса[2]. Конусообразная колонна с надписью (cippus) была посвящена за благополучие августов Посейдону, Колебателю земли неким Антиохом, сыном Гая. По-видимому, колонна была поставлена по обету, после того как он пережил землетрясение. Этот эстампаж был первым из реставрированных эстампажей. Перед его реставрацией Н.В. Черновой были проведены многочисленные эксперименты на современных эстампажах, а затем и на не поддающихся атрибуции фрагментах эстампажей на бумаге типа «фильтровальной» из коллекции РАИК. Лабораторные испытания дали возможность разработать методику реставрации подобных памятников методом ручной доливки бумажной массой. Данная методика является щадящим методом восполнения утрат и разрывов для эстампажей, сделанных на тряпичной вержированной бумаге или на бумаге типа «фильтровальной»[3]. В результате реставрации структура бумаги была укреплена, рельеф букв стал более четким, так что состояние этого эстампажа в настоящее время не вызывает опасений, и он может использоваться исследователями. На выставке были представлены фотографии лицевой и оборотной стороны эстампажа до и после реставрации.

Эстампаж еще одной надписи из Герасы – посвящения Артемиде от лица Деметрия, сына Аристиона, 150/151 г. н. э.[4] является

еще одним свидетельством высокой степени эллинизированности населения этого полиса в первые века н. э., в котором почитались и эллинизированные местные божества, и греческие богиолимпийцы.

Эстампаж стихотворной эпитафии жителя Никеи (совр. г. Изник, Турция) Сакердота и его жены Северы 2 в. н. э.[5] был снят, по-видимому, в 1896 г. во время поездки П.Д. Погодина по Малой Азии. Данный оттиск позволяет проверить чтение этой эпитафии в Палатинской антологии (Anthologia Palatina. 15. 4–8).

В 1898 г. сотрудники РАИК во главе с Ф.И. Успенским совершили поездку по Македонии. Одной из целей этой поездки была аутопсия греческой надписи около села Нарыш-Кей (совр. Неа-Филадельфия, Греция) – пограничного столба, поставленного царем Симеоном I в 904 г., и устанавливающего линию границы между Болгарией и Византией[6]. Представленный на выставке эстампаж был сделан русским консулом в Салониках К.Н. Лишиным и опубликован Ф.И. Успенским в Известиях РАИК[7].

Несколько экспонатов иллюстрируют сирийскую экспедицию института, предпринятую РАИК 15 апреля – 1 июня 1900 г. Это фотографии, показывающие нелегкие бытовые условия экспедиции, страницы из экспедиционного дневника Ф.И. Успенского от 25 апреля 1900 г.[8], где он приводит текст надписи из Маалулы о сооружении пещеры, и фотография эстампажа этой надписи[9]. Ф.И. Успенский отмечает, что и рельефы, и надписи в пещерах Маалулы пострадали от времени и от злонамеренных рук[10].

Еще один эстампаж представляет редкий пример оттиска античной надписи, сделанного не на бумаге, а на полотне с помощью валика с красящим веществом. Это эстампаж эпитафии неизвестного (малоазийского?) происхождения первых веков н.э., находившейся, судя по карандашной пометке на его полях, в музее института[11].

Действительно, во многих случаях эстампажи являются факсимильной копией памятников, пострадавших или уничтожен-

ных в результате войн и природных бедствий. Иными словами, в случае утраты подлинного памятника эстампаж приобретает значение первоисточника.

Примечания

[1] *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб., 1999.
[2] СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 28. Л. 1
[3] *Азизова Г.Н., Павличенко Н.А., Чернова Н.В., Швиль Л.М.* Коллекция эстампажей Русского археологического института в Константинополе и одна из методик реставрации эстампажей // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы международной научной конференции (Севастополь, 9–12 октября 2017 г.). С. 14–17.
[4] СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 27. Л. 1.
[5] Там же. Д. 4. Л. 3.
[6] Там же. Д. 22. Л. 1.
[7] *Успенский Ф.И.* Две исторические надписи / ИРАИК. Т. III. 1898. С. 184–188.
[8] СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 169 е. Л. 9, 9 об.
[9] СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 39. Л. 1.
[10] *Успенский Ф.И.* Археологические памятники Сирии // ИРАИК. Т. VII. 1902. С. 207.
[11] СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 3. Д. 43.

Л.Д. Бондарь, М.В. Поникаровская

Выставка «Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля (1864–1937): галерея дипломов научных обществ»

L.D.Bondar, M.V. Ponikarovskaya

Exhibition «Alexey Andreevich Byalynitsky-Birula (1864–1937): the gallery of diplomas of scientific societies»

Аннотация: очерк предлагает информацию о виртуальной выставке, размещенной на официальном сайте СПбФ АРАН, посвященной членству в научных обществах Алексея Андреевича Бялыницкого-Бирули (1864–1937) – именитого зоолога начала XX в., члена-корреспондента РАН, директора Зоологического музея АН (Ленинград), представителя известной семьи Бялыницких-Бируля.

Ключевые слова: Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля, членство в научных обществах, семья Бялыницких-Бируля.

Abstract: the essay offers the information about the virtual exhibition, available on the official website of the St. Petersburg Branch of the Archive of RAS. The exhibition devoted to Alexey Andreevich Bialynicki-Birula's membership in scientific societies. A. Bialynicki-Birula (1864–1937) was the eminent zoologist of the early 20th century, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, director of the Zoological Museum of the Academy of Sciences (Leningrad), representative of a prominent family Bialynicki-Birula.

Keywords: A. A. Bialynicki-Birula, membership in scientific societies, the family Bialynicki-Birula.

Старинный дворянский белорусско-польский род Бялыницких-Бируля подарил обществу на рубеже XIX–XX вв. сразу несколько известных имен.

Отец семейства Андрей Симплицианович Бялыницкий-Бируля (1825–1916), обладатель имения Новое Королево под Витебском прославился в белорусской и российской науке тем, что основал на своих владениях первую на территории Белоруссии метеостанцию, где и проводил свои наблюдения. Скоро А.С. Бялыницкий-Бируля стал сотрудничать с Главной физической обсерваторией в Петербурге[1] и Русским географическим обществом. В 1909 г. метеостанция при участии его сына Алексея Андреевича, которому и посвящена описываемая выставка, была передана в Академию наук[2]. Старший сын А.С. Бялыницкого-Бирули – Фаддей Андреевич Бялыницкий-Бируля (1854–?) был врачом, а также прославился своими научными работами в области гистологии, в том числе, в исследовании трупа мамонта, найденного на р. Березовке близ Средне-Колымска в 1901 г. (Березовский мамонт)[3]. Интересовали его также антропологические вопросы, по которым, в частности, он дискутировал с академиком Евфимием Федоровичем Карским (1861–1930)[4]. Второй сын – Иосиф (Осип) Андреевич Бялыницкий-Бируля (1855–?) был военным врачом; дело по его аттестации на военный чин имеется в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГАВМФ)[5]. Младший сын А.С. Бялыницкого-Бирули – Борис Андреевич Бялыницкий-Бируля (1875–1918) к науке отношения не имел, работал в судебном ведомстве в Витебске и вел общественную работу; в 1918 г. был арестован и расстрелян без предъявления обвинения.

Однако самый видный след в науке оставил третий сын А.С. Бялыницкого-Бирули – зоолог, член-корреспондент РАН Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля (1864–1937), фондообразователь СПбФ АРАН[6]. Основной тематикой его исследований была систематика, географическое распространение и био-

логия различных групп животных: кишечнополостных, червей, ракообразных, многоножек, пауков, насекомых, птиц, млекопитающих[7]. Особое внимание он уделял изучению скорпионов и фаланг; стал одним из крупнейших специалистов в данной области, опубликовав свои результаты в фундаментальных изданиях[8]. Обладая художественными способностями, А.А. Бялыницкий-Бируля сам иллюстрировал свои работы, явившись автором большого числа научных рисунков[9].

Исключительно плодотворной является научно-организационная деятельность А.А. Бялыницкого-Бирули. Многие годы он замещал административные должности в институте, к работе в котором он приступил фактически сразу после получения образования в Санкт-Петербургском университете (с 1893) и сотрудником которого оставался о все последующие годы, – в Зоологическом институте АН: сначала сверхштатным ученым хранителем (с 1893), затем младшим зоологом (с 1894), старшим зоологом (с 1897). В 1919 г. А.А. Бялыницкий-Бируля был назначен заместителем директора, в 1921 г. – исполняющим обязанности директора и оставался в этом статусе на протяжении шести лет, пока в 1927 г., наконец, не был утвержден в должности директора[10].

Одновременно А.А. Бялыницкий-Бируля проводил активную научно-организационную деятельность, работая в многочисленных академических комиссиях (представление об этом дают материалы его фонда в СПбФ АРАН): в Постоянной полярной комиссии (заместитель председателя), Постоянной комиссии по изучению тропических стран, Башкирской комиссии, Комиссии по изучению Якутской АССР (участвовал в подготовке «Словаря якутского языка» Э. Пекарского), Комиссии по изучению зоологических учреждений; Комиссии по изучению озера Байкал (товарищ председателя, в 1927 г. – председатель). Он был редактором «Ежегодника Зоологического музея» (в котором активно публиковался сам). Неакадемическая общественная

деятельность включала работу в Комитете для помощи поморам русского севера (1897–1898), в Междуведомственной комиссии по образованию зубрового заповедника на Кубани; руководил работами Департамента земледелия по изучению соболиного промысла и образованию соболиных заповедников (1913–1916); участвовал в трудах Конференции московских и петроградских специалистов по выработке декрета об охоте (1919), сотрудничал с журналом «Охота и природа».

Однако в статусе директора ему не довелось работать долго: в 1929 г. в Зоологическом музее была организована «проверка состава служебного аппарата», и А.А. Бялыницкий-Бируля был отстранен от должности. Он остался в институте на ставке старшего зоолога, но в 1930 г. был арестован, осужден за контрреволюционную деятельность и приговорен к трем годам лагерей. После досрочного освобождения отправлен на работу в Архангелогородское отделение Государственного океанографического института, сотрудничая одновременно по договору с родным учреждением, называвшимся по-новому – Зоологический институт АН СССР. Несмотря на политические игры, наука признала заслуги бывшего директора Зоологического музея, и в 1935 г. А.А. Бялыницкому-Бируле были присуждена степень доктора биологических наук без защиты диссертации.

Формальным выражением признания заслуг ученого стало избрание его в отечественные научные общества: Русское энтомологическое общество, Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей, Императорское общество судоходства, Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (зоологическое отделение), Русское географическое общество, Российская Академия художеств, Международное общество для изучения Арктики с помощью воздушного корабля.

В фонде А.А. Бялыницкого-Бирули хранится несколько дипломов-подлинников об избрании ученого в научные обще-

ства[11]. Эти дипломы представлены на виртуальной выставке на официальном сайте СПбФ АРАН «Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля (1864–1937): галерея дипломов научных обществ»[12]. Представлены все имеющиеся дипломы. Всего шесть документов.

1. Диплом Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, 1892 г.

2. Два диплома Русского энтомологического общества в Санкт-Петербурге, 1895 г. (действительный член), 1919 г. (почетный член).

3. Диплом Императорского общества судоходства, 1899 г.

4. Диплом Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете, 1900 г.

5. Диплом Императорского русского географического общества, 1906 г.

Шестым документом, также представленным на выставке, является диплом об окончании Императорского Санкт-Петербургского университета, 30 июля 1891 г.

Примечания

[1] Создана в 1849 г., сегодня – Главная геофизическая обсерватория имени А.И. Воейкова.

[2] Работы на станции были остановлены в связи с оккупацией территории в 1941 г., после войны станция не была отстроена.

[3] *Бялыницкий-Бируля Ф.А.* 1) Микроскопическое исследование отложения на сломанной правой плечевой кости мамонта, найденного на р. Березовке близ Средне-Колымска в 1901 г. // Научные результаты экспедиции, снаряженной Императорской Академией Наук для раскопки мамонта, найденного на р. Березовке в 1901 г. Т. 1. СПб., 1903. С. 153–156; 2) Гистологические и микрохимические наблюдения над тканями Березовского мамонта (С картою и таблицею с микрофотограммами и

фотографическим снимком) // Научные результаты экспедиции, снаряженной Императорской Академией Наук для раскопки мамонта, найденного на р. Березовке в 1901 г. Т. 2. СПб., 1909. С. 1–18.

[4] См. письмо Ф.А. Бялыницкого-Бирули Е.Ф. Карскому от 21 ноября 1902 г.: СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 20.

[5] РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 2. Д. 494.

[6] СПбФ АРАН. Ф. 291. В фонде имеются документы, связанные с историей семьи.

[7] *Карпинский А.П., Сушкин П.П.* Записка об ученых трудах А.А. Бялыницкого-Бирули // Известия Российской академии наук. Серия VI. Т. 17. Л., 1923. С. 328–336.

[8] *Бялыницкий-Бируля А.А.* 1) Членистобрюхие паукообразные Кавказского края. Тифлис, 1917; 2) Фауна России и сопредельных стран. Т. 1. Вып. 1: Паукообразные. Пг., 1917; 3) Фауна СССР. Паукообразные. Т. 1. Вып. 3. Фаланги (Solifuga). Л., 1938.

[9] Коллекция его научных рисунков хранится в СПбФ АРАН: Ф. 291. Оп. 1. Д. 60.

[10] Трудовой список А.А. Бялыницкого-Бирули см.: СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4910.

[11] СПбФ АРАН. Ф. 291. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–8.

[12] Электронная выставка «Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля (1864–1937): галерея дипломов научных обществ» [Электронный ресурс] // СПбФ АРАН. URL: http://ranar.spb.ru/rus/vystavki/id/813/ (дата обращения: 20.11.2018).

Е.Г. Лебедева

Женский дилетантизм в художественной культуре России XVIII–XIX вв.

E.G. Lebedeva

Female dilettantism in Russian art and culture in XVIII–XIX centuries

Аннотация: автором статьи исследуется феномен женского любительского творчества в России XVIII–XIX вв. Многие века женщины выражали свои творческие стремления и способности на домашней стезе и в основе этих работ были часто религиозные или бытовые сюжеты. Визуальное искусство, пожалуй, наиболее полно дает возможность взглянуть на мир глазами женщины и позволяет проследить, как на протяжении столетий меняется женский взгляд. Любительское искусство – это часть масштабной историко-художественной традиции, вернее даже, двух великих традиций, поскольку оно совмещает в себе черты и фольклора, и станкового профессионального творчества. На протяжении XVII–XX вв. статус женщин, принадлежавших к правящей династии, существенным образом менялся (впрочем, как и российских женщин вообще): от затворнического, «теремного» существования «во внутренних покоях дворцов», до выхода на авансцену политической жизни.

Ключевые слова: Россия, художницы-любительницы, любительское творчество, визуальное искусство, дилетантизм, дворянская культура, альбомное творчество.

Abstract: the author investigates the phenomenon of women's amateur creativity in Russia of 18–19 centuries. For many centuries, women have expressed their creative aspirations and abilities on the

home path and these works were often based on religious or domestic subjects. Visual art, perhaps, most fully gives an opportunity to look at the world through the eyes of a woman and allows you to trace how over the centuries the female view changes. Amateur art is part of a large-scale historical and artistic tradition, or rather, two great traditions, because it combines the features and folklore, and easel professional creativity. During the 17–20 centuries, the status of women belonging to the ruling dynasty, significantly changed (however, as well as Russian women in General): from reclusive, existence «in the inner chambers of the palaces», to entering the forefront of political life.

Keywords: Russia, the artist-amateur, amateur art, visual art, amateurism, aristocratic culture, album creativity.

Искусство России периода XVI–XIX вв. неоднократно являлось предметом специальных искусствоведческих исследований. Однако комплексного изучения творчества художниц, как любительниц, так и профессионалов не было, и это открывает широкие возможности для исследователя женского творчества в России.

Многие века женщины выражали свои творческие стремления и способности на домашней стезе и в основе этих работ были часто религиозные или бытовые сюжеты. Первые имена, которые могли бы открывать историю женского творчества – вероятно, Евфросиния Старицкая, тетка Ивана Грозного; царица Ирина Годунова, жена царя Федора Ивановича, и сестра царя Бориса Федоровича Годунова. Именно они возглавляли и руководили в средневековой Руси художественными мастерскими золотного шитья.

Визуальное искусство, пожалуй, наиболее полно дает возможность взглянуть на мир глазами женщины и позволяет проследить, как на протяжении столетий меняется женский взгляд. Для нас особенно интересно, изучать женское художественное творчество в России, потому что здесь переплетаются самые различные традиции: национальные, моральные и социальные в разрезе синтеза Востока и Запада.

На протяжении XVII–XX вв. статус женщин, принадлежавших к правящей династии, существенным образом менялся (впрочем, как и российских женщин вообще): от затворнического, «теремного» существования «во внутренних покоях дворцов», до выхода на авансцену политической жизни. Переломным в положении женщин из царской семьи оказалось правление Петра I, во времена которого женщины высшего сословия стали непременными участницами государственных торжеств и светских развлечений. Перенесение в Россию гораздо более открытой и демократичной жизни стран Западной Европы способствовало этому, как и принятие, Петром I титула императора, автоматически возвышающего не только личность монарха, но и его семью.

В середине XVIII в., во время правления дочери Петра I Елизаветы Петровны, искусство России получает бурное развитие за счет притока иностранных мастеров. Однако сама императрица, вероятно, не обладала художественными талантами, по крайней мере, нам неизвестны произведения искусства, созданные ею.

Говоря о культуре России в Елизаветинское время, известный исследователь Н.Н. Врангель отмечает: «<…> в искусстве, как и в быту и нравах наблюдается смесь европейской изысканности с полувосточным варварством, что создает тот своеобразный сплав, тот маскарад, который так поражал в свое время иностранцев и который теперь так нравится нам, столь любящим все экзотическое и странное»[1].

Русские мастера живописи и архитектуры были обязаны своим развитием иностранным учителям, преподававшим у себя в мастерских, так как Академия художеств была основана в последние годы царствования Елизаветы, и плоды ее деятельности относятся уже ко времени правлении Екатерины Великой.

XVIII в. стал веком женского правления в России. Российские императрицы своим пребыванием на престоле как бы уравнивали женщину в правах с мужчинами. Екатерина II особенно много сделала для изменения стереотипа отношения к женщине

и ее возможностям в деле участия в придворной и общественной жизни. Одним из крупнейших ее деяний в этом смысле было основание Смольного института.

Идеей просвещения была отмечена вся вторая половина XVIII в. Екатерина Алексеевна считала, что осуществить широкую просветительскую деятельность возможно было только при выполнении трех условий: хорошего законодательства, достойной литературы, воспитывающей общество, и, наконец, специально приспособленной для этой деятельности школы. На первый план выдвигались задачи общего, а не профессионального (как при Петре I) образования, так как императрица была уверена, что необходимо развивать не только науки и искусство, но и «вкоренять в сердце добронравие, призвесть новое порождение, от которого бы прямые правила воспитания непрерывным потоком в потомство переходить могли и создать народное умоначертание»[2].

Екатерина Великая была женщина незаурядная во всех отношениях, и как творческая личность она оставила свой след в культуре России. Императрица была талантливой писательницей-мемуаристкой и художницей: ее руке принадлежит рисованная обложка театрального либретто «Феб», работы декоративно-прикладного характера – костяные шахматы, миниатюры, собранные в российских музеях. Специального исследования личности императрицы как художницы нет, но о ее художественных талантах упоминается в ряде статей: Л.А. Маркиной «Екатерина Великая и Москва»[3], «Художницы в России: от барокко до модерна»[4]; Н.Ю. Каменецкой и Н.М. Юрасовской «Искусство женского рода»[5].

Еще одной художественно одаренной натурой в плеяде царственных женщин, оказалась императрица Мария Федоровна, жена Павла I. Среди станковых произведений, исполненных августейшей особой известен «Натюрморт» (1789, ГРМ), в котором художница отдает дань голландской традиции натюрморта

XVII в. Модной в этой время в Европе и России. Работа выполнена в технике «пастель», часто используемой как профессиональными художниками, так и любителями. Эта техника привлекала легкостью использования – «навык в пастельной живописи приобретается замечательно легко и ее следует отнести к такому виду искусства, в котором каждый может достигнуть самых лучших результатов»[6]. Образцы живописного мастерства августейшей художницы собраны в Общем кабинете Павловского дворца. Здесь находится большинство произведений, созданных ею. Почти половина работ представляет собой рисунки на молочном стекле свинцовыми или цветными карандашами с применением в некоторых случаях акварели, гуаши и масла. Необыкновенно сильно было стремление Марии Федоровны к постижению новых способов художественного выражения. Круг пристрастий императрицы охватывает и такие, казалось бы, не женские виды творчества как точение на токарном станке из янтаря и кости чернильниц и настольных украшений (здесь императрица была одной из первых женщин в мире овладевших токарным делом под чутким руководством мастера и учителя Карла Лебрехта). Портретные камеи, вырезанные Марией Федоровной на многослойных яшмах и агатах, довольно часто повторялись не только в стекле, но и в фарфоровых массах, веджвудских фаянсах, мастиках, алебастрах и других составах. Лучшая из камей – портрет Екатерины Великой в образе Минервы, в шлеме, украшенном лавровым венком и сфинксом, –находится в собрании ГИМа.

Выточенные на токарном станке из янтаря и кости чернильницы и настольные украшения, гравированные по молочному стеклу портреты детей, пейзажи и натюрморты, выполненные пастелью, – вот круг ее художественных пристрастий. Показательно, что немецкий историк Г.К. Наглер поместил имя Марии Федоровны в библиографическом словаре художников, вышедшем в Мюнхене в 1839 г.[7] Спустя пятьдесят лет в журнале «Вестник изобразительных искусств» появилась статься исследовате-

ля Д.Ф. Кобеко, с характерным названием «Императрица Мария Федоровна, как художница и любительница искусств».

Таланту августейшей матери стремились подражать дочери императрицы – великие княжны Александра и Елена, в возрасте 12–13 лет лепившие барельефы своих великих предков Петра I и Екатерины II, которые ныне хранятся в собрании Государственной Третьяковской Галерее и датированы 1796 г. В коллекции Русского музея Санкт-Петербурга также представлены произведения, связанные с творческими увлечениями императорской семьи, и особое место в этом наследии занимают рисунки, исполненные августейшими дочерьми, великими княжнами Александрой Павловной, Еленой Павловной, Марией Павловной и Екатериной Павловной под руководством И.А. Акимова. Характер работ, представленных в собрании музея, позволяет в полной мере назвать их ученическими штудиями. Но они интересны, в первую очередь, как произведения, являющиеся историческими памятниками. По воле августейшей бабушки Екатерины II работы внучек были отправлены в Академию, где Совет Академии определил: хранить великокняжеские «упражнения» «яко драгоценные памятники с особливым уважением, дабы и позднейшим векам было известно. Сколь много изящныя художества в благополучное Великия Екатерины царствование почтены были»[8]. Образцами для этих рисунков послужили гравюры с произведений Рафаэля, которые были доступны для ознакомления и распространены в России с конца XVIII в.

Рисунки императрицы и ее дочерей хранятся сегодня во многих музеях и архивах. Большое собрание собственноручных великокняжеских работ, представляющих акварели с ландшафтными видами, находится в ГАРФе (Ф. 663).

Пожалуй, вплоть до вступления на престол императора Александра III августейшие особы не проявляли интереса к художественному творчеству. И только супруга Александра III, названная также Марией Федоровной (1847–1928), оставила свой след в

истории не только как российская правительница и мать последнего императора Николая II, но и как талантливая художница.

Первые уроки рисования она получила у своей матери – королевы датской Луизы. В России с 1866 г. стала заниматься под руководством живописца А.П. Богомолова. Особенно ей удавались малоформатные натюрморты, но настоящим шедевром любительского искусства можно признать акварельный портрет «Скряга», созданный художницей в 1890 г. (Музей изобразительных искусств республики Карелия). В этой работе Мария Федоровна сумела передать настроение, атмосферу, окружающую персонаж; дотошно проработав мельчайшие детали внешности и одежды, сделала портрет живым. Все это, говорит не только о живописном таланте августейшей дилетантки, но и о профессиональных навыках, которые она восприняла от мастера. Весьма вероятно, что этот портрет является копией, но то мастерство, с которым выполнена работа, дает возможность поставить ее автора в один ряд с профессиональными живописцами европейской школы XVIII–XIX вв., такими как немец Бальтазар Деннер и датчанин Христиан Альбрехт Иенсен.

В исследовании творчества августейших женщин большое значение имели труды П.И. Сумарокова, Д.Ф. Кобеко, Е.С. Шумигорского, Н.Н. Врангеля, М.П. Коржева, В.С. Турчина, Д.С. Лихачева, Л.А. Маркиной, Ю.В. Мудрова, Е.В. Королева, С.С. Степановой, А.Д. Марголиса, которые помогли понять особенности личности российских императриц и их творческие пристрастия. И, конечно, публикация петербургского исследователя А.А. Васильевой, которая показала талант художницы у императрицы Марии Федоровны на примере коллекции предметов, хранящихся во дворце-музее Павловска.

Конечно, все эти увлечения изящными искусствами являлись сугубо домашними занятиями и лишь свидетельствовали о творческом потенциале женской половины императорского дома.

Зерна художественного просвещения, брошенные изящными ручками императриц в конце XVIII в., смогли прорасти на российской почве и получили отклик у светских дам. Как известно, образование в те времена получали девочки из высших кругов, поэтому первыми профессиональными художницами так же становились представительницы дворянских родов, реже купечества. Но это совсем не означает, что не было домашнего воспитания, безусловно, было; и все-таки благодаря примеру императриц женское творчество стали воспринимать как мастерство, имеющее право на существование. Часто не имея возможности обучаться в Академии художеств, великосветские дамы приглашали преподавателей на дом, и примеры такого домашнего обучения известны. Особенно обширно это проявлялось в альбомном творчестве, как наиболее доступном для каждого.

Альбомное творчество, распространенное в конце XVIII – начале XIX вв., имело большое значение в дилетантском искусстве. Страницы «памятных книжек»[9] часто украшали своими рисунками художницы-любительницы из разных социальных слоев русского общества. В этих работах отражались модные тенденции в искусстве того времени и одновременно они служили зеркалом женского домашнего художественного образования, единственно доступного в России вплоть до середины XIX столетия.

Вообще альбомы как явление культуры в истории России первой половины XIX в. интересовали специалистов довольно часто. Среди работ, изучающих этот вопрос, следует отметить исследования В.Э. Вацуро «Литературные альбомы в собрании Пушкинского дома (1750–1840-е гг.)», где анализируется сложение формы альбома, появление некоего стереотипа, своеобразного «альбомного фольклора». В этой статье соединились литературоведческие и культурологические методы исследования, что дало возможность наиболее полно охарактеризовать альбом как уникальное явление русской культуры. Работа О.Б. Авиловой «Пушкинская эпоха домашнего альбома», в которой она уделя-

ет особое внимание вопросу влияния «домашней культуры» на формирование творчества известных художников – А.Г. Венецианова (1780–1847) и П.А. Федотова (1815–1852). Их работы, по мнению Авиловой, обнаруживают явную связь с рисованными альбомами дилетантов 1830–1840-х гг. Следует также выделить книгу А.В. Корниловой «Мир альбомного рисунка», которая подробно рассказывает о системе составления альбомов. Автор классифицирует «памятные книги» по времени создания, основываясь на характерных для того или иного периода приметах, выражающихся в художественном оформлении,

Развитие прикладной альбомной графики во многом идет параллельно со станковым искусством и порой профессиональные художники, создающие большие полотна, оставляли зарисовки на альбомных страницах, среди них: П.Ф. Соколов, А.О. Орловский, П.А. Александров.

В истории российской художественной культуры категория любительства неотделима от становления и развития художественного образования в стране и выступает одновременно и как элемент развития национальной художественной культуры, и как одна из основ формирования общественной инициативы в области культуры. Если профессиональный художник познает основы историко-культурного процесса в годы обучения, то художник-любитель, как правило, этой привилегии лишен; и поэтому для него важно эстетическое самообучение путем домашнего, книжного воспитания, самостоятельное накопление знаний, обеспечивающих, наряду с натурой, материал для творческих размышлений.

Любительское искусство – это часть масштабной историко-художественной традиции, вернее даже, двух великих традиции, поскольку оно совмещает в себе черты и фольклора, и станкового профессионального творчества. И весьма логично, что любительское искусство обращается к истории искусства, так как это, пожалуй, самое необходимое условие существования для него.

Феномен любительства – это предмет особого научного исследования, в котором нужно анализировать семейные, домашние формы художественного воспитания, просвещения в дворянской среде.

Среди дилетантских работ есть и станковые произведения, к сожалению, на сегодняшний момент их известно не много, но и те, что были обнаружены, безусловно, интересны для изучения. В технике пастель писали: Александра Ржевская – дочь генерала А.М. Каменского, о ней, как о талантливой художнице, среди прочих, упоминает и исследователь творчества А. Лосенко А.Л. Каганович[10]; дочь П.Б. Шереметева Анна и племянница Н.И. Панина[11] Александра Репнина. К началу XIX столетия относятся работы следующего поколения художниц-любительниц, и уровень исполнения некоторых из этих работ настолько высок, что позволяет предположить хорошую художественную подготовку: автопортрет княгини Е.В. Долгорукой (1810, ГИМ), копия работы Бенуа-Шарля Митуара «Продавец дичи» (1817, ГРМ), блестяще исполненная Н.С. Апраксиной, пейзажи С.С. Апраксиной: замечательные работы графини А.А. Толстой и А.Ф. Тютчевой. Это только некоторые из дилетанток, своим талантом обогативших русское искусство второй половины XVIII – первой половины XIX вв.

В целом, любительское искусство в России представляет эпоху как бы изнутри, иногда несколько наивно или слишком правильно, копируя живописные приемы известных мастеров. Дилетантки своим творчеством показывают приоритетность того или иного жанра: в начале XIX в. – автопортрет и пейзаж, в первой трети – натюрморт и исторический жанр (религиозные сюжеты). В 1830-е гг. возрастает интерес к интерьерной живописи, а в 1850-е гг. – к камерному портрету. По их работам можно понять, что нравилось изображать в определенный период времени в разных слоях общества. Это малоизученный и очень интересный слой российской художественной культуры, заслуживающий детального и всестороннего исследования.

Примечания

[1] *Врангель Н.Н.* Императрица Елисавета и искусство ея времени // Свойства века. Статьи по истории Русского искусства барона Н.Н. Врангеля. СПб., 2001. С. 115.

[2] *Раковский Ю.У.* Из истории императорского воспитательного общества благородных девиц // Российские женщины и европейская культура. СПб., 1994.

[3] Екатерина Великая. Русская культура второй половины XVIII века. Каталог выставки. ГЭ. СПб., 1993. С. 13.

[4] *Маркина Л.А.* Художницы в России: от барокко до модерна // Искусство женского рода. Женщины-художницы в России XV–XX веков. М., 2002. С. 54–55.

[5] *Каменецкая Н.Ю., Юрасовская Н.М.* Искусство женского рода // Искусство женского рода. Женщины-художницы в России XV–XX веков. М., 2002. С. 19.

[6] *Сигарип Л.* Живопись масляными красками, акварелью и пастелью. СПб. 1911.

[7] *Nagler G.K.* Neues allgemeines Kunstler Lexicon. Munchen, 1839. Bd. VIII. S. 324.

[8] Приложения к камер-фурьерскому журналу. 1796. С. 66.; *Бахарева Н.Ю.* К истории создания нескольких великокняжеских рисунков из собрания Русского музея // Страницы истории отечественного искусства XII – первой половины XIX века. СПб. 2003. Вып. VII. С. 158.; Упражнения в художествах // Павел I. Мир семьи. Каталог выставки. М., 2004. С. 53–65.

[9] «Памятная книжка» – синоним слова «альбом», взятый из французского обихода, иногда встречается в работах исследователей: *А.В. Корниловой, Н.И. Михайловой.*

[10] Об этой художнице упоминают: *митрополит Евгений* в «Словаре светских писателей». Ч. II. С. 144.; *Ефремов П.А.* Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867. С. 93.; *Лонгинов М.Н.* Русские писатели XVIII века // Русская старина. Т. II. 1870. С. 80.; *Голицын Н.В.* Библиографический словарь русских писательниц (СПб., 1889. С. 205); *Каганович*

А.Л. Антон Лосенко и русское искусство середины XVIII столетия. М., 1963. С. 212.; *Перова Е.Г.* Диссертационная работа «Пастельный портрет XVIII века в России (история, атрибуция, сохранность, реставрация)» (2004. С. 32).

[11] *Костикова Е.А.* Юбилейный сборник. М., 1988; *Горбачева С.* Русский пастельный портрет от века XVIII до века XX. С. 6.; *Перова Е.Г.* Пастельный портрет XVIII века в России (история, атрибуция, сохранность, реставрация). 2004. С. 32.

Ф.И. Мелентьев

Документы Государственного архива Российской Федерации на выставке «Последний царь: кровь и революция» в лондонском Музее науки

F.I. Melentyev

Documents of the State archive of the Russian Federation at the exhibition «The last Tsar: blood and revolution» at the London Museum of science

Аннотация: статья посвящена обзору архивных документов, представленных на выставке о медицине при дворе Николая II. Особое внимание уделяется дневникам, письмам, официальным документам и фотографиям.

Ключевые слова: Госархив, Николай II, императрица Александра Федоровна, медицина, цесаревич Алексей Николаевич.

Abstract: the article is devoted to the review of archival documents presented at the exhibition about the medicine at the court of Nicholas II. Special attention is paid to diaries, letters, official documents and photographs.

Keywords: State Archive, Nicholas II, Empress Alexandra Fedorovna, medicine, Tsarevich Alexey Nikolaevich.

С 21 сентября 2018 г. по 24 марта 2019 г. в лондонском Музее науки проходила выставка «Последний царь: кровь и революция», посвященная медицине при дворе Николая II. Причем если о последних Романовых и о медицинских аспектах истории царской семьи написано немало[1], то выставка на эту тему проводится впервые. Участниками выставки стали Государственный архив Российской Федерации, Государственный Эрмитаж; Госу-

дарственный музей-заповедник «Царское Село», Музей истории Петербурга, Музеи Московского Кремля, Российский музей медицины (Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко), а также ряд других отечественных и зарубежных архивов и музеев. Выставка приурочена к 100-летию убийства царской семьи. Куратор – Александра Смирнова.

Место проведения выставки выбрано не случайно: собрание медицинских экспонатов Музея науки, в которое входит коллекция фармацевтического магната и миллионера Генри Велкома (1853–1936), является едва ли не самым полным в мире. Поэтому неудивительно, что именно в этом музее проходит выставка о медицине при российском императорском дворе.

На выставке широко представлены архивные материалы, хранящиеся в ГАРФе, такие как дневники, письма, официальные документы и фотографии (всего 15 экспонатов). В первую очередь следует назвать дневник Николая II с записью о появлении на свет цесаревича Алексея Николаевича 30 июля 1904 г. Рождение наследника всегда было важным событием для страны, но в случае Николая II и императрицы Александры Федоровны оно стало поистине судьбоносным, ведь до этого в царской семье родилось четыре дочери. Однако вскоре после рождения сына родители заметили нечто необычное. «Аликс и я, – писал Николай II о себе с женой 8 сентября 1904 г., – были очень обеспокоены кровотечением у маленького Алексея, которое продолжалось с перерывами до вечера из пуповины! Пришлось выписать Коровина (почетный лейб-педиатр. – *Ф.М.*) и хирурга Федорова; около 7 час. они наложили повязку. Маленький был удивительно спокоен и весел! Как тяжело переживать такие минуты беспокойства!»[2]. На следующий день кровотечение у новорожденного продолжилось: «Утром опять на повязке была кровь; с 12 час. до вечера ничего не было. Маленький спокойно провел день, почти не плакал и успокаивал нас своим здоровым видом»[3]. 10 сентября волнение императора

практически улеглось: «Сегодня целый день у Алексея не показывалась кровь; на сердце так и отлегла щемящая забота»[4]. А через день Николай II благодарил Создателя: «Слава Богу, у дорогого Алексея кончилось кровотечение уже двое суток. Так и просветлело на душе!»[5]. Однако радость была преждевременной: цесаревич был болен смертельным генетическим заболеванием гемофилией – нарушением свертываемости крови.

Ил. 1. Королева Виктория в окружении родственников. Кобург, 1894 г.

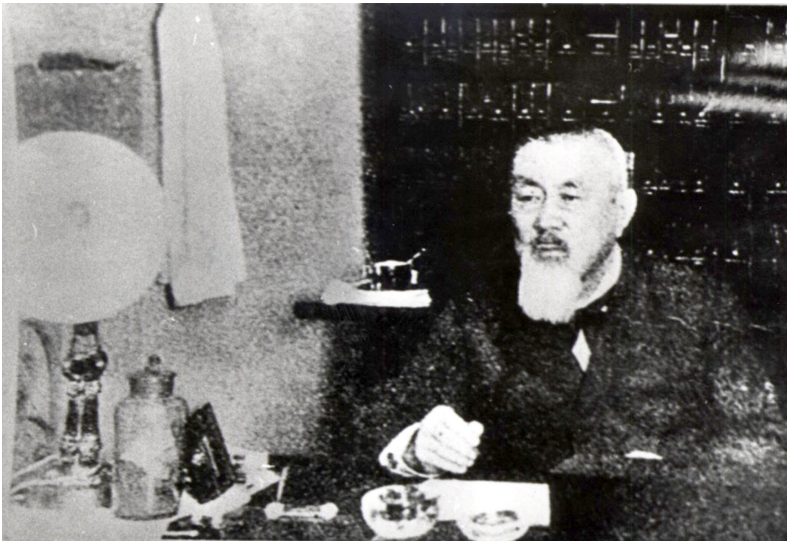
Алексей Николаевич унаследовал эту болезнь от своей прабабушки по материнской линии – королевы Виктории (1819–1901). Ее фотография в окружении родственников, собравшихся в 1894 г. в Кобурге на свадьбе великого герцога Гессенского Эрнста Людвига и принцессы Саксен-Кобург-Готской Виктории Мелиты, а также ставших свидетелями помолвки цесаревича Николая Александровича и принцессы Аликс Гессенской и Рейнской (как звали будущую императрицу Александру Федоровну до приня-

тия православия), представлена на выставке[6]. О тесных родственных связях с английским королевским домом свидетельствует и сделанная в 1907 г. фотография Николая II с его кузеном принцем Уэльским Георгом (с 1910 г. королем Георгом V), похожих друг на друга как две капли воды[7].

История появления при дворе французского спирита и целителя Низье Антельма Филиппа (1849–1905) и отношения к нему ближайшего окружения царской семьи раскрыта в письме Александры Федоровны к мужу. «Мы объехали вокруг Александровского парка, – писала по-английски императрица 23 июля 1902 г., – и все это время Элла (великая княгиня Елизавета Федоровна. – *Ф.М.*) нападала на меня насчет нашего Друга (Филиппа. – *Ф.М.*). Я сохраняла полное спокойствие и отвечала уклончиво, особенно после того, как она сказала, что хочет добраться до сути. Она слышала о нем много дурного, что ему нельзя доверять. Я не стала спрашивать, что говорят, а объяснила, что все это от зависти и назойливого любопытства. Она сказала, все покрыто такой тайной. Я сказала, нет, мы делали все открыто, в нашем положении ничего и невозможно скрыть, ведь мы живем на виду у всего мира. Что весь их дом знает его, он ест вместе со всеми и вовсе не скрывается. Часто ли мы виделись с ним? Да, несколько раз. Я упорно стояла на истории с исцелением»[8]. Императрице так и не удалось переубедить свою сестру, и та по-прежнему негативно относилась к Филиппу, а затем и к Г.Е. Распутину.

Появление в окружении императорской семьи народных целителей поначалу во многом было связано с желанием Александры Федоровны родить наследника, а затем – облегчить болезненные состояния цесаревича Алексея Николаевича. Так, согласно сообщению министра императорского двора барона В.Б. Фредерикса о состоянии здоровья наследника цесаревича Алексея Николаевича от 21 октября 1912 г., «в первых числах истекшего сентября месяца, на первых днях пребывания в Беловеже, его императорское высочество наследник цесаревич, прыгая в лодку, сделал

очень широкий шаг», после чего у мальчика появилась «в левой подвздошной впадине боль и опухоль, которая и была тотчас же определена как забрюшинное кровоизлияние»[9]. С течением времени гематома разрасталась. «Подобные забрюшинные кровоизлияния, – говорилось в том же сообщении, – в виде последствия даже не очень сильной травмы встречаются, как видно из специальной литературы, чрезвычайно редко и представляют собою совершенно определенную, крайне тяжелую клиническую форму (haematoma retroperitoneale). Частью под влиянием всасывания излившейся крови, частью вследствие развивающегося вокруг нее реактивного воспалительного процесса, такие гематомы, т.е. кровяные опухоли, могут сопровождаться очень возвышенной температурой, каковая и наблюдалась у его высочества»[10].



Ил. 2. Фотография П.А. Бадмаева.

Бюллетени о состоянии наследника публиковались в газетах. Поэтому неудивительно, что пользовавшийся доверием Николая II тибетский врач П.А. Бадмаев (1851–1920) предложил импе-

ратору свой вариант лечения Алексея Николаевича (на выставке представлена машинописная копия его записки). «Ужас меня объял, когда прочитал сегодня вечером бюллетень о состоянии здоровья государя-наследника», – сообщал Бадмаев Николаю II 9 октября 1912 г. «Европа, – убеждал императора лекарь, – не имеет никаких средств против ушиба наружного и внутреннего, кроме льда, иода и массажа, особенно в острых случаях с высокой температурой». Поэтому Бадмаев писал: «Если вам удастся уговорить начать принимать мои лекарства, то просите никаких других лекарств не давать как во внутрь, так и наружу, не исключая льда. Кушать только овсянку на бульоне и молоко. Если окажутся запоры, то давать мое желудочное, которое прилагаю. Что в этих лекарствах никаких ядов нет, вы можете легко доказать – выпив подряд три чашки отвара, а мое желудочное вы знаете, худо действовать оно не может»[11]. Впрочем, о том, было ли принято предложение Бадмаева, сведений не сохранилось. Зато сохранилась фотокопия фотографии Бадмаева, подаренная архиву известным фотографом и москвоведом А.А. Задикяном в 1994 г.[12]

Об использовании нетрадиционных методов лечения наследника свидетельствует фотография, на которой запечатлено, как в 1913 г. Алексей Николаевич принимает грязевую ванну в Ливадии[13]. Как вспоминал учитель цесаревича Пьер Жильяр (1879–1862), состояние великого князя тогда «оставляло желать много лучшего. Он принимал горячие грязевые ванны, которые врачи прописали ему и которые считал очень утомительными»[14].

Особое значение в истории медицины при дворе имеет период Первой мировой войны, когда императрица и ее старшие дочери великие княжны Ольга и Татьяна Николаевны активно помогали раненым. В частности, был организован Полевой Царскосельский военно-санитарный поезд № 143 е.и.в. Александры Федоровны (в РГВИА сохранился соответствующий фонд[15]). На выставке представлена одна из фотографий императрицы и великих княжон Ольги и Татьяны на фоне поезда[16].

Ил. 3. Цесаревич Алексей Николаевич, принимающий грязевую ванну. 1913 г.

Ил. 4. Императрица Александра Федоровна и великие княжны Ольга
и Татьяна Николаевны у санитарного поезда
имени Александры Федоровны. 1914 г.

О восприятии собственной роли в помощи раненым свидетельствует дневник великой княжны Татьяны Николаевны. 19 августа 1914 г. она писала: «Утром был урок. В 10 часов поехали к “Знамению” (Знаменская церковь в Царском Селе. – *Ф.М.*), оттуда в барак. Там я всех моих перевязывала. Потом были на операции одного офицера, которому вырезали пулю. Потом пошли в больницу, где проходили палату с ранеными. Видела Молоховца (лейтенант Гвардейского экипажа. – *Ф.М.*). Был урок. Завтракали в 5 с Папа, Мама и тетей Ксенией (великая княгиня Ксения Александровна. – *Ф.М.*). Днем мы с Ольгой поехали в ее маленький склад в Большом дворце, там немножко работали. Потом приехала Мама с сестрами и Алексеем, и мы поехали в Инвалидный дом, где сидели у раненых. Пила чай наверху. Был урок. Внизу пили чай тетя Ducky (великая княгиня Виктория Федоровна. – *Ф.М.*) и тетя Михень (великая княгиня Мария Павловна Старшая. – *Ф.М.*). В 7 часов была княжна Гедройц»[17].

Ил. 5. Великая княжна Татьяна Николаевна перевязывает раненого Груздева в присутствии княжны В.И. Гедройц и Н.В. Неделина. 1916 г.

Княжна В.И. Гедройц (1870–1932) была одной из первых в России женщин-хирургов, в 1914 г. по ее предложению в Царском Селе был организован эвакуационный пункт для раненых. Именно Гедройц преподавала императрице Александре Федоровне и великим княжнам хирургию, а впоследствии под ее руководством августейшие сестры милосердия ассистировали на операциях. Совместная работа запечатлена на фотографии из альбома великой княжны Татьяны Николаевны, перевязывающей в 1916 г. раненого Груздева в присутствии Гедройц и врача Н.В. Неделина[18].

О степени близости Гедройц к своим подопечным говорит ее фотография с дарственной надписью 18 марта 1915 г.: «Ученице и товарищу по труду ее императорскому высочеству великой княжне Ольге Николаевне. Княжна Гедройц»[19].

Ил. 6. Фотография княжны В.И. Гедройц с дарственной надписью великой княжне Ольге Николаевне. 18 марта 1915 г.

Успехи великой княжны Ольги Николаевны в трудах «по уходу за больными и ранеными воинами» были отмечены знаком отличия Красного Креста второй степени, пожалованном великой княжне, о чем говорится в особой грамоте, посвященной этому событию[20].

Однако августейшие особы не только участвовали в лечении больных, но и сами нуждались в медицинской помощи. С 1908 г. лейб-медиком Николая II был Е.С. Боткин (1865–1918), разделивший участь последнего царя и его семьи. Боткин следил за здоровьем не только императора, но и его родных, записывая свои наблюдения в особый календарь для врачей, также представленный на выставке. Вот как, например, Боткин описывал состояние великой княжны Татьяны Николаевны, страдавшей зимой 1913 г. от тифозной лихорадки: «Уже 18-го февр[аля] (в Царском), если не раньше, имела плохой вид. 19-го, в день переезда в СПб., появилась головная боль, которая с тех пор и продолжается ежедневно, усиливаясь по вечерам. Первое измерение t° б[ыло] сделано в четверг, 21-го вечером: 38,6». В результате доктор Боткин дал пациентке аспирин[21]. Очевидно, что дневник Боткина, введенный в научный оборот И.В. Зиминым[22], нуждается в дальнейшем изучении и публикации.

Разумеется, предметный разговор о медицине при дворе последнего русского царя был бы невозможен без обращения к дневнику императрицы Александры Федоровны. Последнюю запись в своем дневнике она сделала в Екатеринбурге 16 июля 1918 г. на английском языке: «*Вторник. Ирины* (княгиня Ирина Александровна Юсупова. – *Ф.М.*) 23-й д[ень] р[ождения]. +11°. Пасмурное утро, позже – хорошая солнечная погода. У Бэби (цесаревич Алексей Николаевич. – *Ф.М.*) легкая простуда. Все выходили гулять утром на ½ часа. Ольга и я готовили наши лекарства. Т[атьяна] читала мне *Дух[овное] чтение.* Они вышли гулять, Т[атьяна] оставалась со мной, и мы читали: *Кн[игу] пр[орока] Амоса и пр[орока] Авдии.* Плела кружева. Каждое утро к нам в

комнаты приходит коменд[ант] (А.Д. Авдеев. – *Ф.М.*), наконец, через неделю принес яиц для Бэби. 8 ч[асов]. Ужин. Совершенно неожиданно *Лику Седнева* (поваренок. – *Ф.М.*) отправили навестить дядю, и он сбежал, – хотелось бы знать, правда ли это и увидим ли мы когда-нибудь этого мальчика! Играла в безик с Н[иколаем]. 10 ½ [часа]. Легла в постель. +15 градусов»[23]. На следующий день царская семья была расстреляна.

Архивные материалы ГАРФа, несомненно, обогатили выставку, придав ей не только исторический, но и документальный характер; показав и частную жизнь царской семьи, и официально-церемониальные обязанности ее членов; наконец, продемонстрировав существенное значение медицины при императорском дворе, органично дополняя экспонаты других архивов и музеев. При этом, как еще в 2002 г. отметила Е.В. Анискина (тогда начальник отдела, а ныне заместитель директора Госархива), «динамично развивающаяся выставочная деятельность ГАРФ при соблюдении установленных правил не только не противоречит задачам обеспечения сохранности архивных документов, но и создает возможности для улучшения их физического состояния»[24]. Хочется надеяться, что это как раз один из таких случаев.

Примечания

[1] См., например: *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. Любовь и жизнь / Пер. с англ. *С. Житомирской.* М., 1998; Медицина и императорская власть в России. Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX века. М., 2008.

[2] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 247. С. 186. Дневники императора опубликованы: Дневники императора Николая II (1894–1918) / Отв. ред. *С.В. Мироненко.* М., 2011–2013. Т. 1–2.

[3] Там же. С. 186–187.

[4] Там же. С. 187.

[5] Там же. С. 188.

[6] ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 390. Л. 1.

[7] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2172. Л. 5.

[8] Там же. Д. 1148. Л. 34–35. Перевод цит. по: *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. Любовь и жизнь / Пер. с англ. *С. Житомирской.* М., 1998. С. 221–222.

[9] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2145. Л. 1.

[10] Там же. Л. 1 об.

[11] ГАРФ. Ф. 713. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

[12] Там же. Д. 71. Л. 1.

[13] ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 477. Л. 186.

[14] Жильяр П. Император Николай II и его семья // *Жирарден Д., Жильяр П.* Рядом с царской семьей. М., 2013. С. 119.

[15] РГВИА. Ф. 16165.

[16] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1506. Л. 94.

[17] ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 317. С. 86.

[18] ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 205. Л. 8. № 96.

[19] Там же. Д. 243. Л. 1 об.

[20] ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

[21] ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 1. Л. 232.

[22] *Зимин И.В.* Врачи двора его императорского величества, или Как лечили царскую семью. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.; СПб., 2016.

[23] ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 326. Л. 93 об. Перевод цит. по: Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г.: Сб. документов / Ред., сост. *В.А. Козлов, В.М. Хрусталев.* Новосибирск, 1999. С. 264. Курсивом выделены русские слова.

[24] *Анискина Е.В.* Документ на выставке: проблемы обеспечения сохранности // Архив новейшей истории России. Серия «Исследования». Т. II. Государственный архив Российской Федерации: 10 лет работы (1992–2002). Сборник статей. М., 2002. С. 76.

И.А. Урмина

Актуализация научного академического наследия в музейно-выставочной деятельности

I.A. Urmina

Actualization of scientific academic heritage in museum and exhibition activities

Аннотация: освоение отдельных фрагментов культурно-исторического наследия, в том числе и научного академического, которое сохраняется в документальном виде в архивах, осуществляется сегодня не в привычной форме нарративной передачи опыта от поколения к поколению, а определяется значимостью этой информации для современников. В безграничной информационной среде Интернета молодые поколения могут отобрать только то, что соответствует их ограниченному жизненному опыту. Большая часть информации о культурно-историческом наследии, в том числе научном, остается для них малопонятной и бесполезной. В этих условиях становится необходимым определить, какое место в нем занимают учреждения и организации, такие как Архив РАН, связанные с хранением и передачей другим поколениям культурно-исторической памяти в разных ее формах.

Ключевые слова: научное академическое наследие, актуализация, термины гештальтпсихологии, экспозиция, артефакт, документ, Русская Арктика.

Abstract: certain fragments of cultural and historical heritage developing, including scientific and academic heritage, which is preserved in documentary form in archives, is carried out today not in the usual form of narrative experience transfer from generation to generation, but is determined by the importance of this information

for contemporaries. In the wealth of information environment of the Internet, young generations can take only what fits their limited experience. Most of information about cultural and historical heritage, including scientific, remains obscure and useless for them. In these circumstances, it becomes necessary to determine the place of institutions and organizations, such as the Archive of Russian academy of sciences, related with the storage and transfer to other generations of cultural and historical memory in its various forms.

Keywords: scientific academic heritage, actualization, terms of Gestalt psychology, exposition, artifact, document, Russian Arctic.

В процессе освоения социального и культурного опыта люди трансформируют внешнее и чужое для них окружение – природное, социальное, символическое, преобразуя его в собственную жизненную среду. Речь идет о переходе от синкретичного к дифференцированному мировосприятию; от страха перед событиями и обстоятельствами – к пониманию их причин и сути; от подчиненности жизненным условиям – к их подконтрольности. Это происходит при получении соответствующих знаний и навыков через институциональные структуры образования и просвещения, а также при самостоятельном освоении окружения методом проб и ошибок или с использованием рационального выбора.

Эти процессы объединены общей категорией «социализация» (в культурной антропологии – «инкультурация»). По содержанию понятия социализации и инкультурации перекрывают друг друга, поскольку означают трансляцию и освоение людьми опыта существования в жизненной среде, культурном пространстве и времени; умения использовать артефакты – вещи, идеи и образы, символические структуры, технологии, нормативные и ценностные образования; навыков взаимодействия и коммуникации. Сегодня в науках о человеке, обществе и культуре эти процессы и понятия рассматриваются как антропологические и шире – как социобиологические универсалии, т.е. полагается,

что они характерны для всех сообществ людей в любые времена и независимо от обстоятельств. Но универсальность не означает неизменности этих процессов по структуре и содержанию, степени их отрефлексированности и общественного внимания к ним. Например, в одни времена отношения между взрослыми и детьми принимаются в обществе как нечто само собой разумеющееся; в другие, как, например, в настоящее время, приобретают характер социально значимой проблемы.

Поскольку в трансформирующемся обществе универсализм картины мира замещается множеством «картинок» мироздания, классические определения наследия распадаются на множество форм, дифференцированных по разным уровням культурной компетентности представителей различных социокультурных групп. Само же социальное и культурное наследие воспринимается этими группами в той мере, в какой те или иные его фрагменты отвечают требованиям социальной значимости и тем самым позволяют адаптироваться в сложной и динамичной социокультурной среде. Так возникает операциональная модель наследия, меняется соотношение потенциального и актуального. Передача социокультурного опыта от старших поколений к младшим осуществляется уже не в форме нарратива, а, по сути, в форме наложения разных социальных и культурных контекстов и стилей, создания новых конструкций наследия из представлений и артефактов разных уровней сложности и перемешанных классификаций.

Актуализация отдельных фрагментов культурно-исторического наследия осуществляется не в форме последовательной передачеиопыта, а в процессе избирательной преемственности тех частей наследия, которые, так или иначе, значимы для современников. Российские социокультурные реалии также не свободны от опасных тенденций, определенное представление[1] о которых дают результаты экспертного опроса, выполненного Институтом социологии РАН, Институтом экономики РАН и Государственным институтом искусствознания Министерства

культуры РФ. При этом происходит очевидная недооценка стратегической значимости культуры для успешной модернизации общества и экономического роста. В частности, эксперты отметили очевидную недооценку стратегической значимости культуры для успешной модернизации страны со стороны властных элит. Более 80% экспертов признали необходимость кардинального пересмотра отношения к культуре со стороны государства и, прежде всего, экономических ведомств на федеральном и региональном уровнях. Одной из самых болезненных тем стало отторжение значительной части молодежи от традиционной отечественной культуры и от культуры вообще. В оценке экспертов эта позиция заняла ведущее место по значимости среди самых острых проблем развития культуры. Целенаправленная работа по ее решению должна стать продуктивной «зоной роста», где нужно сконцентрировать усилия государства, бизнеса и общества.

Следует отметить, что современные молодые поколения с детства окружает культурная среда, порождаемая средствами массовой информации. Они формируют наиболее представительную модель социокультурной реальности с точки зрения ее сложности и динамизма. Ключевую роль в этой среде играет Интернет, в основе которого лежат почти безграничные информационные ресурсы и эффективные цифровые технологии. Проблема социализующего воздействия средств массовой информации заключается для младших поколений в том, что без специального обучения они не могут сразу овладеть условностями их языка. В этом информационном поле дети, подростки и молодежь могут отобрать только то, что соответствует их ограниченному жизненному опыту. Большая часть социальной и культурной информации о культурном наследии, в том числе и в глобальном его значении, остается для них малопонятной и бесполезной. Кроме того, в условиях глобализации, т.е. процесса интеграции культур в мировом сообществе, происходит формирование новой цивилизации «планетарного» типа, которой соответствуют

сверхмасштабные формы: мега-общества, супер-этносы, мега-культура и т.д. В результате внедрения современных информационных технологий глобализация меняет характер социально-экономических систем, национальных государств, которые перестают быть автохтонными (самозамкнутыми) закрытыми системами. При этом изменение информационных сетей осуществляется по определенным направлениям коммуникационной социокультурной интеграции, смысл которой состоит в том, что отсутствует ориентация на каждую страну, каждую нацию, и тем более каждую личность[2]. Последствия глобализации в аспекте влияния на развитие отдельных национальных культур мало изучены. Наиболее распространенной является точка зрения о том, что в результате глобализации, как интеграции национальных культур в мировое сообщество, формируется единая социокультурная парадигма, олицетворяемая массовой культурой.

Следует подчеркнуть, что социальная и культурная среда – совокупность социальных и культурных условий совместной жизнедеятельности людей в конкретном обществе или сообществе – определяет ценности, нормы, идеалы, правила, стереотипы и т.д. (как в повседневной, так и в профессиональной сфере). Социокультурная компетентность, как совокупность знаний и навыков, позволяет человеку отбирать, понимать, организовать информацию, представленную в знаковой форме и успешно ее использовать в личных и общественных целях (при решении личных и общественно значимых групповых задач и проблем). Для этого возможно использовать навигаторы (Телевидение, радио, интернет и т.д.), побуждающие человека осуществлять поиск необходимой информации по ключевым словам, представляющей, однако, лишь иллюстративный материал к реальным событиям прошлого и настоящего. По сути, это процесс «познания в образах» (термин, привычный для информационной эстетики).

В этом случае содержание и культурный смысл восприятия, например, художественных объектов сводится к форма-

лизационным актам. Содержание художественного произведения оказывается производным от его формального содержания, представленного в виде сигналов и кодов. Восприятие отображается последовательностью знаков, «опознаваемых» получателем, автор-отправитель, имеющий набор знаков, комбинирует их в определенном порядке и передает через канал связи. Реципиент усваивает информацию путем сопоставления воспринятых элементов с имеющимся у него кодом, расшифровывает и «включает» их в память как «элементы искусства». Восприятие художественного «сообщения», представленное в терминах теории информации, приобретает кумулятивный (накопительный) характер.

Эстетическое восприятие интерпретируется также в терминах гештальтпсихологии, обосновывающей перцепцию формы как целостности, воспринимаемой одномоментно, в определенном порядке и в определенной форме, а не конструируемой из элементов. Понятность сообщения обратно пропорциональна информативности: чем больше новизны, тем меньше способность человека, особенно молодого, воспринять все многообразие передаваемых знаков – сочетать их в гештальт. Прием информации, которую принято называть эстетической (в сущности, это простое указание на воспринимаемый объект – художественное произведение), основывается на законе оптимальной способности восприятия (поток информации за единицу времени не должен превышать 16 бит/сек). Оптимум сообщения определяется максимальным эффектом воздействия, т.е. возможностью понимать, улавливать форму. Поэтому задача «отправителя» состоит в том, чтобы не просто сообщить какое-то количество информации, но и решить, как сообщить, чтобы реципиент успевал проецировать сообщение на имеющийся у него опыт. Для этого необходима «избыточность» знаков, которая и обуславливает частичную предсказуемость передаваемого сообщения. Таким образом, главной характеристикой сообщения становится его «понят-

ность», узнаваемость (узнаваемая избыточность знаков вызывает позитивные эмоции).

Если рассматривать с этой позиции не только художественное произведение, а другой арт-объект, например, научный рисунок, фотографию или архивный документ, свидетельствующий об историческом событии, то получается, что он тоже приобретает лишь знаковые функции. С точки зрения актуализации культурно-исторического наследия, к которому относится и научное наследие, формирование этих знаковых функций становится задачей для современного образования и науки. Поневоле вспоминается М. Фуко, который придавал особое значение «архиву», особому, неповторимому и соответствующему своей исторической эпохе, аннулирующему в определенный момент свою судьбу, которому на смену приходит другой «архив», который забудет о предшественнике. Как писал М. Фуко, архив «не представляет собой уютного забвения, которое открывает любому новому слову поле осуществления его свободы; между традицией и забвением он выявляет правила той практики, которая одновременно позволяет высказываниям и оставаться неизменными, и постоянно видоизменяться. Это общая система формирования и преобразования высказываний»[3]. Вот такое видоизменение и связано с необходимостью формирования контекста информационного сообщения, которое овеществлено в архивном документе.

Актуализация научного академического наследия

Как уже упоминалось, историко-культурное наследие в современном мире воспринимается представителями различных социокультурных групп в соответствии с уровнем их культурной компетентности и в той мере, в какой его фрагменты отвечают требованиям социальной значимости и позволяют людям адаптироваться в сложной и динамичной социокультурной сре-

де. Во всем мире сегодня актуализация отдельных фрагментов культурно-исторического наследия осуществляется не в традиционной форме последовательной передачи опыта, а в виде избирательной преемственности тех частей наследия, которые, так или иначе, значимы для современников.

Это относится и к научному наследию, в том числе документальному, которое становится актуальным или значимым для единичного субъекта только тогда, когда оно используется в решении его личных проблем и задач либо за счет такого устойчивого механизма воспроизводства определенных объектов наследия как традиция. Но сегодня традиция, т.е. социальный и культурный опыт, который передается от одного поколения к другому, трансформируется в соответствии с виртуальными представлениями (идеалы, идеи, парадигмы), которые заданы текущей социокультурной ситуацией. Пока не удается сформулировать значение наследия как всеми разделяемой универсальной ценности. Такое определение выступает наподобие неких неизменных метафизических сущностей, что не соответствует реально изменяемым частям наследия в ходе социокультурных трансформаций[4].

В условиях активного распространения массовой культуры в условиях глобального информационного пространства становится настоятельно необходимым определить, какое место в нем занимают учреждения и организации, которые связаны с хранением и передачей другим поколениям культурно-исторической памяти в разных ее формах. Тем более, что «знаковые» функции культурно-исторического наследия сегодня не определены до конца, а свойства самих объектов все равно должны восприниматься индивидом как понятные и значимые. Скорее всего, простая информированность не привлечет ни его внимания к прошлому, поскольку оно ему непонятно, ни поможет ему использовать бесценный культурно-исторический опыт предыдущих поколений для эффективного решения собственных задач и проблем.

Примером такого учреждения является и Архив РАН, старейший научный архив России, где хранятся документальные свидетельства о деятельности выдающихся российских ученых, Президиума РАН, его учреждений и организаций. Особое место занимают личные фонды ученых, отражающие их реальный вклад в российскую и мировую науку.

С целью популяризации отечественной науки, использования потенциала системы музейного экспонирования, базирующейся на принципе визуализации и современных мультимедийных технологий, музейно-выставочная группа Архива РАН использует современные методы экспонирования архивных документов, рисунков, фотографий, книг, других артефактов, отражающих историческую память об отдельных научных событиях в жизни человечества. Это позволяет актуализировать и расшифровать социокультурный смысл научно-исторического наследия, сделать понятным контекст научного открытия, привлекательность интеллектуальной деятельности в сфере науки. В свете задачи формирования контекста информационного сообщения, которое овеществлено в архивном документе, это позволяет не только привлечь кратковременное внимание посетителей выставок и экспозиций Архива РАН, но и способствовать формированию устойчивого интереса к их тематике.

Примером является документально-художественная выставка «Русская Арктика в фотографиях и документах из фондов Архива РАН», которая состоялась в конце 2017 г. в выставочных залах Архива РАН и была посвящена истории освоения отечественными учеными-исследователями арктических земель. Вошедшие в экспозицию предметы – оборудование, техническое оснащение, бытовые и личные вещи полярников, а также живописные произведения и редкие документальные фотоснимки – рассказывают об одной из самых малоизученных частей нашей страны, знакомят с ее уникальной природой, народностями и пр.

Основой экспозиции стали уникальные документы и фотографии, хранящиеся в личных фондах ученых и фондах учреждений Академии наук: рукописные дневники О.Ю. Шмидта, П.П. Ширшова, стенограммы, письма, телеграммы полярников. Были представлены и современные фотодокументы, позволяющие составить ретроспективный видеоряд поэтапного исследования самого сурового края России (материал из личных архивов был предоставлен Е.С Черняевым, Героем России, командиром глубоководного обитаемого аппарата «ГОА Мир» и Р.В. Чудиновым, корреспондентом телекомпании «Цивилизация»). Р. Чудинов предоставил также уникальные видеоматериалы, рассказывающие о современных арктических походах российских ученых в течение многих лет. Исторические находки были предоставлены исследователем Арктики, научным руководителем Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ), президентом Фонда полярных исследований П.В. Боярским.

Россия имеет самую большую территорию и акваторию в арктической зоне, с чем связаны стратегические открытия в полярном бассейне еще в XVII в. По мере развития транспортных и других инфраструктурных ресурсов происходило постепенное освоение Русской Арктики. Русские мореплаватели (экспедиции П. Чичагова, В. Беринга, А. Лазарева, П. Крузенштерна, и др.) и поморские промышленники открыли иные пределы России: Ямал, Таймыр, Якутию, Чукотку, Камчатку, Дальний Восток с Беринговым проливом между Евразией и Америкой. Особенно важным для темы освоения Арктического региона является тот факт, что приоритет оспаривается многими странами, поскольку многие места, давно известные русским первопроходцам – мореходам Русского Севера, были «заново открыты» европейскими мореплавателями, зафиксировавшими информацию о своих путешествиях в письменном и печатном виде.

История освоения Арктики в советский период характеризовалась реализацией настолько масштабных и фундаментально

значимых проектов, что современная Россия до сих пор может использовать как инфраструктуру, так и научное наследие того времени. Именно тогда координация научной работы, согласование деятельности исследовательских центров, выполнявшиеся Полярной комиссией АН СССР, стали одним из важных факторов организации, планирования и определения перспектив дальнейшего освоения Арктики.

Государственная программа освоения Арктики в современной России направлена на комплексное развитие всего арктического региона, что требует особого отношения к истории освоения Арктики и тщательного изучения результатов научных исследований как в зоне Севморпути, так и Арктического побережья России. В связи с этим актуальной становится история организации исследований в арктических регионах, в частности вклада АН СССР в эти исследования. Архив РАН располагает богатейшим комплексом документов по истории освоения и изучения арктических регионов, в том числе, в личных фондах таких ученых – исследователей Арктики, как О.Ю. Шмидт, П.П. Ширшов, В.С. Буткевич, А.П. Карпинский, В.А. Обручев, И.К. Шишкин, А.Е. Ферсман, А.П. Ганский и др., а также в хроникальном историческом и современном видеоматериале по освоению северных широт. Тема освоения Русской Арктики должна быть продолжена в экспозиционной и выставочной деятельности Архива РАН.

Примечания

[1] И днем, и ночью кот ученый... Письмо руководителей академических институтов об основах культурной политики в России [Электронный ресурс] // Российская газета. Федеральный выпуск № 6367 (95). 25.04.2014. URL: https://rg.ru/2014/04/25/kultpolitika.html (дата обращения: 15.11.2018).

[2] *Урмина И.А.* Механизмы наследования культуры организации как социальной единицы. // Наследие и современность. Вып. № 21. М., 2014. С. 72–87.

[3] *Фуко М.* Археология знания. СПб., 2004.

[4] *Селезнева Е.Н.* Культурное наследие в контексте макроисторической динамики // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. М., 2006. № 5. С. 4–11.

Музейно-выставочная деятельность

Публикации

Н.В. Бойко

Из истории музейного дела в Академии наук СССР. О состоянии Геологического и Палеонтологического музеев после перевода учреждений Академии в Москву

N.V. Boiko

Museum business in the USSR Academy of Sciences. The history situation of Geological and Paleontological museums after the transfer of the Academy institutions to Moscow

Аннотация: в публикации представлены документы о состоянии фондов и музейных помещений естественных музеев – Геологического и Палеонтологического АН СССР после перевода учреждений АН в Москву в 1934 г., об усилиях ученых – А.Д. Архангельского, А.А. Борисяка, И.А. Ефремова, Ю.А. Орлова и других по сохранению экспонатов, использование музейных коллекций в научных и просветительских целях. Документы, выявленные в Архиве РАН, охватывают период 1937–1941 гг. Они позволяют рассказать о позиции Музейной комиссии, президиума АН СССР и решениях СНК СССР.

Ключевые слова: АН СССР, Геологический и Палеонтологический музеи, Музейная комиссия, СНК СССР, А.Д. Архангельский, А.А. Борисяк, И.А. Ефремов, Ю.А. Орлов.

Abstract: the publication presents documents on the state of funds and museum premises of natural museums: the Geological and Paleontology of the Academy of Sciences of the USSR after the transfer of its institutions to Moscow in 1934. Documents represents efforts of scientists A.D. Arkhangelsky, A.A. Borisyak, I.A. Efremov, Yu.A. Orlov and others for the preservation of exhibits, the use of museum collections for scientific and educational purposes. The

documents revealed in the Archive of the RAS cover the period 1937–1941, allow us to talk about the position of the Museum Commission, the Sciences of People's Commissars of the USSR Academy of Science.

Keywords: Academy of Sciences of the USSR, Geological and Paleontology Museums, Museums Commission, SNK of the USSR, A.D. Arkhangelsky, A.A. Borisyak, I.A. Efremov, Yu.A. Orlov.

25 ноября 1933 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение «Отчислить Академию Наук СССР от ЦИК Союза ССР и подчинить ее во всех отношениях Совнаркому СССР»[1]. 14 декабря 1933 г. ЦИК СССР в срочном порядке исполнил предписание Политбюро, и принял постановление о передаче Академии наук в ведение СНК СССР[2]. Это решение назревало давно. Общее направление в деятельности советского государства на централизацию аппарата, включению в его орбиту ранее самоуправляемых организаций, таких как Академия наук, не остановилось только на административном руководстве наукой, выражавшегося в закреплении государственной системы планирования и внедрения научно-исследовательских работ, регулировании кадровой политики, изменении структуры Академии наук. Вскоре, 28 апреля 1934 г., Совнарком СССР предложил Президиуму АН подготовить календарный план перевода ее учреждений в Москву и план нового строительства. Перевод учреждений было предписано завершить к 1 июля 1934 г. В решении Общего собрания АН СССР, проводившего в эти дни, давалась положительная оценка правительственного решения, и говорилось о принятии всех мер «к новой и срочной мобилизации <…> сил в интересах приближения своей научной работы и обслуживанию великих задач социалистической стройки»[3]. Политбюро держало вопрос о перемещении академических учреждений под постоянным контролем, решая вопросы размещения на государственном уровне, создав специальную правительственную комиссию, постоянно отчитывавшуюся перед Политбюро[4]. Несмотря на внешнюю

основательность действий правительства, в процессе переезда вскрылись большие недочеты как в определении учреждений, которые должны были переместиться в Москву, так и сложности размещения академических учреждений в столице. В начале августа 1934 г. В.И. Вернадский[5], обладавший редкой дальновидностью, и, главное, не боявшийся высказывать свое мнение направил и.о. непременного секретаря АН А.А. Борисяку[6] записку «О переходе Всесоюзной академии наук из Ленинграда в Москву»[7]. Отмечая важность и необходимость переезда для создания условий прорыва в развитии основных направлений науки в стране, Вернадский отмечал, что нужно определиться с теми учреждениями, которые «без неизбежной и неоправданной ничем» потери «не могут быть переведены из Ленинграда в Москву. <…> В музеях неизбежная гибель части объектов научного исследования при переезде. <…> Эти музеи нельзя переносить. Таковы Зоологический музей, Ботанический гербарий, может быть, Почвенный музей Докучаева[8] <…> Также не могут без потерь – ненужных и невосполнимых – быть перенесены в Москву палеонтологические собрания в значительной части (позвоночные – многие рассыпятся) <…>»[9]. Главным Вернадский считал, что «перенос Академии в Москву, <...> может быть произведен только тогда, когда будут для нее готовы в Москве специальные здания»[10]. Это касалось и музеев, оборудование которых должно отвечать современным научным требованиям[11]. Предложения В.И. Вернадского в отношении академических музеев не было услышано, что повлекло впоследствии многочисленные проблемы.

В сентябре 1937 г. директор Геологического института АН СССР А.Д. Архангельский[12] информировал Президиум Академии о том, что коллекции и мебель Геологического музея, хранящиеся в Ленинграде в переуплотненном состоянии, до сих пор не перевезены в Москву. Они хранятся на площади не позволяющей использовать музейные материалы для работы, и просил решить

вопрос о перевозке музейного материала в Москву и размещению его в соответствующих музейных помещениях (№ 1). На заседании Президиума Академии 5 сентября 1937 г. было принято решение заслушать доклад управляющего делами АН СССР Б.А. Шахновского[13] о получении Академией дополнительных площадей для размещения коллекций ГИН[14]. Экспонаты Геологического музея и его оборудование были перевезены в Москву, но вместо музейного помещения складированы в холодных подвалах в Москве и здании дома отдыха «Узкое». Плачевное состояние коллекций ГИН, а также Палеонтологического музея стали основанием для обращения сотрудников Палеонтологического института И.А. Ефремова и Ю.А. Орлова[15] в декабре 1939 г. с письмом к И.В. Сталину[16] с просьбой помочь сохранить уникальные музейные ценности (№ 2).

Посланное письмо было передано для рассмотрения в Совнарком СССР, который просил президента АН СССР В.Л. Комарова[17] дать заключение по существу поставленных вопросов (№ 3). Для исполнения вопрос был передан в Музейную комиссию АН СССР[18], которая подтвердила правоту данных, содержавшихся в письме к Сталину, и отметила, что Президиум неоднократно информировался по этому поводу. Единственным решением создавшегося положения являлось, по мнению Комиссии, «скоростное строительство музейного здания Академии наук, о чем неоднократно возбуждалось ходатайство», и она же предлагала временные решения создавшегося положения (№ 4). Опираясь на выводы Музейной комиссии, вице-президент АН СССР О.Ю. Шмидт[19] в феврале 1940 г. сообщил в Управление делами СНК СССР в точности информации о положении музеев и подчеркнул, что «единственным выходом из создавшегося положения может явиться лишь предоставление музеям специального здания или соответствующего помещения», что невозможно без непосредственного вмешательства Совнаркома (№ 5).

Несмотря на многочисленные обращения во всевозможные инстанции, положение музеев так и не изменилось. Об этом сви-

детельствует письмо директора Палеонтологического института А.А. Борисяка председателю Музейной комиссии АН СССР П.И. Степанову[20], направленное в январе 1941 г., которое повторяло все ранее сказанное о положении музея. «Никакие разговоры и пожелания здесь не помогут, нужны совершенно реальные мероприятия», – писал он в заключении письма и приложил сравнительные цифры площадей, которыми обладал Палеонтологический музей в Ленинграде и Москве, а также расчеты необходимых площадей музея, исходя из современного состава его материалов (№ 6).

До начала Великой Отечественной войны оставалось пять месяцев. Многие музейные фонды академических архивов были эвакуированы за Урал. Проблемы по размещению музеев, хранению их фондов пришлось решать много позднее.

Текст документов воспроизводится с учетом особенностей авторского стиля и соблюдением правил современной орфографии.

№ 1
ПИСЬМО ДИРЕКТОРА ГИН АН СССР А.Д. АРХАНГЕЛЬСКОГО В ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК О ПОЛОЖЕНИИ С ФОНДАМИ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ[21]

Москва 17,
Пыжевский пер. 7 — 2 сентября 1937 г.
№ 104

Геологический Институт АН письмом от 29 / V с. г. на имя б[ывшего] Непременного секретаря акад. Н.П. ГОРБУНОВА[22] ставил Президиум АН в известность о том состоянии, в каком находятся коллекции свернутого Геологического Музея АН в Ленинграде. В настоящее время, согласно решения Совнаркома СССР о предоставлении площади Коммунистическому Педагогическому Институту[23] им. Крупской[24], коллекции и музейная мебель Геологического Музея перемещены (12–18/ VII) из зала общей

площадью в 930 кв. метров в два зала общей полезной площадью 570 кв. м, в том же здании. В связи с уплотнением коллекции Музея сейчас сложены так, что возможность достать тот или другой ящик – исключена, исключена, следовательно, и всякая возможность пользования этими коллекциями. Часть музейной мебели не поместилась в отведенные два зала и сложена вместе с экспонатами Почвенного Музея[25] в комнате, которая раньше была занята Институтом им. Крупской под Красный уголок.

Таким образом, коллекции и мебель Геологического Музея размещены сейчас в 4-х помещениях: один зал совместно со СТАЛЬМОСТОМ, один зал совместно с Музеем Истории Науки и Техники[26], одна комната совместно с Почвенным Музеем и один зал занятый исключительно коллекциями и мебелью Геологического Музея. Все названные помещения могут рассматриваться лишь как временные помещения для склада, совершенно исключающие возможность пользования коллекциями и настолько переуплотнены, что противопожарные меры не могут быть обеспечены так, как это требуется (недостаточны или совсем отсутствуют проходы между штабелями ящиков). Нельзя допустить такое положение, чтобы коллекции и мебель еще раз пришлось перемещать из одного зала в другой, т.к. это, безусловно, угрожает сохранности ценнейших сборов.

Не будучи в состоянии как-либо изменить создавшееся положение с задержкой упакованного музейного материала в Ленинграде, Дирекция ГИН еще раз просит Президиум АН о принятии самых решительных мер к обеспечению в возможно краткий срок перевоза всего музейного материала в Москву и размещению его в соответствующих музейных помещениях.

Всего ожидают отправки в Москву около 2,5 тыс. мест, из них 243 места с витринами и пр[очей] музейной обстановкой, 2050 экспонатов в ящиках и 207 экспонатов, ожидающих упаковки. Для перевозки потребуется 20–25 вагонов, при чем череп трогонтерия[27] предстоит перевезти как негабаритный груз.

Доводя об изложенном до сведения Президиума АН, ГИН просит о принятии необходимых мер к возможности обеспечения Геологического Музея помещениями в Москве.

Директор ГИН АН
академик А.Д. Архангельский

На письме помета: Вице-президенту ак. Э.В. Брицке[28]. Прошу поставить письмо ак. Архангельского на обсужд[ение] Президиума. Помещение сейчас предоставить не можем. Б. Шахновский. 3/ IX.

АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1937). Д. 422. Л. 3–3 об.
Авторизованная машинопись.

№ 2
Письмо И.В. Сталину[29] заведующих отделами
Палеонтологического института АН СССР
Ю.А. Орлова и И.А. Ефремова[30]
о судьбе Геологического
и Палеонтологического институтов АН СССР

Москва
Б. Калужская, 75 *11 декабря 1939 г.*

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович,

Не сочтите нелепостью или дерзостью наше обращение к Вам. Ваше время драгоценно для всей страны, и, безусловно, занято гораздо более важными вещами. Однако, глубокая уверенность в том, что только Вы можете помочь, и в том, что наука есть немаловажная вещь, заставляет нас обратиться к Вам.

Дело, в котором мы просим Вашей помощи, – это вопрос о двух музеях Академии Наук СССР – Геологическом и Палеонто-

логическом, погубленных при переезде Академии из Ленинграда в Москву, – первый нацело, второй частью.

Геологический Музей с огромными коллекциями и превосходными витринами (изготовить которые снова очень трудно) был упакован в Ленинграде в 1935–1936 гг., два года лежал в ящиках в своем старом помещении в Ленинграде, затем перевезен в Москву. Здесь в Москве никакого помещения для Геологического музея нет, коллекции его истлевают и разрушаются в сыром, не отапливаемом подвале академического дома по ул. Чкалова, 21/23, витрины частично разбазарены, частью гниют в сарае за городом в академическом здании дома отдыха «Узкое».

Тот музей Академии, который сейчас называется Геологическим Музеем им. Карпинского[31], представляет собой бывший Минералогический Музей[32] и никакой собственно геологической части в нем нет, и, за малостью помещения, и не будет.

Палеонтологический Музей – один из крупнейших в мире (заключающий одни из наиболее драгоценных научных коллекций Академии Наук) был перевезен из Ленинграда в 1935 г., два года лежал в сарае и подвале, пока, наконец, (с Вашей помощью[33] глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!) не был размещен во временном здании из капитально отремонтированной бывшей конюшни Нескучного дворца (Б. Калужская, 26). Это здание обеспечивало развертывание не более половины имевшейся в Ленинграде экспозиции. К Международному Геол[огическому] Конгрессу 1937 г. была спешно реконструирована часть музея – зал древнейших ископаемых позвоночных. Другая часть здания еще ремонтировалась и была закончена ремонтом в мае этого года, одновременно с распоряжением сломать ранее отремонтированную половину здания для освобождения площадки скоростного строительства жилых домов по Б. Калужской улице.

Результат – Палеонтологический Музей остался на неопределенное время на ¼ части своей ленинградской площади в неблагоустроенном здании. Большая часть коллекций и витрин Музея

сложена в сарае и подвалах Института, часть витрин и каркасов скелетов ископаемых животных сгнила, перержавела и разрушилась. В Ленинграде лежит около 80 тонн, не препарированных коллекций, под угрозой выброса на улицу и перевоз их в Москву за отсутствием помещения невозможен.

Перспектив на получение помещения нет, и не будет. Даже если Палеонтологический Музей, вопреки существующим намерениям руководства АН, будет намечен к размещению в здании будущего Президиума АН, то (темпы академического строительства Вам известны) это будет реально не ранее чем через 5 лет, а при известных затруднениях во внешней обстановке и все 10.

Таким образом, в течение 10–15 лет перевезенные из Ленинграда крупнейшие музеи будут – один существовать полностью в ящиках и разрушаться, а другой частью в ящиках и частью разрушаться.

Если Вам, в ответ на Ваш запрос в Академию, скажут – создана комиссия, вопрос с музеями разрешается, то это будет неверно, ибо этот вопрос можно разрешить только одним реальным путем – путем постройки здания. Для этого в Академии нет ни кредитов, ни титулов, ни возможностей, хотя на представительство затрачиваются суммы, более крупные.

Нормально ли то, что в результате грубейшего организационного ляпсуса (зачем было перевозить на пустое место?) в Советской стране, где Партия, Правительство и лично Вы, Иосиф Виссарионович, делаете так много для развития науки, происходит настоящее варварство, и варварство это происходит в крупнейшем научном центре – Академии Наук СССР?

Опасность еще в том, что если уйдут из состава Академии те весьма немногочисленные лица, которые знают эти коллекции, – значительная часть коллекций попросту погибнет за невозможностью разобрать их и за невозможностью восстановить разрушенное при хранении в негодных условиях.

Вывод – положение с указанными Музеями должно быть исправлено и исправлено немедленно. Всяческие отлагательства

в этом вопросе снова ведут к 10-летнему сроку, а это не решение. Мы не можем поверить, чтобы в нашей стране не было никакой возможности скорого разрешения этого позорного для Академии случая. Если постройка (немедленная) специального здания в настоящее время нереальна, нужно передать эти музеи незамедлительно обратно в Ленинград, в Киев, в Тбилиси, в Алма-Ата, в какой-либо крупный центр, где здание для таких музеев найдется, если столица СССР в силу неумелости руководства Академии не может обеспечить переведенные в нее музеи помещением.

Поэтому, пробившись с самого момента переезда в Москву, вместе с другими товарищами, пять лет над восстановлением Палеонтологического Музея и видя полную бесплодность всех попыток (более того, положение Музея не улучшилось, а ухудшилось), мы обращаемся к Вам, глубокоуважаемый и дорогой Иосиф Виссарионович, с великой просьбой разрубить наконец узел бюрократических записок, отписок, комиссий, прекратить исключительное безобразие, проделываемое с указанными музеями Ак[адемии] Наук.

Зав. Отд. высших позвоночных
Палеонтологического Института
Академии Наук СССР
профессор (Ю.А. Орлов)

Зав. Отд. низших позвоночных
Палеонтологического Института (И.А. Ефремов)

11 декабря 1939 г.

Москва, 71, Б. Калужская, 75, Палеонтологический Институт Академии Наук СССР.
АРАН. Ф. 2250.
Машинописная копия.

№ 3

Обращение управляющего делами СНК СССР М.Д. Хломова[34] президенту АН СССР В.Л. Комарову о подготовке заключения на письмо Ю.А. Орлова о состоянии Геологического и Палеонтологического музеев АН СССР Академия Наук[35]

Тов. Комарову В.Л.

Москва, Кремль *21 декабря 1939 г.*

№ 4Д-215-3

По поручению Совнаркома Союза ССР прошу срочно дать Ваше заключение по письму т. Орлова о состоянии Геологического и Палеонтологического музея Академии Наук СССР[36].

Приложение: упомянутое.

Управляющий Делами СНК Союза ССР М. Хломов

АРАН. Ф. 2. Оп. 1а (1939). Д. 237. Л. 1.

Авторизованная машинопись.

№ 4

Информация Музейной комиссии АН СССР президиуму АН СССР о состоянии фондов Геологического и Палеонтологического музеев и обеспеченности их выставочными площадями

В ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва *26 декабря 1939 г.*

№ 3/ муз. *На В / № 62-69 от 23. XII. 39 г.*

По поручению Председателя Музейной Комиссии Президиума АН СССР, академика П.И. Степанова сообщаю:

1) Изложение фактического положения с Палеонтологическим и Геологическим музеями Академии Наук в полной мере отвечает действительности. Громадные научной ценности мате-

риалы, накопленные десятилетиями, не только не экспонируются, но и сама их сохранность стоит под явной угрозой[37].

О подобном положении с музеями Президиум АН СССР был неоднократно и в полной мере информирован.

2) Рациональным и единственно правильным выходом из положения является скоростное строительство музейного здания Академии Наук, о чем неоднократно возбуждалось ходатайство и что, однако, не приводило к положительному результату. Очевидно, следует еще раз возбудить ходатайство перед директивными органами о разрешении скоростного строительства академического музейного здания, что в полной мере должно отвечать и практической и политической сущности вопроса.

3) Предложение авторов письма проф. Ю.А. Орлова и И.Е. Ефремова о передаче музейных фондов по разным городам и разным музеям нецелесообразно[38]. Это приведет к разрушению единства коллекций и тем самым снизит их научную ценность. Кроме того, сомнительно, чтобы в этих местах оказались свободные и необходимые по размерам помещения. Наконец нужно иметь ввиду и то обстоятельство, что всякая перевозка коллекционных фондов всегда сопряжена с их неизбежным разрушением.

Гораздо целесообразнее поставить вопрос о подыскании соответствующего помещения для хранения и для спорадических демонстраций коллекций в Москве. В качестве одного из вариантов можно было бы рекомендовать передачу в ведение Академии Наук Музея народов СССР[39], на базе которого для первого случая можно было бы добиться и нормального хранения и экспонирования материалов.

В заключение необходимо еще раз со всей категоричностью подчеркнуть, что фактическое положение с музеями требует безотлагательного разрешения.

Ученый секретарь Музейной Комиссии
В. Н. Васильев[40]

АРАН. Ф. 2. Оп. 1а (1939). Д. 237. Л. 5.
Авторизованная машинопись.

№ 5

Письмо вице-президента АН СССР Шмидта О.Ю.
управляющему делами СНК СССР Хломову М.Д.
о невозможности улучшить положение академических музеев
без помощи правительства СССР

УПРАВЛЯЮЩЕМУ ДЕЛАМИ СНК СССР
Тов. ХЛОМОВУ

7 февраля 1940 г.
на № УД-215-3 от 21/ XII/ 39 г.

Изложение в письме т. Орлова Ю.А.[41] фактического положения в Палеонтологическом и Геологическом музеях Академии Наук СССР отвечает действительности.

В проекте нового здания Академии Наук предусмотрены специальные помещения под музеи.

В настоящее время, при наличии исключительно острой нужды в помещениях, Президиум Академии Наук лишен возможности улучшить положение музеев.

Единственным выходом из создавшегося положения может явиться лишь предоставление музеям специального здания или соответствующего помещения, что без непосредственного вмешательства Совета Народных Комиссаров Президиум Академии Наук выполнить не имеет возможности.

Вице-президент
Академии Наук СССР
академик О.Ю. Шмидт

АРАН. Ф. 2. Оп. 1а (1939). Д. 237. Л. 6.
Заверенная копия.

№ 6

Письмо директора ПИН АН СССР академика А.А. Борисяка председателю Музейной комиссии АН СССР академику П.И. Степанову о состоянии Палеонтологического музея

28 января [194]1 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ МУЗЕЙНОЙ КОМИССИИ АК[АДЕМИИ] НАУК СССР
Академику Степанову П.И.

Музей Палеонтологического Института АН СССР (Музей ПИН), до 1935 г. существовавший в Ленинграде и являвшийся одним из крупнейших и лучших в Союзе научных музеев в настоящее время после переезда в Москву и частичного восстановления, представляет собою практически только хранилище частично готовых для показа, ценнейших научно и материально, коллекций вымерших позвоночных.

Отсутствие площади, достаточной даже для восстановления экспонированных еще до переезда в Москву материалов, не позволяет открыть Музей, несмотря на огромное культурно просветительное значение палеонтологии, в частности позвоночных, а вместе с тем не позволяет и популяризировать работу ПИН в области изучения органической жизни прошлого.

Для Союза ССР с его громадным размахом геологических работ, богатейшими местонахождениями ископаемых вымерших фаун и большой жаждой научных знаний у широких масс трудящихся – Палеонтологический музей должен мыслиться как огромный музей, имеющий себе, во всяком случае, мало подобных во всем мире.

Необходимо подчеркнуть, что Музей ПИН по своим материалам в значительной степени единственный в мировом масштабе, т.к. является обладателем целой серии уникальных и широко известных в мировой науке материалов.

Свернутое, без перспектив развития состояние музея недопустимо и роняет престиж советской науки.

Невнимательному отношению Академии Наук к своим музеям, представляющим подлинный золотой фонд науки в нашей стране, должен быть положен конец.

Выход из положения возможен только при условии предоставления в ближайшие годы площади, минимально достаточной для показа экспонатов и для подсобных помещений.

При неизбежном росте материалов Музея, поступающих в него не только из сборов ПИН, но и извне – Музей уже не может обеспечить даже хранение материалов. Между тем за последние годы ПИН и его Музей стали широко известным научным и организационным центром в области палеонтологии позвоночных, в который направляются и новые материалы и предложения об их передаче в ПИН, идущие не только с огромной территории Союза, но и из сопредельных стран (МНР и др.)

Сказанное достаточно ясно обрисовывает положение Палеонтологического Музея. Из этого положения имеется один выход – срочное предоставление Музею соответствующего его научному значению и ценности хранящихся в нем научных коллекций, помещения. Никакие разговоры и пожелания здесь не помогут – нужны совершенно реальные мероприятия.

Площадь Музея:

1) В Ленинграде: около 1400 м + обширные подсобные помещения (подвалы около 800 м и др.).

2) В Москве около 500 м.

3) Необходимая по современному составу материалов.

а) экспозицион[ный] минимум – 2000 м.

б) 800 (с подвалом)[42].

Директор Палеонтологического Ин[ститу]та АН СССР
академик (А.А. Борисяк)

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 13. Л. 6–6 об.
Машинописная копия.

Примечания

[1] Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) – КПСС. 1922–1952. М., 2000. С. 139. Далее: Академия наук в решениях Политбюро.
[2] Там же. С. 141.
[3] *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К.* Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974. С. 311.
[4] Академия наук в решениях Политбюро. С. 143–147, 150, 152–155, 158–159, 164.
[5] Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) – геолог, минералог, геохимик, историк науки, создатель и директор Радиевого института, Биогеохимической лаборатории.
[6] Борисяк Алексей Алексеевич (1872–1944) – геолог, палеонтолог, академик АН СССР (1929), организатор и директор Палеозоологического, позже Палеонтологического института АН СССР.
[7] Записки В.И. Вернадского от 3 августа 1934 г. и 9 января 1935 г. о реорганизации Академии наук. (*Н.В. Бойко*, автор вступ. статьи и комментариев) // Архив истории науки и техники. Вып. 2. М., 1997. С. 245–268. (Далее – Записки В.И. Вернадского).
[8] Докучаев Василий Васильевич (1846–1903) – естествоиспытатель, почвовед, профессор Петербургского университета, основатель кафедры почвоведения (1895).
[9] Записки В.И. Вернадского. С. 255–256.
[10] Там же. С. 257.
[11] Там же. С. 262.
[12] Архангельский Андрей Дмитриевич (1879–1940) – геолог, академик АН СССР (1929), директор Геологического института АН СССР (1934–1939).
[13] Шахновский Б.А. – исполняющий обязанности Управления делами АН СССР.
[14] АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1937). Д. 422. Л. 2.

[15] Ефремов Иван Антонович (1908–1972) – геолог, палеонтолог, известный писатель-фантаст. Орлов Юрий Александрович (1893–1966) – палеонтолог, позднее академик АН СССР (1960), директор ПИН АН СССР (1945–1966).

[16] Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953) – политический и государственный деятель, генеральный секретарь ЦК РКП (б) – ВКП (б) – КПСС (1922–1953).

[17] Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945) – ботаник, академик (1925), президент АН СССР (1936–1945).

[18] Музейная комиссия АН СССР была организована в системе АН СССР в 1939 г. Президиум утвердил состав комиссии, в которую вошли Степанов П.И. (председатель), Ферсман А.Е. (зам председателя), Бардин И.П., Зернов С.А., Комаров В.Л., Орбели И.А. и др.

[19] Шмидт Отто Юльевич (1891–1956) – математик, астроном, географ, исследователь Арктики. Академик (1935), вице-президент АН СССР (1939–1942).

[20] Степанов Павел Иванович (1880–1947) – геолог, академик (1939), академик-секретарь ОГГН АН СССР.

[21] Письмо на бланке: Академия Наук Союза Советских Социалистических Республик ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ.

[22] Горбунов Николай Петрович (1892–1938) – географ, академик АН СССР (1935), непременный секретарь АН СССР (1935–1937). В 1938 г. репрессирован.

[23] Ленинградский коммунистический педагогический институт им. Н.К. Крупской – новое название Академии коммунистического воспитания им. Крупской с июля 1935 г.

[24] Крупская Надежда Константиновна (1869–1939) – политический деятель, жена В.И. Ленина, член ЦК ВКП (б) (с 1927 г.), почетный член АН СССР (1931).

[25] Музей Почвенного института им. В.В. Докучаева (1925–1946) – первое почвенное научное учреждение, созданное в 1904 г., хранит почвы от Арктики до Новой Зеландии. В 1946–1961 гг. – Центральный музей почвоведения им. В.В. Докучаева АН СССР.

[26] Создание Музея истории науки и техники, задуманного еще в период Комиссии по истории знаний, так и не было осуществлено. Собранные

сотрудниками экспонаты для будущего музея в 1939 г. были переданы в Ленинградское отделение Института истории, а затем в Эрмитаж.

[27] Возможно речь шла о черепе трогонтериевого слона или степного мамонта, одного из представителей отряда хоботных, крупном наземном млекопитающем, превосходившем размером поздних мамонтов.

[28] Брицке Эдгард Викторович (1877–1953) – металлург, академик (1932), вице-президент АН СССР (1936–1939).

[29] Сталин (Джугашвилли) Иосиф Виссарионович)

[30] Орлов Юрий Александрович. Ефремов Иван Антонович (1908–1972) – геолог, палеонтолог, известный писатель-фантаст.

[31] Карпинский Александр Петрович (1846–1936) – геолог действительный член Императорской АН, президент Академии наук (1917–1936).

[32] Минералогический музей АН СССР – научное хранилище, содержащее свыше 120 тыс. образцов минералов и драгоценных камней. Ведет начало от Минералогического кабинета Кунсткамеры с 1716 г., позднее являлся подразделением Геологического и минералогического музея им. Петра Великого. В 1934–1935 гг. был переведен в Москву. В 1946 г. музею было присвоено имя А.Е. Ферсмана.

[33] Речь шла о письме И.А. Ефремова к И.В. Сталину весной 1937 г. с просьбой о выделении помещения для экспозиции палеонтологических коллекций на XVII Международном Геологическом конгрессе в Москве (*Чудинов П.К.* Иван Антонович Ефремов. М., 1987. С. 32).

[34] Хломов Михаил Дмитриевич (1905–1945) – управляющий делами СНК СССР (1939–1940), начальник Хозяйственного управления СНК СССР (1940–1944).

[35] Письмо на бланке с гербом СССР и надписью: СССР УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

[36] См. № 2.

[37] См. № 2.

[38] Подчеркнуто при прочтении документа.

[39] Музей народов СССР при ЦИК СССР – название с 1931 г. после реорганизации Центрального музея народоведения, открытого в конце 1923 г. В 1927 г. музей переехал в здание Нескучного дворца.

[40] Васильев Владимир Николаевич (1899–?) – экономист, ученый секретарь СОПС в 30-е гг., ученый секретарь ОГГН с апреля 1938 г.

[41] См. № 2.

[42] Однако президиум АН СССР в феврале 1941 г. принимает решение о сокращении средств, выделенных Палеонтологическому институту для ремонта здания Музея, что еще более ухудшило его положение. А.А. Борисяк назвал такое отношение к ремонту «совершенно нетерпимым» (АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 13. Л. 7 об.).

Реставрация документов

А.А. Галушкин, Н.М. Доведова, Т.С. Ткаченко, Л.М. Швиль

Выбор методики удаления жировых (масляных) пятен с бумаги

A.A. Galushkin, N.M. Dovedova, T.S. Tkachenko, L.M. Shvil

Selection of methods for removing fat (oil) stains from paper

Аннотация: в статье показан результат ослабления масляных пятен с листов книги (тряпичная бумага) первой половины XIX в., проведенного с использованием органических растворителей и мела. Сделан вывод об эффективности использования мела в качестве адсорбента при работе с масляными пятнами в книгах.

Ключевые слова: жиры, масла, бумага, органические растворители, мел, фильтровальная бумага.

Abstract: the article shows the result of the weakening of oil stains from sheets of a book (rag paper) of the first half of the 19th century, carried out with the use of organic solvents and chalk. The conclusion is made about the efficiency of using chalk as an adsorbent when working with oil stains in books.

Keywords: paper restoration, fats, oils, paper, organic solvents, chalk, filter paper.

С загрязнением документов жировыми пятнами реставраторы сталкиваются достаточно часто. На бумаге рукописных и печатных церковных книг нередко присутствуют пятна воска, парафина и следы от них.

Жиры делятся на животные, растительные и минеральные. Масла (жиры растительного происхождения) могут быть высыхающими (льняное, конопляное, ореховое и др.), полувысыхающи-

ми (маковое, подсолнечное, кукурузное и др.) и невысыхающими (оливковое, хлопковое, рапсовое, арахисовое и др.)[1]. Высыхание растительных масел связано с присутствием в их составе линоленовой кислоты. Так, например, касторовое масло, являющееся абсолютно невысыхающим, в своем составе линоленовой кислоты не имеет. К жирам животного происхождения относятся свиной, говяжий, бараний, а также жиры, получаемые из молока – сметана, сливочное масло. Продукты нефтепереработки являются минеральными маслами: машинные смазки и т.п. Природа жиров и механизм их воздействия на бумагу широко исследованы[2].

На реставрацию в Лабораторию консервации и реставрации документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (ЛКРД СПбФ АРАН) из отдела хранения СПбФ АРАН поступила рукописная книга «Словарь церковно-славянского языка» (первой половины XIX в. переплет полукожаный, бумага тряпичная, 550 листов). На 23 листах в правом нижнем углу имелись масляные пятна. На 18 листах площадь масляных пятен достигала 30 % от площади листа. Под воздействием масла бумага приобрела коричневый цвет и стала ломкой. Перед реставраторами ставилась задача ослабления масляных пятен с дальнейшим укреплением (дублирование тонкой реставрационной бумагой) поврежденных маслом зон листа.

Очищение бумаги документов от масляных загрязнений является непростой задачей:

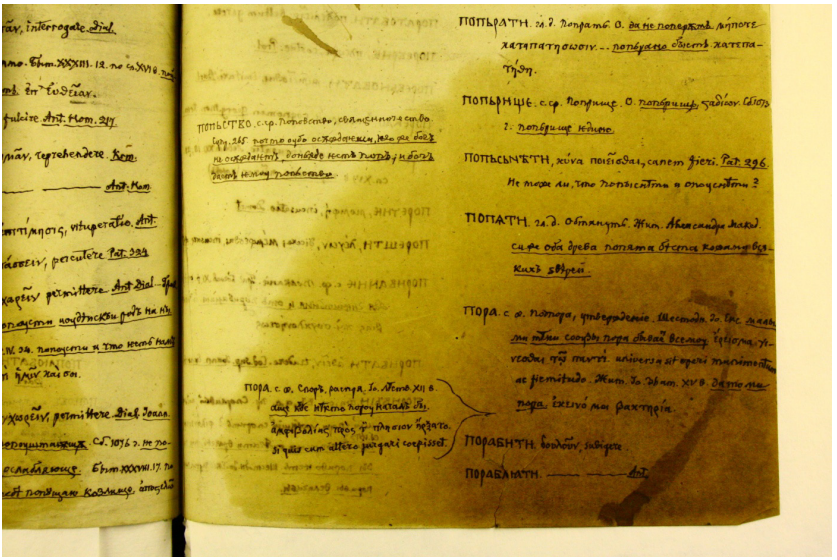
– определить тип масла визуально, без химических исследований, невозможно;

– как правило, бумага под воздействием продуктов разложения масла становится очень хрупкой и при обработке поврежденных маслом участков можно нанести бумаге значительные механические повреждения;

– проведение очищения осложняется, если документы находятся в переплете.

При выборе растворителей мы исходили из литературных источников[3], т.к. тип удаляемого масла определить не удалось. В работе были использованы органические растворители, эффективно действующие на различные типы масел: четыреххлористый углерод, хлороформ, этилацетат.

Поскольку листы с масляными загрязнениями находились в книге, для обработки был применен метод с использованием мела[4]. Под лист с пятном помещали полиэтиленовую пленку, на нее клали фильтровальную бумагу с тонким слоем мелкодисперсного мела (мел соприкасается с пятном), с другой стороны листа на пятно ватным тампоном наносился растворитель и после этого насыпался слой мела. Место обработки закрывалось пленкой и накладывался легкий груз. После истечения времени обработки мел с адсорбированным жиром можно было легко смести с бумаги с обеих сторон.



Ил. 1. Масляные загрязнения на листе документа (до обработки).

Обработка проводилась в три этапа:

– четыреххлористый углерод + хлороформ (1:1) 20–30 мин.;

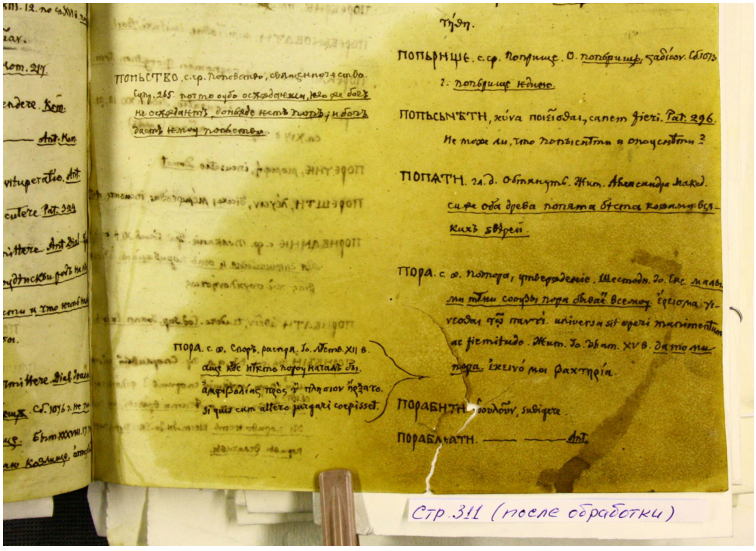
– этилацетат 20–30 мин.

– четыреххлористый углерод + хлороформ (1:1) 10–20 мин.

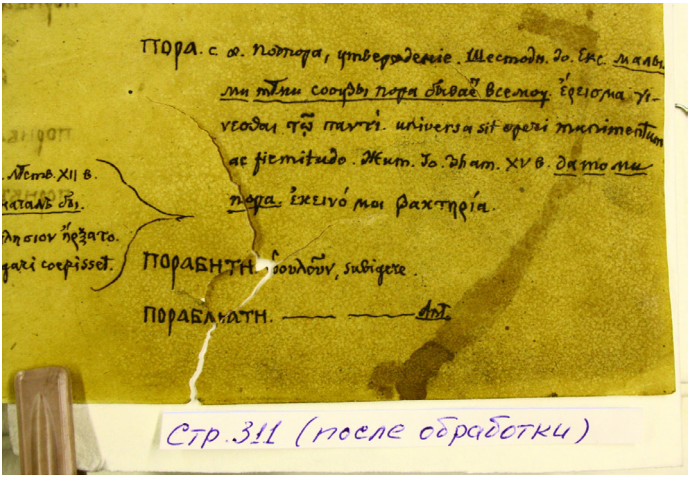
Время обработки было выбрано исходя из визуальной оценки изменения желтизны мела, свидетельствующей об интенсивности процесса адсорбции мелом масла из бумаги.

После химической обработки проводилась промывка водой осветленных пятен методом тампонирования на подложке из фильтровальной бумаги.

После обработки интенсивность цвета масляных пятен на листах документа снизилась, уменьшилась и жесткость бумаги. В процессе дальнейшей реставрации зоны листов с наличием ослабленных масляных пятен были укреплены тонкой реставрационной бумагой (японская шелковка).



Ил. 2. Масляные загрязнения на листе документа (после химической обработки).



Ил. 3. Фрагмент листа документа после химической обработки.

Примечания

[1] *Добрусина С.А., Чернина Е.С.* Консервация документов: Наука и практика. СПб, 2013. С. 79–84.

[2] Реставрация документов на бумажных носителях. Методическое пособие. М., 1989. С. 56–57; *Герасимова Н.Г., Пономарева З.В.* Удаление жировых и масляных пятен с бумаги. М., 1967. С. 105–107.

[3] *Герасимова Н.Г., Пономарева З.В.* Удаление жировых и масляных пятен с бумаги. М., 1967. С. 105–107; Основные технологические процессы реставрации документов. Учебное пособие. СПб, 2002. С. 17–19; *Ефимова Ю.А., Тилева Е.А., Ветрова Л.Л.* Разработка методики удаления жировых пятен с бумаги книг // Труды ЛКРД СПФ АРАН. Вып. 2. СПб., 2011. С. 172–178.

[4] Основные технологические процессы реставрации документов. Учебное пособие. СПб., 2002. С. 17–19.

А.А. Галушкин, С.Л. Гонобоблева, Н.М. Доведова, Т.С. Ткаченко

Современные реагенты систем пожаротушения для архивов, музеев и библиотек

A.A. Galushkin, S.L. Gonobobleva, N.M. Dovedova, T.S. Tkachenko

Modern fire extinguishing systems reagents for archives, museums andlibraries

Аннотация: в статье представлены материалы, опубликованные в открытой печати и Интернете, по вопросу подбора передовых способов защиты от возгорания и современных реагентов автоматизированных систем пожаротушения для архивов, музеев и библиотек, безопасных для фондов и персонала. Указаны причины, по которым автоматические системы пожаротушения водой и водосодержащими реагентами не могут быть применены в данных учреждениях. Даны сравнительные характеристики основных свойств современных водонесодержащих реагентов, приведены примеры их применения в российских учреждениях и предприятиях.

Ключевые слова: системы пожаротушения, реагент, тушение, архив, музей, библиотека, фонды, инерген, хладон, флуорокетон.

Abstract: the article presents materials published in the open press and the Internet on the selection of advanced methods of fire protection and modern reagents of automated fire extinguishing systems for archives, museums and libraries that are safe for funds and staff. The reasons why automatic fire extinguishing systems with water and water-containing reagents cannot be used in these institutions are mentioned. The comparative characteristics of the main properties of modern water-containing reagents and examples of their application in Russian institutions and enterprises.

Keywords: fire extinguishing system, reagent, fire, archive, museum, library, funds, inergen, freon, fluoroketone.

Сохранение фондов архивов, музеев и библиотек является одним из важнейших видов деятельности этих учреждений. Оно включает в себя целый комплекс мер по защите хранящихся в них материалов от целого ряда факторов, влияющих на старение материальной основы памятника истории и культуры: климатических, биологических, химических, а также по защите от механического и светового воздействия. Существует множество публикаций, посвященных разработкам технологий и методик по уменьшению воздействия вышеуказанных факторов на материалы фондов, замедлению процессов, приводящих к старению и, в конечном итоге, гибели документов и музейных экспонатов.

Однако есть тема, имеющая прямое отношение к работе по сохранности фондов, которой до сих пор, как нам кажется, было уделено недостаточно внимания. Это проектирование и установка систем пожаротушения в учреждениях, которые хранят культурные ценности, причем, реагенты пожаротушения должны быть максимально безопасны для фондов и персонала.

Не секрет, что в крупных мегаполисах ежедневно случается по несколько локальных пожаров, каждую неделю в одном из регионов страны по различным причинам происходят крупные пожары, иногда уносящие человеческие жизни. Не менее раза в год эта беда не обходит учреждения культуры различного уровня и, как правило, пожар приносит значительный урон фондам и коллекциям, даже в том случае, если он носил локальный характер, т.е. огонь был в одном или нескольких смежных помещениях, которые даже не являются фондохранилищами. Виной всему является или отсутствие системы пожаротушения, или, как чаще бывает, срабатывание дешевой системы, основанной на выбросе воды на очаг возгорания, что приводит в негодность фонды не только из того помещения, где произошло срабатывание, но и

из смежных помещений, расположенных ниже этажом[1]. К тому же, работа пожарного расчета, производящая тушение пожара и «проливку» здания, дополнительно, и даже в гораздо большей степени, чем система пожаротушения, ведет к значительным повреждениям и потере многочисленных ценных материалов и коллекций из собраний пострадавших учреждений. По статистике, при локальном пожаре лишь 3–10% пострадавших от пожара фондов получают деструктивные повреждения основы хранящихся материалов непосредственно от воздействия повышенной температуры и прямого огня, при этом остальные более чем 90 % пострадавших собраний приходят в частичную негодность или полностью утрачиваются как объект культурного наследия в результате воздействия воды и водных реагентов при пожаротушении объекта.

Руководители учреждений культуры и науки, имеющие на хранении исторические и культурные ценности, прекрасно понимают необходимость поиска и установки реагентов и систем альтернативных водным системам. Понимают это и вышестоящие руководители, в чьем ведении находятся данные организации, однако все упирается в недофинансирование или, скорее, в полное отсутствие финансирования работ по модернизации существующих или установке новых эффективных систем, использующих безопасные для хранящихся фондов, а также для человека и окружающей среды реагентов[2]. Выбор системы пожаротушения в государственных учреждениях часто происходит не по причинам качества и эффективности, но из-за цены, точнее, из-за дешевизны.

На сегодняшний день имеется большое количество публикаций, посвященных современным автоматизированным системам пожаротушения, использующим различные газообразные и жидкие вещества для ликвидации возгораний. Целью данной статьи является не столько подробный обзор новинок и достижений в данной области, представленных в отечественной и миро-

вой периодике, а, скорее, напоминание музейному, архивному и библиотечному сообществу о необходимости решать проблему обеспечения объектов культурного наследия безопасными и эффективными средствами автоматизированного тушения пожара. Кроме того, она позволяет дать информацию, которая поможет в выборе реагента для автоматической системы пожаротушения.

Хотелось бы, чтобы ответственные за выделение средств на системы пожаротушения в государственных архивах чиновники, находящиеся на государственной службе, также нас услышали. Потому что в архивах и библиотеках хранится то, что не имеет цены, она слишком высока.

1. Тушение водой и водосодержащими реагентами.

Вода является наиболее широко применяемым средством тушения. Она обладает значительной теплоемкостью и весьма высокой теплотой испарения, благодаря чему оказывает сильное охлаждающее действие на очаг пожара[3].

Пена – смесь газа с жидкостью, полученная с помощью различных пенообразователей. Пена представляет собой субстанцию, в которой дисперсной фазой всегда является газ; пузырьки газа заключены в тонкие оболочки – пленки из жидкости. Важной характеристикой пены является кратность, определяемая отношением объема пены к объему ее жидкой фазы.

В автоматизированных системах выброс воды через форсунки осуществляется с помощью газа-вытеснителя – углекислого газа, реже азота[4].

Система пожаротушения, основанная на получении мелкодисперсных капель водяного тумана. Изобретена в Финляндии (правда, завод этот уже куплен США). Это современная система пожаротушения, которая использует тонкораспыленную воду. Данная система позволяет за счет конструкции оросителей и

высокого давления значительно уменьшить размер капель и увеличить плотность их в объеме помещения. Мировыми лидерами в производстве «водяного тумана» считаются немцы, испанцы и американцы, выкупившие финскую корпорацию Marioff. При помощи очень малого количества воды система подавляет огонь до начала его распространения. HI-FOG ® использует воду эффективным образом – на 90% меньше, чем традиционная система для той же области применения, демонстрируя более высокую эффективность тушения, а также снижает риск причинения ущерба инфраструктуре до минимума и сохраняет в безопасности людей и имущество и может быть применена для тушения электроустановок под напряжением. Противопожарная система запускается только в помещениях, где произошло возгорание и только после срабатывания дымовой пожарной сигнализации, клапан выпускает воду в трубопровод, а водяной туман в помещение. Жар открывает форсунки, и они выпускают водяной туман в место возгорания[5].

Применение воды в любом виде при тушении объектов культурного наследия неприемлемо. И тем не менее большинство фондохранилищ средних и небольших музеев, архивов и библиотек снабжены именно такими системами, которые к тому же довольно часто срабатывают нештатно, без возгорания, заливая «ржавой» водой помещения фондов и хранящиеся в них материалы, большинство из которых приходят в негодность, требуют экстренной просушки и последующей длительной и дорогостоящей реставрации. При этом часть фондообразующих материалов погибает безвозвратно. Система, разработанная компанией Marioff, имеет в меньшей степени отрицательное воздействие по сравнению с другими способами водного пожаротушения на хранящиеся фонды, но все же оно имеется. Особенно в случае хранения документальных и книжных фондов, а также фото и изоматериалов на бумаге.

Авторы данной статьи не раз принимали участие в ликвидации последствий как пожаротушения с применением воды, так

и таких срабатываний автоматизированных воднодисперстных систем и однозначно против их применения и даже перезаправки, а настоятельно рекомендуют скорейшим образом добиваться замены таких систем на современные, использующие, как уже было отмечено, безопасные и эффективные реагенты. Обзор их основных свойств приведен ниже.

2. Тушение инертными разбавителями.

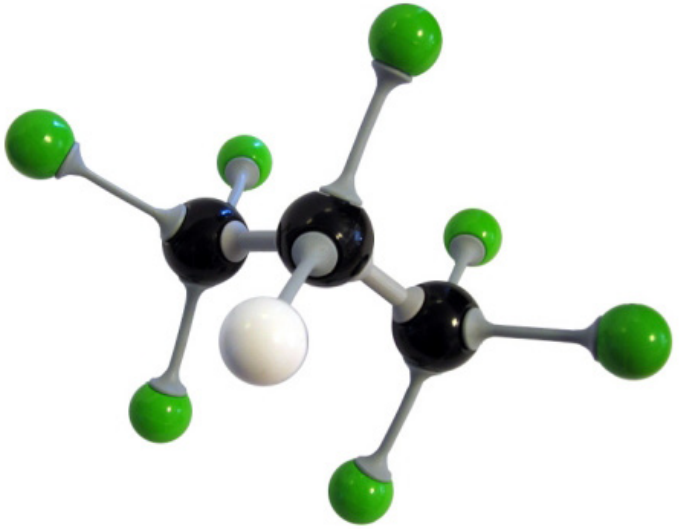
В качестве огнетушащих составов используются инертные разбавители: углекислый газ, азот, аргон, водяной пар, дымовые газы и летучие ингибиторы – некоторые галоидосодержащие вещества. Тушение пожара в этом случае связано с потерями тепла на нагревание этих разбавителей и снижением скорости процесса горения за счет уменьшения концентрации горючих паров и газов и кислорода в зоне горения.

Инерген представляет собой смесь газов – азот, аргон, углекислота (52% / 40% / 8%). Инерген – прозрачный газ без цвета и запаха, не затрудняет эвакуацию людей из зоны пожара, экологически чист, после срабатывания установки удаляется путем обычного проветривания. Инерген тушит огонь путем снижения концентрации кислорода в защищаемом помещении. Инерген является экологически чистым газом, однако высокое давление в системе (300 атм.) накладывает некоторые ограничения к транспортировке, монтажу и эксплуатации установки газового пожаротушения. Инерген имеет очень высокую огнетушащую концентрацию – 34,2%, что влечет за собой большое количество модулей Газового пожаротушения (ГПТ), используемых для защиты помещений[6].

Хладоны – наиболее эффективные огнетушащие средства, которые значительно тормозят химические реакции в пламени, т.е. оказывают на него ингибирующее воздействие. К таким средствам относятся составы на основе галоидопроизводных

предельных углеводородов, в которых атомы водорода замещены полностью или частично атомами галоидов. Установлено, что наиболее эффективными и удобными являются бром- и фторпроизводные метана и этана (хладоны). Хладоны – предельные галогенуглеводороды. Галоидоуглеводороды являются летучими соединениями. Они плохо растворяются в воде, но хорошо смешиваются со многими органическими веществами. Хладоны имеют высокую плотность, что обеспечивает возможность создания струи и проникновения капель в пламя, а также удержания паров около очага горения. Хладоны являются ингибиторами горения и активно тормозят химические процессы во время пожара (ингибитор – вещество, которое замедляет химическую реакцию, в отличие от более известного катализатора, который ее ускоряет). Хладоны тушат пожар за счет химической реакции ингибирования. Низкие температуры замерзания позволяют применять их и при минусовых температурах. Они обладают хорошими диэлектрическими свойствами, поэтому их можно применять для тушения пожаров электрооборудования, находящегося под напряжением. Хладоны использовались для тушения военной техники еще во время Второй мировой войны. В течение многих лет хладон являлся огнегасящим реагентом для широкого ряда областей применения, особенно тех, где важно свести к минимуму повреждения ценного имущества (электронного и компьютерного оборудования, музейных экспонатов, корабельных двигателей и т. п.). Однако в 1980-х гг. стало очевидно, что хладон имеет крайне высокий потенциал истощения озонового слоя Земли. Фактически, он не только имеет один из самых высоких потенциалов истощения озонового слоя, но и высокий потенциал глобального потепления. Недостатком хладонов, как правило, является то, что они могут оказывать токсическое воздействие на человека. Кроме того, образующиеся при пожаротушении продукты характеризуются высокой коррозионной активностью[7].

Примером ингибитора нового поколения можно привести Хладон 227ea (HFC-227ea, FM-200, гептафторпропан) – газ без цвета, вкуса и запаха. Он практически лишен вышеуказанных недостатков, и в настоящее время ряд систем автоматизированного пожаротушения применяют именно этот продукт.



Ил. 1. Хладон 227ea (HFC-227ea, FM-200) C3F7H.

В NFPA 2001 и ISO 14520 зарегистрирован как HFC-227ea, выпускается под торговой маркой FM 200 группой компаний DuPont. Огнетушащее вещество ГОТВ Хладон 227ea (HFC-227ea, FM-200):

– применяется для защиты помещений с постоянным пребыванием людей;

– озонобезопасен, не разрушает озоновый слой, озоноразрушающий потенциал (ODP) равен 0;

– остаточная концентрация кислорода после выпуска ГОТВ составляет 18–19%, что обеспечивает свободное дыхание человека;

– эффективно обеспечивает объемное пожаротушение;

– не проводит электричество;

– не вызывает коррозии металлов и деструкции органических соединений, что позволяет отнести его к группе так называемых «чистых газов»;

– химически инертен;

– время выпуска 10 секунд;

– для обеспечения транспортировки по трубам требуется газ-вытеснитель;

– контроль давления в модуле осуществляется по манометру;

– высокий показатель отношения качество/цена;

– входит в перечень газов, рекомендованных к применению на территории РФ – по Своду правил СП 5.13130.2009 и НПБ 88-2001.

Хладон 227ea – негорючий, невзрывоопасный и малотоксичный газ, при нормальных условиях является стабильным веществом. Хладон 227ea хранится в модулях высокого давления в сжиженном состоянии. Хладон 227ea (HFC-227ea, FM-200) – физико-химические свойства. Наименование. Характеристика. Химическое наименование. Гептафторпропан. Химическая формула C3F7H. Название по ISO 14520, UNE 23570 и FPA2001 HFC-227ea. Молекулярный вес 170.0. Точка кипения при давлении 1,013 бар −16,4 °C. Плотность жидкости при 20ºC 1407 кг/м^3. Критическая температура 101,7ºC. Критическое давление 29,12 бар. Давление пара при 20°C 3.91 бар. Расчетная концентрация для гептана 7,2%. Уровень, не вызывающий вредного воздействия (NOAEL) – 9%. Наименьший наблюдаемый уровень неблагоприятного воздействия (LOAEL) – 10,5%. Озоноразрушающий потенциал (ODP) 0, одобрено и признано EPA, NFPA[8].

Однако, необходимо отметить, что Хладоны 114B2 и 1301 были запрещены Монреальским протоколом (1993 г.). Применение Хладона 125 и 227ea ограничено Киотским протоколом (1997 г.), поэтому авторы статьи не могут в полной мере рекомен-

довать данные продукты к использованию в качестве реагентов автоматизированных систем пожаротушения.

3. Гидрофторуглеродные реагенты (ГФУ).

В природоохранном плане ГФУ стали шагом вперед. Их потенциал истощения озонового слоя равен нулю, но, к сожалению, истощение озонового слоя – не единственная проблема охраны окружающей среды. Не менее важной проблемой является глобальное потепление. Потенциал глобального потепления хладона Halon 1301 поразителен – он в 7140 раз превышает потенциал $C0_2$, самого распространенного парникового газа, а для ГФУ, наиболее широко применяемого в системах пожаротушения реагента, это значение составляет 3220 (анализ соединения ГФУ-227еа методом IPCC 2007 года). Более того, время жизни Halon 1301 в атмосфере – 65 лет, тогда как для ГФУ, применяемых в системах пожаротушения, этот срок составляет 30 лет. Таким образом, профиль влияния ГФУ на окружающую среду остается весьма существенным. Фактически, высокий потенциал глобального потепления и большое время жизни в атмосфере таких соединений, как ГФУ, вызывает вопросы относительно того, будет ли их использование разрешено в будущем. Весьма возможно, что ГФУ могут последовать за хладонами, и попасть под ограничения или даже запреты в не очень отдаленной перспективе. Эти вопросы создают две большие проблемы для тех, кто сегодня подбирает или приобретает установки для пожаротушения.

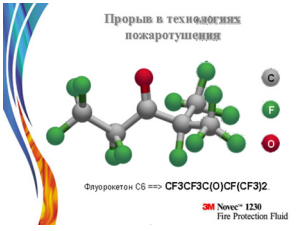
Первая проблема состоит в том, что наиболее принципиальные организации имеют строгую природоохранную политику, и вряд ли выберут огнегасящие реагенты, имеющие плохие параметры влияния на окружающую среду. Действительно, в странах, где нормативные требования в настоящий момент менее строгие, такая политика, скорее всего, будет самым сильным фактором, подталкивающим к использованию надежных, с природоохран-

ной точки зрения, систем пожаротушения. Вторая проблема, или риск, состоит в том, что будущие запреты или ограничения могут привести к тому, что установленную сегодня систему на основе ГФУ потребуется заменить задолго до того, как закончится ее нормальный срок службы. Стоимость такой замены может быть весьма существенной. Поэтому применение Гидрофторуглеродов в качестве реагентов автоматизированных систем пожаротушения видится нам не перспективным[9].

4. 3M™Novec™1230 (хладон ФК-5-1-12).

Недостатки ГФУ заставили компанию 3М искать огнегасящий реагент с лучшими параметрами влияния на окружающую среду, чем у предшествующих реагентов. Результатом стало появление огнегасящей ГОТВ 3М™ Novec™1230, которая разрабатывалась с четкой целью – предложить технологию, являющуюся жизнеспособным и долговременным решением для противопожарной защиты зон особой опасности.

Запатентован корпорацией 3М в качестве хладагента в ходе изысканий по замене хладона 114 (1,1,2,2-тетрафтордихлорэтана), применение которого наряду с другими хлорсодержащими фреонами было ограничено Монреальским протоколом 1993 г. Впервые представлена в 2004 г. 3M™Novec™1230 – фторсодержащий кетон, Флуорокетон С6 (перфтор(этил-изопропилкетон) химическая формула $CF_3CF_3C(O)CF(CF_3)_2$.



Ил. 2. 3M™Novec™1230 (хладон ФК-5-1-12).

При обычных условиях Novec™1230 представляет собой бесцветную диэлектрическую жидкость, превращающуюся в газообразное состояние при выпуске. Огнетушащий механизм основан на 100%-ом эффекте охлаждения – абсорбции тепла. Novec™1230 интенсивно поглощает тепло и подавление пожара осуществляется за счет эффекта охлаждения[10]. Как и ГФУ, ГОТВ 3М™ Novec™1230 имеет нулевой потенциал истощения озонового слоя, но ее главным отличительным признаком является потенциал глобального потепления, равный единице – существенное снижение по сравнению с 3220 у наиболее распространенного ГФУ. Кроме того, ГОТВ 3М™ Novec™1230 имеет время жизни в атмосфере всего пять дней (сравните с 30 годами у ГФУ). В случае срабатывания системы пожаротушения и выпуска пожаротушащего агента в атмосферу, Novec™1230 разрушается в верхних слоях атмосферы под воздействием ультрафиолета и удаляется из окружающей среды в течение пяти суток. С такими благоприятными экологическими характеристиками вероятность того, что использование ГОТВ 3М™ Novec™1230 будет ограничено, пренебрежимо мала. Тем не менее для тех, кто желает перестраховаться, компания 3М поддержала свою технологию уникальной гарантией 3М™ Blue SkySM. Согласно условиям этой гарантии, если на использование ГОТВ 3М™ Novec™1230 в системах пожаротушения будет наложен запрет или ограничение из-за ее потенциала истощения озонового слоя или потенциала глобального потепления, компания 3М вернет вам стоимость жидкости. Гарантия действует в течение 20 лет. ГОТВ 3М™ Novec™1230 имеет очень большой запас по безопасности, и поэтому может использоваться в местах пребывания людей. В большинстве ситуаций она, как правило, используется в концентрациях от 4% до 6%, а концентрация, не оказывающая видимого вредного воздействия, составляет 10%. Следовательно, запас по безопасности составляет от 67% до 150% – самый большой запас среди всех жизнеспособных химических заменителей хладона. В отличие от большинства огнегасящих реагентов, ГОТВ 3М™ Novec™1230 хранится не в виде сжа-

того газа, а в виде жидкости, которая моментально превращается в газ при выбросе из спроектированной должным образом системы. Хранение в жидкой форме имеет много преимуществ – ГОТВ 3М™ Novec™1230 можно легко транспортировать большими партиями, даже по воздуху. Кроме того, перезарядка системы после срабатывания гораздо проще, чем при работе со сжатым газом, и гораздо удобнее, чем вывоз баллонов в другое место. Наконец, баллоны с ГОТВ 3М™ Novec™ 1230 занимают гораздо меньше места, чем баллоны с $C0_2$ или системы, использующие инертный газ. Все эти преимущества особенно важны, когда продукт используется в прибрежной зоне[11]. Оказывая меньшее влияние на окружающую среду, являясь удобной в обращении и обладая отличными огнегасящими свойствами, ГОТВ 3М™ Novec™1230 не имеет себе равных. Она может применяться в системах объемного пожаротушения, не вызывает коррозию и не проводит электрический ток, что позволяет использовать ее для защиты чувствительного оборудования, такого как, например, компьютерное и телекоммуникационное[12]. ГОТВ 3М™ Novec™1230 является чистым огнегасящим реагентом. Она моментально испаряется и, в отличие от пен и порошков, не оставляет налета. Это означает, что отпадает необходимость в длительных операциях очистки, и сводится к минимуму время возвращения системы к работе.

Преимущества Novec™1230 очевидны:

Эффективность. Низкая концентрация – 4,2%, расчетное время тушения –10 сек.

Безопасность. Низкая токсичность, безопасен для электроники.

Экологичность. Нулевой озоноразрушающий потенциал, глобальный потенциал потепления – 1.

Возможность использования смонтированных трубопроводов для Хладонов.

Безопасность для музейных, библиотечных, архивных фондов. При участии Министерства Культуры РФ были проведены огневые испытания, а также испытания по влиянию про-

дукта на музейные экспонаты, результаты которых показали, что 3M™Novec™1230 не оказывает отрицательного влияния на материалы музейных, библиотечных, архивных фондов, как после их обработки ГОТВ, так и после искусственного старения, что подтверждается Заключением Центра безопасности культурных ценностей (ЦБКЦ).

Novec™1230 входит в перечень веществ, разрешенных к применению на территории бывшего СНГ под наименованием «Хладон ФК-5-1-12». Первым объектом в России, на котором был применен состав 3M™Novec™1230 является аппаратная крупнейшей нефтеперекачивающей станции «Невская-2». Станция Невская-2 является одним из важнейших узлов нефтепровода «Северный поток», обеспечивающего нефтью большую часть Европы. Системы пожаротушения на основе Novec™1230 установлены в Российской государственной библиотеке по искусству, аппаратных и студиях звукозаписи ГАБТ, Главном медиацентре Олимпийских игр в Сочи, на трассе для проведения шоссейно-кольцевых автомобильных гонок серии «Формула 1» Сочи, в комплексе новых зданий ГМИИ им. А.А.Пушкина на Волхонке в Москве, в аппаратных Мариинского театра в Санкт-Петербурге, в музее генерала Колчинского в Коломне, в Музее музыкальной культуры им. Глинки в Москве, в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, на российских железнодорожных объектах, в центрах обработки данных крупнейших российских телекоммуникационных компаний, в архивах и хранилищах банков, в торговых и бизнес-центрах, в центрах управления полетами аэропортов Внуково, Пулково, Кольцово, Казани и др. При участии Министерства Культуры РФ были проведены огневые испытания, а также испытания по влиянию продукта на музейные экспонаты[13].

Таким образом, изучение нами вопроса передовых способов защиты от возгорания и современных реагентов автоматизированных систем пожаротушения убедило авторов статьи в том,

что наиболее перспективным реагентом систем автоматического пожаротушения, наиболее полно удовлетворяющим требованиям, предъявляемым к веществам, применяемым для тушения возгораний в учреждениях с фондовым хранением исторических и культурных ценностей, по мнению авторов статьи, является Флуорокетон С6 (перфтор(этил-изопропилкетон)) – Novec™1230.

Примечания

[1] Противопожарная защита музеев, архивов и библиотек // Справочник руководителя учреждения культуры. 2008. № 7. [Электронный ресурс]. URL: www.novec1230.ru/index.php/2012-03-07-15-19-24/2012-03-10-14-03-52/35-2012-03-10-17-23-54 (дата обращения: 10.10.2018).

[2] Год 2008 – начало заправки Novec™1230 в РОССИИ! //Журнал «Безопасность. Достоверность. Информация». 2008. № 6. [Электронный ресурс]. URL: http://firepro.ru/doc/spisok-statej/novec%E2%84%A2-1230-publikaczii-v-smi/ (дата обращения: 10.10.2018).

[3] Противопожарная защита музеев, архивов и библиотек // Справочник руководителя учреждения культуры. 2008. № 7. [Электронный ресурс]. URL: www.novec1230.ru/index.php/2012-03-07-15-19-24/2012-03-10-14-03-52/35-2012-03-10-17-23-54 (дата обращения: 10.10.2018).

[4] Firewall ищет Firepro для совместной защиты компьютерного оборудования // Журнал-каталог «Средства спасения. Противопожарная защита 2008». [Электронный ресурс]. URL: http://firepro.ru/doc/spisok-statej/novec%E2%84%A2-1230-publikaczii-v-smi/ (дата обращения: 10.10.2018).

[5] Финский природный центр Халтия // Система пожаротушения © 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.haltia.com/ (дата обращения: 10.10.2018).

[6] Противопожарная защита музеев, архивов и библиотек // Справочник руководителя учреждения культуры. 2008. № 7. [Электронный ресурс]. URL: www.novec1230.ru/index.php/2012-03-07-15-19-24/2012-03-10-14-03-52/35-2012-03-10-17-23-54 (дата обращения: 10.10.2018).

[7] Год 2008 – начало заправки Novec™1230 в РОССИИ! //Журнал «Безопасность. Достоверность. Информация». 2008. № 6. [Электронный ресурс]. URL: http://firepro.ru/doc/spisok-statej/novec%E2%84%A2-1230-publikaczii-v-smi/ (дата обращения: 10.10.2018).

[8] Хладон 227ea (HFC-227ea, FM-200) // HOLDING OSK GROUP. [Электронный ресурс]. URL: http://www.novec-1230.ru/ru/gazovoe-pozharotushenie/hladon-227 (дата обращения: 10.10.2018).

[9] 3M™Novec™1230 (Новек 1230) – огнетушащий газ нового поколения // Материалы конференции DataCenterDynamics, Санкт-Петербург, 9 июня 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tadviser.ru (дата обращения: 10.10.2018).

[10] Хладон 227ea (HFC-227ea, FM-200) // HOLDING OSK GROUP. [Электронный ресурс]. URL: http://www.novec-1230.ru/ru/gazovoe-pozharotushenie/hladon-227 (дата обращения: 10.10.2018).

[11] Novec™1230 – следующий шаг в развитии технологий пожаротушения // Журнал «Системы безопасности». 2008. № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://firepro.ru/doc/spisok-statej/novec%E2%84%A2-1230-publikaczii-v-smi/ (дата обращения: 10.10.2018).

[12] 3M™Novec™1230 (Новек 1230) – огнетушащий газ нового поколения // Материалы конференции DataCenterDynamics, Санкт-Петербург, 9 июня 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tadviser.ru (дата обращения: 10.10.2018).

[13] Противопожарная защита музеев, архивов и библиотек // Справочник руководителя учреждения культуры. 2008. № 7. [Электронный ресурс]. URL: www.novec1230.ru/index.php/2012-03-07-15-19-24/2012-03-10-14-03-52/35-2012-03-10-17-23-54 (дата обращения: 10.10.2018).

А.А. Галушкин, Н.М. Доведова, Т.С. Ткаченко, Л.М. Швиль

Обеспечение сохранности архивных документов, имеющих склейки силикатным клеем

A.A. Galushkin, N.M. Dovedova, T.S. Tkachenko, L.M. Shvil

Preservation of archival documents with silicate glue

Аннотация: в статье представлен обзор по методам реставрации документов, имеющих склейки, с использованием силикатного клея. На фотографиях показан результат отрицательного воздействия силикатного клея на документы. Даны рекомендации архивистам по проведению срочных мероприятий при выявлении документов с наличием силикатного клея.

Ключевые слова: обследование, документы, силикатный клей, анализ, реставрация, хитозан.

Abstract: the article shows the review on methods of restoration of documents with a bonding of silicate glue. The photos show the result of the negative impact of silicate adhesive on the documents. Recommendations to archivists on carrying out urgent actions at identification of documents with presence of silicate glue are given.

Keywords: archive funds examination, documents, paper restoration, silicate glue, chitosan.

При проведении обследования физического состояния архивных документов особое внимание уделялось выявлению документов со склейками силикатным клеем.

В 1818 г. немецкий ученый И. Фукс путем сплавления 150 частей белого песка, 100 частей соды и 3 частей древесного угля получил раствор стекла. Охлажденный и измельченный

полученный состав после обработки горячей водой и последующего выпаривания превращался в прозрачную массу, названную «вассерглас», т.е. водное стекло (жидкое стекло), примерный состав: $Na_2O•3SiO_2$. При стоянии на открытом воздухе жидкое стекло поглощает углекислоту и его поверхность постепенно покрывается плотной пленкой соды (Na_2CO_3).

Из жидкого стекла в промышленном масштабе готовят конторский клей под названием силикатного, добавляя в отдельных случаях 3–5% декстрина и мочевины. Хороший канцелярский клей готовится из трех частей жидкого стекла и одной части тростникового сахара, а также из крахмального клейстера с небольшим количеством (5–10%) жидкого стекла. Выпускаются также казеино-силикатные клеи, качество которых улучшается при добавке к ним гашеной извести ($Ca(OH)_2$)[1].

Основные признаки наличия силикатного клея:

– щелочная реакция;

– частично или полностью обесцвечивается текст в местах склеек;

– возможно обесцвечивание текста при нанесении воды или спирта;

– повышенная желтизна и хрупкость бумаги в местах склеек.

Силикатный клей, за счет реакции с углекислым газом и влагой воздуха, превращается в соду и окись кремния, которые обесцвечивают красители, разрушают и цементируют бумагу[2].

Анализ клея на горение путем внесения пробы в пламя спиртовки позволяет провести экспресс анализ и получить предварительную информацию, облегчающую выбор дальнейшего метода исследования: силикатный клей при горении вспенивается и пузырится, а пламя окрашивается в желтый цвет. Распознавание клея по щелочной реакции проводится следующим образом: несколько крупинок исследуемой пробы помещают на часовое стекло, приливают немного дистиллированной воды и выдерживают 5–10 мин.; затем добавляют 1–2 капли спиртового раствора

фенолфталеина, розовое окрашивание указывает на присутствие силикатного клея[3].

Реставрация (дереставрация) документов с наклейками (склейками) силикатным клеем заключается в удалении наклеек (разъединении склеек), нейтрализации и удалении клеевого слоя.

Реставрация документов с силикатным клеем является одной из наиболее сложных и трудоемких. В методических рекомендациях Всероссийского художественного научно-реставрационного центра (ВХНРЦ) им. академика И.Э. Грабаря представлены методики работы с силикатным клеем влажным (обработка склеек с оборотной стороны 0,5–1,0%-м раствором уксусной кислоты или обработка 1,0–3,0%-м раствором трилона Б) и сухим (состав реактива: этилцеллюлоза, толуол, спирт этиловый, серная кислота) способами. Отмечается, что основным условием, независимо от способа обработки, является максимальное удаление клеевой пленки с поверхности бумаги сухим способом[4].

В учебном пособии Российской национальной библиотеки (РНБ) для нейтрализации и удаления слоя силикатного клея обработку документов с водостойким текстом рекомендуется выполнять 0,5% водным раствором уксусной кислоты, с неводостойким – 1,0% спиртовым раствором щавелевой кислоты[5].

В Лаборатории консервации и реставрации документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (ЛКРД СПбФ АРАН) разработан метод обработки документов на бумажной основе, поврежденных силикатным клеем, с использованием 0,9–2,0% водного раствора солянокислой соли хитозана. Раствор солянокислого хитозана (солянокислую соль хитозана получают путем обработки хитозана расчетным количеством соляной кислоты в среде этилового спирта) наносят на место склейки с двух сторон с последующим разъединением документов, удалением клея и сушкой[6].

При проведении обследования физического состояния архивных документов СПбФ АРАН были выявлены дела, в кото-

рых на обложках наклейки приклеены силикатным клеем. При соприкосновении с зонами наклеек первого и второго листов, хранящихся в этих обложках документов, на бумаге документов появляются светлые пятна (ореолы). Это свидетельствует о негативном воздействии на бумагу документов веществ, образующихся при взаимодействии силикатного клея с углекислым газом и влагой воздуха.

В архивных документах первой половины XX в. обнаружены склейки силикатным клеем. Поскольку в этот период писчая и печатная бумага для широкого использования не отличалась высоким качеством, то отрицательное воздействие силикатного клея на документы оказалось значительным.

Следует отметить, что на листах бумаги, соприкасающихся с зонами склеек, всегда имеются светлые ореолы, что, как отмечалось ранее, указывает на негативное воздействие силикатного клея на бумагу-основу документа и средства записи.

Срочными мероприятиями для документов со склейками силикатным клеем является фотофиксация (даже если текст еще не «угасает») и исключение прямого контакта с соприкасающимися с обеих сторон документами. Для этого в качестве прокладки могут быть использованы листы плотной бумаги, применяемой в архивном хранении.

Примечания

[1] *Григорьев Н.П., Матвеев М.А.* Растворимое стекло. М., 1956. С. 5, 70, 357, 361.

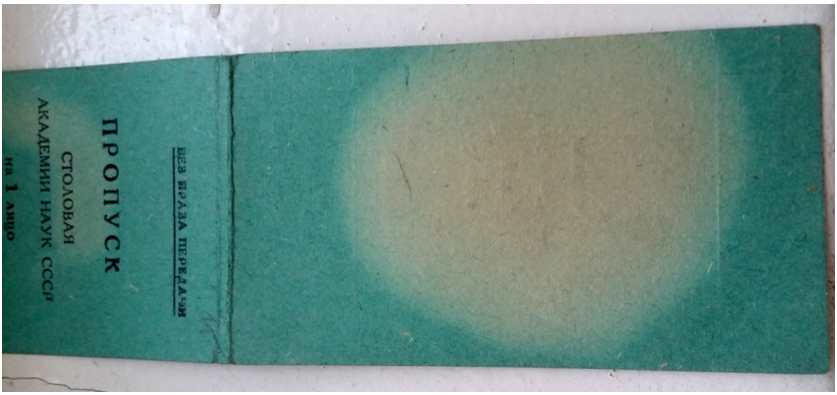
[2] Реставрация документов на бумажных носителях. Методическое пособие. М., 1989. С. 138–141.

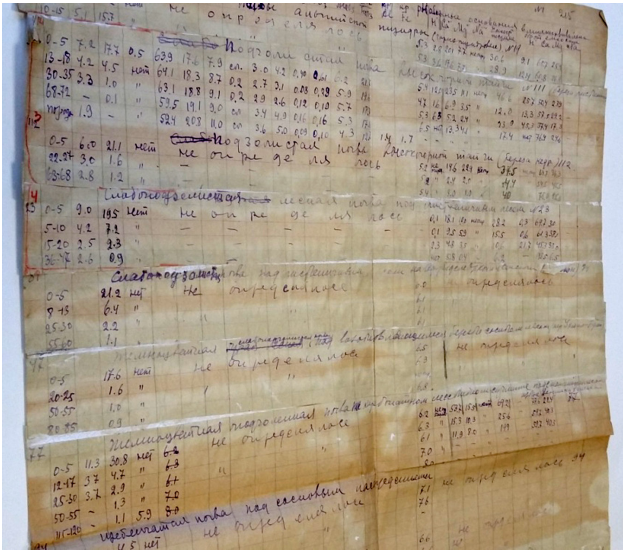
[3] Труды лаборатории консервации и реставрации документов СПбФ АРАН. Вып.1. СПб., 2008. С. 142–143.

[4] Реставрация произведений графики. Методические рекомендации. М., 1995. С. 34.

[5] Основные технологические процессы реставрации документов. Учебное пособие. СПб, 2002. С. 24.

[6] А.с. 4849886/12 заявл. 09.07.90 (46), опубл. 23.08.92. Бюл. № 31(71).





Ил.1. Архивные документы, поврежденные силикатным клеем.

Н.М. Доведова, Н.В. Завьялова

Реставрация рукописи на латинском языке «Principia Geometriae»

N.M. Dovedova, N.V. Zav'yalova

Restoration of the manuscript in Latin «Principia Geometriae»

Аннотация: в статье изложено описание реставрационных мероприятий по упрочнению материальной основы памятника XVIII в. на латинском языке «Principia Geometriae» с рисунками и чертежами. Приведены разработанные в Лаборатории консервации и реставрации документов (ЛКРД) СПбФ АРАН методики по работе с рисунками неводостойкими красками и проступающими на оборотную сторону документа железо-галловыми чернилами.

Ключевые слова: реставрация, манускрипт, тряпичная бумага, железо-галловые чернила, текучий текст, чертежи, рисунки.

Abstract: this article sets out a detailed description of the restoration process of an 18th century manuscript called «Principia Geometriae». The manuscript has been a manual written in Latin language containing drawings and schematics. Restoration methods of working with drawings made by using non-waterproof paints and iron gall ink showing through on the other side of a leaf developed in LCRD of SPb branch of ARAS are covered in this article.

Keywords: restoration, manuscript, cloth paper, iron gall ink, drawings.

Памятник хранится в СПбФ АРАН в составе разряда I «Рукописи трудов членов Академии наук и другие документы, собранные в Архиве Конференции АН в XVIII и начале XIX вв.»[1]. Он

был передан в Архив в 1930-е гг. вместе с другими документами Георга Морица Ловица (1722–1774) – немецкого и русского математика, астронома, географа, профессора астрономии Петербургской академии наук.

Памятник поступил в реставрацию в 2015 г. Материал, основа: книга в пергаменном переплете, тряпичная бумага. Техника исполнения: текст рукописный, черные чернила, надписи красной краской, красочные рисунки. Размеры: 310×207 мм (in folio), 153 листа.

Перед началом реставрационных работ биологической группой ЛКРД были взяты пробы для микологического анализа. Обнаружены жизнеспособные споры микромицетов. Дезинфекция проведена камерной обработкой. Химической группой ЛКРД были определены значения pH бумаги до реставрации (pH=5,8). Была проведена проверка чернил и красок иллюстраций на водостойкость: чернила (железо-галловые) водостойкие, краски на рисунках и красная краска на текстовых заголовках неводостойкие. Художником-реставратором фотогруппы ЛКРД Л.Г. Чехович была выполнена фотофиксация документа до реставрации (общий вид).Сведений о предшествующей реставрации нет.

Поступивший в реставрацию рукописный памятник (кодекс) в пергаменном переплете – учебник по геометрии, тригонометрии, геодезии, стереометрии, военной фортификации на латинском языке с многочисленными чертежами и рисунками в красках. Переплет был разрушен, деформирован, листы рукописи выпадали из книжного блока. Текст написан черными чернилами (железо-галловыми) на обеих сторонах листа, включает 32 строки. Рукопись украшена многочисленными текстовыми заголовками, выполненными красной краской. Кодекс содержит рисунки – нарисованные чернилами и раскрашенные красками различных цветов изображения геометрических фигур, многоцветные схемы и чертежи фортификационных сооружений, вклеенные на фальцах, а также изображения описываемых объектов на местности.

Состояние сохранности памятника на момент его поступления в реставрацию можно описать следующим образом. Бумага тряпичная верже, средней толщины, плотная, естественного цвета; присутствует равномерное пожелтение основы по всей поверхности с усилением по внешним краям полей листов. На листах водяные знаки. Листы запылены, загрязнены, по краям разрывы, имеются утраты, фальцы частично отклеились, следы подмочек коричневого цвета по тексту. Наблюдаются следы светового старения бумаги – коричневые полосы по краям листов. На листах фоксинги. Цветные рисунки в хорошем состоянии. На некоторых листах следы водных затеков, проявление зеленой краски на оборотную сторону. Книжный блок освобожден от переплета. Кодекс имеет сложную систему тетрадей, иллюстрации на развернутых листах вклеены на фальцах. Все необходимые сведения по структуре переплета и шитья блока зафиксированы реставратором переплетов (Ил. 1–3).

Реставрационные мероприятия проводились в следующей последовательности:

– обеспыливание и удаление поверхностных загрязнений вне текста с листов кодекса мягкой кистью и резиновой крошкой;

– коричневые затеки на листах кодекса – следы водных подмочек, были ослаблены локальной обработкой тампонированием дистиллированной водой с оттяжкой на фильтровальную бумагу;

– укрепление полей листов документа проводилось равнопрочной бумагой (японская шелковка 9 г/м^2) с оборотной стороны;

– для восполнения утрат на листах была применена бумага – основа для растительного пергамента марки «Б», тонированная прямыми светостойкими красителями (по методике ЛКРД)[2].

Все операции проводились с минимальным увлажнением. Использовался 8%-й и 4%-й мучной клей (по рецептуре ЛКРД)[3].

Для сохранения структуры тряпичной бумаги был применен метод отдаленного увлажнения листов и прессование в сукнах в ручном прессе до полного их высыхания. Отпрессованные листы были обрезаны по формату (Ил. 4–9).

На первом листе кодекса текстовый заголовок, выполненный красной краской, нанесенной поверх чернил (железо-галловых), мигрировавших на оборотную сторону и разрушающих бумагу, был укреплен безводным способом японской шелковой 9 г/м^2, пропитанной раствором Clucel G. (Clucel G. 1 г., этиловый спирт 25 мл., дистиллированная вода 25 мл.)[4]. Подготовленная бумага помещалась на проблемные участки текста с оборотной стороны и проглаживалась тампоном, смоченным этиловым спиртом. Затем лист кодекса с укрепленным текстом высушивался на воздухе на фильтровальной бумаге. Аналогичным способом были закреплены другие подобные повреждения (Ил. 5–6).

Были сформированы 27 тетрадей по ранее составленной схеме, затем они были собраны в книжный блок (Ил. 9). Книжный блок был помещен в папку из нейтрального картона для последующего хранения, пока не будет реставрирован переплет. Памятник приобрел прочность, долговечность и экспозиционный вид.

Фотофиксация памятника после реставрации была проведена художником-реставратором фотогруппы ЛКРД Л.Г. Чехович.

После реставрации памятник находится на хранении в Санкт-Петербургском филиале Федерального государственного бюджетного учреждения науки Архива РАН.

Примечания

[1] СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 86. Д 8.

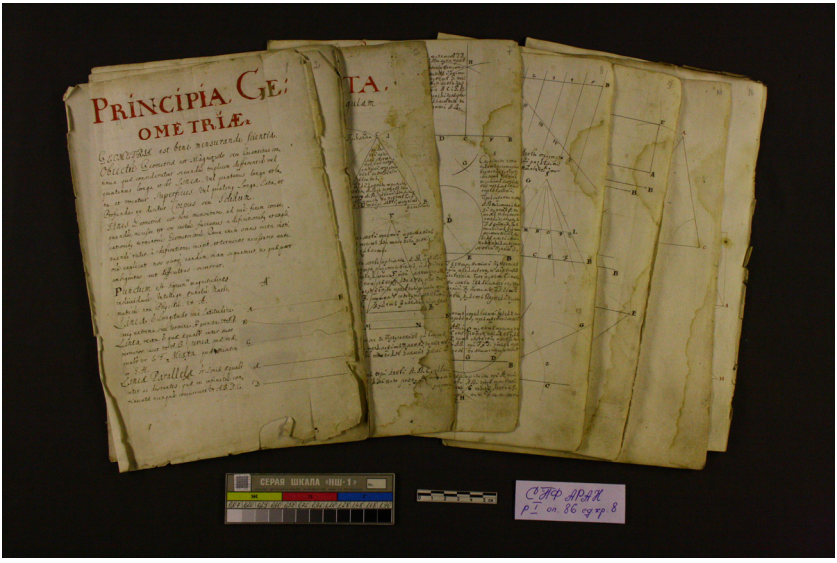
[2] Труды Лаборатории консервации и реставрации документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Вып. I: Хранение и реставрация документов: методические рекомендации / Ред. *К.И. Андреевой, Н.П. Копаневой.* СПб., 2008. С. 125–190.

[3] Там же. С. 153.

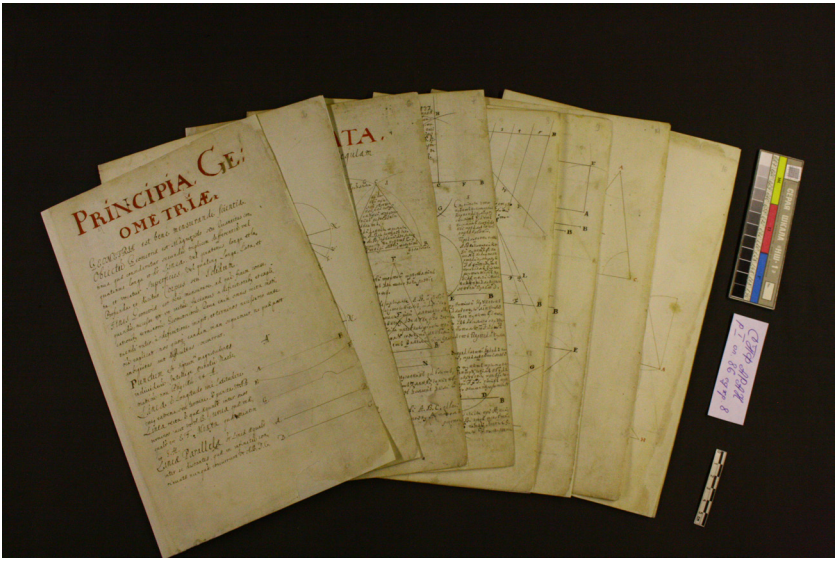
[4] *Майер М.* Изготовление японской бумаги (шелковки). Мастер-класс. Библиотека Университета Граца. Австрия. 2015.

Ил. 1. Фотография до реставрации. Книжный блок в переплете, общий вид.

Ил. 2. Фотография до реставрации. Фрагмент шитья книжного блока.



Ил. 3. Фотография до реставрации. Листы 1, 2, 6–9, 14, 16 с водными затеками, лицевая сторона, общий вид.



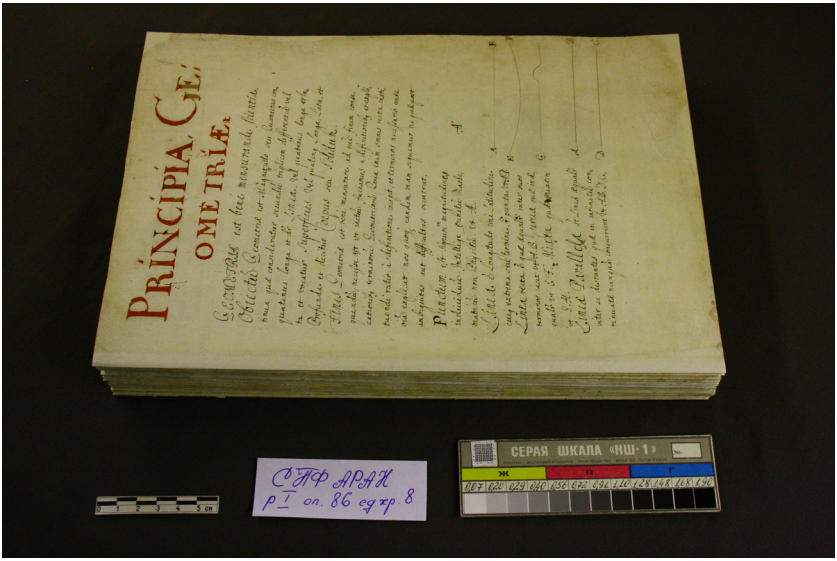
Ил. 4. Фотография после реставрации. Листы 1, 2, 6–9, 14, 16 после удаления водных затеков, лицевая сторона, общий вид.

Ил. 5. Фотография после реставрации. Лист 1 после укрепления заголовка, лицевая сторона.

Ил. 6. Фотография после реставрации. Лист 1 после укрепления заголовка, оборотная сторона.

Ил. 7. Фотография после реставрации. Листы с рисунками, раскрашенными красками, справа 2 иллюстрации на развернутых листах.

Ил. 8. Фотография после реставрации. Листы с рисунками, раскрашенными красками, справа 2 иллюстрации на развернутых листах.



Ил. 9. Фотография после реставрации. Книжный блок, общий вид.

Н.М. Доведова, Н.В. Завьялова

Реставрация гипсометрического плана «Долина реки Уймень от левого притока реки Бигижи до правого притока реки Чисты»

N.M. Dovedova, N.V. Zav'yalova

The restoration of the hypsometric plan of the «Valley of the rivers Uimen from the left tributary of the river Begizha to right tributary of the river Chista»

Аннотация: в статье изложено описание реставрационных мероприятий по упрочнению материальной основы документа начала XX в. гипсометрического плана «Долина реки Уймень от левого притока реки Бигижи до правого притока реки Чисты», являющегося результатом топографической съемки 1931 г. рек Горного Алтая и выполненного на кальке. В работе использованы методики, разработанные в Лаборатории консервации и реставрации документов (ЛКРД) СПбФ АРАН, по работе с кальками и удалению следов проклеек силикатным клеем.

Ключевые слова: реставрация, карта, калька, тушь черная, силикатный клей, текучий текст, чертежи, рисунки.

Abstract: the article describes the work on the restoration of the map of the beginning of the 20th century «The valley of the river Uimen from the left tributary of the river Begizhi to right tributary of the river Chista». Methods for working with a tracing paper and removal of traces of glues by silicate glue are used.

Keywords: restoration, map, fluid ink, drawings, silicate glue.

Памятник входит в состав архивного дела «Гипсометрические планы долин рек Малой Иши, Байгол, Улала, Лебедь, Тулой,

Кара-Кокши, Уймень, Тондошка, Пыжа, Маймы, Большой Иши, Бии, Чугуна и Сандры и два плана перевалов из долины реки Уймень в долину реки Кульбич, и из долины реки Кара-Кокши в долину реки Эликмар»[1], состоящего из 15 планшетов, выполненных на кальке. Эти планшеты являются результатом топографической съемки рек Горного Алтая, о чем упоминается в запросе представителя по издательским делам СОПСа в 1935 г. в Архив АН СССР[2]. Дела были сданы на хранение в Архив АН СССР в 1935 г. Время создания: 1931 г. Сведений о предшествующей реставрации нет.

Перед началом реставрационных работ биологической группой ЛКРД были взяты пробы для микологического анализа. Жизнеспособные споры микромицетов не были обнаружены. Химической группой ЛКРД были определены значения pH бумаги до реставрации (основной массив кальки pH=4,5; в месте подклейки разрыва pH=7,5). Было проведено определение водостойкости туши: исследование проводилось методом копирования на влажную фильтровальную бумагу, было установлено, что тушь неводостойкая. Художником-реставратором фотогруппы ЛКРД Л.Г. Чехович была выполнена фотофиксация документа до реставрации (общий вид).

Документ на одном листе (Л. 9) бумаги (кальки), изображение нанесено черной тушью в виде линий (изогипс). Бумага цвета охры ломкая, хрупкая, имеет неравномерную, пятнистую окраску. По нижнему полю полосы, более интенсивно окрашенные, чем основной тон. Поверхность документа в горизонтальных заломах по ширине, по полям мелкие разрывы, один из которых закреплен полоской бумаги силикатным клеем. Место миграции клея обесцветило основу документа, имеются также другие пятна.

Рисунок тушью в хорошем состоянии, местами затеки туши на изображении – погрешности при нанесении линий (Ил. 1–2).

Предварительно калька была очищена мягкой кистью. Затем документ был распрямлен на подложке из фильтровальной бума-

ги, наклейка снята всухую, силикатный клей удален скальпелем и ватным тампоном. Затем калька была помещена лицевой стороной на органическое стекло. На места нанесения силикатного клея был положен ватный компресс хитозана (1,5%-й раствор соляно-кислого хитозана в дистиллированной воде) и оставлен до набухания верхнего слоя, места смачивания были осушены ватным тампоном, калька высушена на фильтровальной бумаге[3].

Реставрация кальки проводилась по методике ЛКРД[4]. Документ был положен лицевой стороной на лист фильтровальной бумаги, заломы совмещены, загибы распрямлены. Далее действия проводились в следующей последовательности:

– все трещины и заломы были укреплены полосками равнопрочной бумаги – японской шелковки 9 г/м^2, использовался 4%-й мучной клей (по рецептуре ЛКРД);

– затем поверхность кальки была промазана кистью 4%-м мучным клеем, приготовленным с добавлением боратного буфера с целью стабилизации кислотности бумаги (кальки);

– периметр кальки был укреплен полосками реставрационной бумаги Чара-I, шириной 3 см;

– в завершение было проведено дублирование на реставрационную бумагу Чара-I в машинном и поперечном направлениях. Использовался 4%-й мучной клей (по рецептуре ЛКРД)[5];

– калька была снята с бумажной подложки, отпрессована в сукнах.

После высыхания документа утраты были восполнены с лицевой стороны «встык» вставками реставрационной бумаги – основы для растительного пергамента марки «Б», тонированной прямыми светостойкими красителями (по методике ЛКРД). Применялся 8%-й мучной клей (по рецептуре ЛКРД).

Калька была помещена в пресс в сукна и выдержана до высыхания. Места обесцвечивания силикатным клеем были тонированы цветным карандашом марки «Faber-Castell» (Ил. 3–4). Фотофиксация сохранности документа после реставрации прове-

дена художником-реставратором Л.Г. Чехович. Было изготовлено паспарту для хранения памятника.

В результате реставрационных работ документ был стабилизирован, приобрел прочность, были восстановлены его эксплуатационные свойства, долговечность и экспозиционный вид.

После реставрации памятник находится на хранении в Санкт-Петербургском филиале Федерального государственного бюджетного учреждения науки Архива РАН.

Примечания

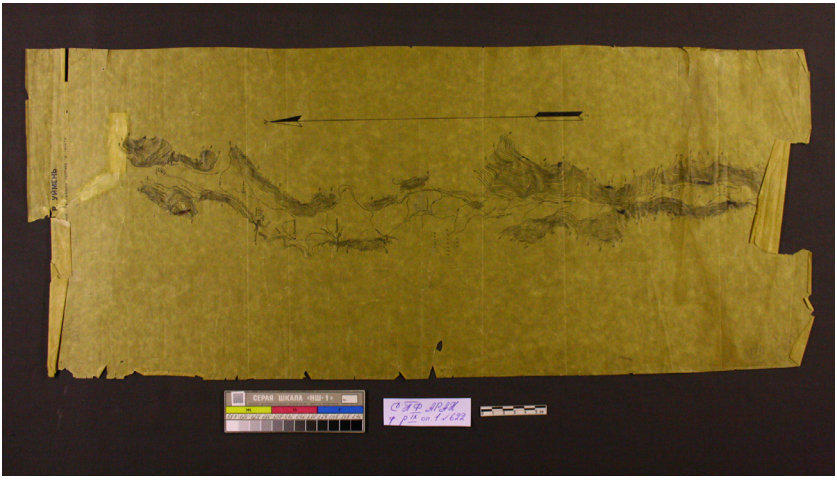
[1] СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 1. Д. 622.

[2] СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 142. Л. 113.

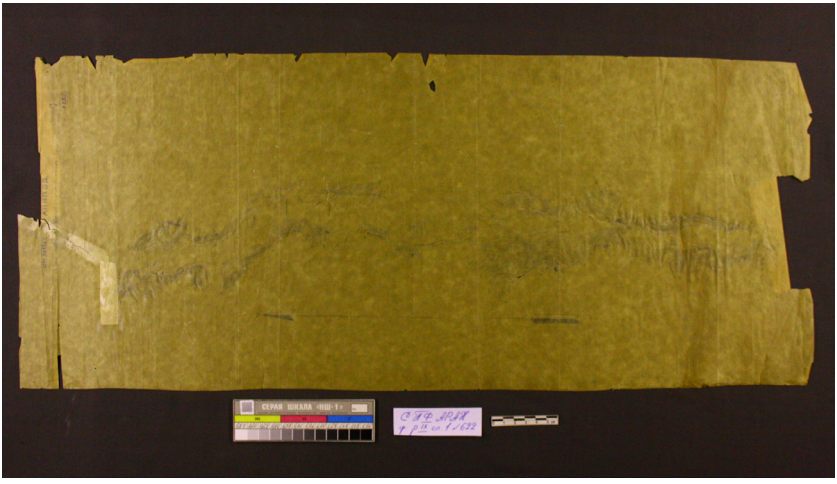
[3] Описание изобретения к авторскому свидетельству /(21)4849886/12(22) 09.07.90 (46) 23.08.92 Бюл. М. 31(71).

[4] Труды Лаборатории консервации и реставрации документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Вып. I: Хранение и реставрация документов: методические рекомендации / Ред. *К.И. Андреевой, Н.П. Копаневой.* СПб., 2008. С.125–190.

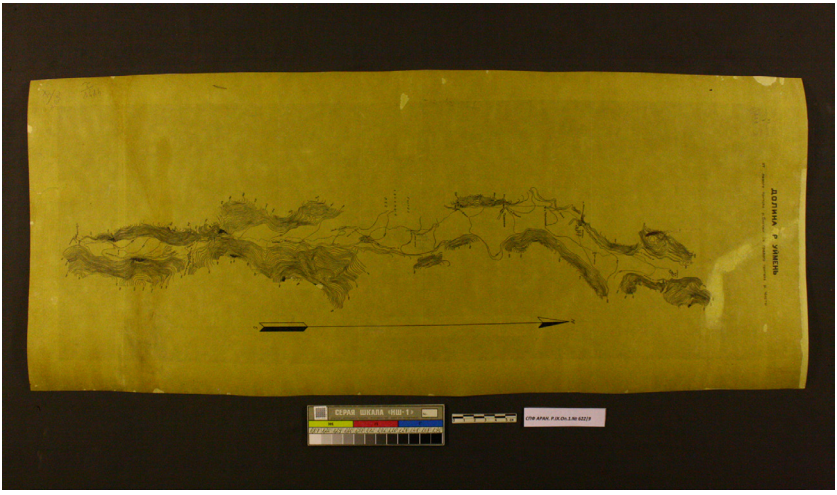
[5] Там же. С. 153.



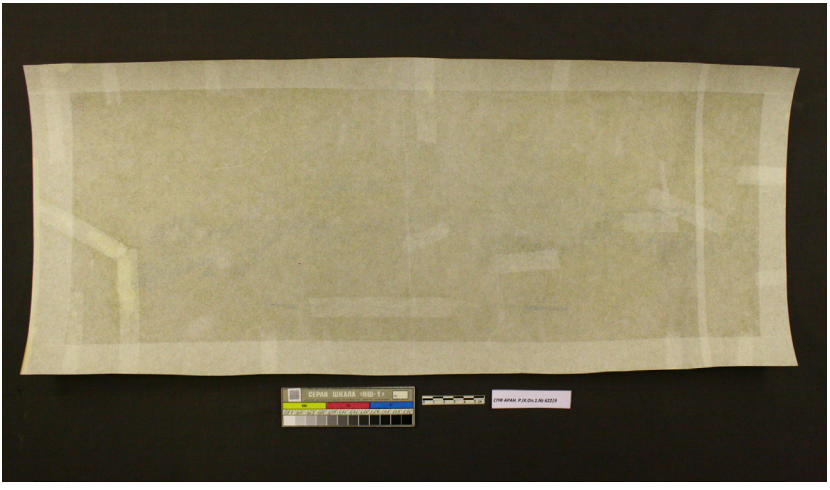
Ил. 1. Фотография до реставрации. Лицевая сторона, общий вид.



Ил. 2. Фотография до реставрации. Оборотная сторона, общий вид.



Ил. 3. Фотография после реставрации. Лицевая сторона, общий вид.



Ил. 4. Фотография после реставрации. Оборотная сторона, общий вид.

Н.М. Доведова, Н.В. Завьялова

Реставрация карты из собрания «Картографических материалов XIX–XX вв.»

N.M. Dovedova, N.V. Zav'yalova

Restoration of maps from the collection of «Cartographic materials 19–20 centuries»

Аннотация: в статье изложено описание реставрационных мероприятий по упрочнению материальной основы памятника конца XIX – начала XX вв. – карты «Река Березовка от пристани Усть-Еловка до ея верховья и реки Еловки до устья Вогулки». Приведены разработанные Лабораторией консервации и реставрации документов (ЛКРД) СПбФ АРАН методики по работе с картами большого формата на масштабной бумаге с миллиметровой сеткой.

Ключевые слова: реставрация, карта, XIX–XX вв., миллиметровая бумага, акварель, неводостойкие чернила, текучий текст, чертежи, рисунки.

Abstract: the article describes the work on the restoration of the map of the 19–20th century «The river Berezovka from the pier Ust'-Yelovka to her riverhead and river Elovka to the mouth of Vogulka». Methods for working with large-scale maps are described.

Keywords: restoration, manuscript, iron gall ink, drawings, graph paper.

Карта «Река Березовка от пристани Усть-Еловка до ея верховья и реки Еловки до устья Вогулки»[1] передана в реставрацию в 2015 г.

Памятник поступил на хранение в Архив АН в 1935 г. из Библиотеки АН СССР в составе «Картографических материалов XIX–

XX вв.». Изображенная на карте река Березовка протекает в Пермском крае (Северный Урал, Республика Коми), ее длина 141 км, притоки – Еловка, Вогулка, Малиновка и др. На представленном документе изображена часть ее русла в масштабе 1 дм = 50 саж.

Время создания документа может быть определено приблизительно: конец XIX – начало XX в. Материал, основа: масштабная бумага с миллиметровой сеткой голубого цвета. Техника исполнения: синяя краска (акварель) чернила разных цветов. Карта состоит из 5 фрагментов, ее общая длина составляет 3155 мм.

Поступившая в реставрацию карта реки Березовки состояла из фрагментов разного размера и цвета: часть на масштабной бумаге светло-зеленого цвета и на масштабной бумаге с миллиметровой сеткой в голубую клетку, в т.ч. один фрагмент на писчей бумаге белого цвета в крупную клетку (Ил. 1).

Фрагменты карты выполнены на плотной масштабной бумаге машинного производства с нанесенной на нее миллиметровой сеткой на белом фоне, с белыми полями шириной 30–40 мм. На белом поле знак торговой марки A.W. Faber (А.В. Фаберъ). Многочисленные разрывы на фрагментах карты были небрежно подклеены с оборотной стороны плотной бумагой (иногда это целые листы с печатным текстом и типографскими рисунками), некоторые фрагменты были склеены между собой. Съемка карты, возможно, проводилась в экспедиционных условиях, характер ее повреждений однотипен на всех фрагментах: в основном это общая измятость, запыленность и загрязненность (пятна, следы клея, чернильные кляксы), многочисленные проколы по полям и на изображении русла реки. На оборотной стороне карты карандашные пометы, коричневые следы клея, другие загрязнения. Изображение русла реки выполнено синей краской (акварелью), местами затеки; условные обозначения проставлены чернилами разного цвета (Ил. 1–5).

Перед началом реставрационных работ биологической группой ЛКРД были взяты пробы для микологического анализа.

Жизнеспособные споры микромицетов не были обнаружены. Химической группой ЛКРД определены значения pH бумаги до реставрации (pH=5,4), вид бумаги и клея – декстриновый (водорастворимый). Проверка чернил и красок на водостойкость показала, что чернила разных цветов и синяя краска – неводостойкие. Художником-реставратором фотогруппы ЛКРД Л.Г. Чехович была выполнена фотофиксация документа до реставрации (общий вид). Сведений о предшествующей реставрации нет.

Перед проведением реставрационных мероприятий были оговорены особые условия:

– провести реставрацию карты, учитывая неводостойкость краски и чернил;

– бумажная основа карты – масштабная бумага с миллиметровой сеткой требует тщательного подбора при соединении разрывов и восполнении утраченных частей;

– по согласованию с хранителем, сформированные пять фрагментов карты решено не монтировать жестко друг с другом. Ввиду общей длины (более 3-х метров) и сложной конфигурации карты, ее части будут храниться по-отдельности в папке согласно присвоенным им номерам, следуя схеме.

Реставрационные мероприятия проводились в следующей последовательности:

– наклейки с оборотной стороны были удалены с помощью увлажняющего компресса;

– остатки клея очищены скальпелем и влажными ватными тампонами;

– фрагменты карты были обеспылены мягкой кистью, марлей, резиновой крошкой, не затрагивая изображение;

– пятна с лицевой стороны были обработаны тампонированием дистиллированной водой: загрязнения частично устранены, пятна ослаблены.

Утраты на документе были восполнены с оборотной стороны вставками реставрационной бумаги – основы для растительно-

го пергамента марки «Б», тонированной прямыми светостойкими красителями (по методике ЛКРД)[2]. Края вставок предварительно стачивались скальпелем. Укрепление трещин и заломов проводилось равнопрочной бумагой (японская шелковка 19 г/м^2). Использовался 8%-й мучной клей (по рецептуре ЛКРД)[3]. Все восполнения утраченных частей и укрепление бумажной основы документа проводились с минимальным увлажнением.

Каждый фрагмент карты был укреплен по периметру с оборотной стороны полосками реставрационной бумаги Чара-I шириной 3 см. Затем фрагменты были дублированы на реставрационную бумагу Чара-I в двух направлениях – машинном и поперечном. Для дублирования использовался 4%-й мучной клей (по рецептуре ЛКРД). Фрагменты карты были отпрессованы методом отдаленного увлажнения. Потертости были тонированы цветным карандашом марки «Faber-Castell».

Памятник приобрел прочность, долговечность и экспозиционный вид (Ил. 6–9). Фрагменты при последовательном составлении представляют карту сложной конфигурации. Схема соединения фрагментов карты изображена на миллиметровой бумаге в масштабе 1:5 мм (Ил. 10).

Фотофиксация состояния документа после реставрации была проведена художником-реставратором фотогруппы ЛКРД Л.Г. Чехович (на фотографиях представлены фрагменты 1 и 3). Для последующего хранения карты была изготовлена папка из нейтрального картона.

После реставрации памятник находится на хранении в Санкт-Петербургском филиале Федерального государственного бюджетного учреждения науки Архива РАН.

Примечания

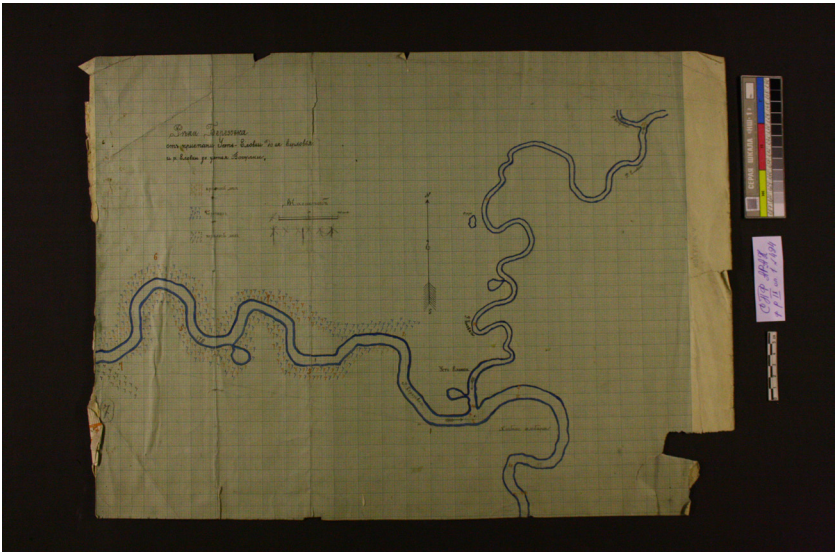
[1] СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 1. Д. 494.

[2] Труды Лаборатории консервации и реставрации документов Санкт-

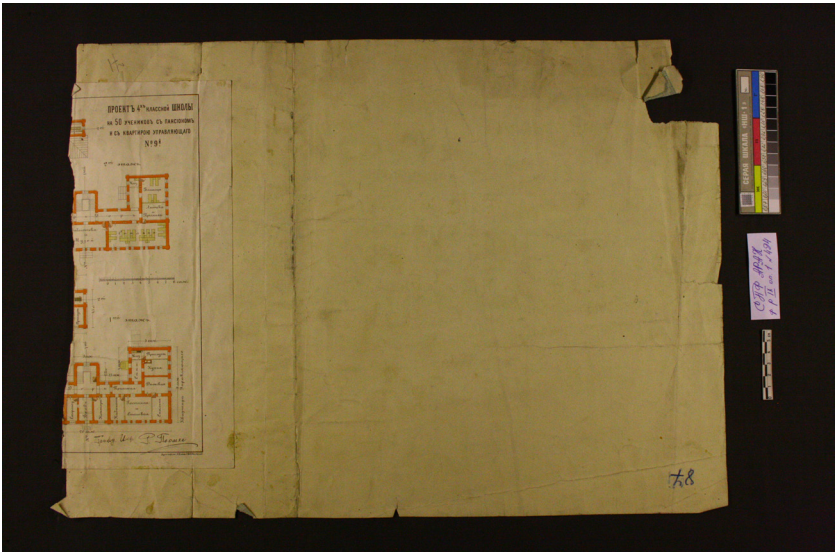
Петербургского филиала Архива РАН. Вып. I: Хранение и реставрация документов: методические рекомендации/ Ред. *К.И. Андреевой, Н.П. Копаневой.* СПб., 2008. С. 125–190.

[3] Там же. С. 153.

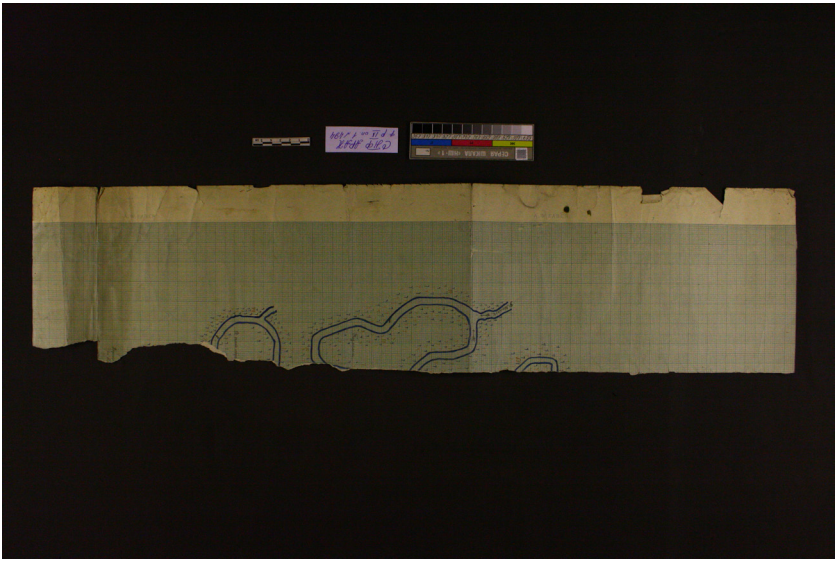
Ил. 1. Фотография до реставрации. Общий вид карты
реки Березовки на разных по цвету масштабных бумагах.



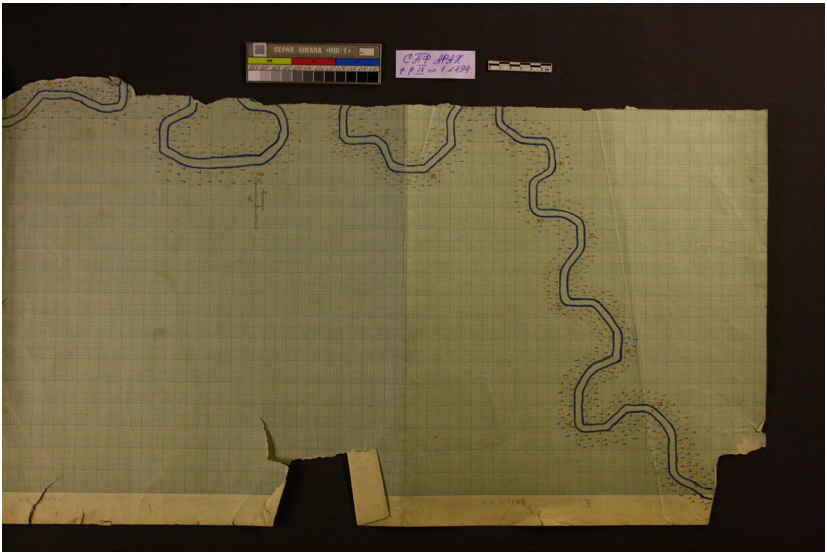
Ил. 2. Фотография до реставрации. Фрагмент 1.
Лицевая сторона.



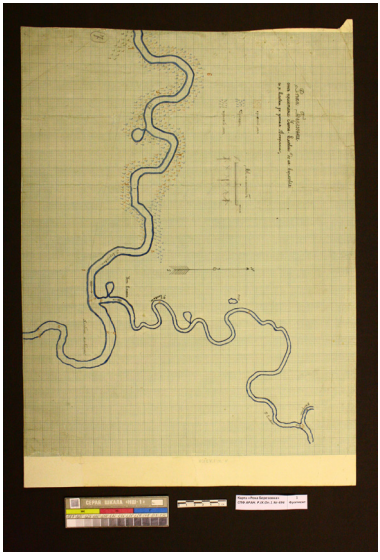
Ил. 3. Фотография до реставрации. Фрагмент 1. Оборотная сторона.



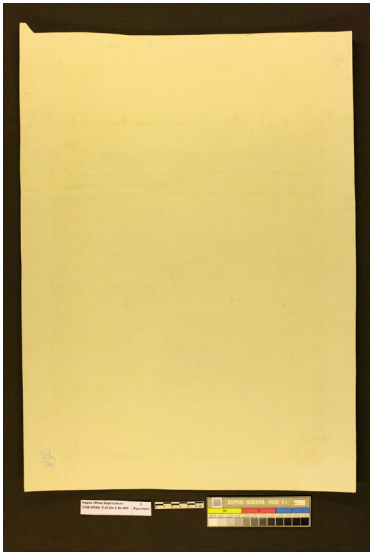
Ил. 4. Фотография до реставрации. Фрагмент 3 (оборванная верхняя часть). Лицевая сторона.



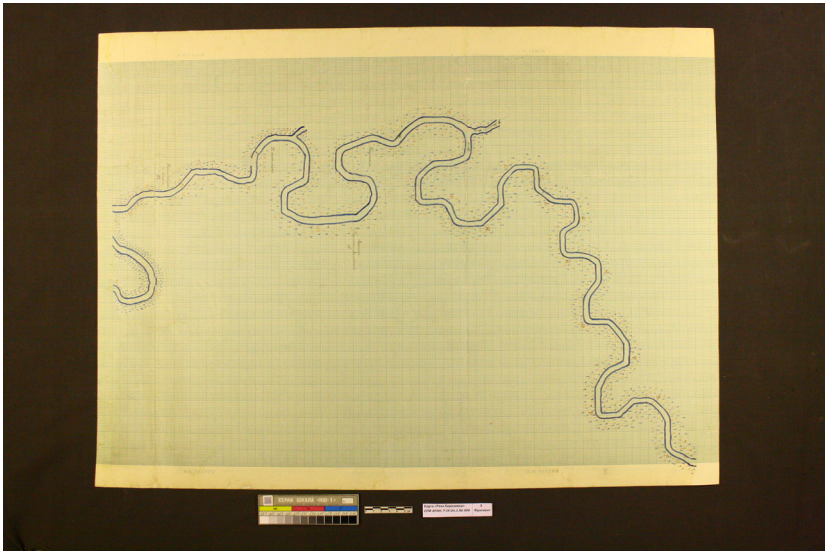
Ил. 5. Фотография до реставрации. Фрагмент 3 (основная часть).
Лицевая сторона.



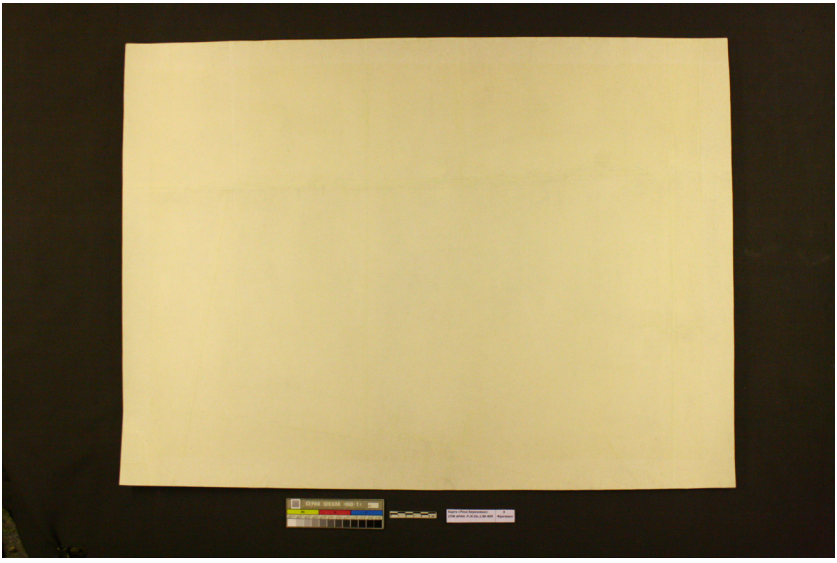
Ил. 6. Фотография после реставрации. Фрагмент 1. Лицевая сторона.
Расположение фрагмента карты согласно схеме.



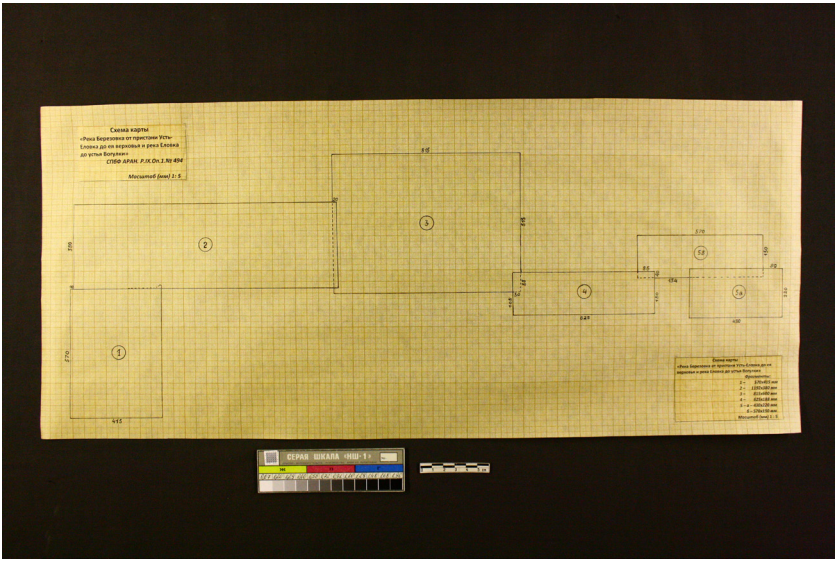
Ил. 7. Фотография после реставрации. Фрагмент 1. Оборотная сторона.



Ил. 8. Фотография после реставрации. Фрагмент 3
(две части фрагмента соединены). Лицевая сторона.



Ил. 9. Фотография после реставрации. Фрагмент 3. Оборотная сторона.



Ил. 10. Схема расположения фрагментов карты после реставрации в масштабе (мм) 1:5.

П.Е. Кандыба

Исследование и консервация графического и рукописного документа из фонда И.И. Мечникова «Седение волос и перьев (поглощение красящего вещества пигментофагами)»

P.E. Kandyba

Research and conservation of graphic and handwritten document from the fund I.I. Mechnikov «Graying of hairs and feathers (the absorption of colorant by pigmentophages)»

Аннотация: в 2017 г. в лаборатории реставрации документов Архива РАН были проведены исследования и осуществлена консервация уникального исторического документа, посвященного изучению процессов старения, из фонда выдающегося русского ученого нобелевского лауреата И.И. Мечникова. На момент передачи в реставрацию основа документа находилась в неудовлетворительном состоянии. Поэтому был определен химический состав материалов и веществ документа. Проведен анализ причин повреждения бумажной основы. На основании полученных данных была предложена и успешно осуществлена оптимальная программа консервации документа.

Ключевые слова: И.И. Мечников, документ, консервация, пигменты красители, силикатный клей.

Abstract: in 2017 the laboratory of restoration of documents of the Archive of RAS conducted research and conservation of a unique historical document devoted to the study of aging processes from the fund of the outstanding Russian scientist Nobel laureate I.I. Mechnikov. At the time of transfer to the restoration the basis of the document was in poor condition. Therefore, the chemical composition of the materials and substances of the document was determined. We prepared the analysis of the causes of

damage to the paper base. On the basis of the obtained data, an optimal program of preservation of the document was proposed and implemented.

Keywords: I.I. Mechnikov, document, conservation, pigments, dyes, silicate glue.

В 2017 г. в лаборатории реставрации документов Архива РАН были проведены исследования и осуществлена консервация уникального исторического документа, посвященного изучению процессов старения, из фонда выдающегося русского ученого нобелевского лауреата И.И. Мечникова[1].

Документ выполнен в сложной технике и представляет собой 30 рисунков небольшого формата на плотной бумаге, которые наклеены на лист картона размером 52×69 см (Ил. 1). Картон имеет небольшие деформации и разрывы по краям листа. В отдельных местах наблюдается его расслоение. Кроме рисунков, документ содержит надписи. Они выполнены черными чернилами и графитным карандашом. На обратной стороне документа присутствуют два штампа с рукописными вставками.

Текст и изображение находятся в удовлетворительном состоянии. Основа имеет следы старения на лицевой и обратной сторонах документа, которое проявляется в изменении оптических свойств бумаги и картона (Ил. 1). На момент передачи в реставрацию документ хранился в папке из упаковочной крафт-бумаги.

Цель данной работы – определить химический состав материалов и веществ документа. Провести анализ причин повреждения бумажной основы. На основании полученных данных предложить оптимальную методику консервации.

Методы исследования

– Определение состава бумаги по волокну – ГОСТ 7500-85[2].

– Измерение водородного показателя (pH) бумажной основы – контактный метод[3].

– Оценка физического состояния волокон бумаги и картона – микроскопия в отраженном свете в видимой и ультрафиолетовой (360 нм) областях спектра.

– Обнаружение микропримесей водорастворимых соединений железа (Fe^{2+}/Fe^{3+}) в бумаге – качественный микрохимический анализ с использованием специальной индикаторной бумаги «Bathophenanthroline»[4].

– Идентификация силикатного клея – качественная реакция на силикат-ионы с молибдатом аммония и хлоридом олова. Методика основана на образовании кремнемолибденовой кислоты и ее восстановлении хлоридом олова. В присутствии кремния образуется синее окрашивание[5].

– Определение состава чернил текста – качественный микрохимический анализ[6]; микроскопия в отраженном свете; исследование текста методом фоторегистрации в отраженном свете в видимой и ближней инфракрасной (950 нм) областях спектра.

– Определение состава красителей и пигментов изображения – качественный микрохимический анализ[7]; термический анализ; микроскопия в отраженном и проходящем свете; исследование изображения методом фоторегистрации в отраженном свете в видимой и ближней инфракрасной (950 нм) областях спектра.

– Оценка физической стойкости текста и изображения – метод копирования[8]. Определялась устойчивость к воде и этиловому спирту. Использовалась условная шкала для оценки степени устойчивости. Устойчивым считается краситель или пигмент, который в ходе теста не переходит на фильтровальную бумагу. Слабоустойчивым считается краситель или пигмент, который в ходе теста переходит на фильтровальную бумагу, но результат фиксируется только с помощью оптического микроскопа в отраженном свете при увеличении 10–100×. Неустойчивым считается краситель или пигмент, который в ходе теста переходит на фильтровальную бумагу и результат можно зафиксировать органолептически.

В работе использовался pH-метр Hanna HI 9025, оснащенный комбинированным электродом с плоской мембраной; термопара TP101; оптический бинокулярный микроскоп Leica MZ 125 с ультрафиолетовым модулем; программа для обработки и анализа изображения Leica DM 1000; цифровая фотокамера Nikon D5000 с объективом AF-S Micro NIKKOR 60 mm f/2.8 G ED и инфракрасным светофильтром с длиной волны 950 нм и более.

Ил. 1. Общий вид документа. Лицевая (а) и обратная (б) стороны.

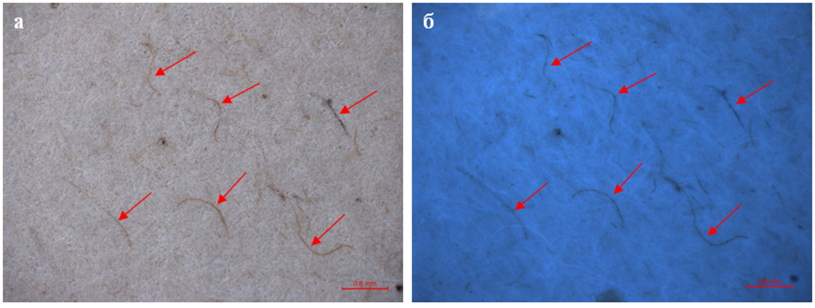
Результаты исследования

В результате проведенных исследований было установлено, что картон основы трехслойный. Внешние слои выполнены из волокон древесной целлюлозы, текстильных льняных и хлопковых волокон. Внутренний слой состоит из волокон древесной массы и древесной целлюлозы. Рисунки выполнены на плотной бумаге. В ее составе обнаружены текстильные льняные

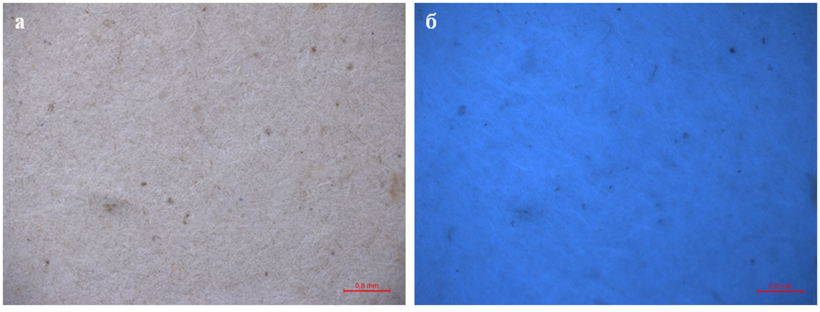
волокна и древесная целлюлоза. Значение водородного показателя (pH) для картона составляет 6,5–6,7; для бумаги – 7,5–7,7. Кроме того, в бумаге и картоне было обнаружено присутствие несвязанных ионов трехвалентного железа (Fe^{3+}) в концентрации менее 1 ppm. Их источником, наиболее вероятно, являются металлические части листоотливной формы. Известно, что ионы металлов переменной валентности, в частности железа, способны при определенных условиях катализировать окисление различных органических соединений, в том числе целлюлозы. На фотографиях (Ил. 2, 3) представлены результаты микроскопических исследования волокон бумаги и картона в отраженном свете в видимой и ультрафиолетовой областях спектра. Под действием УФ-излучения целлюлозные волокна, как правило, имеют яркое свечение (флюоресценцию) бело-голубого цвета. В процессе окисления целлюлозы волокна бумаги теряют способность флюоресцировать. На представленных фотографиях хорошо видны такие поврежденные волокна (Ил. 2). Однако в местах склейки бумажной основы рисунков с картоном они практически отсутствуют (Ил. 3).

В результате проведенного анализа было определено, что клей, которым рисунки приклеены к листу картона, силикатный. Поскольку, он имеет щелочную реакцию (pH>8) и в его составе присутствуют силикат-ионы. Силикатный клей или жидкое стекло представляет собой водный раствор метасиликата натрия, реже калия (Na_2SiO_3, K_2SiO_3)[9]. В присутствии влаги он способен к необратимому повреждению бумажной основы и обесцвечиванию некоторых органических красителей, которые используются для изготовления чернил и тонирования бумаги[10]. Вместе с тем именно в местах присутствия силикатного клея, как это было показано выше, отсутствуют следы старения бумаги и картона. В настоящее время известно, что именно в кислой среде и в присутствии влаги ионы железа, адсорбированные целлюлозными волокнами, переходят в каталитически активную двухвалент-

ную форму[11]. Наличие щелочного буфера, которое обеспечивается присутствием силикатного клея, блокирует восстановление железа и, таким образом, препятствует окислению целлюлозы.



Ил. 2. Исследование целлюлозных волокон в отраженном свете в видимой (а) и ультрафиолетовой (б) областях спектра.



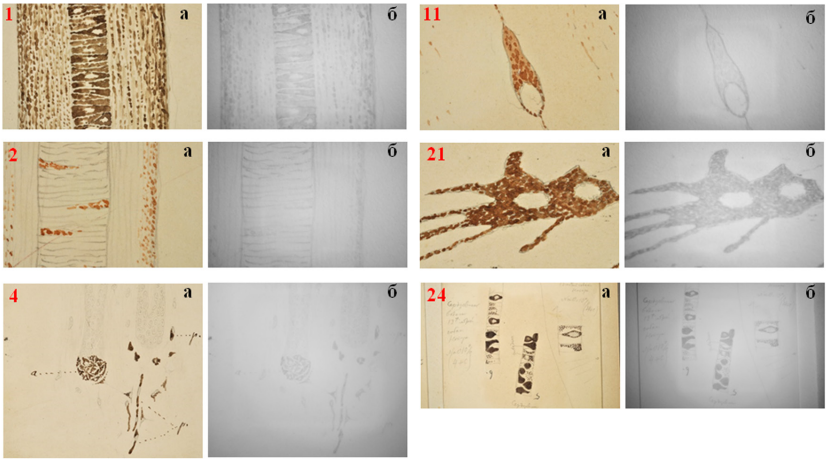
Ил. 3. Исследование целлюлозных волокон в местах склейки бумажной основы рисунков с картоном в отраженном свете в видимой (а) и ультрафиолетовой (б) областях спектра.

Красочный слой рисунков представляет собой многокомпонентную смесь, в составе которой были обнаружены следующие пигменты:

– черный пигмент – тонкодисперсное аморфное вещество с размером частиц менее 1 мкм. В минеральных кислотах и щелочах не растворяется. В ближней ИК-области непрозрачен. Данная совокупность признаков указывает на присутствие сажи;

– коричневый пигмент – тонкодисперсное аморфное вещество с размером частиц менее 1 мкм. Не растворяется в соляной кислоте. В щелочах хорошо растворим. Из щелочного раствора осаждается кислотами. В ближней ИК-области имеет заметное поглощение. Таким образом, исследуемый пигмент, наиболее вероятно, является сепией – сложным органическим соединением на основе секрета чернильной сумки некоторых головоногих моллюсков;

– красный пигмент – минеральное кристаллическое вещество. Минеральные зерна имеют размер от 1 до 10 мкм и округлую форму. В проходящем и отраженном свете цвет зерен ярко-красный. В соляной кислоте пигмент не растворяется. Полностью возгоняется при температуре 200ºС. В ближней ИК – области не имеет заметного поглощения. Таким образом, данный пигмент, наиболее вероятно, представляет собой киноварь искусственного происхождения.



Ил. 4. Исследование рисунков в отраженном свете
в видимой (а) и ближней инфракрасной (б) области спектра

Разная цветовая гамма рисунков связана с неодинаковым соотношение описанных выше пигментов. Косвенно это подтверждается исследованиями изображения методом фоторегистрации в отраженном свете в видимой и ближней инфракрасной областях спектра (Ил. 4). Заметное поглощение в ближней ИК-области объясняется присутствием в составе красочного слоя рисунков сажи и сепии. Увеличение доли киновари (рисунки 2 и 11) делает изображение более прозрачным для ближнего ИК-излучения.

Анализ физической стойкости изображения методом копирования (см. таблицу 1.) показал, что красочный слой, в целом, неустойчив к воде и слабоустойчив к этиловому спирту.

Таблица 1.

Проба*	**Состав пигментов и красителей**	**Физическая стойкость текста и изображения**	
		Устойчивость к воде	**Устойчивость к спирту**
1	Сепия, киноварь	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
2	Сепия, киноварь	Неустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
3	Сепия	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый

Проба*	Состав пигментов и красителей	Физическая стойкость текста и изображения	
		Устойчивость к воде	Устойчивость к спирту
4	Сепия, сажа	Слабоустойчивый	Слабоустойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
5	Сепия, киноварь	Слабоустойчивый	Слабоустойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
6	Сепия, сажа	Неустойчивый	Слабоустойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
7	Сепия, киноварь, сажа	Неустойчивый	Слабоустойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый

Проба*	Состав пигментов и красителей	Физическая стойкость текста и изображения	
		Устойчивость к воде	Устойчивость к спирту
8	Сепия, киноварь, сажа	Слабоустойчивый	Слабоустойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
9	Сепия, киноварь	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
10	Сепия, киноварь	Слабоустойчивый	Слабоустойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
11	Сепия, киноварь	Неустойчивый	Слабоустойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый

Проба*	Состав пигментов и красителей	Физическая стойкость текста и изображения	
		Устойчивость к воде	Устойчивость к спирту
12	Сепия, сажа	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
13	Сепия, сажа	Неустойчивый	Слабоустойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
14	Сепия, киноварь, сажа	Неустойчивый	Устойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
15	Сепия, киноварь	Неустойчивый	Устойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый

Проба*	Состав пигментов и красителей	Физическая стойкость текста и изображения	
		Устойчивость к воде	Устойчивость к спирту
16	Сепия, киноварь	Неустойчивый	Слабоустойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
17	Сепия, сажа	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
18	Сепия, киноварь	Слабоустойчивый	Слабоустойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
19	Сепия, сажа	Слабоустойчивый	Слабоустойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый

Проба*	Состав пигментов и красителей	Физическая стойкость текста и изображения	
		Устойчивость к воде	Устойчивость к спирту
20	Сепия, киноварь, сажа	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
21	Сепия, киноварь	Слабоустойчивый	Слабоустойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
22	Сепия, киноварь, сажа	Неустойчивый	Слабоустойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
23	Сепия, сажа	Неустойчивый	Слабоустойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
24	Сепия, сажа	Неустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый

Проба*	Состав пигментов и красителей	Физическая стойкость текста и изображения	
		Устойчивость к воде	Устойчивость к спирту
25	Сепия, сажа	Неустойчивый	Устойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
26	Сепия, киноварь, сажа	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
27	Сепия, киноварь, сажа	Слабоустойчивый	Слабоустойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
28	Сепия, сажа	Слабоустойчивый	Слабоустойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
29	Сепия, сажа	Неустойчивый	Слабоустойчивый
	Железогаллат, водорастворимые соли железа (Fe2+=10–25, Fe3+=10–25 ppm)	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
30	Сепия, сажа	Слабоустойчивый	Устойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый

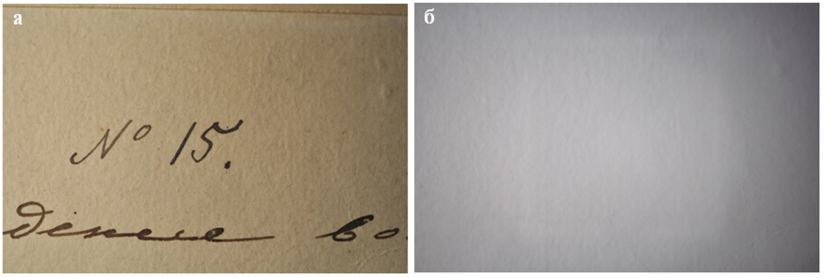
* Нумерация рисунков представлена на Ил. 1.

Проба*	Состав пигментов и красителей	Физическая стойкость текста и изображения	
		Устойчивость к воде	Устойчивость к спирту
Заглавие	Железогаллат, галлотаннин, индигокармин	Неустойчивый	Слабоустойчивый
Штамп Архива РАН	Фиолетовый основный синтетический органический краситель	Слабоустойчивый	Слабоустойчивый
	Графит	Устойчивый	Устойчивый
Штамп ин-та Бакпрепаратов им. Л.А. Тарасевича	Сажа	Устойчивый	Устойчивый
	Фиолетовый основный синтетический органический краситель	Слабоустойчивый	Слабоустойчивый

Надписи на рисунках выполнены чернилами и графитным карандашом. Чернила – железо-галловые. В их составе были обнаружены водорастворимые соли железа в двух и трехвалентной формах в концентрации 10–25 ppm. Железо-галловый текст слаборастворим в воде и нерастворим в этиловом спирте. Карандашный текст устойчив к обоим растворителям.

Заголовок документа написан чернилами, в составе которых были обнаружены железогаллат, индигокармин и галлотаннин. Железогаллат – черный пигмент устойчивый к щелочам. В 6% соляной кислоте полностью растворяется и обесцвечивается. При этом в растворе обнаруживаются ионы двухвалентного железа. Отсутствие поглощения в ближней ИК – области спектра (Ил. 5) указывает на очень низкое содержание железогаллата, так как индигокармин и таннины в ближней ИК-области не имеют заметного поглощения. Индигокармин – краситель синего цвета, меняющий окраску на желтую в сильнощелочной среде, устойчивый к минеральным кислотам. Он представляет собой сульфопроизводную индиго, то есть явля-

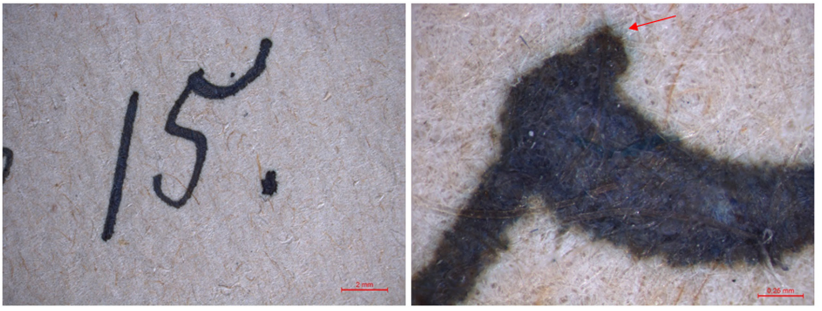
ется кислотным органическим красителем. Такие красители обладают высокой растворимостью в воде и не имеют химического сродства к целлюлозному волокну. В присутствии влаги они свободно мигрируют в бумаге. При водной обработке легко смываются. На фотографии (Ил. 6) хорошо видна миграция индигокармина вокруг чернильного штриха. Галлотаннин является природным полифенольным соединением, которое состоит из нескольких групп галловой или дигалловой кислот, связанных сложноэфирной связью с глюкозным остатком. В слабокислой и слабощелочной средах галлотаннин легко гидролизуется с образованием галловой кислоты. С солями трехвалентного железа образует нерастворимый в воде пигмент черного цвета. Тест на физическую стойкость текста показал неустойчивость к воде и слабую устойчивость к этиловому спирту.



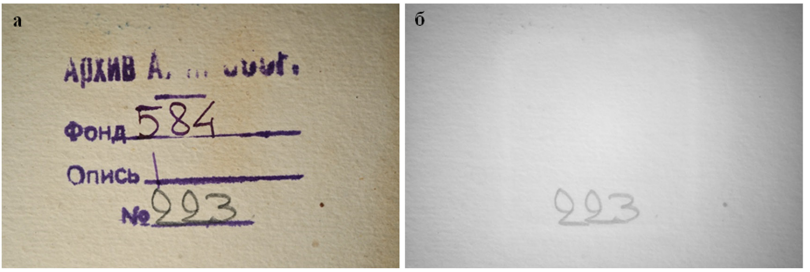
Ил. 5. Исследование текста в отраженном свете
в видимой (а) и ближней инфракрасной (б) области спектра.

На обратной стороне документа обнаружено два штампа. Штамп Архива РАН сделан фиолетовыми чернилами и имеет рукописную вставку, выполненную графитным карандашом. Присутствующий в составе чернил краситель к минеральным кислотам устойчив. В щелочах обратимо выцветает. С фосфорновольфрамовой кислотой образует нерастворимое в воде соединение. В ближней ИК-области не имеет поглощения (Ил. 7). Таким

образом, обнаруженное вещество представляет собой основный (катионный) синтетический органический краситель. Тест на физическую стойкость показал, что чернила слабоустойчивы к водной и спиртовой обработке.



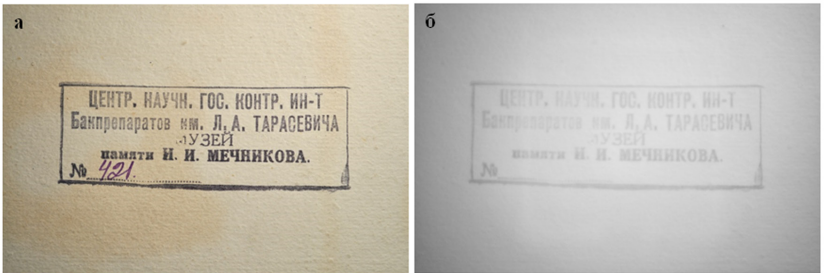
Ил. 6. Миграция кислотного красителя вокруг чернильного штриха.



Ил. 7. Исследование штампа в отраженном свете
в видимой (а) и ближней инфракрасной (б) области спектра.

Штамп музея памяти И.И. Мечникова института Бакпрепаратов им. Л.А. Тарасевича выполнен черными чернилами. В их составе обнаружен черный пигмент, представляющий собой тонкодисперсное аморфное вещество, не растворимое в минеральных кислотах и щелочах. В ближней ИК-области имеющее сильное поглощение (Ил. 8). Такие признаки указывают на присутствие сажи. Штамп содержит рукописную вставку, сделан-

ную фиолетовыми чернилами. Так же как в предыдущем случае, в их составе присутствует основный (катионный) синтетический органический краситель. Черные чернила устойчивы к воде и этиловому спирту. Фиолетовые чернила слабоустойчивы к обоим растворителям.



Ил. 8. Исследование штампа в отраженном свете
в видимой (а) и ближней инфракрасной (б) области спектра.

Выводы

В ходе консервации документа требуется решить две основные задачи:

– необходимо устранить механические повреждения картона основы. Для этого нужно укрепить картон в местах его расслоения и склеить разрывы по краям листа. В работе рекомендуется использовать реставрационную бумагу фирмы Japico серии 616 и клей на основе пшеничного крахмала 10% концентрации. Все операции проводить полусухим методом;

– причиной окисления целлюлозных волокон основы документа являются несвязанные ионы железа, обнаруженные в составе картона и бумаги, а также в составе железо-галлового текста рисунков. Поэтому для предотвращения дальнейшего окисления целлюлозы необходимо удалить или инактивировать ионы железа. В настоящее время нет универсального метода решения этой проблемы. Наиболее эффективные и широко

применяемые методики основаны на использовании водных, реже водно-спиртовых, растворов веществ способных образовывать с катионами железа стабильные комплексные соединения. К таким веществам относятся соли кальция и магния фитиновой кислоты и некоторые хелатные соединения, такие как ЭДТА (этилендиаминтетрауксусная кислота) и ДПТА (диэтилентриаминпентауксусная кислота)[12]. Поскольку документ содержит неустойчивые к водной и спиртовой обработке вещества, использование этих методик без закрепления текста и изображения невозможно. Эффективное закрепление чернил, содержащих синтетические органические красители, возможно только химическими фиксативами. Такие фиксативы изменяют химический состав чернил, переводя краситель в нерастворимое в воде производное и являются необратимыми[13]. Наличие силикатного клея также может стать проблемой в случае применения водной или водно-спиртовой обработки. В присутствии воды такой клей способен обесцветить некоторые органические красители и необратимо повредить бумажную основу документа. В настоящее время консервация документов с силикатным клеем относится к числу наиболее сложных и трудоемких. Она включает в себя обязательную нейтрализацию щелочного клея слабокислыми растворами некоторых полимеров (этилцеллюлозы, хитозана) в органических растворителях (этиловый спирт, толуол). Для подкисления нейтрализующего раствора используют минеральные кислоты (серную, соляную)[14]. Вместе с тем присутствующие в составе бумаги и картона несвязанные ионы железа в кислой среде могут перейти в каталитически активную двухвалентную форму и, таким образом, инициировать окисление целлюлозных волокон. Учитывая выше сказанное, оптимальным методом консервации этого документа является стабилизация климатического режима хранения. Поскольку железо находится в каталитически неактивной трехвалентной форме необходимо создать условия, исключающие его восстановление.

Для этого рекомендуется поместить документ в микроклиматический контейнер изготовленный из бескислотного материала с щелочным резервом. Это также обеспечит защиту документа в процессе хранения и использования от механических повреждений, колебаний относительной влажности воздуха и температуры, света, различных видов агрессивного химического воздействия окружающей среды. Предложенный комплекс мер позволит обеспечить длительную сохранность документа в его текущем состоянии.

Примечания

[1] АРАН. Ф. 584. Оп. 1. Д. 223.

[2] ГОСТ 7500-85. Бумага и картон. Методы определения состава по волокну.

[3] *Великова Т.Д., Мамаева Н.Ю.* Измерение pH бумаги документов // Комплексное обследование книгохранилищ: метод. пособие. СПб., 2007. С. 119–132.

[4] *Neevel J.G. Reissland B.* Bathophenanthroline indicator paper // PapierRestaurierung Vol. 6. № 1. 2005. P. 28–36.

[5] *Мышляева Л.В. Краснощеков В.В.* Аналитическая химия кремния. М., 1972. С. 32.

[6] Хранение и реставрация документов. Методические рекомендации / Под ред. *К.И. Андреевой и Н.П. Копаневой.* Сост. З.А. Загуляева. СПб., 2008. С. 143–145; *Neevel J.G. Reissland B.* Указ. соч.

[7] *Neevel J.G. Reissland B.* Указ. соч.

[8] Реставрация документов на бумажных носителях. Методическое пособие. М.,1989. С. 124.

[9] *Григорьев П.Н., Матвеев М.А.* Растворимое стекло. М., 1956. С. 11–12.

[10] Реставрация документов на бумажных носителях. Методическое пособие. М., 1989. С. 139.

[11] *Neevel J.G.* The Development of a New Conservation Treatment for Ink Corrosion, based on the Natural Anti-Oxydant Phytate// *Koch M.S.* (ed), *Palm J.* (ed). Tübingen, 1995. P. 93–102.

[12] Ibid; *Добрусина С.А., Чернина Е.С.* Консервация документов: наука и практика. СПб., 2013. С. 128–130.

[13] *Привалов В.Ф.* Химическая стабилизация водорастворимых текстов документов. Методическое пособие. М., 1994. С. 12.

[14] Реставрация документов на бумажных носителях. Методическое пособие. М., 1989. С. 138–141.

Н.Ф. Паламарь

Сохранение рукописного наследия

N.F. Palamar

Preservation of the manuscript heritage

Аннотация: в статье отражена проблема сохранения рукописных документов в Архиве РАН Москвы. Результаты лабораторных исследований подтвердили отрицательное влияние старой архивной упаковки на сохранность документов. Фазовая консервация позволяет комплексно решить проблемы длительного хранения рукописей.

Ключевые слова: научные исследования, архив, документ, рукопись, сохранность, чернила, стабилизация.

Abstract: this article reflects the problem of preservation of handwritten documents in the Archive of the Academy of Sciences. The results of laboratory studies of manuscripts confirmed the negative impact of the old archival packaging on the preservation of documents. Phase preservation allows solving complex problems of long-term storage of manuscripts.

Keywords: scientific researches, archive, document, manuscript, conservation, ink, stabilization.

Любой рукописный документ – это хрупкая система взаимоотношения основы (бумаги) и информационного слоя (чернил). Каждая его часть живет по своим физико-химическим законам. Некорректное вмешательство в структуру рукописи может разрушить бесценный, уникальный, неповторимый памятник. Научный подход к вопросам выбора реставрационной программы позволяет продлить жизнь историческим раритетам.

В результате мониторинга состояния сохранности рукописных документов в Архиве АН был сделан вывод об отрицательном влиянии старой архивной упаковки на сохранность документов. На физическое состояние рукописей оказывают влияние не только общеизвестные причины и человеческий фактор, но и материал, и конструкции, которые были специально созданы для защиты и сохранения исторических документов. Не по злому умыслу, а по незнанию с 80-х гг. прошлого века для архивных папок и коробок стали использовать технические, низкосортные, а поэтому и самые дешевые материалы: технический картон[1]. И уже через 20 лет непростой жизни документов в наших архивах можно наблюдать изменения, происходящие с рукописями. В первую очередь это изменение цвета основы в местах непосредственного соприкосновения с картонной обложкой. На химическом уровне происходит изменение pH бумаги в сторону сильного окисления[2]. Кроме того, наблюдаются резкие перепады углеродного показателя в границах одного листа. И все это способствует снижению механической прочности бумаги.

Причиной резкого старения основы рукописных документов являются картонные упаковки или обложки архивных дел. Старый картон, содержащий древесную массу, не был предназначен для длительного хранения. Он сам активно окисляется и создает агрессивную среду вокруг, которая оказывает серьезное влияние на все химические процессы, вызывает деструкцию основы рукописи и изменяет цвет чернил.

Серьезную проблему для длительного хранения архивных документов создают всевозможные архивные сопроводительные записи, такие как листы использования, учетные листы и прочие формуляры. Они выполнены на так называемой газетной низкосортной бумаге, содержащей древесную массу. Соприкасаясь с поверхностью архивных документов, они тоже окисляют основу. Как правило, эти контакты происходят на титульных листах (названия рукописей) и в конце архивных дел, где сосре-

доточены подписи, автографы, подтверждающие подлинность документов, т.е. самые важные части архивного дела. Кроме того, эти формуляры заполнены синтетическими чернилами. Их химическая нестабильность и агрессивность усугубляют отрицательное влияние на сохранность документов. Очень часто можно наблюдать видимые границы окисления основы документа от взаимодействия с архивным бланком. Синтетические чернила тоже окисляют основу, оставляя коричневые пятна на более светлой основе документа.

Еще одним немаловажным отрицательным фактором является использование синтетических клеев для изготовления архивных упаковок, папок и коробок. Эти клеи, не предназначенные для длительного хранения – с высокой щелочной или очень кислой реакцией. Их перечень очень длинный: начиная от ПВА (поливинилацетата) и заканчивая силикатным клеем. Архивная коробка, склеенная щелочным или очень кислым клеем, да еще из технического (чемоданного или электро-картона) материала, создают гремучую смесь, химически агрессивную среду, в которой вынуждены пребывать рукописные документы. Высокая щелочная реакция разрушает чернила, а избыток кислот деструктирует основу любого рукописного документа.

Все эти химические процессы, происходящие вокруг или на поверхности рукописей, необходимо четко представлять и очень взвешенно принимать решения о стабилизации архивного документа в процессе реставрации. Ведь то, что необходимо для поврежденной основы (нейтрализация продуктов распада целлюлозы), несовместимо с проблемами сохранения и стабилизации информационного слоя – чернил[3]. Также следует учесть, что использование химических фиксативов для закрепления чернил или химические способы перевода нестабильных чернил в другую химическую форму является серьезным вмешательством в структуру исторического документа и ведет к утрате идентичности.

Практическим выходом из сложившейся ситуации может быть фазовая консервация рукописей, которая будет включать:

1. Устранение внешних факторов отрицательного влияния, таких как обеспыливание, удаление старых архивных обложек, папок и коробок, сделанных из материалов, не предназначенных для длительного хранения; изолированное хранение архивных бланков и формуляров; удаление наклеек с синтетическими клеями.

2. Изготовление специальной индивидуальной упаковки из стабильных безкислотных материалов для длительного хранения рукописей.

В заключение следует напомнить, что основной задачей архивной работы является сохранение, т.е. длительное хранение документов и рукописей в том числе. Поэтому кажется целесообразным рекомендовать применение фазовой консервации как метода сохранения рукописного наследия.

Примечания

[1] ГОСТ 7500-85. Бумага и картон. Методы определения состава по волокну.

[2] *Привалов В.Ф.* Обеспечение сохранности архивных документов на бумажной основе. Методическое пособие. М., 2003. С. 53.

[3] *Он же.* Химическая стабилизация водорастворимых текстов документов. Методическое пособие. М., 1994. С. 13–14.

Н.Ф. Паламарь

Реставрация рукописных императорских грамот на пергамене: декоративность и функциональность оформления

N.F. Palamar

Restoration of handwritten imperial letters on parchment: decorative design functionality

Аннотация: в настоящей статье рассматриваются вопросы реставрации и сохранения подлинных рукописных документов XIX в. на пергамене, предложен способ их оптимального хранения.

Ключевые слова: архив, документ, пергамен, рукопись, сохранность.

Abstract: the article deals with the problems of restoration and preservation of authentic handwritten documents of the 19th century on parchment. An author writes about a special method for their optimal conservation.

Key words: archive, document, parchment, manuscript, conservation.

Уникальные исторические документы и в тоже время уникальные памятники культуры прикладного искусства и живописи – все это воплотили в себе императорские грамоты Войску Донскому. Грамоты, которыми награждали российские императоры своих верных подданных. Но революционные события 1917 г. и декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» от 1 июня 1918 г. изменили жизнь и вид этих документов.

Декоративное оформление пергаменных грамот вызывает восхищение и восторг даже у специалистов. Неизвестные мастера Оружейной палаты Московского Кремля вкладывали в оформление все свои знания и навыки работы с удивительным материалом – пергаменом, на котором выполнен текст грамот. Оружейники украшали поля документов декоративным орнаментом, использовали при этом твореное золото и твореное серебро, темперную краску, создавая оригинальные, никогда не повторяющиеся узоры и удивительной красоты миниатюрные медальоны с живописными пейзажами, батальными сценами и гербами городов.

К сожалению, лишь единичные экземпляры редких грамот дошли до нас в полном своем декоративном убранстве. Разъединенная по разным архивам и музейным коллекциям, прошедшая через руки вандалов, эта группа документов утратила не только свой блеск и красоту. Безвозвратно утрачены прекрасные металлические позолоченные рельефные ковчеги для печатей, витые металлизированные шнуры для соединения листов грамоты, роскошное убранство из золотого шитья по итальянскому бархату на обложках, шелковые форзацы и защитные листы.

Сейчас даже профессиональные реставраторы нечетко представляют весь комплекс декоративного убранства этой группы документов. На отдельных листах с текстом остались круглые сквозные отверстия от прежней системы соединения листов в блок и мелкие проколы от когда-то пришитых шелковых защитных листов между пергаменными листами с живописью. На белом бархатистом фоне пергамена видны темные следы от витых металлизированных шнуров – окислы серебра. Только отдельные волокна шелка в слое клея напоминают о роскошных защитных тканях перед живописными миниатюрами. Так выглядят эти грамоты в настоящее время вне зависимости от хранилища.

Разрушение декоративного оформления государственных грамот Войску Донскому – это не только эстетическая проблема.

Мудро продуманное нашими предками декоративное убранство несло в себе защитные функции, и его утрата приводит к серьезному разрушению уникальных документов на пергамене.

Пергамен как материал для письма является древним предшественником бумаги. В старых мастерских кожу молодых животных многие месяцы обрабатывали гашеной известью, выдерживали в золе, выравнивали металлическими скребками и тщательно втирали мел в обработанную поверхность. В результате такой обработки получался прекрасный прочный и очень долговечный писчий материал, на который хорошо ложились не только чернила, но и самая древняя живопись – темперная. Чернила были темно-коричневые железо-галловые. Они прекрасно сочетались с цветом пергамена, который имел натуральный оттенок слоновой кости. Краски для живописных миниатюр и декоративного орнамента всегда использовались только натуральные, приготовленные из природных полудрагоценных камней. Для получения серебряной или золотой краски перетирали сусальное золото и серебро, которое смешивали с яичным белком. В итоге грамоты на пергамене не только переливались всеми цветами радуги, но и излучали мерцающий свет, а живопись этих миниатюр получалась такого высокого качества, что до сих пор позволяет современным исследователям изучать различные этапы развития изобразительного искусства XIX в.

Есть еще один немаловажный фактор уникальности документов на пергамене. Древняя темперная живопись, такая же, как на пергамене, присутствует на древнерусских иконах. Однако, если в процессе бытования иконы много раз покрывались защитными пленками из олифы и лаков (поскольку олифа через 60–80 лет полностью темнеет, иконы либо расчищали, либо прописывали заново, поэтому на данный момент практически не сохранилось подлинных красок древней живописи – только фрагменты под слоями более поздних записей), на пергамене краски никто и никогда не закреплял и не защищал. И сегодня перед изумленны-

ми глазами редких исследователей сияющие чистые краски темперной живописи предстают в своей первозданной красоте.

Но время оставило свои следы на страницах и этих удивительных грамот. В период государственных преобразований 1917 г. грамоты передавались в новые музейные коллекции и создаваемые архивы, по дороге утрачивая значение особо ценных документов. Их хранили среди прочих дипломов на бумаге, тяжелые вислые печати в металлических ковчегах болтались незакрепленными и постепенно отрывались от грамот. Украшенные тяжелым металлическим декором крышки переплетов «мешали» хранению и становились достоянием вандалов. Вместе с крышками переплетов исчезли прекрасные шелковые ткани прокладок, а пергаменные листы остались открытыми для всеобщего обозрения. Большие листы складывались в несколько раз, чтобы они смогли разместиться в стандартной архивной папке формата «А4». Так начиналось медленное, но постоянное разрушение уникального документа.

Пергамен – очень прочный материал, но у него есть один маленький недостаток: он активно реагирует на изменение влажности воздуха. Когда создавали пергамен, проблем с резкими перепадами влажности не существовало, потому что не существовало и центрального отопления, которое появилось в российских хранилищах в XX в. Мониторинг состояния сохранности документов на пергамене показал грустную картину[1]: уменьшение содержания влаги в воздухе вызывает изменение линейных характеристик волокон коллагена в структуре пергамена, поверхность деформируется, что влечет за собой деформацию и разрушение мелового слоя, пастозных штрихов чернил и красочного слоя. Сначала появляются микротрещины, затем кракелюры, порошение и осыпи различных живописных и чернильных слоев. Не защищенные крышками листы пергамена то забирают излишнюю влагу из воздуха, то активно высыхают, отдавая даже связанную воду. Этот процесс происходит как минимум четы-

ре раза в год при смене времен года и включении/выключении центрального отопления. Кроме того, серьезное отрицательное влияние на сохранность пергамена оказывают документы, которые хранятся в одной с ним архивной папке. Бумага, содержащая древесную массу, технический картон, синтетические чернила и клеи, – все это создает очень агрессивную среду и приводит к разрушению документов на пергамене.

Научная реставрация одной из уникальных грамот Войску Донскому проходила в Лаборатории реставрации документов Архива РАН. Исследования проводились только неразрушающими методами. По результатам физико-химических исследований состояния сохранности документа была разработана программа реставрации, которая включала очистку поверхностных загрязнений, укрепление красочного слоя и чернил, распрямление пергамена, восстановление старого шитья блока, изготовление специальной индивидуальной упаковки для длительного хранения и экспозиции. Особым и обязательным условием было проведение реставрации без демонтажа грамоты.

Методика по работе с ценными документами на пергамене была опубликована[2], в результате проделанной работы были сделаны выводы о специфических особенностях оформления государственных рукописных грамот на пергамене. В работах было показано, что для обеспечения сохранности грамот необходимо восстанавливать функциональную часть их оформления, в первую очередь реконструируя старую систему соединения двойных пергаменных листов в тетрадь. Рукописные листы необходимо прокладывать листами из тонкой шелковой ткани, которые способны защитить красочный слой и чернила текста от механического воздействия и могут служить своеобразным буфером между агрессивной воздушной средой и поверхностью документа. Тетрадь, в свою очередь, должна быть закреплена на картонных крышках переплета старой мягкой и эластичной системой соединения через круглые сквозные отверстия в пергамене и

корешке переплета с использованием витых металлизированных шнуров, на свободных нижних частях которых размещалась вислая печать. В ходе означенных работ крышки переплета выполнялись из многослойного склеенного картона и представляли собой массивный тяжелый блок, который как пресс удерживал пергамен в плоском виде. Внутренняя сторона крышек была классически оформлена, но вместо бумажных форзацев использовалась шелковая ткань, часть которой приклеивалась к внутренней стороне крышки (так называемый приклеенный форзац), а вторая свободная часть выполняла функции защиты первого рукописного листа грамоты. В этой воспроизведенной древней конструкции все было мудро продумано до мелочей, и теперь утрата любого из представленных элементов ведет к резкому ухудшению состояния сохранности главного – рукописной, рукотворной части документа, что повсеместно можно наблюдать в архивохранилищах.

Принимая во внимание все проблемы системы учета и хранения наших музейных и архивных хранилищ рукописных документов и наличие центрального отопления, для сохранности подобных грамот необходимо реконструировать прежний вид их индивидуального футляра. Кроме того, такую специальную индивидуальную упаковку важно изготовить из стабильных материалов, предназначенных для длительного хранения документов.

Примечания

[1] Этому вопросу посвящены следующие публикации: *Паламарь Н.Ф.* Научные исследования и реставрация документов на пергамене // «Вестник архивиста». 2012. № 1. С. 295–302; *Паламарь Н.Ф.* Пергаменные документы в архиве. Исследования и консервация. // 8-ая международная научно-практическая конференция «Достижения, реставрация и превентивная консервация музейных памятников. Современное состояние и

перспективы развития». Киев, 23–27 мая 2011 года. С. 303–306; *Мокрецова И.П., Наумова М.М., Киреева В.Н., Добрынина Э.Н., Фонкич Б.Л.* Материалы и техника византийской рукописной книги. М., 2003.

[2] *Паламарь Н.Ф.* Научная реставрация документов на пергамене в Архиве РАН // Лики памяти. Новейшие технологии сохранения и восстановления рукописного и печатного наследия». Ереван, 2012. С. 190–194; *Паламарь Н.Ф.* Проблемы консервации архивных памятников истории и культуры. Научные методы и практика. Сборник статей международной научно-методической конференции «Исследования в консервации культурного наследия». М., 2012. С. 191–194.

Ил. 1. Фотография императорской грамоты Войску Донскому 1832 года. Общий вид после реставрации.

Ил. 2-3. Фотографии императорской грамоты Войску Донскому 1832 года. Общий вид после реставрации.

Ил. 4-5. Фрагменты декоративного оформления императорских грамот на пергамене.

А.Д. Власов, Е.Г. Хосид

Микромицеты воздушной среды архивохранилища № 21 и рабочих комнат сотрудников СПбФ АРАН

A.D. Vlasov, E.G. Hosid

Micromycetes of the air environment in the archive repository № 21 and the working rooms of the staff of St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

Аннотация: микроскопические грибы представляют существенную опасность для архивных и библиотечных фондов. Появлению биоповреждений, вызываемых микромицетами, способствуют неблагоприятные условия хранения, избыточная запыленность документов, а также высокое содержание спор в воздухе. В хранилищах Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук регулярно проводится мониторинг биологического загрязнения воздуха. В данной работе рассматриваются результаты мониторинга состава и численности микромицетов в течение года в архивохранилище № 21 СПб филиала АРАН и рабочих комнат сотрудников отдела обработки фондов, комплектования и ведомственных архивов СПб филиала АРАН, располагающихся рядом с хранилищем.

Ключевые слова: биоповреждения, микромицеты, архивохранилище, мониторинг, воздушная среда.

Abstact: microscopic fungi represent a significant danger for archival and library collections. The appearance of biological damage caused by micromycetes is promoted by unfavorable storage conditions, excessive dustiness of documents and high content of spores in the air. Monitoring of biological air pollution is regularly conducted in the depositories of the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian

Academy of Sciences. This paper reviews the results of monitoring the species composition and abundance of micromycetes during the year in the archive repository № 21 of the St. Petersburg branch of the ARAS and the workrooms of the employees of the Department of funds processing, acquisition and departmental archives of SPbB ARAS, located near the repository.

Keywords: biodeterioration, micromycetes, archive, monitoring, air environment.

Мониторинг загрязненности воздуха рабочих помещений и архивохранилищ является необходимым для обнаружения возможных источников биоповреждений и выявления возможных вредных факторов, влияющих на здоровье сотрудников. Содержание микромицетов в воздухе до 500 КОЕ/м^3 принято нормой для помещений немедицинского назначения в Российской Федерации и большинстве других стран[1]. Превышение нормы указывает на наличие биологического повреждения строительных конструкций или хранящихся материалов в помещении и является фактором риска для сотрудников развития аллергических реакций и заболеваний, вызываемых условно-патогенными грибами при пониженном иммунитете. Также важное значение имеет видовой состав плесневых грибов, выявление активных биодеструкторов, аллергенов, условно-патогенов или микроорганизмов, выделяющих микотоксины.

Поддержание температурно-влажностного режима хранилищ документов предотвращает развитие биоповреждений. На обсемененность воздуха помещений могут влиять разные факторы:

– микрофлора окружающего воздуха, в том числе время года и погодные факторы, воздушные потоки, несущие микроорганизмы с дальних расстояний;

– запыленность помещений;

– посещаемость помещений людьми;

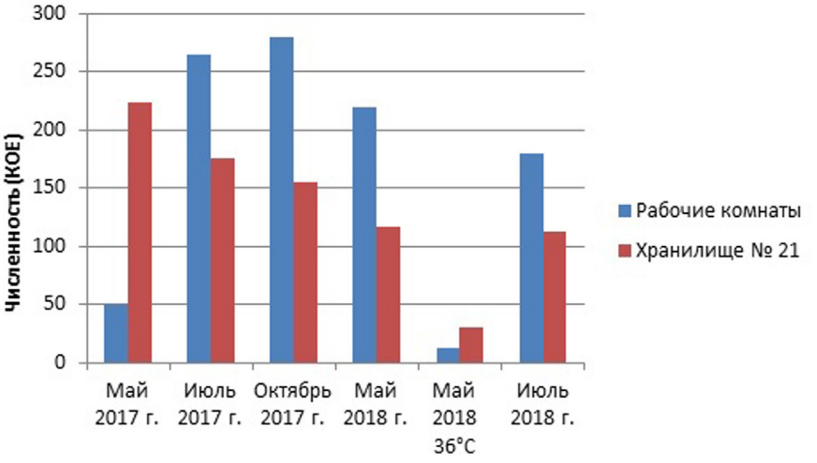
– изменение температурно-влажностного режима помещений, особенно во время перехода на отопительный сезон;

– аварийные ситуации.

В данной работе рассматриваются результаты мониторинга видового состава и численности микромицетов в течение года в архивохранилище № 21 СПбФ АРАН и рабочих комнат сотрудников отдела «Обработки фондов, комплектования и ведомственных архивов» СПбФ АРАН, располагающихся рядом с хранилищем. Данные помещения были выбраны для мониторинга микробиологического состояния воздушной среды не случайно. В помещениях ранее происходили протечки, локально отмечалось повышенное содержание спор в воздухе. При обследовании фондов встречались пораженные плесенью документы. Архивохранилище № 21 располагается в старом здании и готовится к переезду.

Пробы воздуха отбирались весной, летом и осенью в 2017–2018 гг. Отбор проб воздушной среды производился с помощью сертифицированного пробоотборного устройства ПУ-1Б. Споры и клетки микроорганизмов осаждались из воздуха на питательную среду в чашки Петри. Для изоляции и идентификации микромицетов использовалась питательная среда Чапека. Инкубирование проб проводилось в течение 14 суток при температуре 25°С. По истечении срока культивирования производился подсчет и последующий пересчет числа колонии образующих единиц микроорганизмов (КОЕ) на 1 м^3 воздуха помещений. Для оценки патогенности грибов дополнительно было проведено культивирование проб воздуха при температуре 36°С в мае 2018 г.

Результаты исследования показали, что концентрация спор в воздухе хранилища № 21 и рабочих комнатах сотрудников находится в пределах нормы (не более 500 КОЕ/м^3 воздуха). При расчете средних значений содержания спор грибов в воздухе хранилища и рабочих комнат было выявлено, что концентрация микромицетов не превышает 300 КОЕ/м^3 (Ил.1.).



Ил.1. Расчет численности спор грибов в воздухе в течение года обследований.

На графике представлены средние значения концентрации спор грибов в воздухе для рабочих комнат и хранилища. Однако, если оценивать отдельно взятые точки в хранилище и комнатах, локально концентрация грибов в некоторых из них близка к 500 КОЕ/м^3 воздуха. Так, в хранилище № 21 прослеживается явная тенденция увеличения численности спор грибов в воздухе от левого угла к правому (дальнему). Действительно, в правом углу хранилища ранее происходили протечки. Концентрация спор грибов в данной точке в мае 2017 г. составила 480 КОЕ м^3 (Ил. 2).

Большинство выделенных грибов из воздуха хранилища и рабочих комнат относятся к условно патогенным видам[2]. В воздушной среде комнат сотрудников за год обследований выявлено 22 вида грибов из 12 родов. В воздушной среде хранилища выявлено 24 вида из 14 родов. По видовому разнообразию и встречаемости доминировали виды родов Penicillium и Aspergillus. Так, в рабочих комнатах выявлено 10 видов грибов из рода Penicillium, 6 видов грибов из рода Aspergillus. В хранилище выявлено 7 видов грибов рода Penicillium, 7 видов грибов рода Aspergillus.

И в комнатах, и в хранилище также доминировали грибы рода Cladosporium. Были выявлены 2 часто встречающихся вида: C. cladosporioides и C. oxysporum. К часто встречающимся грибам в воздухе хранилища и комнат сотрудников можно отнести Chaetomium globosum.

Ил. 2. Грибы, выделенные из воздуха хранилища № 21 в мае 2017 г.

В течение года обследований наблюдались некоторые изменения в видовом составе микромицетов. Так, Chaetomium globosum стабильно выделялся в культуру в 2017 г., а в 2018 г. данный вид из воздуха не выделен. Наоборот, Aerobasidium pullulans, Botrytis cinerea, Engyodontium album, Fusarium sp. были выделены только летом 2018 г. Также в летний период наблюдается увеличение численности грибов рода Cladosporium. Такие изменения связаны с тем, что в летний период обычно наблюдается увеличение числа микроорганизмов, связанных с растениями.

Помимо упомянутых выше грибов, в воздухе хранилища и рабочих комнат в течение года встречались следующие рода

микромицетов: Acremonium, Mucor, Paecelomyces Scopulariopsis Stachybotrys Ulocladium Verticillium. Среди дрожжевых грибов в пробах доминировал род Rhodotorula. В большинстве проб воздуха выделялся стерильный светлый мицелий (Mycelia sterilia). Важно также отметить, что в течение года обследований в пробах воздуха отмечалась высокая доля бактериальных колоний.

Исходя из графика (Ил. 1.) также видно, что при 36°С численность микроскопических грибов минимальна (не более 20–30 КОЕ/м^3). В результате идентификации термоустойчивых грибов, выделенных в мае 2018 г., было выявлено 2 вида: Penicillium funiculosum и Chaetomium globosum.

При намокании документов и стен хранилищ существует высокая вероятность быстрого развития грибов. Выделенные грибы при возникновении благоприятных для их роста условий способны развиваться и повреждать документы. Среди выявленных грибов присутствуют условно патогенные виды. Увеличение численности спор на материалах и в воздухе помещений может негативно сказываться на здоровье сотрудников. В связи с этим необходимо соблюдать условия хранения документов, не допускать переувлажнения и резких колебаний температуры.

Примечания

[1] *Богомолова Е.В., Великова Т.Д., Горяева А.Г., Иванова А.М., Кирцидели И.Ю., Лебедева Е.В., Мамаева Н.Ю., Панина Л.К., Попихина Е.А., Смоляницкая О.Л., Трепова Е.С.* Микроскопические грибы в воздушной среде Санкт-Петербурга / Под ред. *М.А. Бондарцевой.* СПб., 2012.

[2] *Саттон Д., Фотергилл А., Ринальди М.* Определитель патогенных и условно патогенных грибов. М., 2001.

Е.Г. Хосид, А.Д. Власов, Т. Д. Великова

Биостойкость разных видов картона, применяемых для консервационных целей в библиотеках и архивах

E.G. Khosid, A.D. Vlasov, T.D. Velikova

Biostability of different types of cardboard used for conservation purposes in libraries and archives

Аннотация: в последнее время бескислотный картон широко применяется для фазового хранения документов и книг. В данной работе с целью проверки безопасности для хранения материалов при возникновении аварийной ситуации протестирована биостойкость бескислотного картона разных марок. Большинство культур микромицетов, применявшихся в тестировании биостойкости, при своем развитии вызывают защелачивание картона.

Ключевые слова: бескислотный картон, биоповреждения, микромицеты.

Abstract: recently acid-free cardboard is widely used for the phase storage of documents and books. This study's purpose is to check the safety of the storage of materials in the event of an emergency. The biostability of various grades of acid-free cardboard has been tested. Most cultures of micromycetes used in the testing of biostability cause alkalinization of the cardboard in their development.

Keywords: acid-free cardboard, biodeterioration, micromycetes.

Фазовое хранение с применением коробок, футляров, паспарту и пр. из нейтрального материала (в основном из бескислотного картона) в последние годы широко применяется в практике архивов и библиотек. Главные требования к материалам, приме-

няемым для консервации – это pH, близкий к нейтральному или слабощелочному, большой щелочной резерв, отсутствие красителей, которые могут окрашивать хранящиеся документы, минимальной способностью к истиранию (отсутствие абразивных свойств). Как было показано[1], бескислотный картон (ВНИИБ) сохраняет свои свойства в процессе тепловлажного старения и остается безопасным для документов. Бескислотный картон не содержит биоцидных добавок и как материал из чистой сульфатной целлюлозы может подвергаться поражению микроорганизмами. Нейтральное и слабощелочное значение pH, щелочной резерв не являются препятствием для роста микромицетов, так как многие грибы способны расти на бумаге в широком интервале pH[2]. Одно из требований к документам, предназначенным для фазового хранения, это отсутствие их биологического заражения, поэтому требуется предварительная дезинфекция зараженных документов, чтобы не допустить дальнейшего развития грибов внутри контейнеров. В данной работе рассматривалось, будет ли происходить обрастание плесневыми грибами материалов из бескислотного картона, предназначенных для хранения документов, в случае их намокания при возникновении аварийной ситуации (протечках, тушении пожара водой и пр.) или при повышенной относительной влажности воздуха в помещении книгохранилища в течение длительного времени.

Материалы и методы

Для анализа были взяты пять образцов архивного бескислотного картона:

– компании Emba (Чехия) толщиной 0.8 и 1.0 мм;

– архивный двуслойный картон толщиной 1.0 мм, приобретенный в РНБ для установки CaseMaker (Великобритания);

– картон бескислотный производства ВНИИБ (РФ, СПБ) из небеленной сульфатной целлюлозы (содержание альфа-

целлюлозы не менее 97%) хвойной древесины толщиной 0.8 мм;

– картон переплетный[3] толщиной 2.0 мм.

Были измерены некоторые свойства картона, которые соответствуют требованию нейтральности материала для его назначения: pH[4] и впитываемость по методу Клемма[5].

Для анализа биостойкости образцы картона размером 4×4 см были обработаны по срезам биостойкой белой краской Marshall, помещены в чашки Петри на голодный агар (в двух повторностях) и заражены водной суспензией спор грибов в концентрации 8×106 КОЕ/мл[2] Aspergillus niger Tiegh и Trichoderma viride Pers, которые часто используются в качестве тестовых культур. T. viride является наиболее активным целлюлозоразрушителем, а A. niger – наиболее устойчивым к неблагоприятным факторам для развития грибов. Оба вида имеют высокую частоту встречаемости в книгохранилищах различных библиотек. Кроме того, был проведен анализ биостойкости по ГОСТ 9.048-89[6]: образцы (в двух повторностях) были заражены водной суспензией спор девяти культур микромицетов и были помещены в эксикатор с водой для создания атмосферы, приближенной к 100% относительной влажности воздуха, которые имитируют увлажнение документов при аварийной ситуации. Выращивание микромицетов проводили в термостате при 28°С, образцы осматривали и описывали через 7, 14 и 30 суток (в эксикаторе). Результаты обрастания наблюдали визуально, съемку образцов осуществляли при помощи цифрового USB-микроскопа «МИКМЕД 5.0». Измерения pH картона проводили двумя методами: контактным методом с помощью pH-метра Skincheck HANNA (Portugal) и определение pH водной вытяжки методом холодной экстракции образцов картона[4] на pH-метре Hanna 211 с плоским стеклянным электродом. Измерения проводили после 14 дней роста Aspergillus niger и Trichoderma viride и 30 дней – после роста комплекса из девяти микромицетов[6]; pH дистиллированной воды, используемой для измерения, – 6.55.

Обрастание образцов A. niger и T. viride оценивали биолюминесцентным методом[7] с использованием люмитестера Lumitester PD10 и реагента LuciPac W. Налет микромицетов снимали свабом, увлажненным стерильной дистиллированной водой с участка поверхности образца площадью 4 см^2. Сваб помещали в пластиковую тубу и нажимали на его стержень, чтобы вскрыть капсулу, содержащую жидкий реагент, далее величину люминесценции измеряли люмитестером. Полученный результат, выраженный в относительных единицах света (RLU), пересчитывали на единицу площади (RLU/дм^2). Для количественной оценки обрастания образцов девяти культур микромицетов[6] через 30 дней был проведен высев с поверхности образца картона. С этой целью налет микромицетов, снятый стерильным сухим тампоном, был помещен в 50 мл стерильной воды, и после трех последовательных разведений по методу Коха 0.5 мл суспензии высеяно на агаризованную среду Чапека-Докса. Количество выросших колоний пересчитано на один дм^2 площади поверхности образца.

Результаты и обсуждение

По результатам определения капиллярной впитываемости Клемма (Таблица 1) видно, что консервационный картон производства компании EMBA имеет гидрофобизирующую пропитку и практически не впитывает воду. Консервационный картон производства Великобритании имеет небольшую впитываемость (14.9+/−0.5 мм), тогда как картон ВНИИБ и переплетный картон имеют впитываемость воды на одном уровне (40.5+/−4.5 мм и 41.5+/−1.1 мм соответственно). Очевидно, что высокая впитываемость негативно сказывается на биостойкости картона, так как увеличение влажности приводит к росту грибов.

Как видно из результатов измерения pH (таблица 1), все образцы картона, взятые для исследований, имеют показатели, близкие к нейтральным или слабощелочные. Значения pH, полу-

ченные контактным методом для картона ВНИИБ и для переплетного картона, сильно отличались от значений, полученных методом холодной экстракции. Подобные результаты были получены ранее[1]. Это связано со свойствами поверхности разных материалов и условиями измерения контактным методом в малом объеме воды[8]. Результаты измерения pH картона, подвергшегося обрастанию культурами микромицетов, показали тенденцию к защелачиванию для всех образцов и культур микромицетов, кроме роста Aspergillus niger и Trichoderma viride на образцах картона (ВНИИБ) и переплетного картона, где значение pH не изменилось или незначительно снизилось на 0,2 единицы (при росте T. viride на картоне (ВНИИБ) после 14 суток роста). Вероятно, защелачивание образцов, подвергшихся биообрастанию, связано с их составом, отсутствием других источников углерода, недостатком минеральных питательных веществ, таких как азот и фосфор. Бескислотный картон содержит карбонат кальция, который взаимодействует с оксидами кислот, находящимися в воздухе, и с кислыми продуктами роста грибов, то есть является буфером, и при этом в картоне образуется $Ca(OH)_2$. При выделении грибами CO_2 или потреблении его микромицетами на картоне со щелочным резервом возможна реакция кислот как продуктов метаболизма с выделяемым грибами в процессе дыхания CO_2, что приводит к нейтрализации этих веществ или слабому защелачиванию. Обычно рост микромицетов на среде Чапека-Докса приводит к ее закислению, однако некоторые виды грибов способны увеличивать pH на этой среде, что связано с оптимальным интервалом кислотности для действия экзоферментов[9]. Микромицеты-биодеструкторы при развитии на полимерных материалах выделяют разные органические кислоты и продукты их метаболизма, которые могут взаимодействовать с полимерными материалами, приводя к их дальнейшему разрушению. В наших результатах наряду с визуально отмеченным биообрастанием (Таблица 2) имеет место увеличение pH.

Таблица 1. Результаты измерения свойств картона.

Виды картона	Капиллярная впитываемость	Измерения pH после роста грибов							
				После 14 суток роста				После 30 суток роста	
		КМ*	ВВ*	КМ*		ВВ*		КМ*	ВВ*
		Контроль	Контроль	A. niger	T. viride	A. niger	T. viride	Тестирование по ГОСТ, комплекс культур	
Emba 0,8 мм	0, 03 +/–0,0	8,0	8,1	8,7	8,3	8,3	8,3	8,2	9,0
Emba 1,0 мм	0.00+/−0.0	7,8	7,6	7,7	8,4	7,8	8,1	8,8	8,9
Для CaseMaker 1,0 мм	14.9+/−0.5	8,0	7,8	8,2	8,4	8,1	8,7	7,2	8,4
ВНИИБ, 0,8 мм	40.5+/−4.5	6,1	7,4	6,7	6,7	7,4	7,2	7,3	7,9
Переплетный 2,0 мм	41.5+/−1.1	6,3	7,6	7,1	7,1	7,6	7,6	8,7	8,7

* Примечание: КМ – контактный метод, ВВ – метод водной вытяжки измерения pH.

На всех исследованных образцах визуально и с помощью микроскопа можно было отметить обрастание грибным мицелием и спорообразование. Рост A. niger хорошо заметен на образцах, тогда как рост T. viride вначале незаметен из-за светлого мицелия до появления интенсивного спорообразования.

Таблица 2. Результаты анализа биостойкости картона.

Вид картона	Контрольные образцы картона, ув. 10х	Обраста-ние *A. niger* через 14 сут.	Обраста-ние 9-ю грибами через 30 сут.[6]	Обрастание картона					
				Обрастание, баллы, *A. niger*	Через 14 сут., RLU* RLU/дм²		Через 30 сут.		
					A.niger	*T.viride*	Рост 9-и грибов		
							Баллы	КОЕ, *10^6/дм²	
Emba 0.8 мм				2	3 289*	1 939*	2	3,8	
					82 000	48 000			
Emba 1,0 мм,				2	122*	443*	2	6,5	
					3 100	11 000			
Для Case Maker 1,0 мм,				4	1 479*	4 336*	5	4,5	
					37 000	108 000			
ВНИИБ 0,8 мм				4	2 346*	3 339*	5	3,6	
					59 000	83 000			
Пере-плет-ный 2,0 мм				4	2 360*	2 944*	5	5,4	
					59 000	74 000			

* Примечание: в верхней строке отмечены результаты в RLU, полученные непосредственно на люмитестере, в нижней строке – пересчитанные на RLU/дм².

По результатам визуальной оценки обрастания образцов картона девяти культур микромицетов[6] видно, что самым небиостойким является переплетный картон и картон ВНИИБ, что соответствует высокой впитываемости воды этими образцами. Однако эти данные не соответствуют количеству значениям спорообразующих единиц (КОЕ/дм^2) на поверхности образцов, что может быть объяснено большим интенсивным ростом мицелия и меньшим спорообразованием.

Максимальное количество спорообразующих единиц получено для более биостойкого картона Emba толщиной 1,0 мм (по визуальной оценке), что, возможно, объясняется большим спорообразованием в неблагоприятных условиях. В целом полученные значения КОЕ являются величинами одного порядка от 36×103 до 65×103 КОЕ/см^2. Данные такого же порядка (от 32,1 до 56,9×103 КОЕ/см^2) получены ранее[9] при наибольшем обрастании зараженных образцов бумаги в эксикаторе.

Согласно данным флуоресцентного анализа зараженности поверхности картона, после 14 суток роста микромицетов максимальную зараженность имеет картон, предназначенный для CaseMaker, при росте Trichoderma viride, что вначале остается незаметным визуально. Минимальная зараженность была на картоне Emba толщиной 1,0 мм. По данным Треповой, Горяевой[7], показатели до 5000 RLU/дм^2 соответствуют фоновому заражению поверхности, таким образом, можно говорить об очень незначительном обрастании этого образца на голодном агаре в течение 14 суток. По результатам биолюминесцентного анализа, почти все образцы картона (кроме Emba толщиной 0,8 мм) сильнее заражаются T. viride, чем Aspergillus niger, возможно, потому что оптимум pH для роста A. niger находится в более кислой области[10].

Таким образом, рост многих представителей рода Penicillium и Aspergillus на консервационном картоне, предназначенном для хранения библиотечных и архивных материалов в качестве суб-

страта, будет замедлен вследствие слабощелочной реакции среды. Рост грибов на картоне в данных условиях приводит к его защелачиванию, незначительное обрастание микромицетами не ухудшает такие свойства картона как pH. Однако биоповреждение консервационного картона опасно для хранящихся в нем документов. Можно сделать вывод о предпочтительности картона с высокими гидрофобными свойствами. Представляет интерес вопрос о характере роста микромицетов на картоне: поверхностном или проникающем в глубину материала.

Примечания

[1] *Подгорная Н.И., Добрусина С.А., Лобанова Н.А.* Контейнеры из бескислотного картона для обеспечения сохранности книг. // Теория и практика сохранения памятников культуры. Сборник статей. Вып. 25. СПБ., 2017. С. 246–257.

[2] *Загуляева З.А.* Влияние кислотности среды на рост грибов на бумаге // Старение бумаги. Сборник статей. М.–Л., 1965, С.75–81.

[3] ГОСТ 7950-77 Картон переплетный. Технические условия.

[4] ГОСТ 12523-77. Целлюлоза, бумага, картон. Метод определения величины pH водной вытяжки.

[5] ГОСТ 12602-93. Бумага и картон. Определение капиллярной впитываемости. Метод Клемма.

[6] ГОСТ 9.048-89. Единая система защиты от коррозии и старения. Изделия технические. Методы лабораторных испытаний на стойкость к воздействию плесневых грибов.

[7] *Трепова Е.С., Горяева А.Г.* Биолюминесцентный метод определения зараженности полимерных материалов // Комплексное обследование книгохранилищ. Методическое пособие. СПБ., 2013. С. 147–153.

[8] *Великова Т.Д., Мамаева Н.Ю.* Измерение pH документов // Комплексное обследование книгохранилищ. Методическое пособие. СПБ., 2007. С.119–130.

[9] *Попихина Е.А., Великова Т.Д.* Рост грибов на бумаге в условиях, при-

ближенным к аварийным // Теория и практика сохранения памятников культуры. Сборник статей. Вып.25. СПБ., 2017. С.132–138.

[10] *Горбань М.В., Ямпольская Т.Д.* Физиологические аспекты деструкции синтетических и природных полимеров коллекционными и аборигенными штаммами микромицетов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Том 14. № 1(9). 2012. С. 2206–2210.

Н.В. Чернова

Разработка методики реставрации бумажных эстампажей

N.V. Chernova

Development of methods for the restoration of the paper squeezes

Аннотация: в статье представлена методика реставрации бумажного эстампажа, сделанного на тряпичной бумаге типа «фильтровальной», методом ручной доливки бумажной массой.

Ключевые слова: бумажные эстампажи, реставрация, ручная доливка бумажной массой.

Abstract: the article presents the technique of restoration of the paper squeeze, made on rag paper of the «filtering» type, by the method of manual leafcasting.

Keywords: paper squeezes, restoration, manual leafcasting.

Цель методики: восполнение разрывов и утраченных фрагментов бумажной основы документа – эстампажа – методом доливки бумажной массой ручным способом на впитывающей поверхности (пористый материал, впитывающий воду). Методика довольно проста в исполнении и не требует больших материальных вложений для своего осуществления, ко всему прочему, позволяет вернуть эстампажу былой объем рельефа.

Требования к данной методике: после реставрационных мероприятий ни бумажная основа документа, ни рельеф букв на эстампаже, включая их размеры, не должны быть изменены. Подтверждением этому является фотодокументация[1] с масштабной линейкой на миллиметровке.

История: коллекция эстампажей поступила в Архив АН СССР (теперь СПбФ АРАН) в 1930 г. из расформированной

после смерти Ф.И. Успенского Византийской комиссии, куда они были переданы после возвращения имущества Русского археологического института из Стамбула вместе с другими научными материалами Русского археологического института в Константинополе (РАИК)[2]. В коллекцию входят эстампажи и прорисовки надписей, а также эстампажи икон и элементов архитектурного декора, датирующиеся с I в. до н. э. по 1342 г.[3] В 1934 г. Н.П. Тихоновым, специалистом в области археологической и фотографической технологии, была создана Лаборатория консервации и реставрации документов. Так как Н.П. Тихонов уже продолжительное время был сотрудником Института исторической технологии в составе Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК)[4], первое время Лаборатория располагалась на территории ГАИМК, где с 1931 г. находилось более 4500 эстампажей, переданных из Ленинградского института философии, литературы и истории (ЛИФЛИ)[5].

Проблему сохранности документов решали двумя путями – исследовательским и практическим. Как показал опыт, путь сочетания научно-прикладных разработок и практической реставрации оказался жизненным и плодотворным[6]. Сотрудники стремились выработать методики хранения и реставрации эстампажей. Об этом свидетельствует, в частности, заказанный Н.П. Тихоновым перевод американской статьи «Химическое сохранение эстампажей»[7]. Он был заказан Н.П. Тихоновым в 40-е гг. XX в. и сохранился в имеющейся в лаборатории библиотеке книг и переводов статей из иностранных журналов по хранению и реставрационной тематике. К сожалению, после гибели ее директора Н.П. Тихонова во время блокады Ленинграда работа Лаборатории была приостановлена. После войны лабораторию восстановили на территории Библиотеки Академии наук. Работа же по реставрации и выработке методики хранения эстампажей возобновилась только спустя более чем полвека.

В 2016 г. в СПбФ АРАН Н.А. Павличенко атрибутировала и описала около 70 бумажных эстампажей. Этот вид копирования надписей активно применяется всеми учеными, изучающими различные надписи, как античные, так и древнерусские, и восточные, так как эстампажи не только сохраняют буквы, вырезанные на камне, но и точно воспроизводят размер, контуры и расположение этих надписей. Как правило, эстампажи снимаются в момент находки надписи, и поэтому отражают наилучшую степень ее сохранности. Наряду с фотографиями они являются необходимым пособием для проведения исследований в эпиграфических изысканиях.

В связи со спецификой изготовления эстампажей структура бумаги меняется, некоторые из оттисков имеют разрывы на краях букв, возникшие при изготовлении. В результате длительного хранения такого рода эстампажи разрушаются еще больше: разрывы на бумаге увеличиваются и возникают утраты основы и букв. Кроме того, снижается механическая прочность материала. По этой причине рельеф букв понижается, а мелкие детали или даже хорошо видимый текст могут стереться, также появляются изломы по сгибам. Крупноформатные эстампажи в процессе бытования рвутся и ветшают[8]. Некоторые эстампажи требуют реставрации, так как их невозможно прочитать из-за того, что они помяты, то есть нарушена геометрия.

Оборудование:

1. Пористый материал, впитывающий воду, либо кювета с сетчатой (перфорированной) крышкой, для отвода воды при поливе бумажной массой.

2. Специализированный измельчитель бумаги (для изготовления бумажной массы), или миксер с высокой мощностью.

3. Пипетки разного объема или спринцовки.

4. Химическая посуда (мерные стаканы и колбы) для приготовления растворов.

5. Весы и разновесы.

6. Микроволновая СВЧ-печь для приготовления клея.

7. Два листа синтетического материала, который должен пропускать воду и не прилипать к эстампажу, но при этом не образовывать фактуры на долитом участке и самом листе. Он используется в качестве подложки под реставрируемый объект во время доливки, позволяя доливочной бумажной массе задерживаться на уровне листа. Это может быть нетканый материал, такой как флизелин, тонкая капроновая ткань без ярко выраженной фактуры, либо полиэфирный нетканый материал Lascaux Hollytex 3257, плотностью 34 г/м^2, применяемый реставраторами.

8. Для изготовления бумажной массы (водной пульпы) могут быть использованы обрывки старой тряпичной бумаги или современная 100%-я хлопковая бумага (Canson, производство Франция и др.). Необходимо отметить, что по цвету тряпичная масса должна отличаться от цвета бумажной основы эстампажа, то есть должна быть светлее.

Процесс восстановления целостности эстампажей методом доливки бумажной массой ручным способом состоит из двух этапов: подготовительный период – это подготовка рабочей поверхности, изготовление бумажной массы, растворов метилцеллюлозы и клея из пшеничного крахмала; и самого процесса восполнения разрывов и утрат.

Технологическая карта – алгоритм (последовательность совершения действий при выполнении работ).

Инструкция.

1. Изготовление бумажной массы.

Изготовление бумажной массы производится следующим образом: готовая, высушенная тряпичная масса или бумага из тряпичного волокна изначально рвется руками на мелкие кусочки, потом помещается в емкость и заливается (для замачивания) дистиллированной водой. Готовят два раствора в соотношении:

2 г бумажной массы на 100 мл дистиллированной воды;

1,5 г длинноволокнистой бумажной массы на 100 мл дистиллированной воды.

По истечении трех суток бумажная масса разбивается в специальном измельчителе для бумаги до тех пор, пока измельченные волокна бумаги не осядут на дно. Такое разделение водной пульпы свидетельствует о готовности бумажной массы для доливки.

Для реставрации эстампажей используется тряпичная бумажная масса, смешанная в соотношении:

1 г отжатой, коротковолокнистой, бумажной массы;

0,2 г отжатой, длинноволокнистой, бумажной массы;

200 мл дистиллированной воды.

Так как длинноволокнистая бумажная масса имеет свойство собираться в комок (хлопьеобразование), раствор бумажной массы нужно постоянно взбалтывать.

Бумажная масса специально не прокрашивается для того, чтобы исследователи, которые в дальнейшем будут пользоваться реставрированным эстампажем, могли видеть реставрацию, отличить реставрированные части эстампажа.

Расчет количества бумажной массы, необходимой для восполнения утрат на эстампаже, ведется по соотношению толщины доливаемого документа и пробной отливки из бумажной массы, приготовленной для долива[9]:

h отл. соответствует V отл. бумажной массы,

h док. соответствует V док. бумажной массы,

где: h отл. – толщина пробной отливки, мм;

h док. – толщина доливаемого документа, мм;

V отл. – количество бумажной массы, израсходованное для отлива пробной отливки площадью 100 см^2, мл;

V док. – количество бумажной массы, необходимое для долива утраты документа площадью 100 см^2, мл.

$$\frac{\text{h отл.}}{\text{h док.}} = \frac{\text{V отл.}}{\text{V док.}} \quad (1) \cdots\cdots\Rightarrow\cdots\cdots V_{\text{док.}} = \frac{\text{V отл . x h док.}}{\text{h отл.}} \cdots\cdots (2)$$

$$\frac{V\ утр.}{V\ док.} = \frac{S\ утр.}{100} \quad (3) \cdots\cdots\Rightarrow\cdots\cdots V утр. = \frac{V\ док.\ x\ S\ утр.}{100} \cdots\cdots (4)$$

Пропорция:

Необходимое количество бумажной массы в соответствии с площадью утраты рассчитывается из следующей пропорции:

V док. бумажной массы соответствует 100 см^2;

V утр. бумажной массы соответствует Sутр;

Где V док. – количество бумажной массы, необходимое, для долива утраты документа площадью 100 см^2, мл; вычисленное по формуле (2).

V утр. – количество бумажной массы, необходимое, для долива утраты документа реального размера, мл;

S утр. – площадь реальной утраты, см^2.

Пропорция аналогичная первой (1):

Для удобства расчета количества бумажной массы при доливе большого количества утрат разной площади можно составить следующую таблицу, рассчитанную по формуле (4)[10].

Sутр. (см^2)	100	1	2	3	4	5	и т.д.
Vутр. (мл)	форму-ла						

2. Приготовление укрепляющего раствора метилцеллюлозы.

От 2 г до 8 г метилцеллюлозы и 1000 мл дистиллированной воды (нагретой до 450° С) смешиваем и помещаем в холодильник, происходит быстрое набухания метилцеллюлозы и получаем 0,2% – 0,8% раствор. В зависимости от ветхости бумаги – основы документа эстампажа – выбирается концентрация раствора метилцеллюлозы.

3. Обеспыливание эстампажа мягкой кистью, без удаления частичек камня, с которого был он сделан.

4. Промывание эстампажей в воде и укрепление бумажной основы. Эстампажи на листе полиэфирного нетканого материа-

ла Lascaux Hollytex или на сетке промывают в кювете с водой столько времени, сколько нужно для его очищения и нормализации pH водной вытяжки (если значение pH отклонено от нормы). Размер подложки должен превышать размер реставрируемого документа.

5. В том случае, если эстампаж сделан на рыхлой, осыпающейся бумаге типа «фильтровальной», то после промывки следует укрепить бумагу в слабом растворе метилцеллюлозы.

6. Восполнение разрывов и утрат бумажной массой[11].

Доливку следует осуществлять с лицевой стороны документа, так как оборотная – это рабочая сторона, которую использует эпиграфист. Эстампаж на листе полиэфирного нетканого материала Lascaux Hollytex помещают на впитывающую поверхность и с помощью спринцовки (пипетки) заполняют волокнами бумаги утраты и разрывы. Для этих целей можно еще приспособить флакон из прозрачного полиэтилена с небольшим отверстием в крышке, через которое при нажатии будет вытекать бумажная масса. Восполнение утраченных фрагментов листа производится путем выливания бумажной массы спринцовкой или пипеткой непосредственно на лист по месту утраты. После того, как влага максимально уйдет с поверхности эстампажа, его на сетке перекладывают на подушку из фильтровальной бумаги для дальнейшего высушивания. Излишняя влага сорбируется фильтровальной бумагой, которая заменяется по мере намокания. Далее документ нужно положить между листами фильтровальной бумаги для стабилизации.

В случае использования способа доливки бумажной массой возможно не только восполнение утраченных частей листа, но и заполнение разрывов, укрепление изломов и обветшавших краев листа, а также фрагментарное укрепление самой основы документа с лицевой стороны на участках, подвергшихся деструкции в результате различного рода физико-химических и биологических воздействий. Восполненные бумажной массой участки осно-

вы прочно соединяются с реставрируемым документом, а граница соединения должна быть видна.

Однако необходимо иметь в виду, что данный способ используется для документов, устойчивых к водным обработкам[12].

Исследования

Как известно, для того чтобы сделать эстампаж, на поверхность надписи помещают мокрую бумагу и с сильным механическим усилием с помощью щетки «вбивают» ее в камень. Затем, после того как происходит высушивание под солнцем, готовый эстампаж буквально «соскакивает» с памятника.

В среде реставраторов архивных и библиотечных материалов есть понятие «память бумаги». Это явление заключается в том, что, если лист бумаги имеет складку или оттиск, то после водной обработки складка или оттиск сохраняются и не всегда от складки можно избавиться, даже методом прессования влажной бумаги. Когда же речь идет об эстампаже, то, после того как мокрая бумага была вбита в поверхность камня со значительным механическим усилием, в эстампажном листе происходят структурные изменения и образуется своего рода «память» – оттиск, «закрепленный» ярким солнцем.

Можно было предположить, что, так как при увлажнении бумаги в процессе изготовлении эстампажа бумага дала усадку, то при его вторичном увлажнении размеры бумажного листа не изменятся.

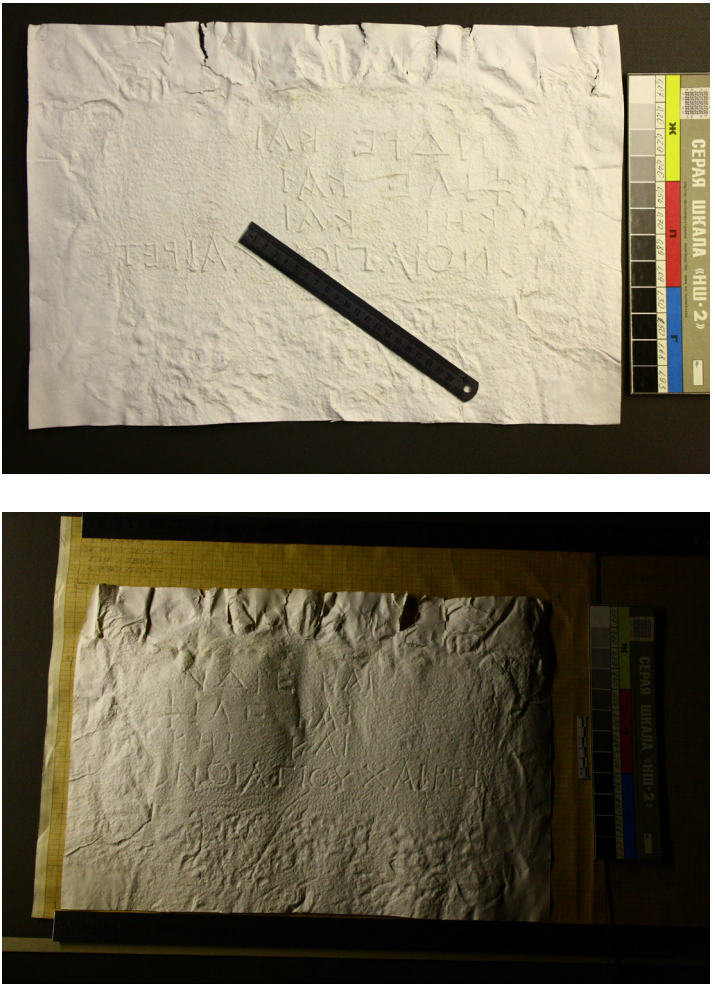
Для проведения лабораторных исследований был взят лист современной эстампажной бумаги европейского производства (478×320 мм) и современные эстампажи. В эстампажной бумаге измеряли расстояние между понтюзо (26 мм) и считали количество вержеров (9) на 10 мм. Один из образцов эстампажной бумаги с водяным знаком месяца, понтюзо (по вертикали) и вержеры (по горизонтали) (Ил.1). Затем ее промывали в воде, высушивали и измеряли (474×318,5 мм), то есть в долевом направлении бумага после первой промывки дала усадку 1,5 мм, в поперечном

4 мм. Следовательно, расстояние между понтюзо было 26 мм, а изменилось на 0,15 мм, в то время как количество вержеров 9 на 10 мм – осталось тем же. После второй промывки размеры бумаги не изменились. Таким образом, данные исследования подтверждают принцип усадки: после первого промывания в воде хлопчатобумажный материал дает усадку, а при дальнейших промывках материал не изменяется.

Ил. 1. Водяной знак, понтюзо и вержеры.

Измерение букв и размеров современных эстампажей до и после промывки показало, что никакие параметры не изменились. Данные опытов демонстрируют, что при реставрации эстампажей не исключено применение водных растворов. Следующий этап – это лабораторные исследования старой бумаги для эстампажей, которую использовали в качестве оберточной в коллекции РАИК[13], и опытная реставрация фрагмента эстампажа, выполненного более 100 лет назад не поддающегося чтению

и атрибуции. Реставрация этого фрагмента подтвердила ранее проведенные исследования (Ил. 2–3).



Ил. 2–3. Лицевая и оборотная сторона до реставрации.

В связи с тем, что эстампаж является документом, имеющим рельефное изображение, самый щадящий метод рестав-

рации восполнение утрат и разрывов – это ручная доливка на впитывающей поверхности. Эстампажи, сделанные на бумаге типа «фильтровальной», в процессе своей жизнедеятельности ветшают, теряют рельефность, а после реставрационных мероприятий структура бумаги укрепляется, и рельеф становится более четким.

Ил. 4. Оборотная сторона после реставрации.

Важны и интересны процессы, происходящие в бумаге при намокании, высушивании и вбивании в камень в мокром виде щеткой из натуральной щетины.

При увлажнении сухой бумаги вода проникает в поры листа, раздвигает волокна, вызывает их набухание. При этом рвутся прочные водородные мостики (Ил. 5-а) и волокна оказываются связанными непрочными водяными мостиками (Ил. 5-б). К тому же вода, как смазка, уменьшает взаимное трение волокон, что также приводит к снижению механической прочности бумаги в результате ее увлажнения[14].

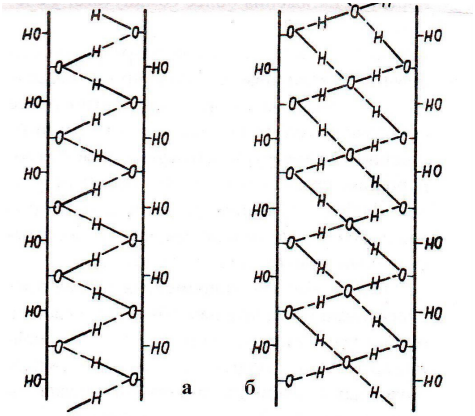


Схема мостиковых связей между параллельными целлюлозными цепями:
а – параллельные целлюлозные цепи, соединенные боковой связью через водородные мостики в сухих волокнах;
б – параллельные целлюлозные цепи, соединенные молекулами воды через водяные мостики во влажной бумаге.

Ил. 5. Схема мостиковых связей между параллельными целлюлозными цепями.

Силы поверхностного натяжения воды в капиллярах бумажного листа сдвигают и сближают между собой тонкие фибриллы. Этим в первую очередь и объясняется повышенная усадка и плотная структура бумаги, состоящей из фибриллированных (укороченных) волокон. Силы связи между волокнами характеризуются не только водородными связями. Проявляют свое действие и силы Ван-дер-Ваальса, возникающие на расстоянии 0,28–0,5 нм. Однако энергия этих сил связи значительно ниже энергии водородной связи, и сами по себе они не могут обеспечить прочность бумаги. Определенную роль играют и чисто механические силы сцепления за счет шероховатости сопряженных поверхностей (силы трения). Эти силы имеют доминирующее значение у волокон хлопковой полумассы[15]. При изготовлении эстампажа бумага уже дает усадку. Структура вержированной эстампажной бумаги изменена за счет сильного механического воздействия, поэто-

му, можно предположить, что при увлажнении такого эстампажа размер бумаги не изменится существенно, более чем на 1 мм.

Хранить эстампажи следует в горизонтальном положении в коробках с многоуровневой системой ярусов из картона. Для каждого письменного памятника – свой уровень, который вынимается вместе с ним. В дальнейшем эстампаж рассматривают и изучают на нем, а затем на нем же помещают в коробку для хранения, чтобы как можно меньше касаться памятника.

Анализ сложности алгоритма – факторы, влияющие на проведения реставрационных работ.

К алгоритму решения задачи предъявляют два требования:

1. данный метод является простым для понимания, отладки и сопровождения;

2. метод также является эффективным в смысле затрат времени.

Какому из этих требований отдать предпочтение, определяется характером решаемой задачи.

При анализе с задачей связывают некоторое число, называемое размером задачи n, которое выражает меру сложности разрушений реставрируемых эстампажей и исходных данных. Время выполнения реставрации T зависит от n. Традиционно определяют время выполнения T(n) в наихудшем случае как меру сложности алгоритма – это так называемая временная сложность.

Типы данных: на основании математических методов исследования асимптотических функций трудоемкости на бесконечности выделены пять классов алгоритмов[16].

Класс 0. Это класс быстрых алгоритмов с постоянным временем выполнения, их функция трудоемкости – константа. Эстампажи с нарушенной геометрией, среднего размера на прочной бумаге, без утрат и разрывов, требующие только обеспыливания и промывания, для придания былой рельефности.

Класс 1. Промежуточное состояние занимают алгоритмы со сложностью – логарифмический рост, которые также относят к данному классу. Эстампажи с нарушенной геометрией, среднего

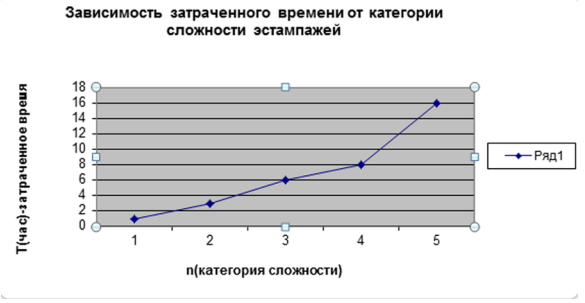
размера, без утрат и разрывов, требующие только обеспыливания и промывания, для придания былой рельефности.

Класс 2. Это класс рациональных или полиномиальных алгоритмов – линейный рост, функция трудоемкости которых определяется полиномиально от входных параметров. Эстампажи с нарушенной геометрией, среднего размера, имеющие небольшое количество разрывов (3%).

Класс 3. Это класс субэкспоненциальных алгоритмов со степенью трудоемкости – квазилинейный рост. Эстампажи с нарушенной геометрией, среднего размера, со средним количеством разрывов (50%).

Класс 4. Это класс собственно экспоненциальных алгоритмов со степенью трудоемкости – полиноминальный рост. Эстампажи с нарушенной геометрией, среднего размера, имеющие большое количество разрывов и утрат, возможны незначительные биоповреждения.

Класс 5. Это класс собственно надэкспоненциальных алгоритмов (экспоненциальный рост). Существуют алгоритмы с факториальной трудоемкостью, но они в основном не имеют временного ограничения. Многослойные эстампажи с нарушенной геометрией большого (необычного) размера, имеющие большое количество разрывов и утрат, ветхую бумажную основу, возможны значительные биоповреждения и пятна различного происхождения.



Ил. 6. График зависимости затраченного времени от категории сложности эстампажей.

Емкостная сложность алгоритма определяется как асимптотическая оценка функции алгоритма для худшего случая – высокая степень разрушения эстампажа. Таким образом, ресурсная сложность алгоритма в худшем, среднем и лучшем случаях определяется как упорядоченная пара классов функций временной и емкостной сложности, заданных асимптотическими обозначениями и соответствующих рассматриваемому случаю.

Анализ трудоемкости алгоритмов – выбор алгоритма.

Целью анализа трудоемкости алгоритмов является нахождение оптимального алгоритма для решения данной задачи. В качестве критерия оптимальности алгоритма выбирается трудоемкость алгоритма, понимаемая как количество элементарных операций, которые необходимо выполнить для решения задачи с помощью данного алгоритма. Функцией трудоемкости называется отношение, связывающие входные данные алгоритма с количеством элементарных операций. Трудоемкость алгоритмов по-разному зависит от входных данных. Для некоторых алгоритмов трудоемкость зависит только от объема данных, для других алгоритмов – от значений этих данных, в некоторых случаях порядок поступления данных может влиять на трудоемкость. Трудоемкость многих алгоритмов может в той или иной мере зависеть от всех перечисленных выше факторов. Одним из упрощенных видов анализа, используемых на практике, является асимптотический анализ алгоритма. Целью асимптотического анализа является сравнение затрат времени и других ресурсов различными алгоритмами, предназначенными для решения одной и той же задачи, при больших объемах входных данных.

Знание асимптотики поведения функции трудоемкости алгоритма, его сложности дает возможность делать прогнозы по выбору более рационального, с точки зрения трудоемкости, алгоритма[17].

Приложение 1.
Н.А. Павличенко,
старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН,
младший научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

Отзыв на методику реставрации эстампажей, представленную Н.В. Черновой, с.н.с., художником-реставратором высшей категории архивных и библиотечных материалов (фотографии, книги-переплеты).

В 1930 г. в Архив АН СССР поступило около 70 эстампажей – часть коллекции эстампажей Русского археологического института в Константинополе, выполненные в 1895–1914 гг. По разным причинам эти эстампажи были описаны и атрибутированы как происходящие из коллекции РАИК только в 2016 г. Тогда же встал вопрос об их реставрации, так как многочисленные перемещения, включая последнее – из Стамбула в Ленинград в 1930 г., и не соблюдение температурного и влажностного режима хранения привели к значительному ухудшению их состояния. Многие эстампажи имеют разрывы, порванные и обтрепанные края, складки и изломы, на некоторых из них буквы потеряли рельеф. Иногда, особенно это касается эстампажей, для которых применялась бумага типа «фильтровальной», имеются множественные разрывы по контуру букв. Все это делает невозможным использование этих эстампажей исследователями.

Предложенная методика восполнения разрывов и утраченных фрагментов бумажной основы документа – эстампажа – методом доливки бумажной массой по лицевой стороне эстампажа позволяет сохранить его целостность и останавливает дальнейшее разрушение. Доливка по линиям разрывов на контурах букв препятствует выпадению фрагментов эстампажной

бумаги. Поскольку доливка производится по лицевой стороне, она никак не изменяет форму и размеры оттиснутых букв на оборотной стороне, которая соприкасалась с камнем и которая важна для исследователей. Кроме того, так как бумажная масса, применяемая при доливке, отличается от эстампажа по цвету, исследователь может отличить места, где была произведена доливка.

Таким образом, предложенная методика позволяет не только не допустить их дальнейшее разрушение, но и сохранить эстампажи как факсимильные копии надписей.

Приложение 2.
Л.И. Крякина,
ведущий художник-реставратор
Института восточных рукописей РАН

Отзыв на методику реставрации эстампажей, представленную Н.В.Черновой, ст.н.с., художником-реставратором высшей категории архивных и библиотечных материалов (фотографии, книги-переплеты).

Институт восточных рукописей обладает коллекцией эстампажей, выполненных в различных техниках и разных регионах: китайские эстампажи, тюркские рунические тексты с реки Тубы, арабское письмо, зеркальные эстампажи булгарско-татарских надписей (сняты с надгробных плит первой половины XIV в.), еврейские и согдийские надписи из Восточного Туркестана, монгольские, древнеуйгурские, тангутские, на санскрите, тюркские рунические надписи из Хакасии, Тувы и Минусинского края.

Многие ученые собственноручно изготавливали эстампажи в экспедициях. Так, например, известный российский востоковед, этнограф и археолог Василий Васильевич Радлов лич-

но изготавливал эстампажи, будучи в Восточном Туркестане и Китае. Сбором материалов в Минусинском уезде, отбывая ссылку, занимался археолог Александр Васильевич Андриянов в 1880–1905 гг. и в 1913–1917 гг. Коллекция известного путешественника этнографа и художника Самуила Мартыновича Дудина из Средней и Центральной Азии включает многочисленные китайские, маньчжурские и тюркские надписи (Киргизия, Памир). Коллекции Д.А. Клеменца (Енисейские надписи, Ихэ-Асхете), В.Л. Котвича (Ихэ-Асхете, Карабалгасун, Эрдэни-Цзу, Кули-Чор), М.А. Карстена, Г.Й. Рамстедта (Селенгинский камень), коллекция писаниц и олених камней, коллекция надписей и рисунков из Монголии и Южной Сибири составляют основу коллекции ИВР РАН.

Научная ценность памятников восточной эпиграфики, техники изготовления эстампажей в различных азиатских и европейских регионах вызывает последнее время живой интерес исследователей и реставраторов.

Методика реставрации эстампажей, разработанная и представленная старшим научным сотрудником и художником-реставратором фотографии и переплетов высшей категории Лаборатории консервации и реставрации документов Архива РАН, позволяет выполнить реставрацию бумаги традиционным способом ручной доливки бумажной массой. Убедительно представлена исследовательская и историческая часть методики, расчет бумажной массы и последовательность реставрационных мероприятий, обоснование бережного отношения к техническим особенностям изготовления эстампажа и сохранения следов оригинала. Немаловажной деталью является бюджетная стоимость работ. Не прибегая к использованию дорогостоящей техники и сложной технологии восполнения утрат, а также больших временных затрат, методика может быть использована практически во всех реставрационных мастерских.

Приложение 3.
М.В. Медведева, к.и.н.,
старший научный сотрудник, зав. архивом
Института истории материальной культуры РАН

Отзыв на методику реставрации эстампажей, представленную Н.В. Черновой, с.н.с., художником-реставратором высшей категории архивных и библиотечных материалов (фотографии, книги-переплеты).

Институт истории материальной культуры РАН обладает поистине настоящим сокровищем эпиграфики: в его архиве хранятся несколько тысяч эстампажей, изготовленных в 1794–1900-х гг. археологами, востоковедами, историками, архитекторами и учеными других специальностей. Уникальные письменные документы на бумажной основе составляют отдельный разряд II, куда входят оттиски византийских, мусульманских, древнерусских и античных надписей на греческом, латинском, древнерусском и арабском языках, а также отпечатки, сделанные с элементов архитектурного декора в России, Малой Азии, Болгарии и Сирии. Коллекция имеет большое научное значение. Часто копии делались сразу же после обнаружения памятника, и тем самым фиксировали первоначальную степень его сохранности. Многие из надписей, снятых исследователями в XIX – начале XX вв., не сохранились до нашего времени, поэтому только эстампажи служат теперь единственным сохранившимся источником объективной информации о них для современных научных изысканий. По причине хрупкости, подверженности разрывам из-за крупного формата и рыхлости основы эстампажи редко выдаются для работы исследователям, таким образом этот интереснейший комплекс документов до сих пор остается труднодоступным для широкого круга специалистов.

Уникальные по своему значению и технике изготовления эстампажи давно уже нуждаются в разработке щадящего способа реставрации разрушенных частей документов и консервации сохранившихся. Предлагаемая методика восстановления целостности эстампажей и укрепления основы документа путем доливки бумажной массой ручным способом успешно заполняет эту лакуну. Казалось бы, использование водяных растворов и увлажнения в случае восстановления рельефных изображений на бумажной основе невозможно, но автор методики с блеском доказывает сначала на предварительном опыте с современной бумагой, а затем уже и на примере реставрации эстампажа плохой сохранности, безвредность и эффективность применения такого способа. Кроме того, в целях фиксации состояния эстампажа и контроля качества реставрационных работ и до, и после реставрации выполнялось его трехмерное сканирование. Работы выполнялись высокоточным ручным 3D сканером Artec Spider. Сравнение показало, что расхождения высот букв до и после реставрации, в большинстве случаев, не превышают 0.1 мм., что по нашему мнению, является хорошим результатом, учитывая масштаб этих утрат, и говорит о перспективности использованного метода реставрации. Очень важно, что в процессе разработки методики реставрации удалось также выработать и минимальные рекомендации по хранению такого типа документов.

Метод подразумевает комплексный подход к сложному объекту реставрации и гарантирует бережное отношение к исходному материалу. Способ доливки бумажной массой максимально точно позволяет сохранить неповрежденную часть документального памятника, и вместе с тем восполнение утрат производится не прокрашенной бумажной массой, что надежно маркирует реставрированные фрагменты и оригинальные части документа. Несомненным достоинством предлагаемого способа является простота понимания, экономичность в трудозатратах и времени исполнения. Методика не требует привлечения специ-

ального дорогостоящего оборудования, благодаря своей универсальности может использоваться практически в любой реставрационной мастерской, что предполагает возможность реставрации больших объемов таких необычных объектов как эстампажи в будущем.

Примечания

[1] *Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М. 1980. С. 71–75.
[2] *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе. СПб., 1998. С. 144–145.
[3] *Павличенко Н.А.* «Коллекция эстампажей Русского археологического института в Константинополе». Доклад на Международной научной конференции «Миллеровские чтения», 24–26 мая 2018 г. (в печати).
[4] Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013. С. 388.
[5] *Павличенко Н.А.* Коллекция эстампажей Русского археологического института в Константинополе // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия. СПб, 2018. С. 465–474.
[6] *Эрастов Д.П.* На службе сохранности документов // Сохранность документов. Сборник статей Академии наук СССР. Л., 1987. С. 5.
[7] *Earl R. Caley and B.D. Meritt.* Chemical Preservation of Squeezes. Journal of Documentary Reproduction. Vol 3. 1940. № 3. P. 204–205.
[8] Там же.
[9] *Илюхина А.И., Громова О.А., Халезова Е.М.* Практическое занятие «Причины повреждений крупноформатных документов на тряпичной бумаге и восполнение утрат способом долива бумажной массы на столе низкого давления». Мастер-класс в рамках Международной научно-практической конференции «Сохранение и использование памятников истории и культуры на бумажной основе», прошедшей 19–23 мая 1997 г. в Санкт-Петербурге (БАН).
[10] Там же.

[11] *Шарапова И.С.* Методика восстановления целостности документа методом доливки бумажной массой на столе с подсветом. ВГБИЛ // I Международная научно-практическая конференция «Исследования, консервация и реставрация рукописных и печатных памятников Востока», 17–19 апреля 2007 г. М., 2007. С. 257–259.

[12] Там же.

[13] *Азизова Г.Н., Павличенко Н.А., Чернова Н.В., Швиль Л.М.* Коллекция эстампажей Русского археологического института в Константинополе и одна из методик реставрации эстампажей // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы международной научной конференции (Севастополь, 9–12 октября 2017 г.). С. 14–17.

[14] *Флят Д.М.* Свойства бумаги. СПб., 1999. С. 119–120.

[15] Там же.

[16] *Кузюрин Н.Н., Фомин С.А.* Эффективные алгоритмы и сложность вычислений. 13 декабря 2016 г. [Электронный ресурс] // URL: http://discopal.ispras.ru/img_auth.php/archive/f/f4/20180307142838%21Book-advanced-algorithms.pdf (дата обращения: 12.10.2018).

[17] Там же.

Архивоведение, документоведение, источниковедение

Статьи

Д.В. Аносов

Краткий обзор фотодокументов фонда личного происхождения В.А. Гурко-Кряжина в Архиве РАН

D.V. Anosov

A brief overview of the photographic stored of the fund of V.A. Gurko-Krajin personal origin in the Archive of RAS

Аннотация: статья раскрывает состав фотодокументов, хранящихся в Архиве РАН в фонде личного происхождения В.А. Гурко-Кряжина. Показаны особенности формирование единиц хранения и их научного описания.

Ключевые слова: фотодокументы, В.А. Гурко-Кряжин, фонд личного происхождения, Архив РАН.

Abstract: the article reveals the composition of the photographs stored in the Archive RAS, in the V.A. Gurko-Krajin personal origin fund. Features of storage units formation and their scientific description are shown.

Keywords: photographs, V.A. Gurko-Cragin, personal origin fund, the Archive of RAS.

Владимир Александрович Гурко-Кряжин – известный российский востоковед, археолог и этнограф Кавказа, драматург, поэт, художник, дипломат.

Родился В.А. Гурко-Кряжин 27 апреля (9 мая) 1887 г. в Тифлисе в семье врача А.Г. Гурко. По происхождению – дворянин одной из ветвей рода Гурко-Омелянских. Семья Гурко Готфрида Викентьевича (род. 1839), деда Владимира Александровича, была выслана из Польши на Кавказ после одного из восстаний.

В 1912 г. Владимир Александрович окончил Московский университет с дипломом I степени по специальности этнография и археология Кавказа. С 1914 г. началась лекторская и научная деятельность В.А. Гурко-Кряжина. В 1915 г. он совершил первую экспедицию в Телавский уезд Грузии.

Первую мировую войну воспринял патриотически, выступив с рядом лекций и поступив на службу в инженерно-строительные дружины Земгора Кавказского фронта, где и встретил революцию. Вдохновленный ею, он развивает активную просветительскую, общественную, научную, преподавательскую деятельность, в том числе и в Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе. В 1918 г. он выступил с докладом в Тифлисе «Буря и натиск национальностей в России» и был одним из инициаторов создания общественной организации «Союз освобождения Востока».

В 1920-х гг. принял участие в ряде дипломатических миссий в Персию и Турцию. Организовывал и проводил исследования в этнографических экспедициях по Кавказу, результаты которых актуальны и сейчас. В.А. Гурко-Кряжин занимался драматургией, участвовал в художественных выставках «Группы 7».

В январе 1922 г. В.А. Гурко-Кряжин был вызван телеграммой наркома по делам национальностей И.В. Сталиным в Москву на постоянную работу. В 1924–1926 гг. привлекался в качестве историка-эксперта для проработки следственных материалов Верховного суда СССР по делу о расстреле 26 бакинских комиссаров (процесс Ф. Фунтикова). С 1928 г. начались нападки на ученого, переросшие в открытую травлю, пик которой пришелся на январь 1931 г. В.А. Гурко-Кряжин не выдержал такого давления и скоропостижно скончался в возрасте 44 лет в Москве 17 октября 1931 г.

Состав фотодокументов фонда В.А. Гурко-Кряжина (АРАН. Ф. 2239) отражает все аспекты его научной деятельности. Фонд находится на стадии научного описания[1]. По своему физическо-

му состоянию все фотодокументы имеют повреждения различного характера. Среди механических повреждений преобладают изломы, загрязнения. Среди химических – большие и малые пятна. Фотодокументы фонда В.А. Гурко-Кряжина относятся к 1914–1930 гг. и имеют признаки старения – небольшие пятна желтого, местами коричневого цвета. Большинство представленных в фонде фотодокументов требуют консервации и реставрации.

Детальное описание фотонегативов не производилось из-за отсутствия в группе комплектования личными фондами ученых и их научного описания АРАН специального оборудования. При их описании оставлены названия и датировка, указанные на упаковке фондосдатчика.

Негативы фотографий составили три единицы хранения (200 фотонегативов):

– негативы фотографий из фотоальбома В.А. Гурко-Кряжина «Телавский уезд Грузии – Пещеры» (23 фотонегатива за 26.07.1911–29.07.1911);

– негативы фотографий В.А. Гурко-Кряжина «Военно-Грузинская дорога» (5 фотонегативов за 1911);

– негативы семейных фотографий В.А. Гурко-Кряжина [Брынково], Москва, [Мцхети] (172 фотонегатива за 08.1911–1916).

Все фотографии для публикации были частично реставрированы с помощью программного обеспечения FastStone Image Viewer.

Фотодокументы фонда личного происхождения В.А. Гурко-Кряжина (Ф. 2239) представлены 288 фотографиями на бумажной основе и 26 отсканированными фотографиями, подлинники которых хранятся в домашнем архиве семьи Гурко-Кряжиных.

Из пяти имеющихся портретов лишь два – на бумажной основе. Ил. 1 представляет фотографии, которые имеются только в электронном виде и отражают изменения внешнего облика ученого.

Семейные фотографии имеют важное историческое значение. Так, на Ил. 2 изображены: отец В.А. Гурко-Кряжина –

главный врач Тифлисской Михайловской больницы и директор Фельдшерской школы при ней, меценат, скрипач-любитель, действительный статский советник – Александр Готфридович Гурко (сын врача статского советника Готфрида Викентьевича Гурко); Ида Станиславовна Гурко (фон Штейн), первая жена В.А. Гурко-Кряжина; Владимир Александрович Гурко-Кряжин. Наличие бороды с усами позволяют предположить примерную датировку данной фотографии – 1915 г., сразу после возвращения из экспедиции в Телавский уезд Грузии. На некоторых фотографиях экспедиционного фотоальбома у Владимира Александровича присутствует подобная борода, которой уже нет на более поздних фотографиях.

Ил. 3 представляет фотографию деда Владимира Александровича – Готфрида Викентьевича Гурко, семья которого была выслана из Царства Польского на Кавказ после одного из восстаний. Г.В. Гурко служил врачом в Царских колодцах, Дедоплисцкаро (Грузия). Эполеты на фотографии позволяют сказать нам о его принадлежности к военно-медицинским чиновникам генеральского ранга (наличие толстой бахромы и ордена Святого Владимира 3-й степени на шее), а одна звезда на эполетах свидетельствует о его принадлежности к V классу по Табели о рангах – статскому советнику.

На другой фотографии (Ил. 4) запечатлены: Ида Станиславовна Гурко (фон Штейн), первая жена В.А. Гурко-Кряжина; ее отец, директор оториноларингологической клиники на Девичьем поле, Станислав Федорович фон Штейн; Владимир Александрович Гурко-Кряжин; Гали Владимировна Гурко-Кряжина.

Групповые фотографии разделены по тематическому признаку и представлены в основном электронными копиями фотодокументов (на бумажной основе – две фотографии). Некоторые фотографии являются частями письма и изготавливались в качестве фотооткрыток (Ил. 5), а некоторые были аннотированы самим В.А. Гурко-Кряжиным (Ил. 6 и 7).

При аннотировании фотографии (Ил. 7) особый интерес вызвала фигура начальника Курсов – Казимира Гавриловича Василевского (1896–?), выпускника Восточного отделения Военной академии РККА и сами курсы[2]. В.А. Гурко-Кряжин указывает не совсем верное название курсов, что удалось выяснить благодаря журналу «Новый Восток»[3]. Кроме того, благодаря этой фотографии, удалось установить ранее неизвестные факты биографии В.А. Гурко-Кряжина, информация о которых отсутствует в других документах фонда. На фотографии присутствует также Иван Дионисиевич Ягелло (1865–1942) – русский военный востоковед, лингвист и педагог, полковник. На оборотной стороне видна карандашная линия и штриховка, обозначающая предполагаемое место обрезания фотографии, что привело бы к потере изображений двух лиц.

Научная деятельность В.А. Гурко-Кряжина представлена фотографиями заседаний и съездов (Ил. 9), а также многочисленными фотографиями экспедиционной деятельности (Ил. 10–14).

Особый интерес представляет фотография участников Первого Всесоюзного съезда египтологов, проходившего в Москве в августе 1922 г.

Первая из них (Ил. 8) была сделана в том же месте и в то же время, что и вторая (Ил. 9). Присутствуют те же лица в одной и той же одежде, только на второй фотографии в кадре – большее количество участников. Среди них (Ил. 9) мы можем идентифицировать: в первом ряду – [М.О. Аттая] (первый слева), А.В. Шмидт (второй слева), И.Г. Франк-Каменецкий (третий справа); во втором ряду – Ф.В. Баллод (первый слева), В.А. Городцов (второй), Н.Н. Хлебникова (третья), И.Н. Бороздин (четвертый), Т.Н. Козьмина-Бороздина (седьмая), В.В. Струве (третий справа), А.В. Живаго (крайний справа); в третьем ряду – В.А. Гурко-Кряжин (в центре). Чем был обусловлен выбор фотографии для статьи И.Н. Бороздина остается не ясным.

Особый интерес представляют многочисленные фотографии экспедиционной деятельности В.А. Гурко-Кряжина. Среди

них фотоальбом «Телавский уезд Грузии», в котором представлены 72 фотографии пещер, церквей и монастырей в Алаверди, Шуа-Мта, Грети, Натлисмцемели, Кадорский перевал и другие (Ил. 10–12). Особенностями фотографий являются небольшой размер, не превышающий в большинстве случаев 50×60 мм, и значительные признаки старения.

Среди других фотодокументов присутствуют комплексы, относящиеся к этнографическим экспедициям (Ил. 13–14) в Курдистан (48 фотографий), Тушетию (29 фотографий) и Кахетию (24 фотографии); пейзажи Кавказа (16 фотографий); изображения ковров (22 фотографии) и культовых предметов; сооружения Кавказа, Индии и Средней Азии.

Среди этнографических фотографий имеются фотографии не только народов Востока, но и русского крестьянства. На одной из них (Ил. 15) в руках у крестьян видны косы-литовки с грабками. Региональная принадлежность распространения этого инструмента, как и место съемки, на данный момент не установлены.

В фонде присутствуют фотодокументы, связанные с дипломатической деятельностью В.А. Гурко-Кряжина (Ил. 16).

Важное историческое значение имеют фотографии, относящиеся к событиям исхода армян с территории Османской Империи в результате геноцида (Ил. 17–19). Данные фотографии были аннотированы самим В.А. Гурко-Кряжиным.

В фонде присутствуют и фотографии, связанные с общественно-политическими событиями в СССР. Некоторые из них делались для журнала «Новый Восток». Яркие примеры таких фотографий представляют Ил. 20–21.

Фотодокументы фонда В.А. Гурко-Кряжина, прежде всего, являются важным источником информации для изучения биографии и деятельности известного востоковеда. Кроме того, они сами по себе могут содержать уникальные сведения, позволяющие проводить более глубокие социологические, этнографические и культурологические исследования, поскольку

они передают обстановку и события, свидетелем которых стал В.А. Гурко-Кряжин.

Примечания

[1] По документам фонда была подготовлена публикация в журнале «Исторический архив»: *Аносов Д.В., Бондаренко А.Ф.* Мастера российской историографии. Владимир Александрович Гурко-Кряжин // Исторический архив. М., 2018. № 1. С. 92–107.

[2] *Густерин П.В.* Советская разведка на Ближнем и Среднем Востоке в 1920–30-х годах. Саарбрюккен, 2014. С. 143.

[3] *Василевский К.Г.* Средне-Азиатские курсы востоковедения РККА // Новый Восток. М., 1928. № 20–21. С. 497–498.

[4] *Бороздин И.* Первый всероссийский съезд египтологов (рус.) // Новый Восток. М., 1922. № 2. С. 544–545.

Ил. 1. Портреты В.А. Гурко-Кряжина 1916 и 1930 гг. Электронные копии.

Ил. 2. Александр Готфридович Гурко, Ида Станиславовна Гурко (фон Штейн), Владимир Александрович Гурко-Кряжин. [1915 г.]

Ил. 3. Готфрид Викентьевич Гурко. 1880 г. Тифлис.

Ил. 4. И.С. Гурко, С.Ф. фон Штейн, В.А. Гурко-Кряжин, Г.В. Гурко-Кряжина.

Ил. 5. В.А. Гурко-Кряжин и Быков в Трапезунде в 1916 г. Фотооткрытка с фрагментом письма В.А. Гурко-Кряжина. Электронная копия.

Ил. 6. Самарканд. Ремонт медресе в Шир-Дор. В люльке справа руководитель работ инженер Б.Н. Засыпкин, слева – В.А. Гурко-Кряжин. Лето 1924 г. Фотография сделана по заказу журнала «Новый Восток». Электронная копия.

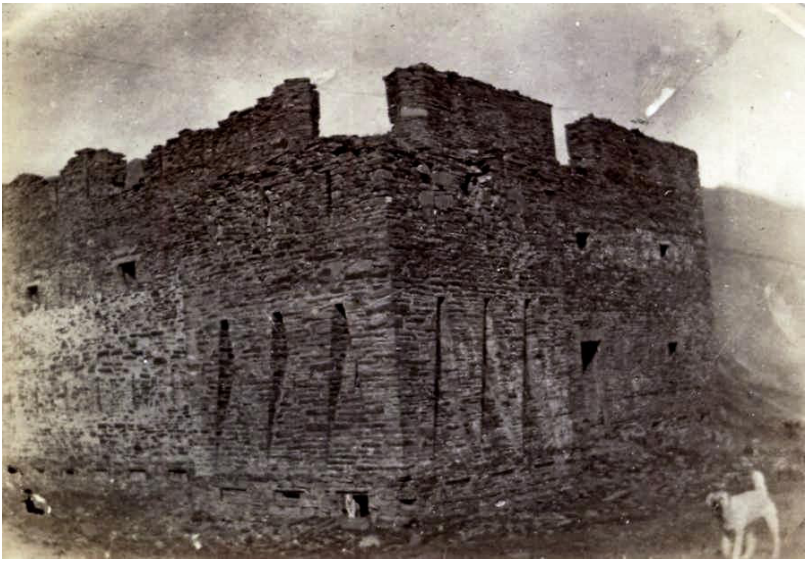
Ил. 7. В.А. Гурко-Кряжин (в центре) читает лекцию на Среднеазиатских курсах востоковедения (бывшая Ташкентская офицерская школа восточных языков) в Ташкенте. Третий слева – начальник курсов, выпускник Восточного факультета Академии РККА К.Г. Василевский. Первый справа – востоковед, профессор И.Д. Ягелло. [1924–1927 гг.].

Ил. 8. Члены Первого Всероссийского съезда египтологов. Фотография из статьи И. Бороздина в журнале «Новый Восток»[4].

Ил. 9. Фотография с того же Первого Всероссийского съезда египтологов из личного фонда В.А. Гурко-Кряжина (АРАН. Ф. 2239). Электронная копия.

Ил. 10. Развалины колокольни в Алаверди. 1915 г. Фотография № 11.

Ил. 11. Внутренний вид храма Натлисмцемели. 1915 г. Фотография № 40.



Ил. 12. Кодорская башня на Кодорском перевале. 1915 г. Фотография № 45.

Ил. 13. Семья курдов. Фотография В.А. Гурко-Кряжина
из экспедиции в Азербайджанский Курдистан. 1929 г.

Ил. 14. Село Минкенд. Женщина-курд за пряжей. Фотография В.А. Гурко-Кряжина из экспедиции в Азербайджанский Курдистан. 1929 г.

Ил. 15. Крестьяне перед сельхозработами.

Ил. 16. Фотооткрытка с пометами В.А. Гурко-Кряжина.
На фотографии лидеры Кемалийской революции: [Киарим Паша Камвоси], Мустафа Кемаль, Аднем Бей. Октябрь 1922 г.

Ил. 17. Село Авшар (Армения). Американские палатки, отведенные под временное жилище для армянских беженцев из Османской империи. 1915 г.

Ил. 18. Село Араздаян (Армения). Свадьба армянских беженцев,
проводы гостей из Эривани. 1915 г.

Ил. 19. Строительство домов в селе Армаш (Армения)
для армянских беженцев. 1915 г.

Ил. 20. Открытие Первой Ферганской сельскохозяйственной выставки. Октябрь 1926 г.

Ил. 21. Группа людей в Средней Азии на фоне тракторов «Фордзон – Путиловец» и самолета Junkers F.13 Российского общества добровольного воздушного флота «Добролет».

В.Ю. Афиани, Е.В. Косырева

Материалы личного фонда академика Л.В. Черепнина в Архиве РАН

V.Y. Afiani, E.V. Kosyreva

Documents of the personal fund of academician L.V. Cherepnin in the Archive of RAS

Аннотация: в статье освещены основные вехи биографии историка академика Л.В. Черепнина и дан обзор личного фонда ученого, переданного в Архив РАН в 1983 г.

Ключевые слова: Л.В. Черепнин, личный фонд, наследие ученого, документы.

Abstract: the article gives the main milestones of the biography of the historian academician L.V. Cherepnin and the review of the scientist personal fund, transferred to the Archive of the Russian Academy of Sciences in 1983.

Keywords: L.V. Cherepnin, personal fund, the heritage of the scientist, documents.

Прошедшее 100-летие со дня рождения историка Льва Владимировича Черепнина (1905–1977), – дата, которая побудила в очередной раз вернуться к изучению его жизни, деятельности и творчества[1]. Речь, конечно, должна идти и об изучении состава и содержания личного архива ученого, который хранится в Архиве РАН (Ф. 1791).

Прежде чем перейти к обзору личного фонда ученого, нелишним будет напомнить основные вехи его биографии. Лев Владимирович Черепнин родился 12 апреля (30 марта) 1905 г. в Рязани. (Первая юбилейная конференция прошла именно в Рязанском университете).

Историей Л.В. Черепнин, как известно, увлекся в детстве. Семейные традиции, судя по всему, и определили его выбор занятий. Дед Алексей Иванович Черепнин (1841–1905) много занимался историей, археологией и нумизматикой. Ему принадлежит ряд исследований и серьезных научных публикаций исторических памятников. Его усилиями был создан Археологический музей при Рязанской ученой архивной комиссии.

Отец Л.В. Черепнина, Владимир Алексеевич ([1880]–1945), получил специальное историческое образование в Московском университете, пополнил его в Петербургском археологическом институте и в Петербургском университете, свои знания и привязанности отдал библиотечной и архивной работе.

Мать Л.В. Черепнина, Юлия Ивановна Смирнова, умерла в 1905 г., в год его рождения. Воспитывался Л.В. Черепнин в семье второй жены В.А. Черепнина – Марии Осиповны Черепниной.

Обычно сообщается, что в 1921 г. Л.В. Черепнин окончил Ялтинскую трудовую школу II ступени. Судя по всему, большую роль сыграла его учеба в так называемой школе-гимназии, возглавлявшейся Е.А. Репман и В.Ф. Федоровой. В этой гимназии, образованной кружком демократически настроенной интеллигенции, смело применялись новые методы воспитания. Там учились будущие академики А.Н. Колмогоров и В.А. Трапезников, а также другие известные ученые.

Свою профессиональную подготовку Л.В. Черепнин начал в том же году на социально-историческом факультете Института народного образования в Рязани. Затем продолжил образование на факультете общественных наук в 1-м МГУ в 1922–1925 гг.

Л.В. Черепнин учился у выдающихся отечественных историков. Он слушал лекции и работал в семинарах. Лев Никитич Пушкарев вспоминал, что Черепнин считал главным учителем А.И. Яковлева, своими учителями называл также С.В. Бахрушина и Н.Г. Бережкова[2]. Помимо спецкурса Яковлева, на него оказали влияние спецкурсы, прочитанные Д.М. Петрушевским. Первые

архивные изыскания он сделал под руководством С.Б. Веселовского. Черепнин вступил в Общество древностей российских, а после его закрытия в 1925 г., по рекомендации Яковлева и Бахрушина, – в Общество по изучению Москвы, в культурно-историческую секцию. В 1925 г. он работал практикантом в Историческом музее. Экзамен за университетский курс Черепнин сдал в Институте истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), а с января 1926 г. был зачислен в число аспирантов Института. Аспирантский курс Черепнин выполнил к октябрю 1929 г., затем работал в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина в качестве помощника заведующего отделом рукописей.

В 1930 г. Л.В. Черепнин был арестован, попал в Бутырку. Здесь, кстати сказать, на допросе он назвал своими учителями Бахрушина и Яковлева. Из материалов следствия становится более ясным и круг общения молодого историка[3]. А он был очень интересным. Черепнин бывал на квартире Бахрушина, активно участвовал в кружке молодых историков, которым руководил сам Бахрушин, выступал с докладами. Бывал на квартире и других историков – Яковлева, И.И. Полосина, а также у А.Н. Сперанского, С.Б. Веселовского. Арест имел явные очевидные последствия и для судьбы ученого, и для будущего состава и содержания личного архива. Как сказано в материалах следствия, при аресте у него были изъяты: «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса, письма, фотокарточки и разная переписка, а также дневник «Идельской Марии»[4]. Возвращены они не были. Черепнин был обвинен в идеологической близости к участникам так называемой монархической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» во главе с академиком С.Ф. Платоновым. По постановлению «тройки» Черепнин был выслан на три года в Северный край, заключение отбывал на двинских камнеразработках. Однако каких-либо материалов о следствии или пребывании в ссылке в личном архиве не обнаружено.

Кажется, о Черепнине (и Бахрушине) ходатайствовал сам директор Библиотеки им. В.И. Ленина, известный большевик В.И. Невский (сам репрессированный в 1937 г.). Сохранился черновик его письма во ВЦИК к Калинину[5]. Возможно, поэтому Черепнин вернулся из ссылки без особых ограничений на проживание. Реабилитирован он был много позднее, в 1950-е гг. По возвращении в Москву Черепнин занимался литературным трудом. С 1935 г. по 1941 г. работал научным сотрудником в Институте истории АН СССР по договорам, в 1941–1942 гг. учительствовал в школе.

Уже в первые года учебы, работы наметился широкий круг интересов Л.В. Черепнина: отечественная и западноевропейская медиевистика, социально-экономические отношения, классовые движения, история классовой борьбы, феодально-классовый характер производственных отношений, политические отношения. Тогда же он начал активно участвовать в архивных разысканиях и публикациях источников.

В 1942 г. Л.В. Черепнин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Древнерусская церковная феодальная вотчина XIV–XVI вв. (Очерки по истории землевладения Московской митрополичьей кафедры)». В этом же году началась его преподавательская деятельность в вузах: он стал ассистентом, а затем доцентом кафедры вспомогательных исторических дисциплин Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ). Здесь в 1942–1949 гг. Л.В. Черепнин прочитал курс лекций по истории русского источниковедения XIX – начала XX вв., один из первых подобных курсов в советской историографии. В годы Великой Отечественной войны Л.В. Черепнин на фронт не попал из-за инвалидности, полученной в лагере, занимался пропагандой героического прошлого русского народа, работал над докторской диссертацией, подготовил несколько учебных пособий.

С 1944 г. до 1960 г. Л.В. Черепнин вел педагогическую работу на историческом факультете МГУ и одновременно с 1946 г.

на кафедре истории СССР Академии общественных наук при ЦК КПСС. С 1946 г. по 1952 г. он преподавал в Московском государственном институте международных отношений. В 1947 г. за диссертацию «Очерки по истории русских феодальных отношений XIV–XV вв.» Черепнину была присуждена ученая степень доктора исторических наук, в этом же году ученого утвердили в звании профессора. С 1946 г. Черепнин – старший научный сотрудник Института истории АН СССР. С 1951 г. по 1977 г. – заведующий сектором истории СССР периода феодализма, затем заведующий отделом истории докапиталистических формаций на территории СССР Института истории АН СССР.

За более чем 30 лет работы – с 1946 по 1977 гг. – Л.В. Черепнин внес крупный вклад в историческую науку, значительны его достижения в исследовательской, педагогической, научно-организационной деятельности. За эти годы им были изданы более 350 трудов, в том числе 12 монографий, свыше 30 крупных документальных публикаций, написаны объемные разделы во всех виднейших обобщающих коллективных трудах советских историков. Под руководством Черепнина сотрудники руководимого им в течение 25 лет сектора подготовили исследования и публикации по всем направлениям отечественной истории периода феодализма. Черепнин активно работал во многих учебных и проблемных научных советах, был одним из самых деятельных организаторов международного сотрудничества советских историков.

Л.В. Черепнин вложил много труда в подготовку научных кадров, им создана школа отечественной медиевистики, его ученики защитили кандидатские и докторские диссертации и успешно работают в научных и учебных учреждениях страны; в вузах им воспитаны тысячи квалифицированных специалистов.

Много сделал Л.В. Черепнин в качестве председателя и члена редколлегий исторических журналов. Он сотрудничал в ведущих журналах «Вопросы истории», «История СССР», продолжающихся изданиях «Исторические записки», «История и истори-

ки», «Источниковедение отечественной истории» и др., в течение ряда лет (1973–1977) возглавлял редакционную коллегию серии «Памятники исторической мысли».

Большую научно-организационную работу Л.В. Черепнин вел в качестве члена Ученого совета Института истории, члена Научного совета ЦГАДА, члена научных советов по истории исторической науки и генезиса феодализма, члена Бюро Национального комитета историков СССР. С 1973 г. Л.В. Черепнин – член Комитета, а с 1975 г. – член Пленума Комитета по Ленинским и государственным премиям СССР в области науки и техники при Совете Министров СССР. В 1976 г. его избрали Председателем комиссии по присуждению премии им. Б.Д. Грекова. В 1973 г. решением исполкома Моссовета Л.В. Черепнин был утвержден членом Комиссии Моссовета по наименованию улиц.

Разносторонняя и плодотворная деятельность Л.В. Черепнина в науке была отмечена избранием его действительным членом АН СССР (1972), присвоением звания «Заслуженный деятель науки РСФСР» (1970), награждением Орденом Трудового Красного Знамени (1975), медалями «За доблестный труд» (1970) и др.; премиями имени М.В. Ломоносова (1957), Государственной премией Молдавской ССР (1972); посмертно Государственной премией СССР (1981).

Созданная при Институте истории АН СССР в 1977 г. после смерти ученого Комиссия по изданию его научного наследия предприняла изыскания его трудов за пределами личного архива и осуществила ряд изданий. В память о выдающемся историке, к 80-летию со дня рождения Л.В. Черепнина, прошли юбилейные «Чтения» (30 октября – 1 ноября 1985 г. в Институте истории АН СССР), был издан сборник тезисов докладов и сообщений под названием «Феодализм в России» (М.,1985).

К 10-летию со дня смерти Л.В. Черепнина был издан сборник с тем же названием (М.,1987), куда вошли статьи и воспоминания,

посвященные памяти ученого и библиография его работ, которая продолжила и дополнила указатель трудов Л.В. Черепнина[6].

Личный архив поступил в Архив РАН от вдовы ученого Евгении Вениаминовны Гальпериной в декабре 1983 г. Е.В. Гальперина-Черепнина передала в Архив 44 тетради Л.В. Черепнина с записями биографического характера без права ознакомления с ними до 1 января 2015 г.[7] В марте 1988 г. ею были переданы дополнения к личному фонду. Архив прошел научное описание. Общий объем довольно значителен. Всего сформировано 467 единиц хранения.

Опись документальных материалов открывают «Труды Л.В. Черепнина». Научные труды составляют 213 дел за 1928-29 – 1977 гг. и представляют собой черновые и беловые автографы, машинопись с правкой и дополнениями очерков, статей, выступлений, докладов, лекций, отзывов о трудах других лиц, подготовительных материалов к собственным трудам.

Значительная часть рукописного наследия Л.В. Черепнина опубликована. Но не все свои замыслы ученому удалось осуществить. В фонде присутствуют незавершенные работы или только подготовленные к печати. Имеющиеся в фонде рукописи опубликованных трудов дают возможность проследить творческую лабораторию их автора, последовательность работы над статьями, докладами, лекциями, выявить варианты и разночтения.

Из широкого круга проблем русской истории, которыми занимался Л.В. Черепнин, прежде всего, нужно назвать вопросы феодальных отношений на Руси, развитие феодальной государственности, эволюции феодальной собственности, сословных отношений, классовых движений. Этому были посвящены его кандидатская и докторская диссертации. В фонде имеется авторский экземпляр кандидатской диссертации Л.В. Черепнина «Древнерусская церковная феодальная вотчина XIV–XVI вв. (Очерки по истории землевладения Московской митрополичьей кафедры)» и тезисы докторской диссертации «Очерки по истории русских феодальных отношений XIV–XV вв.»; статьи

«Социально-исторический строй Северо-Восточной Руси во второй половине XII – первой половине XV вв.» (начало 1950 х гг.), «Из истории образования класса феодально-зависимого крестьянства и его борьбы с феодальным гнетом в IX – начале XII вв.» (1954–1955), «Перестройка государственного аппарата в период политической централизации Руси (конец XV – начало XVI вв.)» (начало 1960-х); главы монографии «Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках» (1959–1960); ряд статей о земских соборах в России и как итог этой работы – монография «Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв.» (М., 1978); статьи, выступления о складывании и развитии абсолютизма в России: «К вопросу о феодализме в России» (1971), «Сословно-представительная монархия и генезис абсолютизма в России» (1976) и др.

Углубленное изучение истории народов СССР вылилось в очерки по истории Молдавии, Крыма, по истории коми, калмыков, народов Прибалтики, Поволжья (1938 – начало 1950-х). Некоторые из них частично увидели свет в коллективных работах «Очерки истории СССР» (1955), «История СССР» (учебник для вуза, 1956). Исторический очерк посвятил Л.В. Черепнин своему родному городу Рязани (1934), где на обширном документальном материале дал историю складывания и жизни города на протяжении длительного времени (очерк не опубликован).

Разработанные Л.В. Черепниным принципы источниковедения, его схема классификации источников, методы их изучения нашли отражение в двухтомной монографии «Русские феодальные архивы» (1948, 1951. Ч. I, II). Сохранились и представлены в фонде подготовительные материалы к этой монографии, статьи, в которых на источниках разного вида показаны методы их анализа: «”Русская Правда” (в краткой редакции) и летопись как источники по истории классовой борьбы» (1951–1952), «Грамоты на бересте из раскопок в Новгороде» (1970), «Правовые документы средневековой России XIV–XV вв.» (1971), «Из наблюдений

над лексикой древнерусских актов (К вопросу о термине ”Правда”)» (1974). Работы в области вспомогательных исторических дисциплин представлены в фонде учебными пособиями «Нумизматика» (конец 1930-х – начало 1940-х), главами к учебному пособию «Русская палеография» (1944–1945).

Вопросы отечественной историографии разработаны Л.В. Черепниным в ряде статей, очерков, некоторые из которых имеются в составе архива: «Основные черты кризиса буржуазной исторической науки» (1963), «Основные этапы развития советской исторической науки» (варианты, 1964), «Изучение отечественной истории дооктябрьского периода в Академии наук СССР в 1917–1967 гг.» (1967), «Советская историческая наука за 5 лет (от XXIII до XXIV съездов КПСС)» (1970–1971) и др. Варианты некоторых работ опубликованы в «Очерках исторической науки в СССР» (1963, 1966, 1985).

Отношение классиков русской литературы к истории и влияние исторической науки на их творчество рассмотрены Л.В. Черепниным в книге «Исторические взгляды классиков русской литературы» (1968). В фонде имеются доклады на данную тему и многочисленные подготовительные материалы.

В фонде представлены и работы, посвященные характеристике творчества, личности и биографии крупнейших и видных представителей отечественной историографии, как дореволюционной, так и советской: статьи, доклады, воспоминания о М.М. Богословском, С.В. Бахрушине, С.К. Богоявленском, С.Б. Веселовском, И.Ф. Колесникове, К.В. Базилевиче, А.А. Новосельском, Ю.В. Готье и др. (1947–1970-е). Они опубликованы в книге научного наследия Л.В. Черепнина «Отечественные историки XVIII–XX вв.» (М., 1984). В книгу включен и очерк «В.О. Ключевский», ранее опубликованный в «Очерках истории исторической науки» (М., 1960), варианты его сохранились и включены в состав фонда. За пределами публикации остались имеющиеся в фонде выступления об А.И. Андрееве, С.Б. Веселовском, статьи о В.К. Лукомском, П.М. Строеве.

Среди работ, связанных с разработкой теоретических и методологических вопросов исторической науки, в фонде имеются статьи «Проблемы истории русского феодализма в трудах В.И. Ленина» (1969–1970), «Труды Маркса и Энгельса и некоторые проблемы исторического источниковедения» (1969), «Проблемы советской медиевистики» ([1975]), «Теоретические проблемы изучения абсолютизма в России» ([1975]) и др. Ряд работ в этой области опубликован в сборнике избранных трудов Л.В. Черепнина «Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма», изданном в 1981 г., после смерти ученого.

Сохранилось большое число работ по проблемам международных контактов советских историков, в частности, главы для «Книги по социальной и экономической истории Европы» для издания «Union-Verlag» в Штутгарте; доклады, выступления Л.В. Черепнина на международных форумах, конференциях историков.

В отдельную группу выделены лекционные курсы Л.В Черепнина по источниковедению истории СССР, по истории СССР периода феодализма, прочитанные для студентов МГИАИ и МГУ им. М.В. Ломоносова в 1940-е – 1950-е гг.; спецкурсы «История русского летописания», «История общественной мысли», «История феодальной собственности» и др., прочитанные на историческом факультете МГУ в 1950-е гг.; главы учебников по истории для вузов; уже упомянутые выше учебные пособия по вспомогательным историческим дисциплинам.

В фонде имеются отзывы и рецензии Л.В. Черепнина на кандидатские и докторские диссертации В.Е. Иллерицкого, С.М. Дубровского, А.А. Зимина, Е.И. Каменцевой, А.Л. Хорошкевич, Э.Г. Чумаченко и др., на монографии, сборники.

Самостоятельный подраздел составляют копии, выписки по темам, которые разрабатывал Л.В. Черепнин, из фондов ЦГАДА, архивов монастырей, печатных изданий, названные им «Актовый материал» (с XIII по XVI вв.); описание славянских рукопи-

сей Национальной библиотеки в Париже, сделанное им в 1959 г.; выписки из трудов В.И. Ленина, К. Маркса, Ф. Энгельса; выписки из трудов В.О. Ключевского, С.К. Богоявленского, М.М. Богословского, С.Б. Веселовского, И.Ф. Колесникова и др.; из произведений русских и советских писателей и др.

Документов, отражающих научно-организационную и редакционно-издательскую деятельность Л.В. Черепнина, сохранилось немного: 58 дел за 1946–1977 гг. Это отчеты о научной работе (1964–1968, 1973–1976), отчеты о научных командировках в Румынию, Швецию, Францию на международные форумы историков, поездки для собирания документов по истории России, для установления научных связей в области истории, договоренности о совместных изданиях (1958–1974); отчеты, переписка об участии в работе Международной комиссии по истории представительных и парламентских учреждений, членом и вице-президентом которой он являлся (1958–1975); документы о работе в бюро Национального комитета историков Советского Союза (1969–1977); издательские договоры, трудовые соглашения на издание трудов ученого, редактирование сборников (1966, 1970); переписка, протоколы заседаний редколлегий ряда изданий под председательством и при участии Л.В. Черепнина «Памятники исторической мысли», «История крестьянства в Европе в средние века» и др. (1968–1977).

Документы к биографии Л.В. Черепнина (54 дела за 1921–1985) представлены удостоверением об окончании Ялтинской трудовой школы (1921), справками об учебе в аспирантуре РАНИОН (1930); аттестатами, дипломами доцента, профессора, кандидата, доктора исторических наук (1942–1947); дипломами лауреата Ломоносовской премии, Государственной премии Молдавской ССР (1957, 1972); грамотой Президиума Верховного совета РСФСР о присвоении почетного звания «Заслуженный деятель науки» (1970); орденской книжкой к ордену Трудового Красного Знамени (1975); автобиографиями (1960–1970), анкетами (1969), автобиблиографией (1976) и др.

Среди юбилейно-поздравительных документов: адреса, письма, телеграммы в связи с 50-летием, 70-летием ученого, присвоением звания «Заслуженный деятель науки», избранием действительным членом АН СССР и др. (1949–1977).

В группе документов о Л.В. Черепнине отзывы о его работах Н.М. Дружинина, С.Д. Сказкина, В.Л. Янина и др. (1960 е –1970-е); некролог, телеграммы Е.В. Гальпериной-Черепниной с соболезнованиями по случаю смерти Л.В. Черепнина и др. (1977).

Довольно значителен раздел переписки – более 114 дел, охватывающих 1940–1977 гг. К сожалению, в фонде нет черновиков или отпусков писем самого ученого. Можно предположить, что их и не было.

В числе корреспондентов Л.В. Черепнина – известные ученые Г.М. Бонгард-Левин, Н.Н. Болховитинов, С.Н. Валк, Е.М. Жуков, А.А. Зимин, С.М. Каштанов, А.И. Клибанов, Е.Н. Кушева, Д.С. Лихачев, А.Д. Люблинская, В.В. Мавродин, А.З. Манфред, И.И. Минц, А.Л. Нарочницкий, М.В. Нечкина, Б.Б. Пиотровский, Ю.А. Поляков, В.И. Рутенбург, Б.А. Рыбаков, А.М. Самсонов, С.Д. Сказкин, С.Л. Тихвинский, З.В. Удальцова и др.

Сохранилась большая переписка Л.В. Черепнина с Н.М. Дружининым и его супругой Еленой Иоасафовной – 21 письмо за 1955–1977 гг.[8]. Из них можно заключить, что Черепнина с семьей Дружининых связывали особые, дружеские отношения. Многие из писем посвящены теме выборов в Академию наук, в том числе в связи с избранием самого ученого. Здесь имеется и записка Дружинина, адресованная президенту АН СССР М.В. Келдышу с соображениями по поводу совершенствования системы выборов в Академию[9].

Сохранились пять писем А.А. Зимина в последний период его жизни из Фороса (Крым) 1976–1977 гг.[10] В них Зимин писал о подготовке издания «Описи Царского архива», о своих ответах на замечания рецензентов, благодарил Черепнина за согласие стать редактором книги А.Л. Хорошкевич об Иване Грозном, высказы-

вал свои соображения о выборах 1976 г. и высоко оценивал избрание В.Т. Пашуто.

В фонде имеются письма и телеграммы директора Ленинградского отделения Института истории АН СССР Н.Е. Носова (6 писем и 2 телеграммы за 1955–1976). В частности, к одному из писем приложена довольно интересная копия письма главному редактору журнала «Вопросы истории» В.Г. Трухановскому по поводу искаженной рецензии Н.Е. Носова на сборник статей, посвященный Л.В. Черепнину[11].

Переписка разнообразна по своему содержанию и объему, но, как и во многих других фондах этого периода, значительная ее часть носит юбилейно-поздравительный характер.

Немало писем от зарубежных ученых. Среди них можно выделить четыре письма за 1966–1971 гг. известного польского ученого Юлиуша Бардаха, профессора Варшавского института права при Варшавском университете, члена-корреспондента Польской академии наук[12]. Среди них предложение об участии в коллективном докладе по «Представительным учреждениям в славянских и соседних странах» по идее профессора Эмиля Люсса для Международного конгресса историков, о работе Комиссии по представительным учреждениям, о книгах и т.п.

В фонде представлено 19 дел с фотографиями Л.В. Черепнина за 1912–1975 гг., начиная с детского возраста, относящиеся ко времени работы в Институте истории АН СССР, в президиуме Конференции историков, а также с родными и близкими; имеются фотографии советских историков А.И. Андреева, К.В. Базилевича, С.В. Бахрушина, Н.М. Дружинина и др.

Труды других лиц (9 дел за 1940-е–1976) представлены исследованиями и даже художественными произведениями на исторические темы. Среди них статья Е.И. Заозерской «Сказки торговых людей Московского государства. 1704 г.», пьеса Р. Ивнева «Трагедия царя Бориса. Историческая хроника в 4-х действиях (1591–1605)», повесть С. Бутовской «Заговор. Исто-

рическая повесть» и др. Некоторые работы – с дарственными надписями.

Имеющиеся в личном фонде Л.В. Черепнина документы отражают его обширную научную, научно-организационную и редакционно-издательскую деятельность; многочисленные научные связи с отечественными и зарубежными учеными. Именно на их основе раскрывается удивительная творческая лаборатория ученого.

Примечания

[1] О жизни и деятельности Л.В. Черепнина см.: *Назаров В.Д., Янин В.Л.* Лев Владимирович Черепнин (творческий облик исследователя) // История СССР. 1986. № 1 С. 94–108; Феодализм в России: Сборник статей и воспоминаний, посвященных памяти академика Л.В. Черепнина / отв. ред. *В.Л. Янин.* М., 1987; *Румянцева В.С*. Черепнин Лев Владимирович // Историческая наука России в XX в. / отв. ред. *Г.Д. Алексеева.* М., 1997. С. 511–537; *Назаров В.Д.* Лев Владимирович Черепнин // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1 (Отечественная история) / отв. ред. *Г.Н. Севостьянов.* Москва–Иерусалим, 2000. С. 285–303; *Пушкарев Л.Н.* Лев Владимирович Черепнин – человек и ученый // Отечественная история. 2001. № 1. С.175–183; *Назаров В.Д.* Л.В. Черепнин: судьба и наука // Ч*ерепнин Л.В.* Моя жизнь. Воспоминания. М., 2015. Т. 1. С. 357–384; *Тихонов В.В.* Л.В. Черепнин в зеркале своих мемуаров // Российская история. 2017. № 3. С. 3–11 и др.

[2] *Пушкарев Л.Н.* Лев Владимирович Черепнин – человек и ученый // Отечественная история. 2001. № 1. С. 175, 178.

[3] *Ананьич Б.В., Панеях В.М.* Следствие в Москве по «Академическому делу» 1929–1931 гг. // Русский исторический журнал. 1999. Т. 2. № 3. С. 102.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 108.

[6] Лев Владимирович Черепнин // Материалы к биобиблиографии ученых СССР. М., 1983. С. 51–105.

[7] Воспоминания, охватившие события Первой мировой войны, Октябрьской революции и Гражданской войны в России, период НЭПа и первых сталинских репрессий, Великой Отечественной войны, были опубликованы в 2015 г., см.: *Черепнин Л.В.* Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. Т. 1 / Сост., общ. ред. *В.Д. Назарова*. М., 2015.
[8] АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 355.
[9] Там же. Л. 5–6.
[10] АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 358.
[11] Там же. Д. 396. Л. 10–12.
[12] Там же. Д. 334.

Е.В. Васильева

М.В. Алпатов и его зарубежные корреспонденты (по материалам личного фонда в Отделе рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина)

E.V. Vasilyeva

Michail Alpatov and his foreign correspondents (based on the materials from the personal Fund in the manuscripts Departmentsof the Pushkin State Museum of Fine Arts)

Аннотация: статья посвящена отечественному историку искусства М.В. Алпатову и краткому обзору писем к нему зарубежных ученых, таких как Бернард Бернсон, Йохан Хейзинга, Лионелло Вентури, Роберто Лонги, Энтони Блант, Ганс Зедельмайр и многих других в 1920-е–1980-е гг. по материалам личного фонда ученого в Отделе рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина.

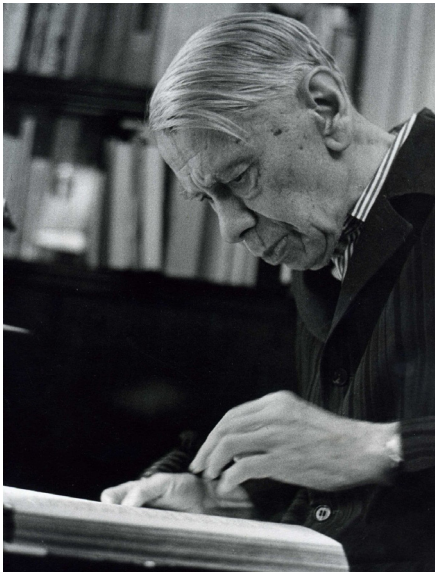
Ключевые слова: отечественное и зарубежное искусствознание XX в., архивы отечественных ученых, личные фонды, М.В. Алпатов.

Abstract: the Article is devoted to the Russian art historian Michail Alpatov and his foreign correspondents such as Bernard Berenson, Johan Huizinga, Lionello Puppi, Roberto Longhi, Antony Blunt, Hans Sedelmayr and many others in the 1920–1980s, from the personal Fund of scientist in the manuscripts Departments of the Pushkin State Museum of Fine Arts Moscow.

Keywords: Russian and foreign art history of the 20th century; archives of the Russian scientists; personal funds; Michail Alpatov.

Михаил Владимирович Алпатов (1902–1986), историк искусства, представитель отечественной и московской школы искус-

ствознания XX столетия, доктор искусствоведения, действительный член Академии художеств СССР, член-корреспондент Австрийской Академии наук, принадлежит к поколению отечественных ученых, внесших огромный вклад в изучение русского и мирового искусства, несмотря на то, что в эпоху «железного занавеса» и труднодоступности зарубежных поездок знакомство с памятниками искусства было весьма затруднительно.



Ил.1. М.В Алпатов в кабинете. Фотография И.А. Пальмина. 1982–1983 гг. ОР ГМИИ. Ф. 61. Оп. XV. Д. 14. Публикуется впервые.

Его труды – «Всеобщая история искусств», «Этюды по всеобщей истории искусств», «Художественные проблемы искусства итальянского Возрождения» (1976) и монографии «Матисс» (1969), «Феофан Грек» (1979), «Андрей Рублев» (1959, 1972), «Художественные проблемы искусства итальянского Возрожения» (1976), «Камиль Коро» (1984), как и последний, изданный уже после его смерти, труд «Художественные проблемы искусства Древней Греции» (1987), – знакомы многим поколениям российских искусствоведов.

Автор фундаментальных трудов, переведенных на многие европейские языки, М.В. Алпатов также редкий представитель своей профессии, оставивший «Воспоминания», которые посвящены его семье и предкам, жизненному пути и людям – ученым и художникам, с которыми ему довелось жить и работать.

Долгие годы М.В. Алпатов посвятил преподавательской деятельности в Московском художественном институте имени И.В. Сурикова, где у него учились известные современные художники, например, Эрик Булатов и Илья Кабаков. Общение со студентами-художниками, вероятно, также вдохновляло Алпатова-художника и дополняло Алпатова-ученого. Начало его преподавательской деятельности было связано с Московским институтом философии, литературы и истории (ИФЛИ), где среди его учениц были Ирина Александровна Антонова, впоследствии директор и президент ГМИИ имени А.С. Пушкина, и Ирина Евгеньевна Данилова, многие годы являвшаяся заместителем директора по научной работе.

Ил. 2. М.В. Алпатов и Г.В. Жидков со студентами МГУ. 1945. (Местонахождение неизвестно). И.А. Антонова в верхнем ряду в центре. И.Е. Данилова снизу справа.
Опубликовано: М.В. Алпатов. Воспоминания. М., 1984.

Личный фонд М.В. Алпатова – один из самых крупных фондов в Отделе рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина и наиболее разнообразный по составу, поскольку включает не только семейные материалы, научные труды ученого, письма как отечественных, так и иностранных корреспондентов (около двух тысяч), но и созданные М.В. Алпатовым произведения живописи и графики, выполненные в разных техниках (рисунки, пастели, коллажи). Михаил Владимирович был очень одаренным человеком, он писал стихи, рисовал; будучи в поездках, вел не только путевые дневники, но и альбомы зарисовок, используя разные графические техники такие, как пастель и акварель, наряду с графитным карандашом и мелками. Источниками вдохновения для него были и древнерусская иконопись, и творчество Анри Матисса, и другие предметы его научных трудов. Материалы из архива ученого начали поступать в музей в 1986 г. от его вдовы, Софьи Тимофеевны Алпатовой.

Одну из частей этого обширного фонда составляют письма к Михаилу Владимировичу Алпатову иностранных корреспондентов с 1920-х по 1980-е гг. на всех европейских, славянских и даже восточных языках. В ходе систематизации писем от зарубежных корреспондентов и научных учреждений, которых свыше 900, в течении нескольких лет, автором настоящей публикации были проведены их расшифровка и перевод, атрибуция и датировка. Письма, адресованные М.В. Алпатову, отражают творческий путь ученого-искусствоведа, принадлежавшего поколению В.Н. Лазарева, Г.В. Жидкова, Н.И. Брунова и др. Настоящая публикация посвящена краткому обзору писем зарубежных ученых XX столетия к М.В. Алпатову, которые отражают творческий путь и дополняют образ отечественного искусствоведа.

Михаил Владимирович Алпатов родился в Москве 10 декабря 1902 г. и происходил из семьи известных московских родов Капустиных–Найденовых. Он окончил Московский университет, где преподавали Н.И. Романов, В.К. Мальмберг, А.А. Сидоров,

Б.Р. Виппер, А.Г. Габричевский и др. Многие из них работали в Музее изящных искусств, который находился в ведомстве университета и в Московском Публичном и Румянцевском музее. Еще готовясь к поступлению, а потом уже во время учебы студент Алпатов, по приглашению Н.И. Романова, хранителя отделения изящных искусств Румянцевского музея, начал работать с рисунками западноевропейских мастеров в Гравюрном кабинете. А с января 1921 г. он был принят в Музей изящных искусств на должность помощника библиотекаря и заведующего репродукциями и фотографиями, вскоре ставшего подотделом репродукций и фотографий[1]. Это было тяжелое время для музея на Волхонке, где с 1918 г. не было даже отопления по причине недостатка средств на содержание здания Московским университетом. Спустя три года активной работы как научной, так и просветительской, по собственному желанию он покинул музей. Эти годы и особенно 1924 г. были переломными для Музея изящных искусств: он был выведен из подчинения университету и стал одним из преемников расформированного Московского Публичного и Румянцевского музея[2], а национализированные коллекции и передачи из Государственного Эрмитажа способствовали формированию картинной галереи и в целом становлению нового музея таким, каким мы его знаем.

В феврале 1921 г. в своей автобиографии он писал: «В настоящее время подготовляю материалы к описанию некоторых памятников живописи итальянского треченто и итало-критских икон собрания Щекина в музее изящных искусств при московском университете»[3]. Надо отметить, что коллекция дипломата М.С. Щекина была первым собранием живописи, поступившим в 1909 г. в задуманный профессором И.В. Цветаевым учебный музей слепков до его открытия как Музея изящных искусств имени императора Александра III при Московском университете в 1912 г.

Во время работы в музее он познакомился с В.Н. Лазаревым, в будущем ставшим его постоянным оппонентом. В своих воспо-

минаниях он писал: «Я помню еще в 20-х годах, как он, человек в простой шинели, рылся, разыскивая нужную книгу в библиотеке Музея изящных искусств. Потом я познакомился с ним. Он был тогда учеником Н.И. Романова, мы же с Н.И. Бруновым были учениками А.И. Некрасова (правда, не очень-то верили его авторитету). Потом Лазарев долгое время усердно служил в Музее изящных искусств. Каждый день отправлялся сперва в Ленинскую библиотеку, затем оттуда в музей. С Лазаревым мы вскоре сошлись. Я давал ему материал по Византии, а он мне по западному искусству. Мы дополняли друг друга. Он по природе был весел, жизнелюб, общительный, открытый. Я был более скрытным. Наша дружба, казалось, была заключена навеки, и ничто не могло ее нарушить»[4]. Их супруги, Вера Николаевна Вольская и Софья Тимофеевна Иоффе, были университетскими подругами. Кстати, с Софьей Тимофеевной Алпатова познакомил именно Лазарев[5]. О причинах их расхождения с В.Н. Лазаревым Михаил Владимирович написал в своих «Воспоминаниях».

После ухода из музея М.В. Алпатов продолжил научную работу. В 1924 г. (еще до защиты диссертации по истории древнерусской живописи, состоявшейся в 1925 г.) М.В. Алпатов вместе с Н.И. Бруновым совершили поездку в Константинополь и Трапезунд, где их интересовало византийское искусство[6]. За поездкой последовал целый ряд статей и не только по истории византийской живописи[7]. В это же время, как вспоминал М.В. Алпатов: «Устанавливая сотрудничество между иностранными учеными и русскими, я вошел в контакт с профессором Оскаром Вульфом. Мне известно было, что до войны он был на службе у нашего государства в Русском институте в Константинополе. Этот профессор обратился ко мне с рядом просьб относительно русских икон. В конце концов я должен был представить ему рукопись на русском языке, которая вместе с его частью должна была быть опубликована <…> Вульф был в высшей степени аккуратен, перевел мою статью и даже в указателе

обозначил, кому из авторов принадлежит данный текст. Спустя некоторое время я получил книгу “Denkmäler der Ikonenmalerei in geschichtlicher Folge” (Дрезден, 1925). Издание было роскошное, цветные таблицы превосходны. Кроме византийской живописи, была русская с памятниками, начиная с Владимирской Богоматери»[8]. Вышли рецензии А.И. Некрасова, Д.В. Айналова, П.П. Муратова. «Памятники иконописи в исторической последовательности» на немецком языке была первой значительной совместной работой молодого ученого с зарубежным коллегой: «Впечатление от моего “гроссбуха” (так называли мою работу) осталось надолго. Это была победа русской послереволюционной науки»[9].

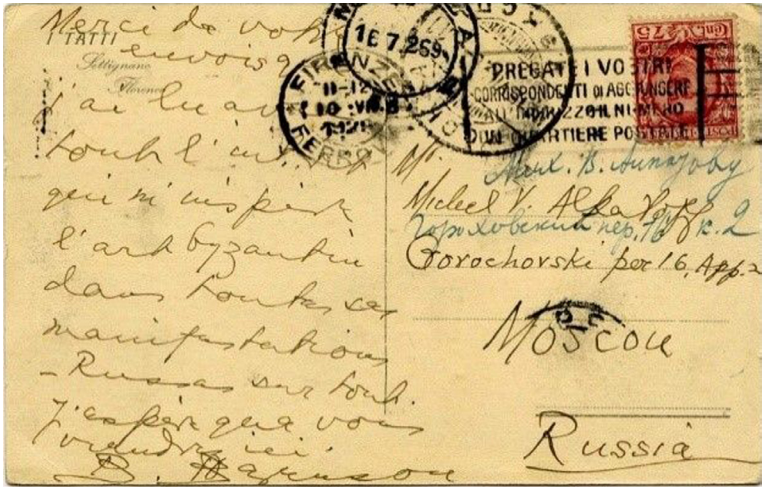
Наиболее многочисленная часть писем зарубежных корреспондентов к М.В. Алпатову связана, прежде всего, с профессиональной деятельностью ученого, участием в конференциях, подготовкой переводов зарубежных изданий, обменом публикациями и отзывами на статьи и книги искусствоведа, организацией лекций и выставок.

Среди его корреспондентов за более чем полувековой период с 1920-х по 1980-е гг. были крупнейшие историки искусства XX столетия, такие как Бернардо Бернсон, Лионелло Вентури, Роберто Лонги, а также Эрвин Панофский, Ганс Зедельмайр, Отто Пехт; историки, культурологи и философы Йохан Хейзинга и Пьер Франкастель, славист Жан Бланкоф; музейные сотрудники, например, директора Дрезденской галереи и Мюнхенского музея Ф. Ленбаха, Национального музея в Варшаве, Рейксмузея в Амстердаме, художники и хранители наследия А. Матисса и Ф. Леже, Л.Н. Делекторская и Н. Леже и мн. др.

В этих письмах нашли отражение многосторонние интересы М.В. Алпатова от древнерусского искусства до искусства современников В. Фаворского и Р. Фалька, М. Шагала и П. Пикассо, виды деятельности ученого – как лекционная деятельность по линии контактов с международными обществами и организациями, так и

профессиональные контакты, отражающие общие исследовательские интересы, а также выставочную деятельность за рубежом.

Одним из самых известных представителей искусствознания начала XX в. среди корреспондентов М.В. Алпатова нужно назвать Бернардо Бернсона (1865–1959), одного из главных специалистов по живописи итальянского Возрождения, крупнейшего эксперта своего времени по Леонардо да Винчи, консультировавшего все европейские музеи от Лувра до Эрмитажа. С его работами Алпатов познакомился еще в студенческие годы. На открытом письме, по штампу датируемом 10.VII.1925 г. или 1926 г., с фотографией библиотеки на вилле Б. Бернсона «I Tatti» в Сеттиньяно под Флоренцией, знаменитый ученый, в юности уехавший из России в США, на французском языке обращался к молодому коллеге с благодарностью за присланную публикацию, прочитанную им с большим интересом, и приглашал посетить его.



Ил. 3. Открытка Б. Бернсона. 10.VII. 192[5 или 6?].
ОР ГМИИ. Ф. 61. Оп. XII. Д. 11. Публикуется впервые.

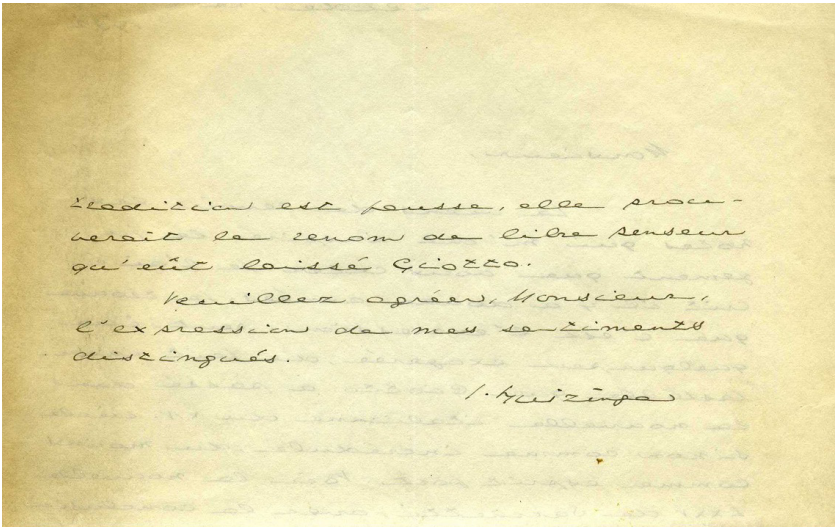
Речь, скорее всего, шла о совместной с В.Н. Лазаревым статье «Ein byzantinisches Tafelbild aus der Komnenenepoche», посвя-

щенной памятнику византийской живописи эпохи Комнинов, в ежегоднике Прусских художественных собраний, которая упомянута, в письме Алпатова к Бернсону в октябре 1925 г., как выяснилось, хранящемся в архиве ученого на вилле под Флоренцией[10]. Вероятно, воспользоваться приглашением признанного мэтра не представилось возможности. Спустя много лет, когда по завещанию американского историка искусства вилла Бернсона стала центром изучения искусства итальянского Возрождения Гарвадского университета, М.В. Алпатов получал оттуда письма от Гилберта Крейтона (1924–2011), американского специалиста по искусству Возрождения, который сообщал ему о том, что в библиотеке центра на вилле уже есть его новая книга «Этюды по истории искусства».

Ил. 4. М.В. Алпатов. Фотография. Конец 1920-х гг.
ОР ГМИИ. Ф. 61. Оп. XV. Д. 8. Публикуется впервые.

Многие профессиональные контакты, вероятно, возникли во время путешествия М.В. Алпатова по Европе из Германии во Францию, затем в Италию летом и осенью 1927 г.

Среди писем 1930-х гг. нужно выделить письмо нидерландского историка культуры и философа Йохана Хейзинги (1872–1945), автора исследования «Осень Средневековья». В 1932 г., когда было написано адресованное М.В. Алпатову письмо, он работал над трактатом «В тени завтрашнего дня» и трудом «Homo ludens», который был опубликован в 1938 г. У них были общие предметы исследования и взаимные интересы, связанные с поисками связей между литературой и живописью, например, между Джотто и Боккаччо. В это время М.В. Алпатов готовил свою монографию «Итальянское искусство эпохи Данте и Джотто», ставшей его докторской диссертацией (1939).



Ил. 5. Автограф Й. Хейзинги. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.

По воспоминаниям М.В. Алпатова, хорошие отношения сложились у него с итальянскими историками искусства – Лионелло Вентури, Роберто Лонги и др. Роберто Лонги (1890–1970),

крупнейший итальянский историк искусства, которому принадлежит научное открытие Пьеро делла Франческо и Караваджо, знаток, коллекционер, консультант коллекционеров. Его письма на бланках основанного им журнала «Paragone» касаются обмена публикациями и каталогами выставок. В 1955 г. в благодарность за присланные М.В. Алпатовым публикацию «Сикстинская Мадонна» и книгу о А.Г. Венецианове, Роберто Лонги направил коллеге каталог выставки Караваджо, состоявшейся в 1951 г. В послесловии к сборнику исследований Р. Лонги «От Чумабуэ до Моранди» (1983) М.В. Алпатов писал о встречах с Роберто Лонги во Флоренции и Париже, в частности, на выставке художника-графика В. Фаворского, которого итальянский ученый очень ценил и считал, что его творчество составляет славу советского современного искусства.

Среди новых атрибуций нужно назвать письма Лионелло Пуппи (1931–2018), итальянского историка искусства, профессора университетов Падуи и Венеции, который также был знаком с В.Н. Лазаревым.

Кроме того, удалось расшифровать подпись представителя новой венской школы искусствознания Отто Пехта (1902–1972), коллеги Ганса Зедельмайра, основоположника структурализма и структуралистского анализа в искусствознании. Среди неизвестных корреспондентов обнаружены два неразборчиво подписанных письма от ученика Юлиуса Шлоссера, профессора института истории искусств, который в те годы занимался каталогизированием иллюминированных рукописей и книг венской библиотеки. Отто Пехт был дружен с историком искусства Отто Демусом и с художником Оскаром Кокошкой.

Ганс Зедельмайр (1896–1984), автор известных переведенных на русский язык трудов «Утрата середины», «Искусство и истина. Теория и метод истории искусства», познакомился с М.В. Алпатовым еще в 1920-е гг. В фонде М.В. Алпатова хранятся тринадцать писем Г. Зедельмайра за 1960–1978 гг., направленные из Мюнхе-

на и Зальцбурга. В одном из писем он вспоминает об их знакомстве в 1929 г., а также часто сожалеет о незнании русского языка, который начинал изучать. Ученые обменивались оттисками своих статей, при этом австрийский историк искусства высоко ценил статью Алпатова, посвященную автопортрету Пуссена в Лувре[11], опубликованную в 1933 г. Много лет спустя он указывал Алпатову на новые исследования творчества Пуссена, а в своем труде «Искусство и истина» называл эту статью Алпатова одним из первых в начале 1930-х гг. примеров последовательного применения структурного анализа, наряду со своими статьями о площади Капитолия Микеланджело и Капитолии Джакомо делла Порта.

Тесные дружеские связи сложились у Михаила Владимировича с итальянским историком архитектуры Пьеро Каццолой, специалистом по итальянским зодчим, работавшим в России с XV в. М.В. Алпатов многие годы консультировал, сопровождал в поездках и поддерживал итальянского коллегу, основной темой исследований которого стали творчество работавших в России итальянцев и итальянские влияния на русскую архитектуру. Благодаря тому, что итальянский историк архитектуры передал копии полученных им от М.В. Алпатова писем, в фонде хранится их полная переписка. Близкие отношения связывали Михаила Владимировича с английской исследовательницей русского авангарда Камиллой Грей (1936–1971).

В организации лекционной деятельности М.В. Алпатова за рубежом, например, в Брюссельском университете, принимал участие другой его ученик, ученый-славист Жан Бланкоф, при участии которого в 1961 г. он был приглашен для чтения лекций, посвященных древнерусскому искусству и, в частности, творчеству Андрея Рублева. Благодаря плотному сотрудничеству с французским историком искусства и социологом искусства Пьером Франкастелем (1900–1970), директором Практической школы высших исследований университета Сорбонны, в 1968 г. состоялся цикл лекций М.В. Алпатова «Русское искусство: от истоков до

начала XX века». В октябре 1967 г. в Гран-Пале открылась масштабная выставка «Русское искусство от скифов до наших дней», куратором которой выступил М.В. Алпатов. На открытии присутствовали министр по делам культуры Франции Андре Мальро и министр культуры СССР Екатерина Фурцева. Фотография вернисажа опубликована в каталоге прошедшей в 2016–2017 гг. в ГМИИ им. А.С. Пушкина выставке «Голоса воображаемого музея Андре Мальро»[12].

В конце 1960-х и в 1970-е гг., по приглашению Рейнского общества по связям с заграницей, М.В. Алпатов выступал с лекциями в ФРГ, в Педагогической школе Дортмунда и Рурском университете Бохума. Слушателями лекций ученого были известные современные художники и его коллеги и корреспонденты. О своих парижских лекциях Михаил Владимирович писал: «В Париже я читал доклад о Рублеве, на выступление пришел даже Марк Шагал. Прочел также доклад о Пуссене и его значении в исторической живописи. Я старался приноровиться к требованиям иностранцев, и поэтому доклад получился хуже, чем мог быть. Но я отчасти был утешен тем, что профессор Блант назвал мое имя в числе авторов, обогативших литературу о Пуссене. Я был сконфужен этим, что мне показалось, будто он говорит о ком-то другом»[13]. Действительно, английский историк искусства Энтони Блант высоко оценивал работы М.В. Алпатова, обмениваясь с ним своими работами. Его письма с неразборчивой подписью удалось атрибутировать, в том числе и на основании воспоминаний М.В. Алпатова, в которых автор упоминает почти всех своих корреспондентов.

В представленном кратком обзоре охватить письма во всей полноте не представляется возможным, но и на данном этапе письма зарубежных корреспондентов к М.В. Алпатову в личном фонде ученого в отделе рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина – важный источник для исследования как творческого пути самого искусствоведа, так и истории искусствознания и культуры XX столетия.

Примечания

[1] ОР ГМИИ. Ф. 61. Оп. XIV. Д. 2. Личное дело М.В. Алпатова. 01.01.1919–10.02.1924.

[2] *Демская А.А.* История коллекций по архивным документам // Музей 3. Художественные собрания СССР. М., 1982. С. 196–214.

[3] ОР ГМИИ. Ф. 61. Оп. XIV. Д. 2. Л. 17 об.

[4] *Алпатов М.В.* Воспоминания. (Творческая судьба. Семейная хроника. Годы учения. Города и страны. Люди искусства). М., 1994. С. 248.

[5] Там же. С. 79.

[6] Там же. С. 77.

[7] См. статьи М.В. Алпатова 1924–1925 гг.: *Алпатов М.В.* К вопросу о западном влиянии в древнерусском искусстве // Slavia, 1924. С. 94–113; Die Entstehung des Mosaiks von Jakobus Torriti in Santa Maria Maggiore in Rom // Jahrbuch für Kunstwissenschaft, 1924. P. 1–11; Eine Verkündigungsikone aus der Paleologenepoche // Byzantinische Zeitschrift. Vol. XXV. 1925. P. 347; L'icone byzantine du Crocifiement dans le cathedrale de la Dormition à Moscou et les empruns à Byzance dans les icones russes // L'art byzantin chez les Slaves, 1925. P. 195–211.

[8] *Алпатов М.В.* Воспоминания… С. 77.

[9] Там же. См.: *Alpatoff M., Wulff O.* Denkmäler der Ikonenmalerei in kunstgeschichtlicher Folge. Dresden, 1925.

[10] См.: *Alpatoff M., Lasareff V.* Ein byzantinisches Tafelbild aus der Komnenenepoche // Jahrbuch der preussischen Kunstsammlungen, 1925. S. 140–155. Об этом автору сообщила сотрудник института изучения византийского искусства в Болонье Габриэла Бернарди.

[11] *Alpatov M.* Das Selbsbildnis Poussins im Louvre // Kunstwissenschaftliche Forschungen, II, 1933. S. 113–130.

[12] Голоса воображаемого музея Андре Мальро. Каталог выставки. К XXXVI Международному музыкальному фестивалю «Декабрьские вечера Святослава Рихтера». М., 2016. С. 35.

[13] *Алпатов М.В.* Воспоминания. С. 172.

Н.О. Веденеева

Графическое собрание Адриана Викторовича Прахова (1846–1916) на материалах Отдела графики, библиотеки и Отдела рукописей ГМИИ имени А.С. Пушкина

N.O. Vedeneeva

Graphic collection of Adrian Victorovitch Prakhov (1846–1916) on the materials of the Department of Prints & Drawings and the Archive of the State Pushkin Museum of Fine Arts

Аннотация: настоящая статья является первой попыткой анализа графического собрания А.В. Прахова, известного русского историка искусства, художественного критика, археолога и коллекционера. Исследование проведено с использованием архивных источников из Отдела рукописей ГМИИ и книг из библиотеки музея, в свое время побывавших в руках А.В. Прахова и Н.С. Мосолова, также известного коллекционера графики.

Ключевые слова: А.В. Прахов, коллекционер, историк искусства, графическое собрание, Н.С. Мосолов.

Abstract: this article is the first attempt to analyze the collection of drawings of Adrian Victorovitch Prakhov, the famous Russian art historian, art critic, archeologist and collector. This study is based on the documents from the museum's archive and on the books belonged formerly to A.V. Prakhov and N.S. Mossolov, another famous Russian collector.

Keywords: A.V. Prakhov, collector, art historian, collection of drawings, N.S. Mossolov.

Адриан Викторович Прахов – известный русский историк искусства, художественный критик, археолог и коллекционер, автор многих книг и статей по искусству[1]. В 1940 г. собрание египетских древностей А.В. Прахова было приобретено ГМИИ им. А.С. Пушкина у его сына. В Отделе графики ГМИИ ныне хранится немало рисунков, прежде бывших в коллекции Прахова, но попавших в музей из рук более поздних владельцев. Настоящая статья – первый опыт исследования этой интересной коллекции, ныне утратившей целостность, но все же в значительном объеме оставшейся доступной для изучения и анализа.

Адриан Викторович происходил из древнего рода потомственных диаконов и священников, известного с XVII в. и восходящего к диакону Ивану Прахову. Подробную родословную семьи раскрывает краткая записка, хранящаяся в Отделе рукописей ГМИИ. Она была прислана в Музей из Ташкента внуком Адриана Викторовича, Владимиром Николаевичем Праховым, в 1977 г. В ней, помимо прочего, отмечается тот факт, что один из представителей рода, Виктор Иванович Прахов (1803–1854), в 1838 г. получил потомственное дворянство[2].

А.В. Прахов имел превосходное образование. По окончании гимназии в 1863 г. он поступил в Санкт-Петербургский университет на историко-филологический факультет. В 1867 г. он успешно закончил курс, и вскоре был направлен за рубеж для повышения квалификации. Одним из важных пунктов его поездки был Мюнхен, где он слушал лекции выдающегося исследователя Г.Ф. Брунна, а также изучал памятники древнегреческого искусства в Глиптотеке в связи с темой диссертации, посвященной скульптурной декорации фронтона Эгинского храма в Афинах.

После Мюнхена Адриан Викторович посетил Париж, Лондон, Берлин, а затем города Италии и Вену. Не стоит думать, что все время молодого исследователя занимали одни лишь музеи и библиотеки. Так, в одном из его поздних очерков можно найти упоминание о занятиях рисованием в Италии, в новообразован-

ной римской Академии Джиджи: «В молодости мне посчастливилось провести несколько зим в Риме. После немецких университетов, после скитаний по музеям Севера, меня снова неудержимо потянуло в мастерскую, к палитре и кистям»[3]. Занятия рисованием в дальнейшем очень помогут Адриану Викторовичу, когда он будет изучать древнерусские мозаики и фрески – он создаст немало зарисовок сохранившихся памятников.

В 1873 г. молодой ученый вернулся на Родину и в том же году защитил диссертацию по теме «Реставрация фронтона Эгинского храма в Афинах», получив степень магистра. Вскоре он начал преподавать на кафедре в должности доцента[4]. С 1875 по 1887 гг. он также читал теорию и историю искусства в Императорской Академии художеств. Кроме того, с 1875 по 1878 гг. он работал редактором в журнале «Пчела». Параллельно Адриан Викторович продолжал активно заниматься наукой, и в 1879 г. с успехом защитил докторскую диссертацию по теме «Зодчество Древнего Египта». Его увлечение искусством Древнего мира сохранялось и впоследствии: буквально через пару лет (в 1881–1882 гг.) он совершил путешествие по Египту, Палестине, Сирии, Греции и Турции, а в 1887 г. предпринял еще одну поездку на Восток. Вероятно, во время этих поездок могли быть приобретены многие из тех произведений древнего искусства, которые потом составили археологическую коллекцию А.В. Прахова.

Удивительным образом это увлечение историей и культурой Древнего мира уживалось у ученого с огромным интересом к древнерусскому искусству. В 1880–1882 гг., т.е. в те же годы, когда он совершил свое первое путешествие на Ближний Восток, А.В. Прахов приступил к изучению сохранившихся мозаик и фресок в Кирилловском монастыре в Киеве, а в 1886 г. он занялся исследованием Успенского собора во Владимире. В 1887 г. А.В. Прахов открыл и зарисовал древние фрески в церкви Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве. Но самый большой проект, который Адриан Викторович вел в течение многих лет

и для участия в котором привлек многих выдающихся мастеров того времени, – это росписи интерьера Владимирского собора в Киеве. Данная работа заняла долгие 12 лет, с 1884 г. по 1896 г. Вероятно, хлопотами, связанными с отделкой Владимирского собора, следует объяснять тот факт, что в 1887 г. Адриан Викторович покинул Санкт-Петербургский университет и перешел на кафедру истории искусства в Киевский университет св. Владимира, где проработал целых десять лет до 1897 г., пока не вернулся на кафедру в Санкт-Петербургский университет. За долгие годы преподавательской деятельности он получил звание заслуженного профессора[5].

В целом А.В. Прахов был весьма тесно связан с художественной средой своего времени, а отнюдь не был «кабинетным ученым». Он и его семья тесно дружили с Мамонтовыми; Адриан Викторович общался с И.И. Шишкиным, М.А. Врубелем, М.В. Нестеровым, В.И. Васнецовым. Среди прочих современных мастеров он выделял И.Е. Репина, особенно хвалил его «Бурлаков на Волге», «обвеянных поэзией Некрасова»[6], а также В. Маковского и А. Куинджи, а из старшего поколения отмечал Ге и Перова. Ему вообще нравился реализм, который в русской школе, по его мнению, наивысшее воплощение обрел в пейзаже.

Следует подчеркнуть большой интерес А.В. Прахова к современным художникам и искусству его эпохи в целом. Он много писал об искусстве, хорошо его знал, изучал, считал необходимым присутствие его в музеях. В его натуре исследователя этот интерес к современности как-то удивительно гармонично уживался с любовью к прошлому, пассеистическому обращению к искусству древности. Сам Адриан Викторович писал: «Любить свое современное искусство – это вернейший признак, что в душе человека глубоко заложена эстетическая жила. Если мы в поисках за эстетическими впечатлениями уходим в глубь веков, то только чтобы расширить и обогатить в своей душе мир прекрасного; это не что иное, как жажда любить и восторгаться жиз-

нью не в один только короткий срок, уделенный нам природой, но на протяжении целых тысячелетий»[7]. Очевидно, именно этим желанием проживать историю, иметь эстетическое переживание не только от настоящего, но и от соприкосновения с прошлым объясняется и обращение Адриана Викторовича к коллекционированию. Занятно, что при столь открытом декларировании любви к современному искусству, его личный интерес собирателя был все же больше обращен именно к эпохам ушедшим, будь то произведения древнеегипетской культуры или рисунки западноевропейских мастеров XVI–XVIII вв.

В библиотеке ГМИИ им. А.С. Пушкина хранится книга-каталог «Собрание А.В. Прахова. Рисунки старинных мастеров» (СПб., 1906), имеющая примечательную дарственную надпись: «Глубокоуважаемому Николаю Семеновичу Мосолову от автора и собирателя. А. Прахов. 22/X/1907. СПб.»[8]. Николай Семенович Мосолов – один из крупнейших отечественных коллекционеров графики, с которым общался Адриан Викторович. Очевидно, они знали и собрания друг друга. Каталог, как следует из посвящения, был написан самим Адрианом Викторовичем. В предисловии к нему дается краткая характеристика коллекции и ее история: «Собрание рисунков старинных мастеров А.В. Прахова составилось в течение десятков лет не по какому-нибудь определенному плану, а было плодом случайных встреч и увлечений: что было по сердцу среди подвертывавшихся листов, то попадало в портфель любителя, как добрый друг, как источник все новых эстетических наслаждений. Составление коллекций – это само по себе серьезный труд, а в настоящем случае коллекционерство было желанным, радостным отдыхом среди массы других утомительных трудов. Вопрос, купить или не купить, решался не долгим обдумыванием или исследованием, а минутным впечатлением: увидишь вещь и если “сердце екнет”, то значит эта вещь должна быть твоей, все равно кто ее автор, знаменитое ли имя или “великий неизвестный”: для любителя важнее и дороже все-

го то, что вещь эта зажгла в нем самом искорку любви»[9]. Таким образом, в описываемом подходе к приобретению листов читается не строгий выбор коллекционера, интересующегося одним временем, одной школой или одним мастером и его последователями, или, как иногда бывало с большими коллекциями графики в XIX в., историей гравюры в лучших ее образцах, а именно подход собирателя, старающегося спасти частицы прошлого, ценящего обаяние старины и покупающего, порой, случайно подвернувшиеся листы.

Как пишет далее автор, его «коллекция рисунков составлялась по преимуществу в юго-западном крае, как и все прочее собрание А.В. Прахова, и это обстоятельство отразилось на подборе предметов. Юго-западный край не далее, как четверть века тому назад был усеян "культурным мусором", на который подчас мог бы позариться любой европейский музей: это были остатки когда-то бывших художественных собраний магнатов Польской "Речи Посполитой". В уцелевших таких собраниях преобладают произведения Италии, так, конечно, было и в исчезнувших, и это естественно: расцвет Речи Посполитой совпадает с XVI–XVII вв., т.е. с эпохой всесветного влияния итальянского возрождения». И далее: «Случайное составление настоящей коллекции рисунков именно в юго-западном крае отразилось и на ней тем, что и в ней решительно преобладают итальянцы XVI, XVII и XVIII веков, на втором плане стоят французы и только несколько разрозненных листов напоминают о школах голландской, фламандской и немецкой XVII и XVIII веков».

Там же Адриан Викторович пишет – с некоторым сожалением – о коммерциализации, постепенно поглотившей всю область изящных искусств, и одновременно о необходимости сохранять драгоценные остатки прошлого. Он говорит об особой хрупкости такого вида графики, как рисунок, о том, что прежде он мало ценился в обывательской среде и часто подвергался недолжному обращению: «<…> вещи обветшавшие и потускневшие, не нахо-

дившие уже более милости в очах своего “господина”, уносились в кладовые, клетушки, амбары, пуни, сараи и оттуда незаметно, неведомыми путями, исчезали и… попадали в коммерческие руки <…>, а оттуда – куда попало, в первые культурные руки, которые почитают для себя удовольствием платить трудовые деньги за право, весьма хлопотливое, быть временным опекуном и хранителем великих заветов цивилизации прошлого… Не одни картины и статуи, но все вещи подвергались одной и той же судьбе, а бедным рисункам, этим незначительным листкам с намаранными на них “визерунками”, приходилось особенно плохо: ими можно было закуривать, в них можно было завертывать, подкладывать под вазоны цветов на окнах для аккуратности подоконников и пр., и пр. Другому чему еще придавалось какое-либо значение, а рисунки выбрасывались на базары “кирмаши”, толкучки, как хлам… Так было прежде, но ныне всего этого уже нет, и дух коммерции осветил и этот хлам, и превратил его в выгодный товар»[10].

В каталоге практически все рисунки, по крайней мере те, которые были приписаны автором выдающимся мастерам европейского искусства, таким как Рафаэль, Микеланджело, Н. Пуссен, Ф. Буше, А.Р. Менгс и пр., сопровождаются развернутыми комментариями. В них разъясняется происхождение листов, проводится сопоставление с картинами, для которых они могли быть сделаны, даются справки об исторических лицах и т.д. Таким образом, это настоящий полноценный каталог собрания, в очередной раз демонстрирующий завидную эрудицию своего автора. Всего в каталоге описаны 158 листов.

Увы, говоря о коллекции рисунков А.В. Прахова, сложно обойти вниманием крайне негативный портрет собирателя и уничижительную характеристику графического собрания, данную И.Э. Грабарем в его автомонографии «Моя жизнь» (1940). Рассказывая историю журнала «Художественные сокровища России», главным редактором которого поначалу был А.Н.

Бенуа, он пишет: «К сожалению, интриги его (Бенуа) недоброжелателей заставили его, уже два года спустя после выхода первого выпуска, отказаться от дальнейшего редактирования, и новый редактор, профессор Адриан Викторович Прахов, сумел издать прилично только несколько выпусков, подготовленных Бенуа, изведя остальные до степени макулатуры и погубив, наконец, журнал. Прахов был ленив, утратив под старость свою былую подвижность, к тому же он плохо разбирался в вопросах подлинности художественных произведений, опубликовав множество заведомых подделок, вроде перегородчатых эмалей из собрания М.П. Боткина. Последний вел свою интригу против Бенуа, ненавистного ему так же, как и весь “Мир искусства” <…> Самому Прахову так же улыбалась перспектива его редакторства: ему надо было опубликовать и свою коллекцию рисунков старых мастеров, репутация которых была также подмочена, ибо среди них было немало ложных атрибуций и прямых подделок»[11].

По счастью, рисунки, происходящие из коллекции Прахова и находящиеся ныне в собрании ГМИИ, были за последние десятилетия внимательно изучены и опубликованы в каталогах-резоне, вышедших в 2000–2010-е гг., и теперь можно с достаточным основанием судить хотя бы о части произведений. Действительно, сложно отрицать присутствие среди них поздних копий или значительного числа листов с неверными атрибуциями. Однако вряд ли стоит это вменять в вину собирателю как нечто умышленное. По прочтении ряда его работ по искусству понимаешь, что это был человек, страстно интересовавшийся предметом изучения и если ошибавшийся, то, скорее, все-таки искренне. Во-первых, он сам заявлял о любительском характере своего собирательства, а во-вторых, относительная точность атрибуций в случае со многими рисунками стала возможна лишь в последнее время с публикацией и доступностью для изучения самых разных собраний графики. В эпоху же, когда жил Адриан Викторович, так называемая «визуальная информация» была гораздо

менее доступна, и очень многие старые атрибуции ныне опровергнуты.

В ходе внимательного изучения коллекции Прахова многие из рисунков лишились громких имен авторов. Вместо Микеланджело и Пуссена появились мастера, менее известные широкой публике, однако имеющие свой вес в истории искусства, Дж.А. Порденоне превратился в Дж. Бальдуччи, школа Рафаэля обернулась более поздней копией, а рисунок Т. Цуккаро оказался на самом деле копией с работы этого известного мастера и т.д.

Многие листы имели видный провенанс и до поступления в собрание А.В. Прахова, а иные побывали в именитых коллекциях после его смерти. Так, в фондах Отдела графики ГМИИ ныне хранится рисунок немецкого мастера Иоганна Непомука Хехле (1790–1835) «Пейзаж с повозкой», бывший в собрании Г.А. Чугаевича в Киеве, затем попавший в собрание А.В. Прахова, а после оказавшийся в собрании И.А. Полонского (Москва), откуда в составе дара владельца он в 1981 г. поступил в ГМИИ[12]. Или можно привести в качестве другого примера рисунок австрийского мастера Йозефа Абеля (1764–1818) «Венера указывает путь Энею», который был в собрании А.В. Прахова и затем попал в собрание О. Алябьевой (Москва), оттуда перешел к Н. Старицыну (Москва), а затем оказался в коллекции А. Сидорова (Москва), откуда в 1969 г. поступил в ГМИИ в составе дара собирателя[13].

Из других рисунков, бывших в собрании А.В. Прахова и хранящихся ныне в Музее, следует отметить работы австрийских мастеров Якоба фон Альта (1789–1872; «Гавань»)[14] и Христиана Зейбольда (1690–1768; «Автопортрет»), Йозефа Франца Иоганна Питшмана (1758–1824; «Натурщик») и Якоба Матиаса Шмутцера (1733–1811; «Женский портрет»)[15]. В голландской школе выделяется рисунок неизвестного голландского мастера второй половины XVIII в. «Порт в Харлеме, вид с севера», после собрания Прахова побывавший в коллекции В.Л. Мазюка (Киев) и уже оттуда

поступивший в 1980 г. в ГМИИ. Интересные листы обнаруживаются и в разделе итальянского рисунка. Это, прежде всего, работы Джулио Чезаре Анджели (1560/65–1630; «Сцена приношения даров»; «Четыре фигуры на фоне пейзажа»), а также Джованни Бальдуччи (1560–после 1631; «Небесная слава. Эскиз декорации абсиды»)[16]. Кроме того, следует отметить копию с рисунка Рафаэля «Меркурий, приносящий Психею на Олимп» (фрагмент декорации Лоджии Психеи виллы Фарнезины), сделанную еще в XVI в., а также достаточно раннюю копию с работы Таддео Цуккаро «Портрет Джованни делла Казия»[17].

У А.В. Прахова не было собственного владельческого знака. Однако указание на то, что листы были в его собрании, часто обнаруживается в надписях на оборотах произведений, сделанных более поздними владельцами.

К сожалению, несмотря на поступление в Музей в 1940 г. коллекции египетских древностей А.В. Прахова и известность его среди специалистов, в целом следует признать, что за долгие годы советской власти имя Адриана Викторовича оставалось мало знакомым широкому кругу интересующихся историей искусства. Вероятно, это было связано с тем, что им были написаны работы, посвященные просветительской деятельности Александра III, и альбомы выставок, устраивавшихся непосредственно при поддержке императорской семьи (см. сноску № 1). К тому же следует учесть его огромное увлечение христианской церковной культурой и искусством. Очевидно, сейчас настало время, чтобы снова обратиться к его трудам и восстановить его имя в памяти поколений.

Примечания

[1] А.В. Праховым было написано немало трудов, посвященных искусству Греции, Египта, Древней Руси, ряд каталогов выставок, освещавших различные эпохи в истории искусства, а также статей, как для отече-

ственных, так и для зарубежных журналов, среди них: «Критические исследования по истории греческого искусства. I. Описание древних памятников из Ксанфа в Ликии. II. О композиции фронтонных групп Эгинского храма Афины» (СПб, 1872); «Критические наблюдения над памятниками древнего искусства. Зодчество древнего Египта» (СПб., 1883); «Киевское искусство X, XI и XII вв. Каталог выставки копий с памятников искусства в Киеве, исполненных Праховым» (СПб., 1883); «Доклад о киевских работах и о значении изучения греческих церквей для христианской археологии» («Труды Московского археологического общества», 1885); «Альбом исторической выставки предметов искусства, устроенной в 1904 году, в Санкт-Петербурге, под августейшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны, в пользу раненых воинов» (СПб.,1907).

[2] ОР ГМИИ. К. I. Д. 7. А.В. Прахов. Сведения о нем, его роде, переданные его внуком, В.Н. Праховым. Л. 2.

[3] *Прахов А.В.* Император Александр III как деятель русского художественного просвещения. Роль искусства в общей экономии жизни и смысл художественного собирательства. СПб., 1903. С. 222.

[4] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, том XXIV. СПб., 1898. С. 956.

[5] Там же. С. 956–957; Большая советская энциклопедия (БСЭ). Том 46. М., 1940. С. 691.

[6] *Прахов А.В.* Император Александр III как деятель русского художественного просвещения. Роль искусства в общей экономии жизни и смысл художественного собирательства. СПб., 1903. С. 134.

[7] Там же. С. 174.

[8] Коллекция А.В. Прахова, Рисунки старинных мастеров. СПб.,1906.

[9] Там же. С. 1.

[10] Там же. С. 2.

[11] *Грабарь И.* Моя жизнь. Автомонография. М., 2001. С. 166–167.

[12] *Кислых Г.С.* Немецкий, австрийский и швейцарский рисунок в собрании ГМИИ им. А.С.Пушкина. Каталог-резоне. М., 2009. Т. I (XV–XVIII вв.). Кат. № 698.

[13] Там же. Кат. № 3.

[14] Прежде был в собрании графа Г.А. Чугаевича в Киеве, затем попал в коллекцию Прахова, после, уже в поздние советские годы, попал в собрание А.Л. Расторгуева, откуда в 1985 г. поступил в ГМИИ. См.: *Кислых Г.С.* Указ. соч. Кат. № 9.

[15] Там же. Кат. №№ 123, 264 и 429 соответственно.

[16] *Майская М.И.* Каталог-резоне итальянского рисунка XVI–XX вв. из собрания ГМИИ. В 3-х тт. М., 2012. Т. I. Кат. № 4, 5, 7.

[17] Там же. Кат. № 179.

Ил. 1. Альт, Якоб фон. Гавань. 1834. Бумага, акварель. 206×288.
ГМИИ инв. Р-19362.

Ил.2. Хехле, Иоганн Непомук. Пейзаж с повозкой. 1827. Бумага, акварель
по наброску карандашом. 217×381. ГМИИ инв. Р-17679.

Ил. 3. Бальдуччи, Джованни. Небесная слава.
Конец XVI – первая треть XVII вв.
Бумага, перо коричневым тоном, кисть голубым тоном. 400×502.
ГМИИ инв. Р-19432.

Ил. 4. Абель, Йозеф. Венера и Эней. 1796.
Бумага, перо, кисть коричневым тоном.
300×457. ГМИИ инв. Р-13684.

С.А. Лиманова

К вопросу об описании палеозоологических находок Русской полярной экспедиции 1900–1903 гг.: документы из личного фонда палеонтолога М.В. Павловой в Архиве РАН

S.A. Limanova

Description of the paleozoological findings of the Russian Polar Expedition 1900–1903: documents from the personal fund of the paleontologist M.V. Pavlova in the Archives of RAS

Аннотация: статья посвящена предыстории сотрудничества палеонтолога М.В. Павловой с геологом К.А. Воллосовичем по вопросу описания палеозоологических находок Русской полярной экспедиции 1900–1903 гг. Переписка, хранящаяся в личном фонде М.В. Павловой в Архиве РАН, раскрывает, в частности, посредническую роль палеоботаника М.Д. Залесского.

Ключевые слова: полярная экспедиция, Э.В. Толль, палеозоология, палеонтология, М.В. Павлова, К.А. Воллосович, М.Д. Залесский.

Abctract: the article is devoted to the history of the collaboration of the paleontologist M.V. Pavlova with the geologist K.A. Vollosovich on the description of the paleozoological findings of the Russian polar expedition of 1900–1903. The correspondence, stored in the personal fund of M.V. Pavlova in the Archive of the Russian Academy of Sciences, reveals, in particular, the intermediary role of the paleobotanist M.D. Zalessky.

Keywords: polar expedition, E.V. Toll, paleozoology, paleontology, M.V. Pavlova, K.A. Vollosovich, M.D. Zalessky.

Русская полярная экспедиция 1900–1902 гг. стала одним из самых масштабных и уникальных проектов Императорской Ака-

демии наук по изучению новых земель на рубеже XIX–XX вв. Ее основной задачей было освоение морского пути вдоль берегов Сибири и поиск легендарной Земли Санникова. В долгой и затратной подготовке деятельное участие принял президент Академии наук великий князь Константин Константинович, который сумел придать экспедиции статус важного государственного предприятия. Знаком особого расположения было посещение купленного для предстоящего плавания моторно-парусного судна «Заря» императором Николаем II вместе с великим князем Константином Константиновичем.

Инициатором проекта и главой исследовательской экспедиции являлся опытный полярник, сотрудник Геологического музея барон Э.В. Толль. В преддверии поездки он говорил: «Мы, русские, пользуясь опытом наших предков, уже по географическому положению лучше всех других наций в состоянии организовать экспедиции для открытия архипелага, лежащего на севере наших Новосибирских островов, и исполнять их так, чтобы результаты были и счастливы, и плодотворны»[1]. И если завершение экспедиции для самого барона Э.В. Толля трудно назвать счастливым (он и некоторая часть других участников экспедиции, не подчинившихся приказу о возвращении, без вести пропали и так и не были найдены), то она однозначно принесла огромные научно-исследовательские плоды.

Обработка добытых материалов велась в течение многих лет после завершения экспедиции. Научные статьи печатались в основном в «Записках Императорской Академии наук по Физико-математическому отделению», до 1917 г. вышло 42 выпуска. Результатами экспедиции активно пользовались и в советское время, однако имена участников, как правило, не упоминались[2], в основном из-за «одиозной» фигуры адмирала А.В. Колчака, руководившего Белым движением во время Гражданской войны. На момент участия в экспедиции он был лейтенантом, вторым офицером шхуны «Заря», в 1903 г. возглавил спасательную экспедицию по поиску барона Э.В. Толля, а после возвращения составил детальную кар-

ту западной части Таймырского полуострова и некоторых участков Карского моря.

В настоящее время также хорошо известно, что исследованием геологических материалов экспедиции, поступивших в Геологический музей, занимались геологи О.О. Баклунд и К.А. Воллосович, составившие в 1906 г. первую общую геологическую карту Новосибирских островов. Менее известной (или попросту забытой) остается информация о том, кто помогал геологам в обработке палеонтологической коллекции. Выполнение столь трудоемкой и кропотливой работы взяла на себя Мария Васильевна Павлова, первая женщина-палеонтолог в Российской империи[3]. Документы из личного фонда М.В. Павловой, хранящиеся в Архиве РАН[4], позволяют несколько подробнее остановиться на ее вкладе в разработку наследия полярной экспедиции барона Э.В. Толля.

В предисловии к «Описанию ископаемых млекопитающих, собранных Русской полярной экспедицией в 1900–1903 гг.»[5], М.В. Павлова сообщала, что с предложением обработать «новосибирские коллекции» к ней обратился сам К.А. Воллосович: «На просьбу, обращенную ко мне К.А. Воллосовичем, взять на себя определение и описание ископаемых остатков млекопитающих, собранных последней экспедицией барона Э.В. Толля на крайнем севере, я ответила полным согласием. Я счастлива, что могу принять на себя хоть незначительную долю труда в той громадной работе, которой отдал покойный Эдуард Васильевич свою жизнь, так самоотверженно»[6]. Правда, изначально К.А. Воллосович обратился к М.В. Павловой не напрямую, а через их общего знакомого палеоботаника М.Д. Залесского.

М.Д. Залесский писал М.В. Павловой 20 апреля 1904 г.:

«Глубокоуважаемая Мария Васильевна,

Конст[антин] Адам[ович] Воллосович, участник несчастной экспедиции барона Толля, собрал на Новосибирских островах

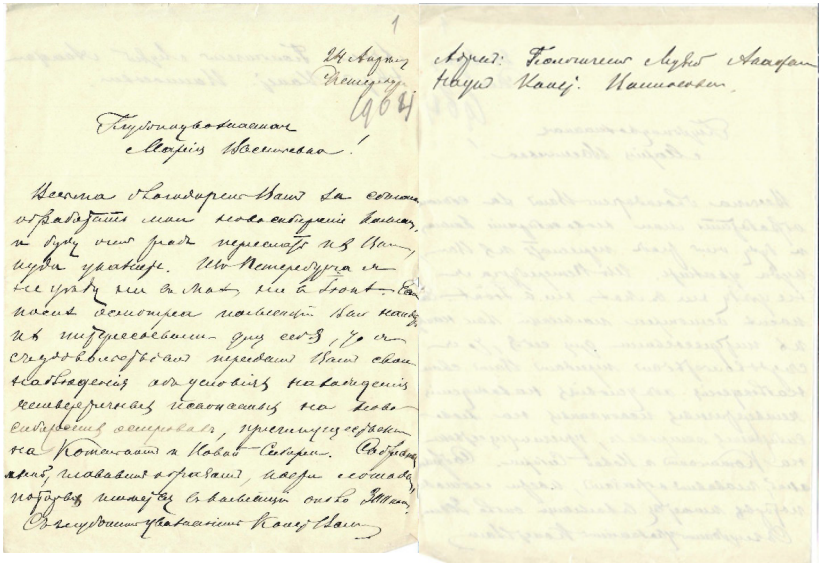
богатейший (до 600 костей) материал по копытным. Думая, что обработка этой коллекции могла бы Вас [за]интересовать более, чем кого-либо, и, желая предложить обработать ее русскому ученому предпочтительно перед иностранным, он просил меня предложить Вам эту работу. Материал хранится в Геолог[ическом] Музее Акад[емии] Наук в С[анкт]-П[етербурге] и доступен для осмотра, так как хранится в образцовом порядке. – Если бы Вы пожелали взять на себя труд описать эти коллекции, К.А. Воллосович написал бы Вам более подробное письмо, сообщив Вам все сведения насчет залегания ископаемых, которые могли бы вас интересовать.

Всего лучшего.
Искренно уважающий Вас,
Мих[аил] Залесский»[7].

Далее были указаны адреса М.Д. Залесского и К.А. Воллосовича. Предположительно, после этого завязалась переписка М.В. Павловой уже с самим К.А. Воллосовичем. В личном архиве М.В. Павловой сохранилось одно из писем К.А. Воллосовича с выражением благодарности ей: «Глубокоуважаемая Мария Васильевна! Весьма благодарен Вам за согласие обработать мои новосибирские коллекц[ии], и буду очень рад переслать их Вам, куда укажете…»[8] (Ил. 1).

Переданная на изучение коллекция была собрана в 1900–1902 гг. стараниями К.А. Воллосовича (остров Котельный), М.И. Бруснева (Новая Сибирь и Быковский полуостров), С.М. Толстова (остров Фаддеевский), А.А. Бялыницкого-Бирули (Новая Сибирь), барона Э.В. Толля (остров Столбовой и остров Беннетт), в 1903 г. – А.В. Колчака и П.В. Оленина (южная часть острова Котельного). В итоговой статье М.В. Павлова подробнейшим образом охарактеризовала находки (останки лошадей, бизонов, мамонтов и др.), систематизировала их, свела результаты в

общие таблицы и снабдила текст подборкой наглядных иллюстраций. Несмотря на то, что обработанная коллекция, по словам самой М.В. Павловой, не содержала каких-либо особенно редких форм, она представляла большой интерес как образец останков, найденных на Крайнем Севере. В совокупности имеющиеся данные позволили сделать предварительные выводы о расселении животных на Крайнем Севере, особенностях их эволюции и причинах вымирания.

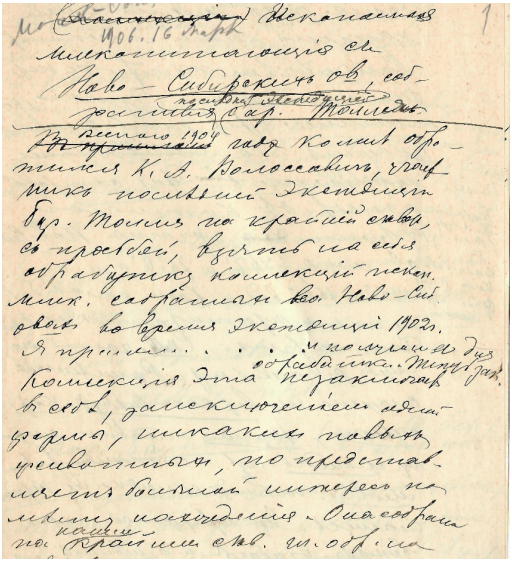


Ил. 1. Письмо К.А. Воллосовича М.В. Павловой. 24 апреля [1904 г.]
АРАН. Ф. 311. Оп. 3. Д. 45. Л. 1–1 об.

Статья была опубликована в январе 1906 г., а доклад о проделанной работе – представлен на заседании Физико-математического отделения Академии наук 19 апреля 1906 г. Незадолго до этого, 16 марта, в московском Обществе естествоиспытателей природы М.В. Павлова выступила с докладом «Ископаемые млекопитающие с Новосибирских островов, собранные последней экспедицией бар[она] Толля»[9] (Ил. 2). Из черновых записей к этому выступлению

можно узнать, что предложение К.А. Воллосовича об обработке коллекции поступило весной 1904 г., в ее составе не оказалось каких-либо новых видов животных, за исключением одной интересной формы, но эта коллекция, несомненно, обогатила представления о разнообразии животного мира на Крайнем Севере. М.В. Павлова с восхищением и большим уважением отозвалась о труде самоотверженных ученых-полярников, которые, зачастую ценой собственных жизней, собирали ценный исследовательский материал.

Научные результаты Русской полярной экспедиции 1900–1903 гг. оказали огромное влияние на развитие многих исследовательских направлений: именно они долгое время оставались главным источником знаний о далеком севере в таких областях знаний, как гидрография, гляциология, геология, палеонтология, климатология, биология и ботаника.



Ил. 2. Доклад «Ископаемые млекопитающие с Новосибирских островов, собранные последней экспедицией бар[она] Толля».
Черновик. Автограф. 16 марта 1906 г.
АРАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 14. Л. 1.

Примечания

[1] Подробнее см.: *Басаргина Е.Ю.* Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков (Очерки истории). М., 2008. С. 137–149.

[2] Зато воплотились в прекрасных литературных образах романа В.А. Обручева «Земля Санникова».

[3] См. статьи о М.В. Павловой: *Лиманова С.А.* Палеонтология в письмах: А. Годри – М. Павловой // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века = Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en Russie au XIXe siècle. М., 2013. С. 330–339; *Любина Г.И.* Мария Шишацкая в Париже: к биографии М.В. Павловой // Природа. 2015. № 3. С. 73–83 и др.

[4] Обзор фонда М.В. Павловой в Архиве РАН см.: *Лиманова С.А.* Фонд палеонтолога М.В. Павловой в Архиве РАН: биографические материалы и научное наследие // Российские женщины-ученые: наследие: По материалам Международной научной конференции «Столетию Великой русской революции: женские лица российской науки – наследие»: 7–8 ноября 2017 г. М., 2017. С. 34–41.

[5] См.: АРАН. Ф. 311. Оп. 1. Д. 6.

[6] *Павлова М.В.* Описание ископаемых млекопитающих, собранных Русской полярной экспедицией в 1900–1903 гг. // Записки Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Серия VIII. Физико-математическое отделение. Т. XXI. № 1. Вып. 1. СПб., 1906. С. 1.

[7] АРАН. Ф. 311. Оп. 3. Д. 97. Л. 1–1 об.

[8] Там же. Д. 45. Л. 1–1 об.

[9] АРАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 14. Л. 1–11.

М.В. Медведева

Фотоколлекции Николая Михайловича Токарского (1892–1977) в архиве ИИМК РАН*

M.V. Medvedeva

Photographic Collections of Nikolay Tokarskiy (1892–1977) in the Archives of the Institute for the History of Material Culture, RAS

Аннотация: в статье рассматриваются фотодокументы архитектора, историка архитектуры Н.М. Токарского из архивного собрания ИИМК РАН. Коллекции фотодокументов датируются 1915–1934 гг. Материалы отражают исследования ученого на территории Армении в разные годы, а также деятельность Красного Креста на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Н.М. Токарский, фотодокументы, архив ИИМК РАН, архитектура Армении, Красный Крест, фотограмметрия.

Abstract: the article deals with photographs of the architect, historian of architecture Nikolay Tokarsky from the archive of IHMC RAS. Collections of photographic documents are dated from 1915 to 1934. The materials reflect the researches of the scientist on the territory of Armenia in different years, as well as the activity of the Red Cross on the Caucasian front during the First World War.

Keywords: Nikolay Tokarsky, photographic documents, archive of IHMC RAS, architecture of Armenia, Red Cross, photogrammetry.

* Исследование проведено в рамках выполнения работы по теме государственного задания № 0184-2018-0002.

В фотографическом отделе Научного архива ИИМК РАН хранятся личные фонды многих выдающихся ученых XIX–XX вв., чья деятельность так или иначе была связана с изучением археологического наследия России[1]. Среди них значится скромный фонд Н.М. Токарского[2], в котором содержится всего 68 негативов. Стремление улучшить научное описание фонда и расширить информацию о фондообразователе привело к открытию ряда новых интересных сведений о составе фотоматериалов Н.М. Токарского в архиве и о его биографии.

Николай Михайлович Токарский – архитектор и историк архитектуры, прежде всего, известный своими исследованиями в области истории древнего зодчества Армении (Ил. 1). Биография ученого довольно подробно описана в некрологе 1977 г. его коллегами А.Л. Якобсоном и Л.Т. Гюзальяном[3], но часть фактов из жизни и деятельности Н.М. Токарского осталась за пределами этой публикации. Видимо, в тот момент они могли показаться несущественными, либо не были упомянуты по причине ограничений советского времени, а некоторые, возможно, были еще неизвестны. В 1920–1930-е гг. Н.М. Токарский работал сотрудником Академии истории материальной культуры – Института истории материальной культуры АН СССР, поэтому в архивных фондах этих учреждений из собрания архива ИИМК РАН хранятся его личные дела[4], где содержатся собственноручно написанная биография, листок учета кадров, жизнеописания, несколько анкет разных лет и другие материалы, которые дают возможность шире показать личность исследователя.

Н.М. Токарский родился в 1892 г. в Санкт-Петербурге. Про свою семью он писал: «Отец – дворянин, инженер; мать – крестьянка. Сам имел звание личного почетного гражданина (по усыновлению)»[5]. Его отец Михаил Антонович Токарский (1868–1941), инженер и архитектор по образованию, был чрезвычайно предприимчивым и удачливым в своих начинаниях[6]. Он внес большой вклад в промышленно-экономическое развитие Оло-

нецкой губернии: принимал участие в организации работ Тулом-зерского железоделательного завода, благодаря ему появилась первая телефонная станция в Петрозаводске, были возобновлены разработки Олонецкого мрамора, началось строительство Кондопожской ГЭС и многое др.[7] О необычайном складе его характера говорит и история с усадьбой, купленной им в Новгородской губернии в 1914 г. М.А. Токарский в короткий срок превратил имение в «маленький Версаль», где все было оборудовано по последнему слову техники, а после Февральской революции безвозмездно передал его крестьянам соседней деревни[8].

Его сын Н.М. Токарский пошел по стопам отца и тоже стал инженером. Среднее образование он получил в Реальном училище города Луга, а высшее – в Институте гражданских инженеров «по архитектурному факультету с квалификацией инженера-строителя» (Санкт-Петербург–Ленинград)[9]. Он свободно владел французским, немного хуже немецким, в 1922–1923 гг. в течение года изучал грузинский язык в Ленинградском Институте живых восточных языков[10]. Еще до поступления в Институт в семнадцатилетнем возрасте отец отправил его в путешествие по Ближнему Востоку «для обучения жизни»[11], и полтора месяца Н.М. Токарский служил юнгой на корабле[12]. Он побывал за это время в Константинополе, Салониках, Александрии, Смирне, Палестине. В 1913 г. он также полтора месяца знакомился с музеями и памятниками архитектуры Германии, Австрии, Франции, Швейцарии, Италии[13].

Когда Н.М. Токарский уже был студентом Института гражданских инженеров, разразилась Первая мировая война, и он ушел на фронт добровольцем, где попал служить на Кавказский фронт в Красный Крест. Именно тогда состоялось его первое обследование древнего памятника церковного зодчества. В 1915 г. одновременно со службой Н.М. Токарский обмерил, сфотографировал, зарисовал и описал церковь Ишхан[14]. Его материалы заинтересовали академика Н.Я. Марра, уже широко известного

в то время благодаря раскопкам в столице средневековой Армении Ани. Н.Я. Марр приобрел чертежи, зарисовки и фотографии Н.М. Токарского для «Анийского историко-археологического института»[15], и уже на следующий год взял его с собой в Анийскую экспедицию, а в 1917 г. по поручению Академии наук Н.М. Токарский занимался регистрацией памятников на территории Лазистана[16] в рамках деятельности Комиссии по охране и спасению памятников древности, науки и техники, коллекций и учреждений в местностях, где велись военные действия. Так началась его долгая и успешная работа по изучению и сохранению архитектурных памятников Кавказа.

Учителями Н.М. Токарского в науке стали Н.Я. Марр и И.А. Орбели, основные исследования были посвящены средневековой архитектуре Армении. В довоенные годы он активно трудился в разряде археологии Армении и Грузии Академии истории материальной культуры, в Институте истории АН СССР, в отделе Востока Государственного Эрмитажа[17]. В то же время он успевал работать по совместительству геодезистом в гравитационной разведке Эмба-Нефтил, старшим инженером на изысканиях железнодорожной линии дороги Кузнецк–Тельбес, начальником партии изысканий Беломорканала[18]. Последний по хронологии документ в его личном деле из архива ИИМК АН СССР датируется 5 ноября 1939 г. Выписка из приказа по Институту гласит: «и.о. старшего научного сотрудника Института Токарский Николай Михайлович в связи с невозвращением его из научной командировки отчисляется из состава сотрудников Института с 1/XI»[19].

Фотодокументы Н.М. Токарского в архиве ИИМК РАН немногочисленны, но разнообразны по тематике и интересны по своему историческому значению. Персональный фотографический фонд исследователя состоит из 68 стеклянных негативов размером 13×18 см[20]. Все они были сделаны единовременно во время исследований Анбердской экспедиции Эрмитажа 1934 г. Научное значение этой серии снимков состоит не только в фотофиксации

объектов исследований. Фотографии являются результатом разработок Н.М. Токарского в области использования методов стереофотограмметрии в процессе археологических и архитектурных работ для воссоздания точных рельефов и объемных моделей памятников. В начале 1930-х гг. он работал руководителем стереофотогруппы Центрального научно-исследовательского института Народного комиссариата Путей сообщения[21], а серия стереонегативов из его личного фотофонда показывает, что он активно применял эту прогрессивную методику в своих экспедиционных работах. В коллекцию вошли панорамные виды на церковь и крепость Анберд (Ил. 2–3), архитектурные детали крепости, панорамные снимки города Двин и его средневековых укреплений, Урартская крепость бога Тейшеби у села Цовинар (Ил. 4), виды археологических раскопок (Ил. 5).

Кроме личного фонда исследователя, сохранилась потрясающая серия его ранних снимков (53 фотографии и 31 негатив), относящихся к 1915 г. Фотоотпечатки происходят из фотофонда академика Н.Я. Марра и попали в фотоархив Института истории материальной культуры из мемориального кабинета ученого вместе с остальными его материалами. Видимо, это и есть те самые фотографии, которые были приобретены Н.Я. Марром у Н.М. Токарского[22]. Негативы находятся в коллекции Н.М. Токарского в фонде Академии истории материальной культуры[23] и поступили в 1929 г. Узкие пленочные негативы и крохотные контрольные отпечатки хранят визуальную информацию об облике средневекового храма Ишхан в начале XX в. (Ил. 6–9). Фотоизображения также замечательно отражают работу Красного Креста на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны в районе Ольты-чай, когда в результате боев 1915 г. русская армия значительно продвинулась вглубь турецкой территории. Н.М. Токарский служил тогда в Красном Кресте и зафиксировал на снимках перевозку раненых, лагерь, переход перевалов и другие моменты (Ил. 10–14).

Ранние работы Н.М. Токарского и их значение хорошо описаны в характеристике, данной ему И.А. Орбели в 1921 г.: «Еще будучи студентом и работая на Кавказском фронте в армии, он использовал свое пребывание в богатой древностями области Тао для доставления оттуда весьма ценных рисунков и чертежей ряда древних храмов. Прекрасное исполнение этих рисунков и проявленное Токарским понимание историко-художественных и археологических памятников Кавказа дали основу академику Марру привлечь Токарского к летним работам в Ани. В течение всей кампании 1916 г. Токарский работал в Ани, производя обмеры как ряда церквей, так и пещерного города <...> Кроме того, Токарский тогда же совершил ряд поездок по окрестностям Ани, доставив несколько чертежей и ценных заметок о Мренском соборе. В следующем году Токарский собрал опять-таки интересные материалы во время работ на фронте в Лазистане. Все его работы свидетельствуют о большом интересе к делу, понимании историко-художественных задач и хороших природных способностях»[24].

Фотоматериалы Н.М. Токарского в архиве ИИМК РАН составляют две отдельные тематические группы, связанные с поездками автора фотографий на Кавказ. Они датируются 1915 и 1934 гг. и хранятся в трех разных фондах. Снимки демонстрируют разнообразие его научных интересов, особенно примечательны документы 1915 г. Фотографии могут служить ценным документальным источником как для изучения архитектурных памятников Армении, в том числе и западной ее части (ныне – территория Турции), так и для исследований по истории Первой мировой войны и военных действий на Кавказском фронте.

Примечания

[1] *Длужневская Г.В.* Фонды фотоархива Института истории материальной культуры РАН (ныне – фотоотдел Научного архива ИИМК РАН) // Вос-

точный архив. № 2 (28). М., 2013. С. 79–89; *Она же.* Фонды фотоархива Института истории материальной культуры РАН (Окончание) // Восточный архив № 1 (29). М., 2014. С. 84–96.

[2] ФО НА ИИМК РАН. Ф. 50.

[3] *Якобсон А., Гюзальян Л.* Николай Михайлович Токарский // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1978. № 2. С. 111–113.

[4] РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 658; Ф. 35. Оп. 5. Д. 315.

[5] В других источниках содержится информация, что его мать была выпускницей Смольного института благородных девиц. См.: *Тараканова А.И.* М.А. Токарский – человек, благодаря которому родился город // Краеведческие чтения: материалы XI научной конференции (16–17 февраля 2017 г.). Петрозаводск, 2017. С. 334.

[6] О нем см. подробно: Т*араканова А.И.* М.А. Токарский – человек, благодаря которому родился город // Краеведческие чтения: материалы XI научной конференции (16–17 февраля 2017 г.). Петрозаводск, 2017. С. 332–350; Усадьба М. Токарского «Заветное» // Окуловский городской портал. [Электронный ресурс]. URL: okulovka.com/info/usadba-m-tokarskogo-zavetnoe (дата обращения: 19.09.2018).

[7] *Тараканова А. И.* М.А. Токарский – человек, благодаря которому родился город // Краеведческие чтения: материалы XI научной конференции (16–17 февраля 2017 г.). Петрозаводск, 2017. С. 336–345.

[8] Усадьба М. Токарского «Заветное» // Окуловский городской портал. [Электронный ресурс]. URL: okulovka.com/info/usadba-m-tokarskogo-zavetnoe (дата обращения: 19.09.2018).

[9] РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 315. Л. 6.

[10] Там же. Л. 2.

[11] *Якобсон А., Гюзальян Л.* Николай Михайлович Токарский // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1978. № 2. С. 111.

[12] РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 315. Л. 2.

[13] Там же.

[14] Храм Ишхан находится в исторической области Тао, ныне территория Турции.

[15] РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 658. Л. 3.

[16] РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 315. Л. 2 об.

[17] *Якобсон А., Гюзальян Л.* Николай Михайлович Токарский // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1978. № 2. С. 111–113.

[18] РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 315. Л. 7.

[19] Там же. Л. 13. Согласно документам архива, Н.М. Токарский задержался из командировки в Армению.

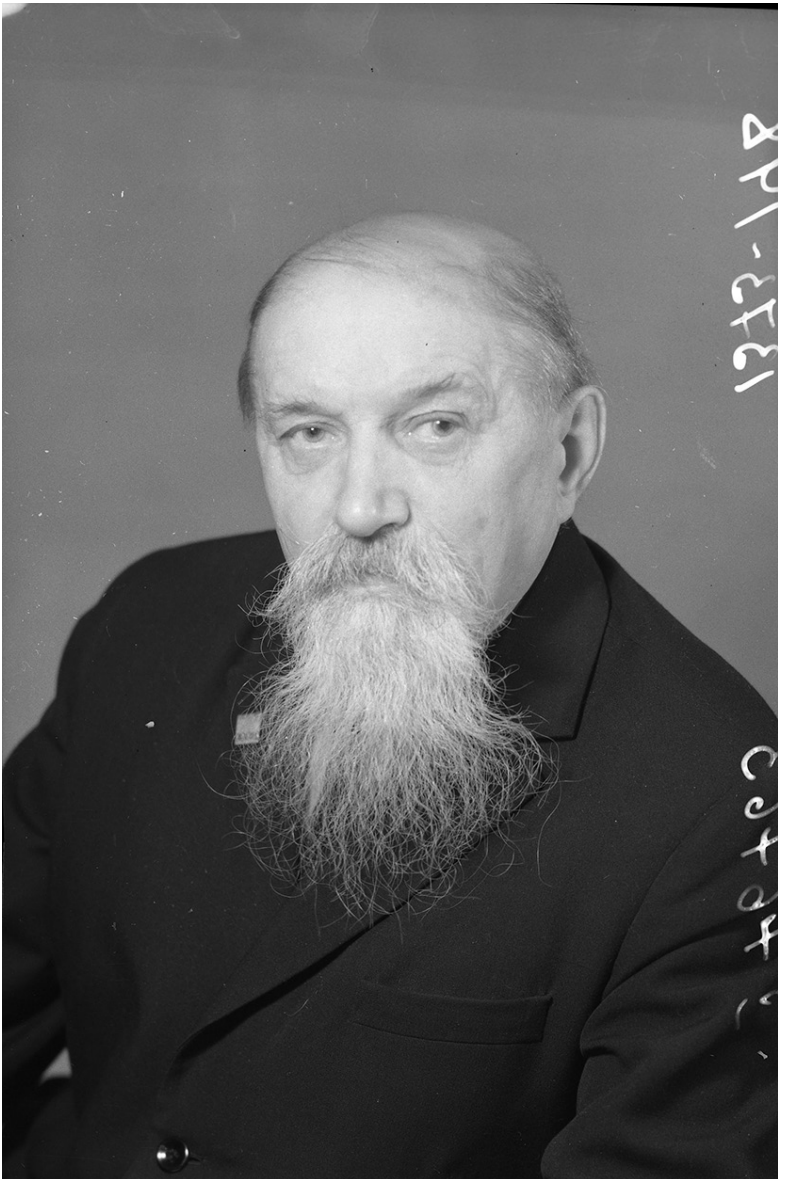
[20] ФО НА ИИМК РАН. Ф. 50, колл. 2217/1–68.

[21] РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 315. Л. 7; *Якобсон А., Гюзальян Л.* Николай Михайлович Токарский // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1978. № 2. С. 112–113.

[22] ФО НА ИИМК РАН, альбомы Q 742/19–27; Q 743, 53 отпечатка.

[23] Там же, нег. I 19967 – I 19999, 31 негатив.

[24] РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 658. Л. 4.



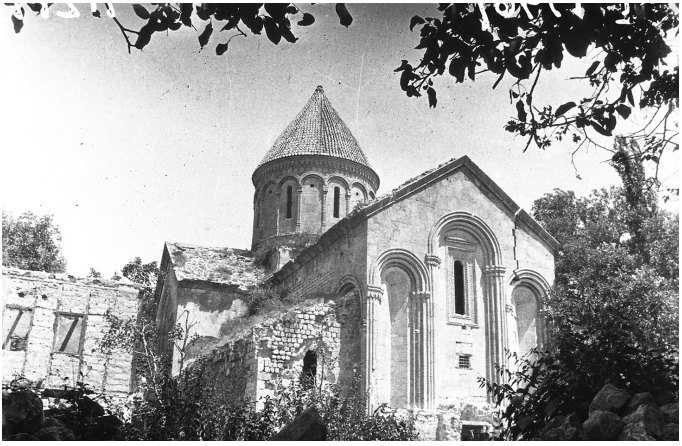
Ил. 1. Николай Михайлович Токарский.

Ил. 2. Вид на крепость Анберд.

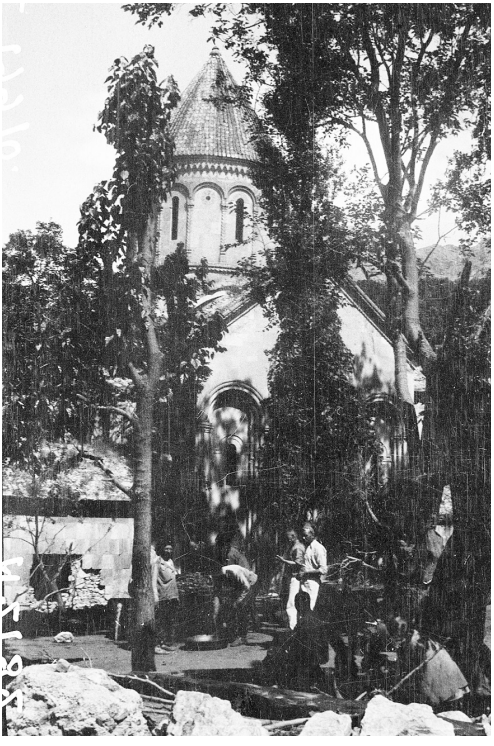
Ил. 3. Церковь Анберд.

Ил. 4. Урартская крепость бога Тейшеби у села Цовинар.

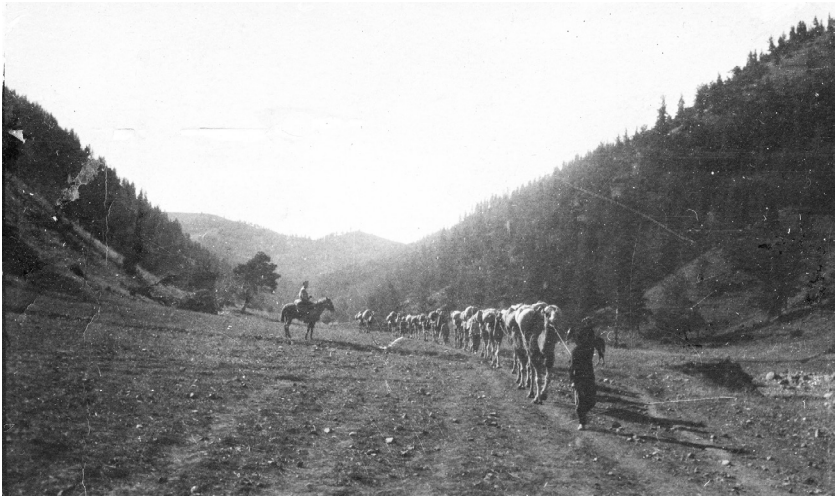
Ил. 5. Виды археологических раскопок.

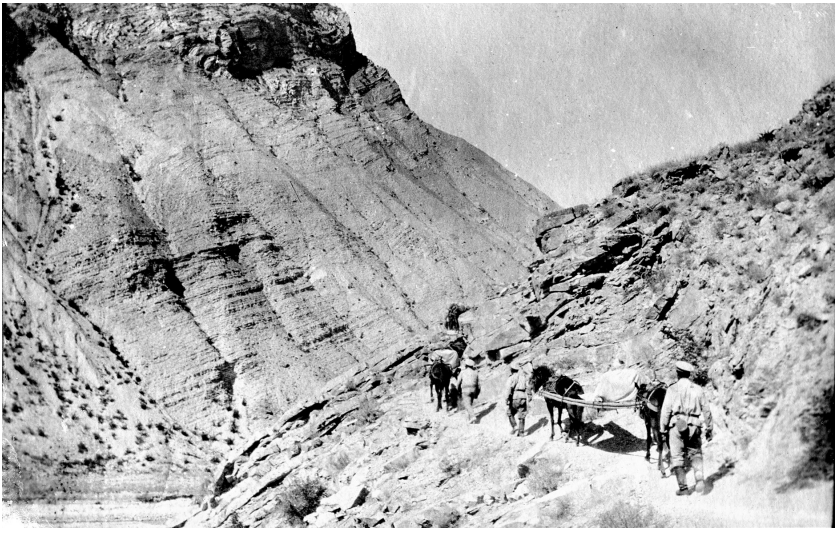


Ил. 6–7. Средневековый храм Ишхан в начале XX в.



Ил. 8–9. Средневековый храм Ишхан в начале XX в.





Ил. 10-14. Работа Красного Креста на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны в районе Ольты-чай.

Н.М. Осипова

Изучение регионов Сибири польскими исследователями в документах Архива РАН

N.M. Osipova

The Siberian regions study by Polish researchers in documents of the Archive RAS

Аннотация: в статье дается обзор документов Архива РАН о деятельности польских ученых (А. Чекановского, Я. Черского и др.) по изучению Сибири.

Ключевые слова: Архив РАН, документы, Сибирь, ученые, А. Чекановский, Я. Черский.

Abstract: the article provides the overview of the documents of the Archive RAS about the activities of Polish scientists (A. Chekanovsky, I. Chersky, etc.) for the study of Siberia.

Keywords: Archive RAS, documents, scientists, Siberia, A. Chekanovsky, I. Chersky.

Архив Российской академии наук – одно из крупнейших в мире хранилищ научной документации – 290 лет собирает и хранит документы по истории российского и мирового научного сообщества. Среди двух тысяч фондов, включающих свыше одного миллиона единиц хранения, находится немало документов, содержащих сведения об исследованиях различных регионов России. В частности, в них отразились факты по истории изучения Сибири польскими исследователями.

Большой комплекс документов хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Это крупный фонд лингвиста, краеведа, этнографа, почетного члена Академии наук Эдуар-

да (Карловича) Пекарского (Ф. 202), насчитывающий 722 единицы хранения (рукописи трудов, материалы биографические и по деятельности, труды других лиц, письма, словарь якутского языка и материалы к нему) за период 1803–2007 гг., и небольшой фонд геолога и палеонтолога Яна (Доминиковича, Ивана Дементьевича, Демидовича) Черского (Ф. 1056) из 37 единиц хранения (научные труды, материалы экспедиций, письма) за 1872–1896 гг. Кроме того, в фондах Конференции АН (Ф. 1) и Комитета Правления АН (Ф. 4) отложились материалы руководства Академии о работах И.Д. Черского, а в фонде Комиссии по изучению Якутской АССР (Ф. 47) – его дневники. В фонде этнографа, члена-корреспондента АН СССР Льва Яковлевича Штернберга (Ф. 282) имеются документы его друга Бронислава Пилсудского, в том числе знаменитые фольклорные тексты нивхов, а также обширная переписка ученых. В разных фондах сохранилась переписка Бенедикта Ивановича Дыбовского с зоологами членом-корреспондентом АН К.Ф. Кесслером (Ф. 637) и академиком А.А. Штраухом (Ф. 50), ботаником академиком К.И. Максимовичем (Ф. 82), гидробиологом Г.Ю. Верещагиным (Ф. 907), с Зоологическим музеем АН (Ф. P.V). В 2018 г. сотрудниками Санкт-Петербургского филиала Архива РАН были опубликованы материалы по истории науки в издании «Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в.», где во втором томе два раздела посвящены сибирским экспедициям И.Д. Черского (1870–1890-е гг.) и Б.И. Дыбовского (1867–1876, 1879–1883 гг.)[1].

В Архиве Российской академии наук хранится архивная коллекция «Материалы исследователей Сибири». Кроме того, в личных фондах российских ученых, в частности, известных исследователей Сибири академиков Владимира Леонтьевича Комарова и Владимира Афанасьевича Обручева, сохранилось немало документов, связанных с именами польских ученых, занимавшихся изучением сибирского региона и оказавшихся там как в ссылке, так и в качестве «трудовых эмигрантов».

Наибольшее количество документов представляют жизнь и деятельность, наверное, самого известного польского исследователя Сибирского региона – Яна Черского, именем которого назван знаменитый хребет. В первую очередь, это пространный дневник его путешествия от Оймякона до Верхне-Колымска. «Экспедиция для исследования северной части Восточной Сибири на реке Колыма от Иркутска» за период с 4 мая по 17 ноября 1891 г. Документ оснащен изображениями геологических срезов, «указателем зоологических сведений, помещенных в дневнике», карандашными рисунками лошадей и Индигирки, списком шкурок птицы, «списком посылок, высылаемых экспедициею Черского в Императорскую Академию наук в 1891 г[оду]», который включает в себя упоминание четырех посылок. Начинается дневник следующими словами: «4 мая. Уехал из Иркутска к селу Качуг на реке Лене, куда отправлен и багаж на судно (паузок) Ив[ана] Ив[ановича] Силина, которое должно нас довезти до Якутска»[2]. Записная книжка Я. Черского за 1887–1888 гг. отражает разнообразную деятельность ученого, и в то же время в ней имеется перечисление маршрутов А. Чекановского в районе озера Байкал[3]. В фонде доктора геолого-минералогических наук М.Ф. Нейбург сохранились ее заметки об образце № 297 из коллекции, собранной И.Д. Черским во время Колымской экспедиции 1891 г., среди Сибирских материалов Геологического музея АН СССР. Как пишет М.Ф. Нейбург, «К этому образцу в описи самого И.Д. Черского имеются следующ[ие] данные: <...> в) один штуф с отпечатками растений из Борогонского улуса по Охотскому тракту (между Леной и Алданом) в 120 в[ерстах] от г[орода] Якутска. Пожертвован В.П. Зубрилиным 11/23 июня»[4].

Следующий блок документов – эпистолярного жанра, который связан с сыном Я. Черского, Александром Ивановичем, и внуком. Это активная переписка А.И. Черского, консерватора музея Общества изучения Амурского края и известного исследователя фауны Дальнего Востока, с академиком В.Л. Комаровым за пери-

од с 29 апреля 1908 г. по 19 июля 1921 г.[5]. Тематика писем касается научной деятельности А.И. Черского в 1908–1913 гг., описания растений и собранных гербариев, экспедиции на Командорские острова в 1915 г.

Пять писем за период с 17 февраля 1925 г. по 22 июня 1949 г. Марии Николаевны Черской-Лункевич, вдовы А.И. Черского, к академикам В.Л. Комарову[6] и В.А. Обручеву[7] освещают уже судьбу внука Я. Черского и содержат воспоминания о встрече В.Л. Комарова с А.И. Черским.

Материалы по изучению наследия ученого представлены описанием будущего президента АН СССР В.Л. Комарова «Plantae vasculares. 1913. Provincia Austro-Ussuriensis» («Растения А.И. Черского 1913 года в области устья реки Тумын-гана»)[8], автографами двух вариантов статьи академика В.А. Обручева «Иван Демидович Черский (1845–1892)» 1948 и 1950 гг.[9], рукописью 1950 г. его предисловия к книге Г.И. Ревзина «Подвиг жизни Ивана Черского»[10], записью телепередачи, посвященной 125-летию исследователя Сибири Я. Черского, с участием доктора геологических наук В.В. Ламакина «Героика жизни Черского», а также портретами Я. Черского.

Документы другого, не менее известного польского ученого, Александра Лаврентьевича Чекановского, стоящего в одном ряду с Я. Черским в исследовании Сибирского региона, представлены материалами двух его крупных экспедиций – Олененской и Ленской. Маршрутная съемка первой экспедиции начата 14 марта 1874 г. и описана в шести тетрадях на 579 листах. Она касается бассейна рек Олены (Элан), Верхней Томбы, Силигир, Кутингна, у которой была приостановлена геологическая съемка 15 сентября 1874 г.[11]. Если первые тетради содержат только карандашные эскизы рек, то впоследствии в них появляются пространные записи различного характера.

Маршрутная съемка Ленской экспедиции включает три тетради на 316 листах за период с 7 июня по 23 июля 1875 г. Это

описание бассейна рек Лены, Чирымый-Кал, Ченчуна, Сиктяти и Тунгуски[12].

23 записных книжки на более 1600 листах А. Чекановского, включающие и маршрутную съемку реки Оленек, за 1873–1875 гг. органично дополняют маршрутные съемки двух предыдущих экспедиций[13].

В фонде академика А.Е. Ферсмана хранится копия отчета 1870 г. А. Чекановского Горному отделению Главного управления Восточной Сибири и Сибирскому отделу Императорского Русского географического общества «Исследование месторождений лазуревого камня у Юго-Западной оконечности озера Байкал» с комментариями А.Е. Ферсмана[14].

Примером исследования научного наследия А. Чекановского служат рукописи монографий доктора геологических наук В.В. Ламакина «Геологические открытия А.Л. Чекановского в Прибайкалье» 1969 г. и академика В.А. Обручева «История геологического исследования Сибири». Работа В.А. Обручева берет начало от научной библиографии истории геологического исследования Сибири, опубликованной А. Чекановским в 1874 г., и содержит краткие биографии таких польских исследователей Сибирского региона, как Я. Черский, А. Чекановский, Л. Ячевский. Тематически к этим документам примыкают рукописи В.В. Ламакина «Охрана и изучение Байкала – своевременная задача советско-польского культурного сотрудничества. (Байкал и польские ученые)» и «три байкальских горы с именами знаменитых геологов».

В 1880–1910 гг. параллельно со ссылкой происходит переселение крестьянства и «трудовая эмиграция» в Сибирь населения из польских регионов Российской империи. В Архиве РАН имеются документы представителей этой группы, где достаточно широко представлена эпистолярная составляющая. Причем необходимо отметить, что в большем случае переписка касается научных вопросов.

Несомненный интерес вызывает переписка геолога Кароля (Карла Ивановича) Богдановича с академиками Владимиром Ивановичем Вернадским[15], Александром Николаевичем Заварицким[16], Владимиром Леонтьевичем Комаровым[17], Николаем Александровичем Морозовым[18] и Алексеем Петровичем Павловым[19] за период 1909–1947 гг., касающаяся различных проблем – от изучения оптических свойств минералов и возвращения с Урала до благодарности за избрание в Русское общество любителей мироведения. Кроме того, в фонде академика А.Н. Заварицкого отложились автограф и машинопись монографии К. Богдановича «Геологический очерк Камчатки» в двух частях (1908 г.)[20], а в фонде академика П.П. Лазарева – оттиски работ К. Богдановича по вопросам о железосодержащих ископаемых и Курской магнитной аномалии 1926–1927 гг.[21] В «Истории геологического исследования Сибири» В.А. Обручев упоминает К. Богдановича и его экспедиции[22].

Сохранились также письма тобольского губернатора Александра Деспота-Зеновича из Санкт-Петербурга к приват-доценту Петербургского университета Василию Ивановичу Семевскому за 1891–1892 гг., касающиеся работы в архивах[23].

Интересны два письма врача Юлиана (Доминиковича) Талько-Грынцевича к палеонтологу и почетному члену Академии наук Марии Васильевне Павловой за 1910–1912 гг. из Кракова об обмене научными работами и с благодарностью за присланную литературную работу об ископаемых Троицесавского музея[24]. В качестве иллюстрации к этим письмам можно привести записку М.В. Павловой по поводу обработки палеонтологических коллекций Троицкосавского-Кяхтинского музея (1911 г.) и ее тетрадь с описанием и рисунками, сделанными в Троицкосавске в 1909–1912 гг.[25]

Письма Ю. Талько-Грынцевича к зоологу и антропологу, члену-корреспонденту Академии наук Анатолию Петровичу Богданову (из Звенигородка Киевской губернии, Троицкосавска Забайкальской области) за 1889–1893 гг. затрагивают вопросы

написания и высылки трудов по антропологии, изучения народной медицины[26].

Можно назвать также письма Леонарда (Антоновича) Ячевского к академику В.И. Вернадскому[27] и историку В.И. Семевскому[28] за 1896–1899 гг. о геологическом кабинете и других вопросах, отзыв доктора геолого-минералогических наук А.В. Павлова о трудах Л. Ячевского и фотопортрет Л. Ячевского, биографический очерк о нем в «Истории геологического исследования Сибири» В.А. Обручева[29].

Кроме того, в Архиве РАН имеются отдельные письма Ю. Морозевича к академику В.И. Вернадскому[30] из Санкт-Петербурга и Варшавы за 1898–1933 гг. о научной деятельности, а также члена-корреспондента Э. Пекарского к академику Н.А. Морозову за 1927 г.[31] Ю. Морозевич и А.Ф. Оссендовский упоминаются в «Истории геологического исследования Сибири» В.А. Обручева[32].

Необходимо отметить, что эти документы широко используются исследователями в читальном зале Архива РАН и были представлены на совместных документальных выставках архивов РАН и ПАН «Z dziejów rosyjsko-polskich kontaktów naukowych / Страницы истории российско-польских научных контактов» (Варшава, 2004 г.) и «Польские исследователи Сибири / Polscy badacze Syberii» (Москва, 2008 г.)»[33], последняя из которых с большим успехом до сих пор экспонируется по всей Сибири. 13 октября 2018 г. Генеральным консульством республики Польша в Санкт-Петербурге и Постоянным представительством Республика Саха (Якутия) в Санкт-Петербурге был организован круглый стол, посвященный польским исследователям Сибири. В рамках этого мероприятия было проведено открытие выставки в Санкт-Петербурге «Польские исследователи Сибири», подготовленной совместно Архивом Российской академии наук и Архивом Польской академии наук[34].

Примечания

[1] Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории: в 2 книгах. Сер. «Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки». Федеральное агентство научных организаций; Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. СПб., 2018. Т.II. С.1201–1225.
[2] АРАН. Ф. P.IV. Оп. 6. Д. 13. Л. 2.
[3]Там же. Д. 12.
[4] АРАН. Ф. 690. Оп. 4. Д. 34. Л. 1.
[5] АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 199, 1562.
[6] Там же. Д. 1561.
[7] АРАН. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1102.
[8] АРАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–28.
[9] АРАН. Ф. 642. Оп. 1. Д. 456, 458.
[10] Там же. Д. 457.
[11] АРАН. Ф. P. IV. Оп. 6. Д. 2–7.
[12] Там же. Д. 8–10.
[13] АРАН. P. IV. Оп. 6. Д. 11.
[14] АРАН. Ф. 544. Оп. 1 (1713–1933). Д. 24. Л. 1–71; Д. 25. Л. 1–62; Д. 26. Л. 1–128.
[15] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 155.
[16] АРАН. Ф. 617. Оп. 1. Д. 116.
[17] АРАН. Ф. 227. Оп. 4. Д. 326.
[18] АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 180.
[19] АРАН. Ф. 48. Оп. 2. Д. 15.
[20] АРАН. Ф. 617. Оп. 1. Д. 116, 182, 183.
[21] АРАН. Ф. 459. Оп. 3. Д. 40.
[22] АРАН. Ф. 642. Оп. 1. Д. 216. Л. 10, 25, 32, 98, 102, 105; Д. 209. Л. 22.
[23] АРАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 248. Л. 1–8.
[24] АРАН. Ф. 311. Оп. 2. Д. 238. Л. 1–3.
[25] Там же. Оп. 1а. Д. 16, 17.
[26] АРАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 180. Л. 1–4.

[27] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1932.
[28] АРАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 812.
[29] АРАН. Ф. 642. Оп. 1. Д. 216. Л. 22.
[30] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1103.
[31] АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1405. Л. 1.
[32] АРАН. Ф. 642. Оп. 1. Д. 216. Л. 37, 38, 104; Д. 209. Л. 24.
[33] См. Z dziejów rosyjsko-polskich kontaktów naukowych. Страницы истории российско-польских научных контактов // Буклет выставки документов из фондов Архива Российской академии наук и Архива Польской академии наук. Варшава, 9–14 октября 2004 г. Авторы научной концепции: *Афиани В.Ю., Краснова Т.Г., Осипова Н.М.* М., 2004; *Осипова Н.М.* Выставка «Страницы истории российско-польских научных контактов» в Варшаве // Вестник архивиста. 2005. № 1. С. 286–290; Польские исследователи Сибири. Polscy badacze Syberii // Каталог выставки документов из фондов Архива Российской академии наук, Архива Польской академии наук и Государственного архива Российской Федерации. Москва, 14–15 октября 2008 г. Авторы научной концепции с Российской стороны *Афиани В.Ю., Мироненко С.В., Осипова Н.М.* Составители: *Литвина Н.В., Осипова Н.М.* М., 2008.
[34] В Санкт-Петербурге почтили память Эдуарда Пекарского, составителя фундаментального словаря якутского языка // Постоянное представительство Республики Саха (Якутия) при Президенте Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://postpredstvo.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2951923 (дата обращения: 18.10.2018).

Д.Г. Полонский

«Хронограф» XVIII в. из собрания А.И. Яковлева в Архиве РАН

D.G. Polonski

The handwritten 18th century «Chronograph» in Alexey Yakovlev′s collection in the Archive of the RAS

Аннотация: статья посвящена кодикологическому и источниковедческому изучению рукописного сборника XVIII в., хранящемуся в Архиве РАН в личном фонде историка А.И. Яковлева (1878–1951). Выявлены произведения, послужившие источниками для содержащегося в сборнике текста. В статье обсуждается вопрос о том месте, которое для русской читающей публики второй половины XVIII в. могла занимать исследуемая рукопись в ряду других аналогичных сочинений, широко распространявшихся в списках.

Ключевые слова: XVIII в., Архив РАН, русская история, источниковедение, кодикология, рукописные сборники, владельческие записи, Петр I, стрелецкие восстания, Петр Крекшин.

Abstract: the article is devoted to the codicological and source study of the 18th century handwritten miscellany that is stored in the personal Alexey Yakovlev′ collection in Archive of the Russian Academy of Sciences. We establish the historical and literary monuments served as an origical sources for this compilation. At the final stage of the study we discuss the place of the manuscript from the Yakovlev′s collection within the historical context of widly distribution the similar handwritten miscellanies in Russia throughout the second half of the 18th century.

Keywords: 18th century, Archive of the Russian Academy of Sciences, Russian history, source studies, codicology, handwritten miscellanies, owner's inscriptions, Peter the Great, Streltsy uprisings, Petr Krekshin.

В собрании Архива РАН в личном фонде (Ф. 665) выдающегося историка Алексея Ивановича Яковлева (1878–1951)[1] в деле № 603 хранится рукопись[2], краткие сведения о которой в составленной в 1987 г. описи представлены следующим образом: «Хронограф XVIII в. (жизнеописание Петра I). Подлинник. Конец XVIII в., 43 л.». Каким образом в руках А.И. Яковлева оказалась эта рукопись, неизвестно: никаких сведений об этом в архиве ученого пока разыскать не удалось.

Однако кодикологическое исследование рукописи позволяет расширить и уточнить содержащиеся в описи сведения. Размеры рукописи – 35×21,7 см; она писана коричневыми чернилами, скорописью одного почерка. Писчее пространство составляет 30,2×17,4 см; текст помещен в рамке, очерченной карандашом. Текст занимает 35–40 строк на листе и разбит на абзацы, отделенные друг от друга пустыми строками. Рукопись писана на бумаге русского производства. Филиграни, согласно каталогам С.А. Клепикова, представляют собой разновидности водяного знака «Герб города Ярославля», в том числе с литерами «ЯМСЯ» (т.е. относятся к бумаге, произведенной Ярославской мануфактурой Саввы Яковлева): 1765–1787 гг.[3] и 1774–1787 гг.[4]. Переплет кодекса отсутствует; сшивка книжного блока не закреплена, нить ослаблена, первый лист надорван. Некоторые листы – в потеках и пятнах, не затрудняющих, однако, чтение текста.

Содержащийся в рукописи текст не имеет титульного листа и заглавия, начинаясь фразой «Во дни благочестиваго и Великаго Г(о)с(у)д(а)ря Царя и Великаго князя Алексея Михайловича в счастливое Его царствование были в России мужие благодатию Божею в разуме просвещенны Симеон Полоцкий и Дмитрий

Ростовский, оные и звездное течение знали». В содержательном отношении Хронограф представляет собой описание рождения Петра I, а также событий его детства и молодости, включая восстания московских стрельцов (Стрелецкие бунты 1682 и 1698 гг.).

Обращение к рукописным и изданным в XVIII–XIX вв. историко-литературным памятникам, описывающим события эпохи Петра I, позволяет уточнить источники текста, содержащегося в Хронографе из собрания А.И. Яковлева. Приведенная выше начальная фраза в тексте Хронографа в точности совпадает с фразой, фигурирующей в начале хорошо известного произведения историко-художественной литературы XVIII в. – «Краткого описания блаженных дел великого государя императора Петра Великого самодержца Всероссийского, собранного через недостойный труд последнего раба Петра Крекшина дворянина Великого Новаграда». Авторство (точнее, составление) этого компилятивного сочинения принадлежит историку-любителю Петру Никифоровичу Крекшину (ок. 1684–1763), бывшему в царствование Петра I смотрителем строительных работ (комиссаром) в Кронштадте, а после выхода в отставку в 1726 г. посвятившему себя собиранию источников по русской истории, главным образом, сведений о жизни и деятельности первого русского императора[5]. Вскоре после воцарения на престоле Елизаветы Петровны, Крекшин преподнес ей первый том своих записок в четырех частях. Этот подносный кодекс спустя столетие вошел в состав коллекции рукописей в области науки, литературы и искусств, находившейся в Государственном архиве Российской империи[6], а ныне он хранится в Российском государственном архиве древних актов[7]; жизнеописание Петра I в нем доведено до 1706 г.

В первой половине XIX в. литератор, этнограф и историк И.П. Сахаров (1807–1863), издавший в сокращении две части труда Крекшина, писал, что «императрица милостиво приняла его прошение, позволила ему для дополнения своих записок пересмотреть Кабинет дел и бумаг Петра Великого, нахо-

дившийся тогда в Петропавловской крепости. Труженик рылся в бумагах еще пятнадцать лет, и в огромных фолиантах составились выписки всего замечательного и драгоценного о Великом Петре»[8]. Заметим, однако, что Крекшин не только самостоятельно трудился в архивах, но и считал возможным присваивать чужие работы, как свидетельствует известный случай хищения им исторических выписок, составленных Г.Ф. Миллером; за чем последовал донос бывшего кронштадтского комиссара на одолжившего ему рукопись историка[9]. Часть крекшинского архива и собрания, включавшего выдающиеся памятники письменности (в частности, Лаврентьевскую летопись) уже в конце XVIII в. была куплена знаменитым коллекционером русских древностей А.И. Мусиным-Пушкиным (1744–1817), но значительная часть приобретенных собирателем рукописей погибла при пожаре Москвы в 1812 г.[10]. Отдельные автографы рукописей Крекшина, в том числе датируемые 1730-ми гг., по прошествии столетий оказались в библиотечных собраниях Харькова и Одессы; в целом же сочинения бывшего кронштадтского комиссара хранятся ныне во многих российских собраниях (главным образом, в списках)[11]. Однако Хронограф из находящегося в Архиве РАН фонда А.И. Яковлева среди известных списков не значится в качестве атрибутируемых авторству Крекшина рукописей.

Вплоть до конца 1780-х гг. труд Крекшина о Петре I не был напечатан, однако за десятилетия до появления печатных изданий он получил распространение в рукописной традиции. По оценке Т.А. Базаровой и И.А. Вознесенской, исследующих рукописные сборники об эпохе Петра I на основе источников, хранящихся в Библиотеке Российской Академии наук и Архиве СПбИИ РАН, судьба произведений Крекшина стала наиболее ярким примером того, как «появившиеся в елизаветинское и екатерининское время сочинения о петровском царствовании нередко распространялись в списках задолго до выхода публикации из типографии»[12]. Для изучения содержания Хронографа из фонда А.И. Яковлева

существенно, что, по-видимому, еще при жизни Крекшина из его «Краткого описания блаженных дел великого государя императора Петра Великого…» была выделена сокращенная редакция: «Повесть о зачатии и о рождении Петра Великого…», нередко фигурирующая в списках как одноименное «Сказание…».

Как отмечала исследовавшая сочинение Крекшина М.Б. Плюханова, «Сказание было выделено в отдельный текст, вероятно, самим Крекшиным, оно разошлось сотнями списков под разными названиями в различных вариантах, с указанием имени автора и без него»[13]. Действительно, только в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ) ныне хранится в совокупности не менее 40 списков «Сказания…». Эти рукописи находятся в фондах Е.В. Барсова[14], Т.Ф.Большакова[15], собрания Генерального штаба[16], Музейного собрания[17], К.И. Невоструева[18], Н.С. Тихонравова[19], Собрания единичных поступлений[20] и др., включая собрание старообрядческого Рогожского кладбища[21]. При этом «Сказание…» реже встречается в виде отдельных кодексов, чем в сборниках различного состава, однако среди них находятся и писанные на бумаге с водяными знаками не позднее 1750-х гг. Некоторые из списков содержат владельческие записи, свидетельствующие, что произведение Крекшина активно читалось еще при жизни автора-составителя в офицерской среде: «Сия книга инфатерии полку Выборгскаго подпорутчика Алексея Александрова сына Бреский. Писал оную своею рукою 1750 году»[22]; «Сия книга Ингермоландскаго пехотнаго полку третьей гренадерской роты подпоручика Якова Яковлева сына Мордвинова. Подписал своею рукою лета от сотворения мира 7264, а от Рождества Христова 1756 году, индикта 4, месяца апреля в 13 день, в день Великия субботы»[23].

Как минимум один из списков «Сказания…» оказался в обширном книжном собрании сына знаменитого фельдмаршала петровской эпохи, богатейшего русского вельможи графа Петра Борисовича Шереметева (1713–1788), бывшего в царствование

Елизаветы Петровны действительным камергером Императорского двора, а при воцарении Екатерины II ставшего сенатором. По этому списку «Сказание…» Крекшина было издано крепостным Шереметевых, хранителем графской библиотеки и литератором В.Г. Вороблевским (ок. 1730–1791)[24]. Осуществленное Вороблевским издание крекшинских записок впервые вышло в свет без указания имени автора-составителя в Москве в 1787 г. под названием «Сказание о рождении, воспитании и наречении на Всероссийский Царский престол… Государя Петра Первого»[25], а затем в 1795 г. было переиздано. Как отмечали составители «Сводного каталога книг гражданской печати XVIII века»[26], в издании Вороблевского изложение исторических событий в «Сказании…» доведено до 15 мая 1682 г., то есть до дня кульминации Стрелецкого бунта в Москве (знаменитой Хованщины). Можно заметить, что изложение событий того дня в изданном тексте оборвано и не содержат упоминаний об убийстве стрельцами князей М.Ю. и Ю.А. Долгоруких, а также боярина А.С. Матвеева.

Содержащийся в рукописном Хронографе из собрания А.И. Яковлева текст, как показало сопоставление с другими рукописными и опубликованными памятниками, несомненно, имеет одним из источников «Сказание…» Крекшина, с которого начинается изложение событий в Хронографе, но интересующая нас рукопись заключает в себе существенно более пространный рассказ по сравнению с печатным изданием Вороблевского 1787 г.

Как известно, в том же 1787 г. в Санкт-Петербурге по другому списку «Сказания…» труд Крекшина наряду с другими историческими сочинениями издал Ф.О. Туманский (1757(?)–1810)[27]: в его публикации, тоже не содержащей имени Крекшина и озаглавленной «О зачатии и о рождении Великого Государя императора Петра Перьвого Самодержца Всероссийского и о прочем»[28], нарративное изложение исторических событий доведено до 1683 г. В текстологическом отношении рукопись Хронографа из собрания А.И. Яковлева ближе к редакции, которую использовал

для своего издания Туманский (различия в основном относятся к лексическим разночтениям), однако и эта редакция не была единственным источником для анонимного составителя Хронографа. Финальная часть редакции сочинения Крекшина «О зачатии и о рождении…» в указанном издании Туманского отличается от содержащейся в Хронографе. В издании после сообщения о том, что «Царевна София Алексеевна повелела имя свое с Великими Государи в указах и книгах печатать и на монетах тискать» (с. 303), помещен «реэстр» важнейших, с точки зрения составителя, для истории России событий с 1682 по 1722 г. (с. 304–309), т.е. от коронации Петра I до Персидского похода – последнего военного похода, в котором царь принимал личное участие. Напротив, в рукописи Хронографа этот «реэстр» отсутствует, а финал иной (л. 42–43): список из собрания А.И. Яковлева заканчивается описаниями казней стрельцов после подавления бунта 1698 г. и подробным рассказом о том, как «не миновало Божие правосудное отмщение» умершему своей смертью за 12 лет до описываемых событий «всего воровства и бунта стрелецкаго сочинителю Милославскому», тело которого было извлечено из фамильной усыпальницы в церкви св. Николая на Покровке и подвергнуто посмертному осквернению палачами по специальному церемониалу. Текст Хронографа завершает фраза: «По сих всех печальных действах, буди небеснаго Бога Царя всех веков безсмертнаго истинно содержителя премудрых, злых скора отмстителя, всегда благочестивых помазанных ево великих монархов избавлюшаго и собравшаго мирных, а нечестивых врагов на путь мучения люте сокрушающее, и пребудет со всемернеишим верным всем христианем за бесприкладныя Его Божественныя щедроты и милости приснопамятным в вечные веки. Аминь».

Этот финал не оставляет сомнений в том, что в исследуемой рукописи Хронографа содержится редакция другого памятника исторической литературы XVIII в., также изданного в 1787 г. Ф.О. Туманским без указания имени автора по неизвестной руко-

писи под названием «Описание бунта бывшего в 1682 году»[29] (хотя описание простирается до 1698 г.). Уже в XIX в. в переиздании И.П. Сахарова авторство этого памятника по не вполне ясным причинам атрибутировано знаменитому дипломату и сенатору петровской эпохи Андрею Артамоновичу Матвееву (1666–1728)[30]. «Записки» А.А. Матвеева (если, конечно, корректно их так называть, имея в виду, что атрибуция Сахарова до сих пор не доказана, хотя и принята многими историками и археографами) в указанных изданиях завершаются описанием отмеченных выше событий, пересказанных почти дословно так же (с небольшими лексическими разночтениями), как и в рукописи Хронографа из собрания А.И. Яковлева.

Таким образом, Хронограф содержит компилятивное изложение событий последней трети XVII в., почерпнутое из двух основных источников – «Сказания…» П.Н. Крекшина и «Описания бунта…» (или, как принято считать, «Записок» А.А. Матвеева) в редакциях, близких к изданным Ф.О. Туманским в 1787 г. При этом наша рукопись не содержит имен П.Н. Крекшина и А.А. Матвеева. Тексты обоих памятников никак не разделены, а переходят один в другой, образуя целостное историческое произведение без каких-либо выделений рубрик и содержательных уточнений. В этом отношении Хронограф не уникален: так, среди отмеченных кодексов, хранящихся ныне в РГБ, имеется несколько рукописных сборников с такой же композицией (в частности, в собрании Генерального штаба[31] и Музейном собрании[32]), датируемых второй половиной – третьей четвертью XVIII в., причем одна из них содержит владельческие записи с точными датировками 1752 г. и 1765 гг.[33] Это позволяет констатировать, что исторические сборники с составом, аналогичным составу Хронографа из собрания А.И. Яковлева, распространялись среди русской читающей публики за десятилетия до выхода в свет печатных изданий В.Г. Вороблевского и Ф.О. Туманского. Поэтому хотя верхняя граница датировки Хронографа по

филиграням точно соответствует 1787 г., т.е. году публикации этих двух трудов (так что нельзя категорически утверждать, что Хронограф был переписан, когда книги еще не были опубликованы), вполне возможно, что источником для анонимного переписчика Хронографа послужила неизвестная нам рукопись, а не печатное издание. Известно, что издание Туманского тоже служило объектом для переписывания[34]. Вместе с тем текст Хронографа из собрания А.И. Яковлева в ряде случаев содержит сокращения, служащие дополнительным свидетельством того, что переписчик располагал копией «Описания бунта…», близкой к изданной Туманским. Так, в этом сочинении устроенная по приказу Петра I позорная посмертная церемония с телом боярина И.М. Милославского уподоблена другой, организованной в Англии после реставрации монархии в 1661 г., согласно Хронографу, «злокозненному вору и всего того воровства бунтовщику, именуемому Кромвелю, некоегда воставшему против законных его г(о)с(у)д(а)рей короля Великобританских» (л. 42). Из приведенной цитаты, где фигурирует несвязный оборот «всего того воровства бунтовщику», а слова «законных» и «короля» не согласуются в числе, в сопоставлении с изданным Туманским текстом (с. 227) становится ясно, что переписчик Хронографа в первом случае сделал описку, внеся в рукопись нелепое «воровства» вместо исходного «государства», а во втором – вместо одного анонимного «короля» опустил упоминания о двух британских монархах Карле I и Карле II, но забыл согласовать написанное им выражение в числе.

Как справедливо отмечала М.Б. Плюханова, «легенда о юности Петра I, составленная Крекшиным, происходила от устной традиции и опиралась на низовые литературные жанры <…> Хаотическое смешение опознавательных признаков разных жанров позволяло читать крекшинские тексты как роман и как летопись, как житие и как историческое сказание, и даже как достоверный исторический документ. Ориентированность крекшинских

версий на обыденные представления, на предания и слухи придавала ей правдоподобие в глазах людей XVIII в. <…> Среди множества рукописей и книг Крекшина не следует искать одной особенно распространенной и влиятельной. Влиятельными были не тексты полностью, а крекшинские известия…»[35] В свою очередь, изучая схожие по содержанию сборники в петербургских рукописных собраниях, Т.А. Базарова и И.А. Вознесенская пришли к выводу, что «интерес к истории петровского времени и личности первого российского императора стимулировался не только официальной пропагандой», а «сочинения о жизни и деятельности Петра Великого распространялись в списках и были популярны во всех слоях российского общества»[36]. Исследование рукописи Хронографа в сопоставлении с сочинениями о Петре I и его времени, бытовавшими в русской рукописно-печатной книжной традиции второй половины XVIII в., показывает, что эти же наблюдения верны и в отношении атрибутируемых со времен публикации XIX в. А.А. Матвееву «Записок», и в отношении сводного компилятивного исторического труда, отраженного в скромном на вид списке, ныне хранящемся в личном фонде члена-корреспондента АН СССР Алексея Ивановича Яковлева в Архиве РАН.

Примечания

[1] Об археографических трудах А.И. Яковлева и его личном архивном фонде: *Душинов С.М.* К истории отечественной археографии (издания, подготовленные А.И. Яковлевым) // Археографический ежегодник. 1976. М., 1977. С. 111–120; *Он же.* Личный фонд А.И. Яковлева в Архиве АН СССР // Советские архивы. 1981. № 5. С. 48–52. О биографии А.И. Яковлева вкратце: *Александров Г.А.* Историк А.И. Яковлев // *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты. Биографии и судьбы. Чебоксары, 2002. С. 172–201; *Волков В.А., Куликова М.В., Логинов В.С.* Московские профессора XVIII – начала XX веков. Гуманитарные и общественные нау-

ки. М., 2006. С. 288–289; *Мельников А.В.* Яковлев Алексей Иванович // Московская энциклопедия. М., 2012. С. 594–595; подробнее: *Тихонов В.В.* «В истории так мало незыблемых истин…» (к 130-летию со дня рождения Алексея Ивановича Яковлева) // История и историки. 2008. Историографический вестник. М., 2010. С. 289–317; *Он же.* Московские историки первой половины XX века: Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина. М., 2012. С. 71–86, 168–180, 284–298; *Кривошеев Ю.В.* Историк А.И. Яковлев и революционер В.И. Ульянов-Ленин (по материалам Архива ФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области и воспоминаниям) // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 410–423; см. также: *Пушкарев Л.Н.* Три года работы с А.И. Яковлевым // Историографический сборник. Вып. 19. Саратов, 2001. С. 124–135; *Тихонов В.В.* «Если ты хочешь услышать этого великого ученого и мастера слова, то приезжай в Москву». Воспоминания А.И. Яковлева. К 170-летию В.О. Ключевского // Вестник архивиста. 2011. № 2. С. 138–144.

[2] АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 603.

[3] *Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. № 768–778.

[4] *Клепиков С.А.* Филиграни на бумаге русского производства XVIII–XX вв. М., 1978. № 1074–1080.

[5] *Моисеева Г.Н.* Крекшин Петр Никифорович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999. С. 145.

[6] Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель. Т. 1. М., 1991. С. 364.

[7] РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 167.

[8] Записки русских людей: События времен Петра Великого / [с предисл. *И. Сахарова*]. [Ч. 1]. СПб., 1841. С. [112].

[9] *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. II. Л., 1965. С. 171–173.

[10] *Козлов В.П.* Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988. С. 85–89, 260–261.

[11] Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып. 1: XVIII век / под ред. *С.О. Шмидта*; сост. *В.Ю. Афиани, Т.В. Лохина, М.П. Мироненко.* М., 2001. С. 135–139.

[12] *Базарова Т.А.*, *Вознесенская И.А.* Рукописные сборники о Петре Великом: проблема кодикологического изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 3. С. 75–84.

[13] *Плюханова М.Б.* История юности Петра I у П.Н. Крекшина // Ученые записки Тартуского университета (Acta et commentationes Universitatis Tartuensis). Вып. 513. Тарту, 1981. С. 36.

[14] РГБ. ОР. Ф. 17. № 1070.

[15] Там же. Ф. 37. № 26.

[16] Там же. Ф. 68. № 311; № 312; № 313; № 314.

[17] Там же. Ф. 178.1. № 129; № 130; № 889; № 1840; № 2184; № 2906; № 3280; № 3281; № 3282; № 3785; № 4176; № 4259; № 4260; № 4563; № 4568; № 5212; № 6511; № 7043.6; № 7486; № 7491; № 7676; № 9010; № 9311; № 9532; № 10243; № 10651; № 10915; № 11076; № 11077.

[18] Там же. Ф. 194. № 49.

[19] Там же. Ф. 299. № 47; № 90; № 309; № 506.

[20] Там же. Ф. 722. № 466.

[21] Там же. Ф. 247. № 392.

[22] Там же. Ф. 178.1. № 4176. Л. 1.

[23] РГБ. ОР. Ф. 137. № М.9586. Л. 1.

[24] *Кузьмин А.И.* Вороблевский Василий Григорьевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. Л., 1988. С. 175–176.

[25] Сказание о рождении, воспитании и наречении на Всероссийский Царский престол его Царского Пресветлого Величества Государя Петра Первого… М., 1787.

[26] Сводный каталог книг гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. II. М., 1964. С. 92. № 3299.

[27] *Алексеева Н.Ю.* Туманский Федор Осипович (Иосифович) // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. СПб., 2010. С. 280–286.

[28] *Туманский Ф.О.* Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя имп. Петра Великого. Ч. 1. СПб., 1787. С. 231–310.

[29] Там же. С. 109–229.

[30] Записки русских людей : События времен Петра Великого / [с предисл. *И. Сахарова*]. [Ч. 1]. СПб., 1841. С. 1–47.

[31] РГБ. ОР. Ф. 68. № 312; № 314.

[32] Там же. Ф. 178.1. № 3282; № 4568; № 9532; № 10651.

[33] Там же. Ф. 178.1. № 9532. Л. 144 об.

[34] Там же. Ф. 353. № 23.

[35] *Плюханова М.Б.* Указ. соч. С. 33.

[36] *Базарова Т.А., Вознесенская И.А.* Указ. соч. С. 80.

Н.А. Станулевич

«Как я чту память о путешественнике Козлове П.К.» (по материалам его секретаря Б.М. Овчинникова)

N.A. Stanulevich

«How I honour the memory of the traveler Kozlov P. K.» (on materials of his secretary B. Ovchynnikov)

Аннотация: Статья посвящена изучению состава и содержания документов о работе великого путешественника П.К. Козлова, хранящихся в фонде его секретаря Б.М. Овчинникова в Отделе рукописей РГБ.

Ключевые слова: П.К. Козлов, Б.М. Овчинников, Центральная Азия, фонд личного происхождения, Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

Abstract: the article is devoted to the study of the composition and content of the documents on the work of the great traveler P.K. Kozlov, stored in the Fund of the Secretary B. Ovchinnikov in the Department of manuscripts of the RGB.

Keywords: Pyotr Kozlov, Boris Ovchinnikov, Central Asia, Russian State Library

15 октября 2018 г. исполнилось 155 лет со дня рождения Петра Кузьмича Козлова (1863–1935) – путешественника, ученого, исследователя Центральной Азии. Исторические источники о его научной, экспедиционной и просветительской деятельности хранятся в различных архивах, библиотеках и музеях Российской Федерации.

В Отделе рукописей РГБ на хранении находится личный фонд Бориса Михайловича Овчинникова (1903–?) – гидрогеоло-

га, личного секретаря П.К. Козлова с 1923 по 1935 гг. Фонд включает переписку Козлова с Овчинниковым и членами их семей, некоторые материалы Монголо-Тибетской экспедиции; афиши и программы лекций Овчинникова о Козлове, отзывы на них; материалы о праздновании столетия путешественника в АН СССР и некоторые другие материалы.

Данное собрание документов содержит около 200 личных писем Козлова, адресованных своему секретарю, «в которых ярко вырисовываются многие интересные детали его характера и интересов как человека, оригинальные фотографии П[етра] К[узьмича], нигде не публиковавшиеся, личные его книги с автографами Петра Кузьмича, некоторые дела по организации его последней Монголо-Тибетской экспедиции 1923–[19]26 гг. и др[угие], одна его подписн[ая] статья и т. д., мои статьи о нем, статьи П[етра] К[узьмича]»[1].

Личные письма Козлова, о которых идет речь в вышепроцитированной пояснительной записке Овчинникова, датируются 1923–1935 гг. Письма периода Монголо-Тибетской экспедиции носят в основном деловой характер. Например, в пояснительной записке об объеме закупки валют для предстоящей экспедиции Козлов сообщал, что туземцы привыкли расплачиваться серебром 96-ой пробы, что он не будет закупать серебро ниже 83-ей пробы и просит обратить внимание на следующее распределение общей валюты: 10 тысяч рублей золотом номиналом по 10 и 5 рублей, 10 пудов серебра на сумму 6 или 7 тысяч рублей и американских долларов на 13 тысяч золотом[2]. 25 марта 1923 г. Козлов писал из Петрограда, что удалось «познакомиться с мастерской “Красный парус” (бывш[ая] Кебке) и убедиться, что она изготовит для нужд нашей экспедиции все в течение предстоящего месяца апреля! Палатки и походн[ые] ящики и сумы я заказал»[3]. Козлов очень внимательно относился к распоряжениям, которые давал Овчинникову, часто в письмах он требовал предоставить сведения или отчетность[4]. Овчинников координировал личные и про-

фессиональные визиты Козлова в Москву, осуществлял доставку его корреспонденции. Через Овчинникова также велась переписка с издателями, которым Козлов пересылал фотографии, выполнялись в ходе экспедиции.

За этот период, кроме деловых писем, имеются также документы, содержащие личные просьбы. Например, 5 июня 1923 г. Козлов просил сопроводить в Москву его дочь Ольгу в магазин Мосторга для покупки костюма и напоминал, что «Мосторг должен нам (в особен[ности] мне – представителю Тибет[ской] экспедиции) сделать обещанную скидку. Это заведение под одним общим флагом с тем, которое нас снабжало бельем и проч[им]»[5].

В письмах конца 1920-х гг. путешественник упоминал о научной и экспедиционной деятельности его жены Е.В. Козловой, рассказывал о работе сына Владимира. В письме от 20 июля 1929 г. из деревни Стречно Новгородской области он писал, что «Елизавета Владимировна только с 14 июня приступила к настоящей научной работе в Хангае. Тужит, что с 23 апреля в дороге истратила большую часть энергии и материальных средств»[6]. По словам Козлова, его жена жалела, что поехала в Монголию, а не в Забайкалье или в Уссурийский и Амурский край. Владимир Козлов в июле 1929 г. находился «в Туркестане, его жена (тоже почвовед) – в Северном Кавказе. На будущий год Козловы оба поедут работать или в Туркестан или на Кавказ, где найдет больше интереса удобств Володя»[7].

Среди переговоров о лекциях, сообщениях о семье и здоровье мы можем найти информацию о том, с какими трудностями сталкивалось научное сообщество в организационных вопросах в начале 1930-х гг. Так Козлов 14 августа 1930 г. просил Овчинникова узнать в Москве про распределение бумаги для печати для Ленинграда в издательстве Сойкина «Вестник знания» от его имени[8].

Начиная с 1931 г. Козлов подолгу жил в Стречно. Корреспонденция, поступавшая к Овчинникову, в основном содержала све-

дения о распорядке дня, погоде, природе, но и деловые вопросы также имели место: Козлов писал о докладах и лекциях в Ленинграде и Москве. Хотя чаще речь в эти годы шла о более размеренном ритме жизни – 25 ноября 1934 г. из Ленинграда он сообщал: «Боря! Я не привезу в Москву ни одного моего диапозитива и лекции читать не буду. Я приеду отдыхать …»[9]. В последние годы жизни Козлов активно обсуждал с Овчинниковым свою работу в киевском научном сообществе. Из переписки мы узнаем, что ему был предложен даже переезд в Киев для более плодотворной работы. 4 июня 1934 г. из Ленинграда он сообщал: «<...> меня усиленно просят переехать в Киев, чтобы целиком отдаться ВУАН. Даже обещали перевезти в вагоне все мои вещи (и библ[иотеку], и колл[екции]). Я, хотя и кочевник, Е[лизавета] В[ладимировна] тоже, но мы воздержались от приглашения в полном смысле <…>»[10].

Письма Козлова за 1935 г. в основном адресованы жене Овчинникова, и чаще написаны карандашом, что затрудняет их прочтение. Их содержание, в основном, носит личный характер – содержит информацию о состоянии здоровья и погоде, воспоминания о времени, проведенном Козловым в Москве в гостях у четы Овчинниковых. Последнее письмо Козлова датировано 17 сентября 1935 г.[11]

Переписка Овчинникова с дочерью Козлова Ольгой 1936–1959 гг. носит личный характер. Козлова писала секретарю отца о семейных делах, в том числе о попытках получения ею, как дочерью Козлова, государственной квартиры[12].

Переписка жены ученого Е.В. Козловой и четы Овчинниковых, хранящаяся в фонде РГБ, имеется за два периода: с 1935 г. до начала Великой Отечественной войны и с 1946 по 1963 г. В письмах к Раисе Александровне Овчинниковой Козлова часто упоминала о болезни своего мужа, трудностях с работой и сложном финансовом положении семьи. Письма после 1935 г. носят более деловой характер. В 1939 г. она писала Овчинникову, что Гео-

графическое общество принялось за разбор архива Козлова, а в конце марта она сама собирается в экспедицию и поэтому хочет передать в общество все материалы[13]. Она просила Овчинникова вернуть документы, находящиеся у него в Москве. Как явствует из письма, издание дневников последней экспедиции планировалось во второй половине 1940 г.[14] Вдова писала 26 сентября 1940 г.: «В РИСО послана заявка на 60 печ[атных] листов на 1941 г. В плане стоит один том дневников (листов 25–30)»[15]. 5 января 1941 г. из Ленинграда она сообщала, что дело с Географическим Обществом приостановлено[16], а в марте 1941 г. о том, что на обсуждение редколлегии было решено изменить планы здания, «значительно урезав сведения о первом годе жизни в Улан-Баторе до начала настоящей работы, в общем, мне приходится не “редактировать”, а писать заново»[17].

Особо необходимо отметить хранящуюся в РГБ группу документов о Монголо-Тибетской экспедиции Козлова. Среди них присутствует любопытная для настоящего обзора инструкция студенту Б.М. Овчинникову для геологических наблюдений во время экспедиции 1923–1926 гг. в Центральную Азию и на Тибет, содержащая характеристики местности по маршруту, общие замечания, включая руководство по отбору материалов и их фиксации в экспедиционной документации, принципы классификации и упаковки материалов, перечень необходимого снаряжения[18]. Данный документ позволил провести дополнительную атрибуцию экспедиционного снаряжения, которое входит в состав коллекций Музея-квартиры П.К. Козлова, Смоленского государственного музея-заповедника, Духовщинского районного историко-художественного музея.

Материалы, обнаруженные в фонде ОР РГБ позволили внести дополнения в научное описание экспонатов, представленных в постоянной экспозиции Музея-квартиры П.К. Козлова. Например, заявление от художника-скульптора З.Б. Трушковской[19] на имя директора Эрмитажа Б.Б. Пиотровского от 27 июня 1965 г. о

предоставлении в дар музею бюста Козлова из тонированного гипса, в полторы натуральные величины, выполненного к его столетию. Овчинников должен был доставить скульптуру в Ленинград.

Фотографии из фонда Овчинникова позволили провести дополнительную атрибуцию фотографической коллекции Музея-квартиры П.К. Козлова. Например, изображение, учтенное как «фотография неизвестного деревянного здания на территории Российской империи», после сличения со схожим фотоснимком из фонда Овчинникова, была переатрибутирована как «дом Н.М. Пржевальского в имении Слобода (ныне поселок Пржевальское Демидовского района Смоленской области)»[20]. Большой интерес представляют ранее не публиковавшиеся фотографии последней экспедиции Козлова и его научно-просветительской деятельности последних лет жизни[21].

Значительная часть документов фонда Овчинникова имеет отношение к празднованию и подготовке различных памятных дат и юбилеев Козлова. 15 сентября 1958 г. Овчинников написал рапорт на имя В.М. Молотова и К.Е. Ворошилова о необходимости издания трудов Козлова, а также установки памятника путешественнику[22].

Мероприятия к столетию со дня рождения Козлова были запланированы в Москве, Ленинграде и Киеве. Овчинников собирался делать доклад «О жизни и деятельности великого русского ученого исследователя Центральной Азии академика Козлова П.К.» в сопровождении цветных диапозитивов. Также он направил обращения в Смоленский областной совет с предложением о переименовании города Духовщина, где родился его учитель, в город Козлов (Географическое общество еще в 1939 г. вынесло решение о поддержке данного переименования, поскольку существовавший ранее и не имевший отношения к путешественнику город Козлов к 1939 г. уже был переименован в Мичуринск). В своем обращении Овчинников также ходатайствовал о наименовании одной из улиц Смоленска в честь Козлова[23].

В материалах фонда сохранилось Постановление заседания бюро Духовщинского производственного парткома от 10 апреля 1963 г. о переименовании улицы Сычевская в улицу имени Козлова, присвоении его имени Духовщинской одиннадцатилетней школе производственного обучения, создании в школах района уголков о жизни и деятельности знаменитого земляка, организации в библиотеках, избах-читальнях, клубах тематических фотовыставок, а также о поддержке ходатайства Овчинникова об изготовлении бюста Козлова и установление его в Духовщине[24].

На 11 октября 1963 г. было запланировано совместное празднование юбилея, организаторами которого выступили Московский дом ученых АН СССР, Географическое общество и Географический факультет МГУ. В программу входили торжественное заседание, выставка трудов Козлова, фотовыставка, демонстрация картины «Открытие Козловым мертвого города Хара-Хото в пустыне Гоби» художника Л.Л. Иванова[25] и скульптурного портрета Козлова работы Трушковской, демонстрировался кинофильм, созданный на основе материалов экспедиций по Центральной Азии, а также праздничный концерт, в котором исполнялись любимые музыкальные произведения Козлова и монгольские танцы[26].

Овчинников в юбилейный 1963 г. прочел ряд докладов: 11 октября в Московском доме ученых, 19 октября в Духовщине и 20 октября в Смоленске[27]. В календарях ОГИЗа на 1963 г. на листе за 15 октября было напечатано напоминание о юбилее Козлова[28].

Этими формами увековечение памяти Козлова не ограничилось. За годы работы его секретарь представил общественности сценарии спектакля, фильма и телепередачи о Козлове. Примерно в октябре 1963 г.[29] Овчинников подал заявку на литературный сценарий телепередачи под названием «П.К. Козлов – великий путешественник и исследователь Центральной Азии (к столетию со дня рождения)», состоящей из двух частей. Первая часть телепередачи представляла собой телефильм, вторая – беседу участников экспедиции и других лиц, связанных с дея-

тельностью Козлова, за круглым столом. Овчинников предлагал пригласить жену и сына Козлова, сотрудника Государственного Эрмитажа Лейб-Лесниченко, переводчика китайской письменности из находок Хара-Хото С.М. Кочетова, несколько человек из Географического Общества Москвы или Ленинграда[30].

В конце 1930-х гг. Б.М. Овчинников направил в газету «Кино» заметку под заголовком «Создадим фильм о путешественнике Козлове», где говорил: «недаром в "Правде" от 2 октября 1938 г. в статье о кинотеатре "Наука и знание" был поставлен вопрос об издании фильма "О жизни и деятельности выдающихся русских географов и путешественников – Пржевальского, Козлова, Миклухо-Маклая" <…> несомненно, они воспитывали бы патриотические чувства советских зрителей и вместе с тем имели бы серьезные познавательное значение. В другой статье "Правды" – "Отлично знать географию" от 10 сентября 1937 г. очень серьезно ставился вопрос о возможности развития географической науки»[31]. Овчинников предполагал создать фильм, полностью освещающий биографию Козлова, или ленту, повествующую о нескольких его путешествиях, например, об открытии Хара-Хото.

К 1943 г.[32] Овчинников создал сценарий спектакля «Кизо» (в четырех действиях)[33]. Тетрадь, хранящаяся в ОР РГБ, содержит сценарий и эскизы декораций к спектаклю. Название пьесы Овчинников объяснял, как производную от прозвища Козлова «Кизо/Кизоша», которое ему дал в свое время его учитель Н.М. Пржевальский.

Основной формой увековечения памяти Козлова, которую избрал Овчинников, было чтение лекций о нем. «Их было прочитано не менее чем 300 в различных городах СССР (Москва, Ленинград, Свердловск, Новосибирск, Семипалатинск, Тбилиси, Воронеж, Смоленск, Духовщина и др.). <…> эти лекции были в сопровождении диапозитивов с фотографии самого Козлова и пользовались значительным успехом, может быть потому, что я неоднократно слушал лекции на эту тему самого Козлова»[34].

Материалы, обнаруженные в фонде Овчинникова в Отделе рукописей РГБ, являются существенным дополнением к архивному наследию П.К. Козлова. Они позволяют прояснить ряд страниц жизни этого великого путешественника, географа и этнографа, а также его окружения.

Примечания

[1] ОР РГБ. Ф. 656. Оп. 3. Д. 16. Л. 1.
[2] Там же. Оп. 2. Д. 59. Л. 1.
[3] Там же. Л. 2.
[4] Там же. Л. 6.
[5] Там же. Л. 4–4 об.
[6] ОР РГБ. Ф. 656. Оп. 3. Д. 60. Л. 15-15 об.
[7] Там же. Л. 15-15 об.
[8] Там же. Л. 32
[9] ОР РГБ. Ф. 656. Оп. 3. Д. 62. Л. 43.
[10] Там же. Л. 34.
[11] ОР РГБ. Ф. 656. Оп. 3. Д. 63.
[12] Там же. Д. 66. Л. 3–4.
[13] Там же. Д. 64. Л. 15.
[14] Там же. Л. 17.
[15] Там же. Л. 18.
[16] Там же. Л. 19.
[17] Там же. Л. 20.
[18] ОР РГБ. Ф. 656. Оп. 3. Д. 21. Л. 1–3.
[19] З.Б. Трушковская – дочь Б.М. и Р.А. Овчинниковых, окончила в 1947 г. Московский институт декоративно-прикладного искусства, консультантами при выполнении данной работы выступали В.А. Ватагин – член-корреспондент Академии художеств СССР и А.В. Бабичев – профессор скульпторы Московского архитектурного института. См.: ОР РГБ. Ф. 656. Оп. 3. Д. 19. Л. 1;ЦГАМО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 151. Л. 59.
[20] ОР РГБ. Ф. 656. Оп. 5. Д. 20.

[21] Там же. Д. 6–11.
[22] Там же. Оп. 2. Д. 15. Л. 7.
[23] Там же. Д. 18. Л. 3.
[24] Там же. Л. 4.
[25] Наш знаменитый земляк. 100 лет со дня рождения путешественника П.К. Козлова // Знамя коммунизма. 13 ноября 1963.
[26] ОР РГБ. Ф. 656. Оп. 3. Д. 18. Л. 9.
[27] Там же. Л. 11.
[28] Там же. Л. 13.
[29] Более точная датировка затруднена на данном этапе исследования.
[30] ОР РГБ. Ф. 656. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.
[31] Там же. Д. 8. Л. 1.
[32] Датировка выполнена по одной из надписей в тетради: «11/ IV 1943. Свердловск».
[33] ОР РГБ. Ф. 656. Оп. 1. Д. 13.
[34] ЦГАМО. Ф. 496. Оп 1. Д. 140. Л. 4.

Неизвестный фотограф. Дом Н.М. Прежвальского в имении Слобода (ныне пос. Пржевальское Демидовского р-на Смоленской обл.). Вторая половина 1880-х гг. (?). Альбуминовый отпечаток. Музей-квартира П.К. Козлова (СПбФ ИИЕТ РАН). № КП 3879.

Архивоведение, документоведение, источниковедение

Обозрения фондов

Д.В. Аносов

Спиваковский Александр Онисимович (1888–1986)

D.V. Anosov

Spivakovskij Aleksandr Onisimovich (1888–1986)

Специалист в области механизации горных работ и рудничного транспорта, член-корреспондент АН СССР (1946). Работал в гидротехнической организации Северного фронта и Управлении по орошению Голодной и Дальверзинской степей (1914–1918), Управлении шлюзования Днепра (1919–1920), Угольном институте Донбасса (1927–1929), Всесоюзном научно-исследовательском угольном институте (1929–1932), Всесоюзном научно-исследовательском институте подъемно-транспортного машиностроения (1933–1943), Институте горного дела им. А.А. Скочинского АН СССР (1946–1961). Преподавал в Екатеринославском политехническом институте (1919–1922), Екатеринославском вечернем политехникуме путей сообщения (1921–1922), Рабфаке при Донецком горном институте (1921–1923), Донецком горном институте (1922–1933), Московском горном институте им И.В. Сталина (1933–1962, 1964–1973), Московском институте радиоэлектроники и горной электромеханики (1962–1964), с 1980 г. – профессор-консультант Московского горного института.

Ф. 1973. Оп. 1. 47 ед. хр. за 1905 – [1980-е] гг.

Биографические документы: аттестат об окончании Екатеринославского Реального Училища и свидетельство об окон-

чании дополнительного класса Екатеринославского Реального Училища, временное свидетельство об окончании Петроградского Политехнического Института Императора Петра Великого, удостоверение преподавателя, профсоюзные билеты, ходатайство в Патентное ведомство США, характеристики, приказы об объявлении благодарностей, диплом доктора наук и профессора, авторские свидетельства на изобретения, удостоверения, пропуска, членские билеты, приказы, постановления, распоряжения и извещения министерств и ведомств об утверждении членом комиссий, научных, ученых советов, приказ МВиССО СССР об утверждении членом редакционной коллегии журнала «Известия высших учебных заведений», свидетельство о присуждении Государственной премии СССР третьей степени и присвоении звания Лауреат Государственной премии СССР, свидетельства ВДНХ СССР; автобиографии, личный листок по учету кадров; сведения об авторе работы, представляемой на соискание Сталинской премии за 1953 г.; статьи о А.О. Спиваковском, юбилейно-поздравительные документы.

Документы имущественно-хозяйственного и бытового характера: извещение Совета Политехнического института Екатеринославским губисполкомом об освобождении от реквизиции библиотеки А.О. Спиваковского.

Фотографии и другие изобразительные материалы: фотографии А.О. Спиваковского дома.

Документы о редакционно-издательской деятельности: приказ по ИГД им. А.А. Скочинского АН СССР об утверждении экспертом-рецензентом на 1961 г., переписка с редакциями.

Документы о научно-организационной деятельности: протоколы заседаний, извещения комитета по Ленским премиям, документы к командировке в ГДР в 1962 г., переписка и документы об изобретении «Способ изготовления корпусов роликов из гидрофобизированной прессованной древесины для ленточных конвейеров».

Документы о педагогической деятельности: записка от декана Рабфака ЕГИ и приказ по Калининскому торфяному институту МВиССО РСФСР об утверждении председателей государственных экзаменационных комиссий на 1960/1961 учебный год.

Ил. 1. Удостоверение члена–корреспондента АН СССР. 1946 г.
АРАН Ф. 1973. Д. 14. Л. 1.

Ил. 2. Удостоверение преподавателя
Вечернего Политехникума путей сообщения. 1921 г.
АРАН Ф. 1973. Д. 3. Л. 1.

Д.В. Аносов

Филин Федот Петрович (1908–1982)

D.V. Anosov

Filin Fedot Petrovich (1908–1982)

Языковед, член-корреспондент АН СССР (1962). Работал в Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР (1936–1941), в Институте русского языка АН СССР (1947–1954), в Ленинградском отделении Институте языкознания АН СССР (1954–1982). Преподавал в школе поселка Дубна (1925–1926), на Курсах нацменьшинств Советского Востока при ЦИК СССР (1933–1936), в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена (1936–1941, 1946–1950), в Ленинградском педагогическом институте им. М.Н. Покровского (1954–1957), в ЛГУ им. А.А. Жданова (1957–1961).

Ф. 2088. Оп. 1. 68 ед. хр. за 1928–1995 гг.

Научные труды и другие творческие материалы: юношеские стихи Ф.П. Филина, выписки из книги Л. Леви-Брюля «Первобытное мышление», доклад аспиранта Ф.П. Филина в Институте языка и мышления «Субъективный идеализм Беркли и трансцендентальный идеализм Канта», воспоминания Ф.П. Филина о своем друге, Александре Львовиче Дымшице «Одно из звеньев памяти», оттиски статей Ф.П. Филина.

Личные документы: свидетельство об окончании МГПИ, свидетельство о браке, диплом доктора филологических наук, аттестат профессора по кафедре «русский язык», диплом Лауреата Ленинской премии, оттиск статьи «Присуждение премий

Академии наук СССР» о награждении Ф.П. Филина премией им. А.С. Пушкина, свидетельство о смерти.

Автобиографические документы: автобиографии, родословная, списки научных работ, визитная карточка.

Документы о фондообразователе: характеристика педагогической работы; статьи и воспоминания о Ф.П. Филине; сведения о работе; отзыв председателя ВАК о работе Ф.П. Филина в ВАК; списки выступлений Ф.П. Филина на телевидении и в газетах; доклад М.А. Брицына «Лексическое взаимодействие языков в историко-лингвистических исследованиях Ф.П. Филина» на II Всесоюзной конференции «Актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков» в Днепропетровске.

Юбилейно-поздравительные документы: информационное письмо ИРЯ о 70-летии со дня рождения и 50-летии научной и научно-педагогической деятельности, материалы посвященные 75-летию, 80-летию, 85-летию со дня рождения.

Документы имущественно-хозяйственного и бытового характера: лист талонов на право получения участником Великой Отечественной войны проездных билетов с 50-процентной скидкой на 1981–1988 гг., список литературы из личной библиотеки бывшего директора ИЯЛ АН СССР члена-корреспондента АН СССР Ф.П. Филина, переданные в ДГУ в 1984 г., список книг и журналов, полученных в дар ПГПУ им. М.В. Ломоносова из библиотеки Ф.П. Филина в 1993 г. и благодарственное письмо В.Н. Булатова.

Фотографии Ф.П. Филина с женой; на отдыхе и дома; во время присуждения Honoris causa степени доктора наук Ягеллонского университета (Краков) и Хельсинского университета; аспиранта Ф.П. Филина в Яфетическом институте АН СССР; расширенного заседания лингвистического кружка, посвященное научным работам члена-корреспондента АН СССР Ф.П. Филина; группы древнерусского словаря ИРЯ АН СССР; с друзья-

ми и коллегами; на Всесоюзной Олимпиаде для школьников по русскому языку на телевидении; на заседаниях, конгрессах, совещаниях; военных лет и семейные фотографии; фотопортреты Ф.П. Филина и его друзей; в зале заседания Ученого совета ЛО ИЯ АН СССР, посвященного памяти члена-корреспондента АН СССР Ф.П. Филина.

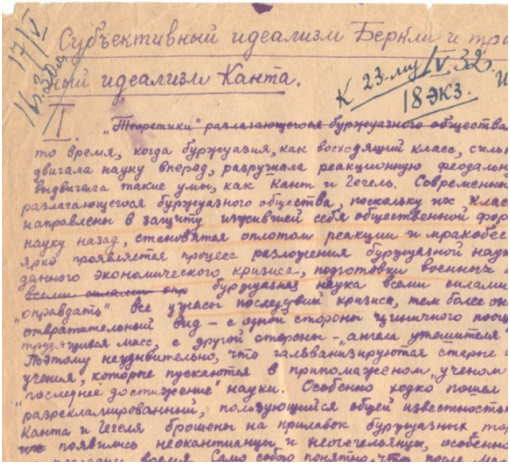
Документы о редакционно-издательской и научно-организационной деятельности: материалы по изданию «Словаря русских народных говоров» и отчет о работе ИРЯ АН СССР за 1979 г. на бюро Отделения литературы и языка АН СССР (ОЛЯ АН СССР).

Письма Ф.П. Филина жене и дочери.

Письма Ф.П. Филину от М.Д. Мальцева, Р.Э. Порецкой, О.П. Суника, А.И. Филиной (жены) на фронт, матери А.И. Филиной, П.П. Панфиловой (сестры Ф.П. Филина).

Письма А.И. Филиной от И.А. Василевской, К.С. Горбачевича, Р.Г. Енакаева, С.Д. Кацнельсона, литфаковцев ЛГПИ выпуска 1941 г., А.В. Максимовой, И.В. Мегрелидзе, Г.Ф. Одинцова, В.М. Русановского, О.Н. Трубачева, А.И. Федорова, А.М. Цывина.

Материалы других лиц: брошюра М.Д. Мальцева «Орфография» Главнауки.



Ил. 1. Доклад «Субъективный идеализм Беркли и трансцендентальный идеализм Канта». 1932 г.
АРАН. Ф. 2088. Д. 3. Л. 1.

Ил. 2. Ф.П. Филин. 1930 г.
АРАН. Ф. 2088. Д. 33. Л. 1.

Е.В. Косырева

Степанов Георгий Владимирович (1919–1986)

E.V. Kosyreva

Stepanov Georgij Vladimirovich (1919–1986)

Специалист в области общего и романского языкознания и литературоведения, действительный член АН СССР (1981). Работал в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР (1955–1960), Институте языкознания АН СССР (1971–1986, директор с 1977). Преподавал в Ленинградском государственном университете (1948–1971), Московском государственном педагогическом институте иностранных языков им. М. Тореза (1972–1981). Иностранный член Королевской академии испанского языка (1978), Лиссабонской академии наук (1978), Саксонской академии наук (1982). Участник гражданской войны в Испании (1938–1939), Великой Отечественной войны (1941–1945).

Ф. 2105. Оп. 1. 264 ед. хр. за 1928–1986 гг.

Научные труды: монографии, статьи, доклады по вопросам романской филологии, общего языкознания и литературоведения; работы, связанные с развитием советской испанистики и латиноамериканистики в широком ее понимании и различных аспектах: «Проблемы изучения романских языков и перспективы работы сектора романских языков ИЯ АН СССР» (1972–1976), «О современном этапе языковедческих исследований» (не ранее 10 января 1974), «Содержательный и формальный аспекты в литературно-критическом анализе художественного произведе-

ния» (1974), «Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи» (1976), «Современная научно-техническая терминология на языках народов СССР и проблема ее унификации» (1978–1979), «Соотношение общей методологии и специальных методов языкознания» (1978), «Национальный язык» (не ранее 1979), «Проблемы теории, поэтики и стилистики художественной литературы» (не ранее 1979), «Теория литературных стилей. Современные анализы изучения» (1980–1982), «О воспитании языкового сознания» (не ранее 1982), «О филологии и филологах» (1983–1984), «Язык и культура» (1983–1985); «Литературный испанский язык XVI века и диалекты» (конец 1940-х), «О латиноамериканской поэзии» (не ранее 1962), «Испанский язык Америки в системе единого американского языка» (1964–1966), «Вопрос о выборе нормы в преподавании испанского языка» (1966–1967), «Испанская поэзия и проза XVII века» (не ранее 1969), «Изучение испанского языка Америки и его значение для испанского, романского и общего языкознания» (1970), «Лингвистическая ситуация в странах испанского языка» (1974), «Социально-функциональная дифференциация литературного языка Испании и Латинской Америки» (1977), «Языки Пиренейского полуострова в социолингвистическом аспекте» (1983); «Хуан Гойтисоло и его роман “Печаль в раю”» (1962), «Рамон Мария дель Валье-Инклан-и-Монтенегро (1870–1936)» (1969), «Фредерико Гарсия Лорка» (1978–1979), «Дон-Кихот: персонаж и личность» (1979), «Заметки о лингвистических взглядах Сервантеса» (1970-е), «Слово о Кальдероне» (не ранее 1982) и др.

Лекции по общему языкознанию, по испанской грамматике и филологии.

Научно-популярные, публицистические работы.

Рабочие и подготовительные материалы к трудам.

Отзывы о кандидатских и докторских диссертациях, статьях для Большой советской энциклопедии, Литературного энциклопедического словаря, Словаря иноязычных выражений и слов;

отзывы о рукописях статей, книг, сборников, учебных пособий, на переводы с испанского языка.

Биографические документы: об учебе в средней школе, о поступлении в докторантуру Академии наук СССР, дипломы члена-корреспондента и академика, юбилейно-поздравительные документы, отзывы о трудах Г.В. Степанова, характеристики его научной деятельности и др.

Фотографии за [1947]–1980-е гг.: индивидуальные и групповые.

Документы о деятельности: пригласительные билеты, программы конференций, заседаний с участием Г.В. Степанова; отчеты о работе; документы о деятельности заведующим сектором романских языков Института языкознания АН СССР, директором Института, членом научных советов и обществ; переписка с научными учреждениями, отдельными учеными об участии в международных конгрессах, обмене научной информацией и др.

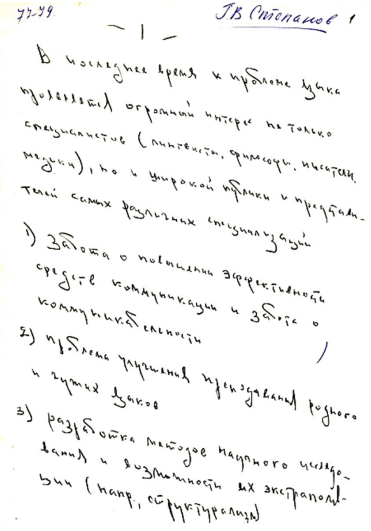
Черновые автографы писем Г.В. Степанова академику Д.С. Лихачеву; заслуженному артисту РСФСР, профессору, однокурснику по ЛГУ Я.М. Смоленскому.

Письма к Г.В. Степанову академиков А.Д. Александрова, М.П. Алексеева, В.И. Борковского, Ю.Б. Виппера, Д.С. Лихачева, Б.С. Соколова, Ю.С. Степанова, В.Ф. Шишмарева; членов-корреспондентов Д.А. Благого, Р.А. Будагова, А.И. Домашнева, Ф.П. Филина; докторов филологических наук А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, А.А. Реформатского и др.

Среди трудов других лиц: документы к биографии М.П. Алексеева, лекция Б.А. Ларина, отзыв Д.С. Лихачева на монографию Н.И. Балашова, отзыв А.А. Реформатского о книге Е.Д. Панфилова и др.

Ил. 1. Г.В. Степанов. [1947] г.
АРАН. Ф. 2105. Оп. 1. Д. 144. Л. 1.

Ил. 2. Г.В. Степанов. [Конец 1970-х] гг.
АРАН. Ф. 2105. Оп. 1. Д. 144. Л. 4.



Ил. 3. Доклад «О проблемах языка на примере испанского языка».
Не ранее 1976 г.
АРАН. Ф. 2105. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

Е.В. Косырева

Зельдович Яков Борисович (1914–1987)

E.V. Kosyreva

Zel'dovich Jakov Borisovich (1914–1987)

Физик, физико-химик, действительный член АН СССР (1958). Работал в Институте механической обработки полезных ископаемых (1930–1931), Институте химической физики АН СССР (Ленинград, с 1931; Москва, с 1943), на предприятии Министерства среднего машиностроения СССР (1948–1965), Институте теоретической и экспериментальной физики АН СССР (1958–1962), Институте прикладной математики АН СССР (1965–1983), Институте физических проблем им. С.И. Вавилова АН СССР (1983–1987), Институте космических исследований АН СССР (1975–1987). Преподавал в Московском инженерно-физическом институте (1946–1948), Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (1965–1985). Иностранный член Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина» (1972), Лондонского королевского общества (1979), Национальной академии наук США (1979), Венгерской академии наук (1983), почетный член ряда физических обществ и университетов.

Ф. 2064. Оп. 1. 302 ед. хр. за 1932–1987 гг.

Научные труды: обзорная статья о работах по исследованию равновесия и кинетики адсорбции на неоднородной поверхности (1934–1936), доклад «Теория горения» (1938), заявка на изобретение «Водно-реактивный двигатель внутреннего горения» (не

ранее 1939) и др.; тетради (около 300) с монографиями, статьями, докладами, лекциями, фрагментами, набросками, расчетами по темам исследований: гетерогенный катализ (1932–1936), теория горения, воспламенения и распространения пламени (1937–1941, 1945–1948), ударные и детонационные волны, газодинамика взрыва (с 1938), исследования в области ядерной физики и теории элементарных частиц (с 1952), работы в области релятивистской астрофизики и космологии, исследования по теории образования «черных дыр» и нейтронных звезд при эволюции обычных звезд, разработка теории эволюции «горячей» Вселенной, свойств реликтового излучения, теории образования галактик и крупномасштабной структуры Вселенной, инфляционная теория ранней Вселенной (1965–1987).

Рецензия на книгу В. Иоста (1940); отзывы о научных работах К.И. Щелкина (совм. с Н.Н. Семеновым, не ранее 1940), о романе С.А. Баруздина «Само собой» (1983).

Статьи, опубликованные в отечественной и зарубежной печати; конволюты опубликованных трудов, составленные В.И. Хлебниковым в 1978 г.

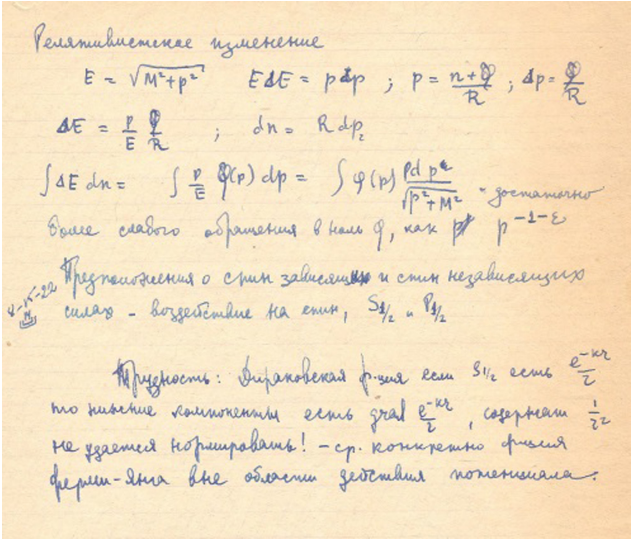
Биографические документы, документы о деятельности: адрес от коллег в связи с избранием членом-корреспондентом АН СССР (1946), отзывы о работах Я.Б. Зельдовича.

Письмо Я.Б. Зельдовича соавтору статьи «О происхождении магнитных полей в астрофизике» С.И. Вайнштейну (1981–1982).

Письма к Я.Б. Зельдовичу иностранных ученых, представителей зарубежных издательств, дарственные надписи на оттисках своих работ.

Труды других лиц: научное сообщение В.Е. Захарова, оттиски работ Л.Д. Ландау, Н.Н. Семенова и др.

Ил. 1. Я.Б. Зельдович. [1947] г.
АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 498. Л. 6.



Ил. 2. Расчеты по физике элементарных частиц. 1952 г.
АРАН. Ф. 2064. Оп. 1. Д. 40. Л. 2 об.

Т.Н. Лаптева

Миначев Хабиб Миначевич (1908–2002)

T.N. Lapteva

Minachev Habib Minachevich (1908–2002)

Химик, академик АН СССР (1979). Работал в Госпромстрое (1927–1931), на химическом факультете Московского государственного университета (1933–1939), Институте органической химии им. Н.Д. Зелинского АН СССР (1939–1942, 1945–2000). Главный редактор журналов «Нефтехимия» (1989–2000), «Химия твердого топлива» (1982–1995).

Ф. 2151. Оп. 1. 71 ед. хр. за 1929–2008 гг.

Рукописи и оттиски статей и докладов: «Новые катализаторы нефтехимических реакций на основе окислов редкоземельных элементов и цеолитов» (1961–1971), «Применение цеолитных катализаторов в прекращениях насыщенных, олефиновых и ароматических углеводородов» (1975), «Развитие органического катализа в СССР» [1986], «Применение цеолитов в катализе» (1987) и др.

Биографические и служебные документы: справка о работе (1929), дипломы, аттестат старшего научного сотрудника, почетные грамоты, благодарность президента РФ Б.Н. Ельцина, постановление Президиума АН СССР об утверждении председателем Научного совета АН СССР по катализу (1985), юбилейно-поздравительная корреспонденция, характеристики, справки о научной деятельности, статьи о Х.М. Миначеве, некрологи, бро-

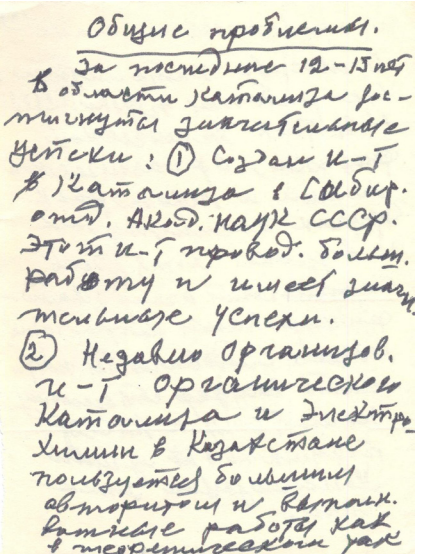
шюра «Хабиб Миначевич Миначев. К 100-летию со дня рождения», справки о работе лаборатории № 20 ИОХ АН СССР, журнала АН СССР «Химия твердого топлива» (1982–1987), отчет о работе по теме «Катализ на цеолитах», аннотация о результатах работы советско-японского семинара по катализу, служебная переписка и др.

Фотопортреты и групповые снимки Х.М. Миначева в лаборатории, на конференции, с коллегами, во время празднования юбилеев, получения наград, на даче; фотография учителя Х.М. Миначева Ю.К. Юрьева.

Письма Х.М. Миначеву от С.Д. Иттля, В. Казанского, С. Калягина, К. Ли.

Ил. 1. Х.М. Миначев в лаборатории. 1979 г.
АРАН. Ф. 2151. Оп. 1. Д. 38. Л. 2.

Ил. 2. Х.М. Миначев. [1977] г.
АРАН. Ф. 2151. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.



Общие проблемы.

За последние 12-15 лет в области катализа достигнуты значительные успехи: (1) Создан и-т в Катализа в Сибир. отд. Акад. наук СССР. Этот и-т провод. больш. работу и имеет значительные успехи.

(2) Недавно организов. и-т органического катализа и электрохимии в Казахстане пользуется большим авторитетом и выполн. важные работы как в теоретическом так

Ил. 3. Доклад о развитии катализа в СССР. 1980-е гг.
АРАН. Ф. 2151. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

Т.Н. Лаптева

Пашков Анатолий Игнатьевич (1900–1988)

T.N. Lapteva

Pashkov Anatolij Ignat'evich (1900–1988)

Специалист в области политической экономии и истории экономической мысли, член-корреспондент АН СССР (1953). Работал в Госплане СССР (1926–1930), Экономическом институте Красной профессуры (1931–1935), Институте экономики Коммунистической академии (1933–1941), Институте экономики Академии наук СССР (1933–1941, 1943–1988), Московском кредитно-экономическом институте (1940–1943), Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (1943–1958).

Ф. 2173. Оп. 1. 256 ед. хр. за 1920–1987 гг.

Рукописи статей и докладов «Ленинизм в политической экономии» (1939), «Экономические воззрения И.Т. Посошкова» (1945), докторской диссертации «Экономическая мысль в России в эпоху Петра Великого» (1946), «Учение Ленина о социалистической экономике» (1950), «Ленинизм в политической экономии» (середина 1950-х), «Об экономических законах социализма и их использовании обществом» (1957), «О предмете изучения и о принципах периодизации истории общественной мысли»(1958), «В.И. Ленин об основных экономических проблемах строительства социализма и коммунизма» (1960), «Некоторые вопросы экономической теории в свете новой программы КПСС» ([1962]), «Экономические законы строительства коммунизма» (1962), «Развитие

в СССР экономической теории социализма и коммунизма» (1966), «О товарном характере производства при социализме» ([1967]), «“Капитал” К. Маркса и развитие политической экономии социализма» (1969), «Социалистические товарно-денежные отношения» (1974); Главы монографий: «Ленинизм в политической экономии» (1939), «История советской экономической мысли» (1965), «Экономический строй социализма» (1979); сборник статей А.И. Пашкова «Вопросы политической экономии социализма и ее истории» (1987); выступлений, докладов, лекций.

Биографические документы: удостоверения, постановления о награждении и утверждении членом редколлегии, выписка из протокола об утверждении в ученом звании профессора (1948), почетные грамоты, дипломы, пригласительные и членский билеты; записи дневникового характера сделанные Пашковым А.И. во время заседаний круглого стола, конференций, ученого и научного советов и т. п., личный листок по учету кадров (1977), материалы к автобиографии (не ранее 1980); списки трудов Пашкова А.И. ([1932] – не ранее 1981), статьи и сообщения о нем в советских газетах; справки, отзывы Б. Минца, А.И. Ноткина, П.И. Яковлева, В.Н. Черковца, В.Н. Кашина о работах А.И. Пашкова «История русской экономической мысли», «О принципах периодизации истории русской общественной мысли», «Закон преимущественного роста производства средств производства», «Экономические проблемы социализма» и др., отзыв И.В. Маевского о научной деятельности А.И. Пашкова (не ранее 1965).

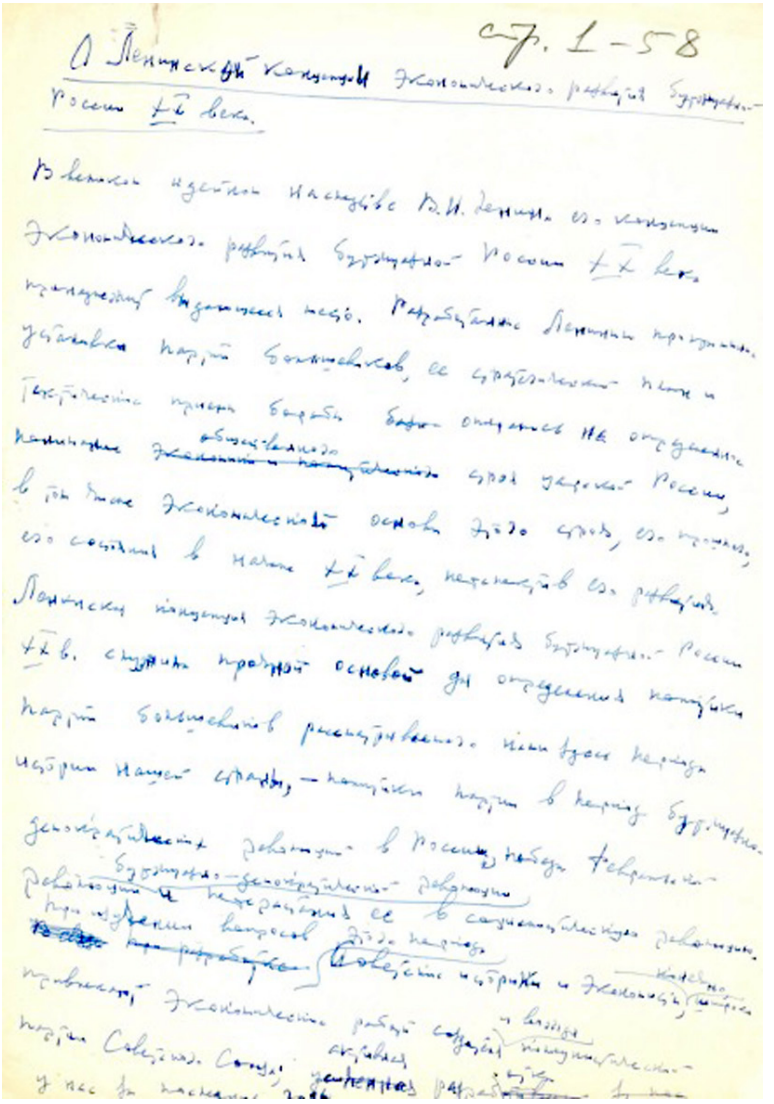
Служебные материалы: выступления по научно-организационным вопросам, переписка о написании и издании научных работ, чтении лекций, отчеты о работе (за 1955–1975), материалы о подготовке учебника «Политическая экономия», коллективных монографий: «История научной экономической мысли за советский период (1917–1967)», «Развитие в СССР экономической теории социализма и коммунизма (1917 год – 1960-е)», «Всемирная история экономической мысли», «Полити-

ческая экономия социализма»; планы, протоколы, отчеты и др. материалы о работе Научного совета по проблеме «Экономические закономерности развития социализма и его перерастания в коммунизм»; постановления, решение, распоряжение Президиума АН СССР о включении А.И. Пашкова в состав научных советов, центрального бюро методологических семинаров и др.

Письма А.И. Пашкова к А.Г. Беляевой, В.С. Лобову, Н.А. Цаголову.

Письма А.И. Пашкову от Г.И. Бакланова, Ю. Бургина, Г. Добре, Н. Иванчу, М. Евсеева, Д.М. Зуева-Инсарова, В.Э. Квиринга, Г. Колмея, Ж. Марчевского, П.И. Надобенко, Ф. Псичралиса, И.Л. Шмидта.

Ил. 1. Удостоверение слушателя
Экономического института Красной Профессуры. 1931 г.
АРАН. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 136. Л. 1.



Ил. 2. Статья «О ленинской концепции
экономического развития буржуазной России XX в.». 1960-е гг.
АРАН. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.

С.А Лиманова

Воронин Леонид Григорьевич (1908–1983)

S.A Limanova

Voronin Leonid Grigor'evich (1908–1983)

Физиолог, член-корреспондент АН СССР (1968) и Академии педагогических наук СССР (1968), заместитель академика-секретаря Отделения физиологии АН СССР (1971–1975), член Бюро Отделения физиологии АН СССР (1976–1980). Работал в Институте эволюционной физиологии им. И.П. Павлова (с 1937, 1940–1942, заместитель директора), в Сухумском филиале Всесоюзного института экспериментальной медицины АМН СССР (с 1938, 1946–1950 – директор), в Институте высшей нервной деятельности АН СССР (1957–1959, директор), в Институте биологической физики АН СССР (с 1968). Преподавал в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена (1951–1953), на биолого-почвенном факультете МГУ (с 1953, 1954–1957 – декан). Президент Всесоюзного физиологического общества им. И.П. Павлова (с 1964).

Ф. 2071. Оп. 1. 92 ед. хр. за 1947–1980-е гг.

Рукописи статей «Временная связь и ленинская теория отражения», «Филогенез условного рефлекса», «Современные проблемы физиологии мозга», «Об отражении замыкательного процесса в нейронной активности», «Высшая нервная деятельность и физиология», «О проблемах мотивационного поведения», «Система биологического образования в СССР», «Физиологи-

ческий анализ так называемого детектора лжи» (1949–1981) и др.; статьи, посвященные И. М. Сеченову, И. П. Павлову (1960–1973).

Материалы к учебному пособию «Высшая нервная деятельность» (1972–1976).

Тезисы докладов «О физиологических механизмах запоминания звуковых раздражителей человеком», «Физиологические предпосылки служебного использования морских млекопитающих (дельфинов)» (1970-е).

Материалы для научно-популярной брошюры «В Африку за обезьянами» (1948–1950); черновой вариант брошюры «Физиология сна» (1970-е).

Записные книжки с конспектами докладов и выступлений, выписками и заметками во время заграничных командировок (1947–1960-е).

Рецензии и отзывы на работы других лиц (1947–1970-е).

Воспоминания об Л. А. Орбели (1958–1960-е).

Повесть о казусах научной жизни «Дженералетика» (1962–1966).

Биографические документы: автобиография (1974), характеристики и справки; статья В. Б. Полянского «О жизненном и творческом пути Леонида Григорьевича Воронина» (1986); коллективная фотография членов XIX международного физиологического конгресса в Монреале (1953).

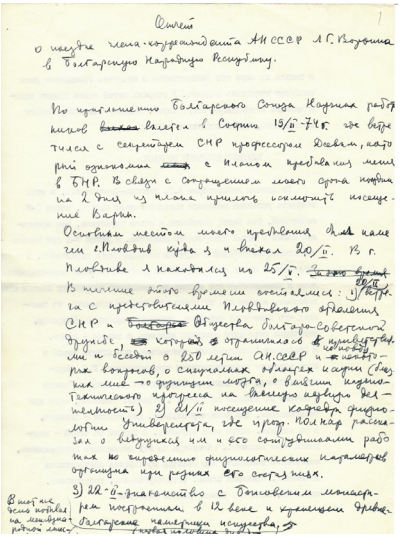
Документы о деятельности: отчеты о научной работе и поездках (1950–1982); переписка с редакциями и издательствами о сотрудничестве (1951–1982); переписка по установлению научных связей с учеными из Китая, Японии, Испании и др. (1955–1981); документы о работе Всесоюзного физиологического общества им. И.П. Павлова при АН СССР (1970-е–1980-е); документы о работе Отделения физиологии АН СССР (1980-е).

Письма Л.Г. Воронина А.М. Арзуманяну, Б.Д. Владимирскому, В.А. Потаповичу, К.К. Тихонравову и др.

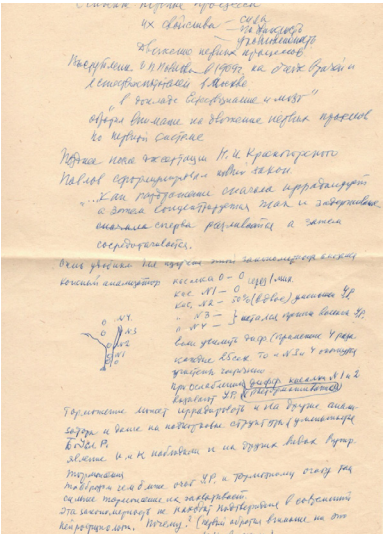
Письма Л.Г. Воронину от Т.А. Арефьева, Б.Л. Астаурова, Ф.П. Ведяева, В.Ф. Коновалова, Е.М. Крепса, В.Н. Никитина, М.М. Хананашвили, В.Н. Черниговского и др.

Коллекция документов, включающая вырезки из газет с заметками о физиологических конгрессах и статьями об И.П. Павлове (1953–1965).

Ил. 1. Международный физиологический конгресс в Монреале. 1953 г.
АРАН. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.



Ил. 2. Отчет Л.Г. Воронина о поездке в Болгарию. 1974 г.
АРАН. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 56. Л. 1.



Ил. 3. План лекции Л.Г. Воронина «Основные нервные процессы». 1981 г.
АРАН. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 65. Л. 17.

Ю.В. Стеценко

Вахрамеев Всеволод Андреевич (1912–1986)

Ju.V. Stecenko

Vahrameev Vsevolod Andreevich (1912–1986)

Геолог, горный инженер, палеофлорист и стратиграф мезозоя, член-корреспондент АН СССР (1979). Работал в Научном институте по удобрениям (1930–1931), в Институте геологических наук (1935–1986), преподавал в Геолого-разведочном институте им. С. Орджоникидзе (1949–1964).

Ф. 2136. Оп. 1. 71 ед. хр. за 1929–1990 гг.

Научные труды: полевой дневник геологической экспедиции в Казахстан (1930), статьи, опубликованные в отечественной и зарубежной печати (1937–1987), стихотворение, посвященное сотрудникам-мужчинам ГИНа (1945), тезисы к докладу «Ботанико-географическая зональность в геологическом прошлом и ее связь с историей земной поверхности» (1950-е гг.), автореферат докторской диссертации «Стратиграфия и ископаемая флора меловых континентальных отложений западного Казахстана» (1952), доклад «Проблемы палеофлористики» (не ранее 1969 г.), отзыв о научной работе Ю.В. Дукельского-Тесленко для выдвижения его кандидатуры в члены-корреспонденты АН УССР (1985).

Биографические документы: предметная книжка учащегося специальных курсов Общего машиностроения, диплом об окончании Всесоюзного заочного индустриального института, зачетная книжка слушателя Вечернего университета марксизма-

ленинизма при МГК КПСС (1929–1956), трудовые списки, справки о работе, выписки из приказов (1930–1952), трудовая книжка, военный билет, депутатский билет Москворецкого районного Совета депутатов (1939–1955), дипломы кандидата, доктора геолого-минералогических наук, аттестаты профессора, старшего научного сотрудника (1944–1967), автобиография, анкета (1947–1960), почетная грамота за успехи в работе к 250-летию АН СССР (1974), постановление Президиума АН СССР о присуждении премии им. В.А. Обручева (1975), отзывы о трудах В.А. Вахрамеева ([1975]), документы о выдвижении кандидатуры В.А. Вахрамеева в члены-корреспонденты АН СССР (1976–1979), воспоминания Н.А. Штрейса об исследованиях В.А. Вахрамеева с 1930 по 1950 гг. ([после 1986]), Ю.М. Пущаровского об открытии меловых отложений в Вилюйской впадине (1987), Н.Д. Василевской ([1987]) и др.

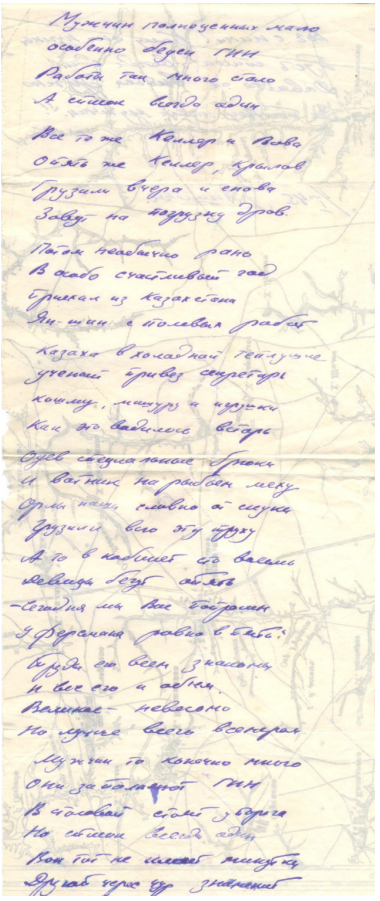
Фотографии В.А. Вахрамеева: фотопортреты, групповые снимки с коллегами в экспедиции, с китайским палеонтологом Ли (1959–1980).

Документы о деятельности: переписка с советскими учеными–палеографами об обмене научной информацией (1949–1985), переписка с издательством «Ферлаг Фишер» (ГДР) об издании книги В.А. Вахрамеева и др. «Палеозойские и мезозойские флоры Евразии и фитогеография этого времени» (1974–1977), отчеты о работе за 1979–1986 гг., переписка с зарубежными учеными, научными учреждениями и обществами об обмене научной информацией, об участии в симпозиумах, конференциях (1945–1987) и др.

Письма В.А. Вахрамееву от А.Н. и В.М. Криштофович.

Среди трудов других лиц справочник-определитель «Палеозойские и мезозойские флоры на Японских островах», составленный Т. Кимурой, на английском языке (1970).

Ил. 1. В.А. Вахрамеев
АРАН. Ф. 2136. Оп. 1. Д. 47. Д. 2. Л. 1.



Ил. 2. Стихотворение, посвященное мужчинам ГИНа.
АРАН. Ф. 2136. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

Ю.В. Стеценко

Козлов Генрих Абрамович (1901–1981)

Ju.V. Stecenko

Kozlov Genrih Abramovich (1901–1981)

Экономист, член-корреспондент АН СССР (1968). Работал в отделе народного образования г. Вильно (1919–1920), в Центральной партшколе Белоруссии (1920–1923), был заместителем заведующего экономическим отделом редакции газеты «Правда» (1930), членом правления Госбанка (1931–1934), ответственным контролером Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС (1934–1937), заведующим кафедрой политэкономии в Высшей партийной школе при ЦК КПСС (1946–1981), преподавателем Тимирязевской сельскохозяйственной Академии (1924–1925), 2-го МГУ (1926), Украинского института марксизма-ленинизма (1926–1928), Института красной профессуры (1930–1937), Института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова (1938–1941).

Ф. 1953. Оп. 1. 54 ед. хр. за 1910–1981 гг.

Среди научных трудов вступительная работа в Институт красной профессуры «Понятие о рынке и постановка вопроса» (1923), выступление на расширенном заседании кафедры теории советского хозяйства Института красной профессуры, посвященном 10-летию со дня рождения В.И. Ленина «Ленинское учение о деньгах (1934) и др.

Воспоминания «Комсомол Белоруссии в первые годы восстановительного периода» (1957).

Статьи и рабочие материалы (замечания и комментарии, рекомендации): О переводе отдельных терминов в работе Ф.Энгельса «Очерки к критике политической экономии» (1955), О создании Академии социально–экономических наук при ЦК КПСС (1959), «Заключение по вопросам, поставленным Институтом ЦК КПСС, в связи с новым переводом I тома «Капитала» (1960), О товарных отношениях при социализме (1965).

Отзывы о диссертациях А.Д. Гусакова, М.В. Солодкова, представленных на соискание ученой степени доктора экономических наук (1950, 1976).

Биографические документы:

отзывы о работах за 1, 2 курсы Института красной профессуры (1924–1925), рецензии на книги «Деньги и кредит» под редакцией Г.А. Козлова (1933), «Избранные труды» (1987);

документы о выдвижении в члены–корреспонденты АН СССР: личный листок по учету кадров, автобиография, список опубликованных работ, отзыв о научных трудах и др. (1968), автобиографическая справка, сведения для включения в Справочник АН СССР, сведения о награждении орденами, списки научных трудов за 1960–1981 гг. и изданных посмертно (1968–1988);

газетные и журнальные статьи, посвященные юбилейным датам, стенограмма юбилейного заседания Совета Высшей партийной школы при ЦК КПСС (1961), почетные грамоты, в связи с 50-летием газеты «Правда» и 50-летием журнала «Вопросы экономики» (1962, 1979), Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом Октябрьской революции (1981), некрологи, опубликованные в журнале «Вопросы экономики» и в газете «Правда» (1981) и др.

Фотографии Г.А. Козлова и групповые снимки с его участием (1910–1981).

Документы о научно–организационной и педагогической деятельности в Академии общественных наук, Высшей партийной школе, Отделении экономики АН СССР, Институте мировой эко-

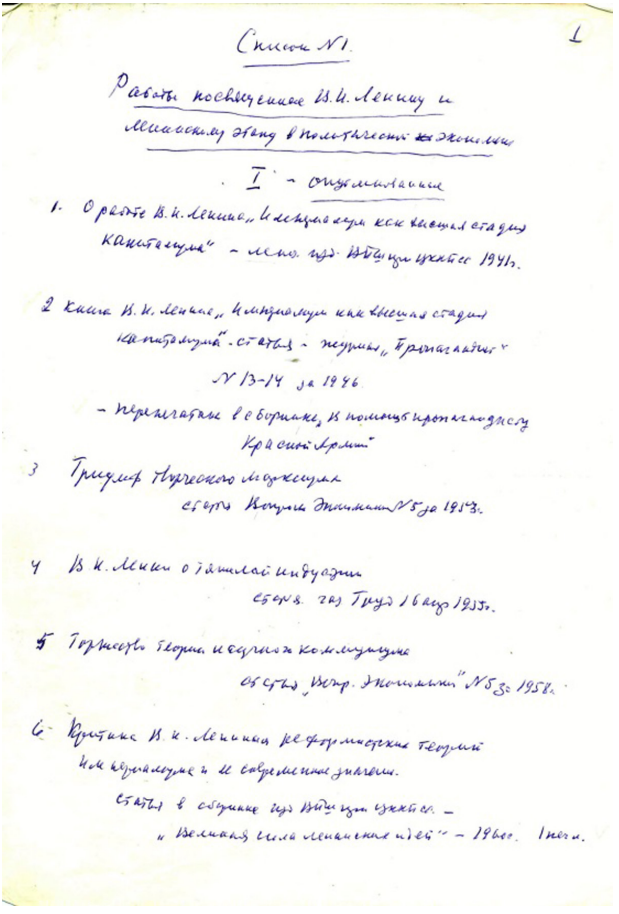
номики и международных отношений АН СССР: приказы, постановления, выписки (1939–1981).

Пригласительные билеты на конференции, заседания и др. (1942–1979).

Переписка с издательствами об издании и переиздании трудов, учебников, пособий и др. (1943–1981)

Отчеты о работе за 1969–1977 гг.

Ил. 1. Г.А. Козлов.
АРАН. Ф. 1953. Оп. 1. Д. 28. Л. 6.



Список №1.

1

Работы посвященные В.И. Ленину и ленинскому этапу в политической экономии

I – опубликованные

1. О работе В.И. Ленина „Империализм как высшая стадия капитализма" – лекц. изд. ВПШ ЦК КПСС 1941 г.

2 Книга В.И. Ленина „Империализм как высшая стадия капитализма" – статья – журнал „Пропагандист" № 13-14 за 1946

– перепечатана в сборнике „В помощь пропагандисту Красной Армии"

3 Триумф Творческого Марксизма
статья Вопросы Экономики № 5 за 1953 г.

4 В.И. Ленин о тяжелой индустрии
статья газ. Труд 16 апр. 1955 г.

5 Торжество теории научного коммунизма
статья „Вопр. Экономики" № 5 за 1958 г.

6 Критика В.И. Лениным реформистских теорий Империализма и ее современные значения.
Статья в сборнике изд. ВПШ ЦК КПСС – „Великая сила ленинских идей" – 1960 г. 1 печ. л.

Ил. 2. Рабочие наброски «Списки работ, посвященные В.И. Ленину и ленинскому этапу в политической экономии». АРАН. Ф. 1953. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

Ю.В. Щепанская

Жаворонков Николай Михайлович (1907–1990)

Ju.V. Shhepanskaja

Zhavoronkov Nikolaj Mihajlovich (1907–1990)

Химик-технолог, специалист в области неорганической химии и химической технологии, академик АН СССР (1962). Работал директором Научно-исследовательского физико-химического института им. Л.Я. Карпова (1946–1948), директором Института общей и неорганической химии им. Н.С. Курнакова АН СССР (1962–1988), директором-распорядителем Института новых химических проблем АН СССР (1963–1985). Преподавал в Московском химико-технологическом институте им. Д.И. Менделеева (1933–1965, 1948–1962 – ректор).

Ф. № 2041. Оп. 1. 433 ед. хр. за 1920-е –1990 гг.

Рукописи статей: «Разделение термически нестойких органических смесей методом молекулярной дистилляции» (1958), «Изучение гидродинамики и массопередачи в условиях прямотока при высоких скоростях газа» (1961), «Гидравлические сопротивления в трубах с шероховатостью волнистого типа (1961), «Теоретические основы химической технологии и неорганические материалы» (1963), «Значение неорганических материалов в научно-техническом прогрессе» (1963), «Неорганическая химия и новые материалы» (1965), «Исследования в области скоростного массообмена» (1967), «Исследование и разработка интенсивных процессов ректификации» (1968), «Термодинамика реакций изотопного обмена» (1977) и др.

Доклады и выступления на научных съездах, конгрессах, совещаниях: «Некоторые итоги и перспективы научных исследований по проблемам физико-химии и технологии неорганических материалов» (1964), «Новые направления в неорганической химии и технологии» (1964), «Неорганическая химия и новые материалы», (1964), «Химия и жизненные ресурсы человечества» (1964), «Пути защиты воздушного бассейна от загрязнений вредными промышленными выбросами» (1965), «Тенденции развития современной неорганической химии» (1967).

Статьи, доклады и выступления, посвященные истории химии, жизни и деятельности выдающихся ученых: Д.И. Менделеева, Н.Н. Семенова, И.И. Черняева, Н.С. Курнакова, Л.А. Чугаева, Н.Ф. Юшкевича, И.Н. Францевича, Н.П. Сажина (1957–1990).

Учебники для вузов и лекционные курсы: «Курс технологии связанного азота и редких газов. Ч. 1–4 (1941–1942), «Азот и его значение в народном хозяйстве» (1951).

Научно-популярные, общественно-политические и публицистические работы: «Преобразующая сила науки» (1962), «Дорогой созидания» (1963), «Минеральная целина» (1963), «Химия познающая и созидающая» (1980).

Рабочие материалы к научным трудам (черновые наброски, фрагменты, варианты) (1936–1981).

Отзывы о кандидатских и докторских диссертациях, о работах и научной деятельности ученых, рецензии на труды и научные исследования (1951–1989).

Биографические документы:

– автобиографии (1957–1976), список опубликованных научных работ (1983), почетные грамоты и благодарности (1950–1982), постановления и распоряжения об избрании на руководящие должности (1955–1990), фрагменты записных книжек (1962–1974); юбилейно-поздравительная корреспонденция (1962–1987);

– статьи и заметки о Н.М. Жаворонкове, отзывы о его научных трудах (1950–1982);

– индивидуальные и групповые фотографии Н.М. Жаворонкова (1920-е –1970-е).

Документы о научно-организационной деятельности в академических институтах, комитетах и комиссиях Совета Министров, ГКНТ и Госплана СССР, в Научном совете АН СССР по проблеме «Теоретические основы химической технологии» (1946–1989).

Документы о педагогической деятельности в Московском химико-технологическом институте им. Д.И. Менделеева (1948–1963).

Документы о редакционно-издательской деятельности: переписка с издательствами, редакциями газет и журналов о публикации научных работ, о составе и деятельности редакционных коллегий (1964–1980).

Документы о деятельности в области международных научных связей: отчеты о командировках, об участии в международных конгрессах и симпозиумах, доклады и записки о пребывании в зарубежных странах, стенограммы выступлений, посвященных международному научному сотрудничеству (1955–1989).

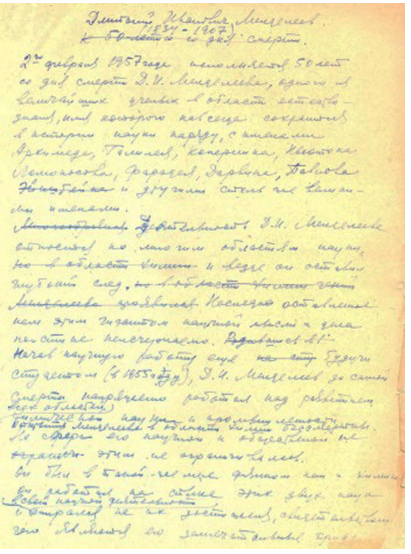
Документы, связанные с общественной деятельностью: речи на траурных митингах, посвященных памяти члена-корреспондента А.Ф. Капустинского (1960), академиков А.М. Самарина (1970) и М.М. Шемякина (1970), переписка о работе Жилищной комиссии Президиума АН СССР под председательством Н.М. Жаворонкова (1970–1972).

Письма Н.М. Жаворонкова к П.Н. Демичеву, Г.М. Маркову, Б.А. Смирнову, В.Н. Троицкому (1960–1990).

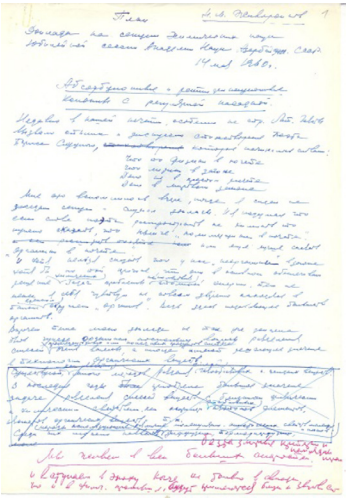
Письма Н.М. Жаворонкову от П.П. Будникова, С.И. Вольфковича, Я.И. Герасимова, М.М. Дубинина, Н.А. Кочеткова, К.А. Кочеткова, И.М. Майского, В.А. Малюсова, С.Я. Маршака, А.Н. Несмеянова, П.А. Ребиндера, А.С. Садыкова, А.М. Самарина, В.Л. Тальрозе, Н.М. Эмануэля и др. (1936– 1988).

Труды других лиц: информационная записка академика И.П. Алимарина «Сегодняшний и будущий день химико-аналитического контроля производства» (1963), выступление директора Енакиевского металлургического завода (Украина) на торжественном заседании, посвященном памяти академика И.П. Бардина (1973), выступление академика Н.В. Белова о научных работах М.А Порай-Кошица в области кристаллографии (1970-е гг.), работы академиков Ю.А. Буслаева, С.И. Вольфковича, И.П. Герасимова, В.В. Кафарова, Б.Н. Ласкорина, А.М. Самарина, статьи и доклады министра химической промышленности СССР Л.А. Костандова, министра цветной металлургии СССР П.Ф. Ломако (1955–1975), отчет академика Н.Н. Семенова о работе Отделения химических наук АН СССР (1959), письмо академика А.Д. Сахарова президенту АН СССР Г.И. Марчуку из Горького (Нижнего Новгорода) о проблемах безопасности ядерной энергетики (1986) и др.

Ил. 1. Н.М. Жаворонков во время выступления в Институте химических реактивов и особо чистых химических веществ. 1987 г. АРАН. Ф. 2041. Оп. 1. Д. 257. Л. 2.



Ил. 2. Статья «Дмитрий Иванович Менделеев» [1957] г.
АРАН. Ф. 2041. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.



Ил. 3. План доклада «Абсорбционные и ректификационные колонны с регулярной насадкой». 1960 г.
АРАН. Ф. 2041. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

Ил. 4. Н.М. Жаворонков (слева) в г. Брно
во время Первого международного конгресса по химической технологии,
химическому машиностроению и автоматизации. 1962 г.
АРАН. Ф. 2041. Оп. 1. Д. 256. Л. 1.

Ю.В. Щепанская

Ковда Виктор Абрамович (1904–1991)

Ju.V. Shhepanskaja

Kovda Viktor Abramovich (1904–1991)

Почвовед, член-корреспондент АН СССР (1953). Работал в Почвенном институте им. В.В. Докучаева АН СССР в должности научного сотрудника (1931–1940), заведующего Лабораторией химии засоленных почв и Лаборатории генезиса и мелиорации почв (1940–1958), директором Института ботаники и почвоведения Узбекского филиала АН СССР (1941–1942), начальником Научно-организационного отдела и Отдела специальных работ Президиума АН СССР (1947–1950), директором Департамента точных и естественных наук ЮНЕСКО (Париж, 1958–1965), заместителем председателя Секции химико-технологических и биологических наук АН СССР (1967–1971), директором Института агрохимии и почвоведения АН СССР в Пущино (1970–1980). Преподавал в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (1939–1941, 1953–1988), в Московском гидромелиоративном институте (1943–1948).

Ф. 2081. Оп. 1. 307 ед. хр. за 1924–1995 гг.

Рукопись монографии «Почвенный покров, его улучшение, использование и охрана» (1979); статьи: «Ценный вклад в геохимию» (1965), «Уроки и опыт оросительных мелиораций» (1966), «Почвоведение и продуктивность биосферы» (1970), «Почвенный покров и биосфера планеты» (1974), «Почвенные ресурсы пла-

неты» (1974), «Защитить почвоведение от последствий лысенковщины» (не ранее 1974), «Техногенная деятельность человека и почвенный покров планеты» (1977), «Перераспределение стока сибирских рек на юг для орошения степей и пустынь» (1978), «Управление продуктивностью и стабильность агроэкосистем» (1979), «Сохранить почвы планеты и увеличить их производительность» (1979), «Незаменимость почвенного покрова в природе» (1979), «Биосфера, тенденции ее изменения и проблема продовольствия» (1980), «Почвоведение накануне XXI века» (1982), «Прошлое и будущее русского чернозема» (1983), «Почвоведение в науке и земледелии» (1984), «Деятельность человека и почвенный покров планеты» (1984) и др.

Доклады на научных конференциях и совещаниях: «Современное учение о биосфере» (1968), «О состоянии Северо-Крымского канала и его оросительных систем» (1970), «Биогеохимические циклы в природе и их изучение» (1974), «Проблемы экотосикологии» (1975), «Принципы организации регионального и глобального мониторинга окружающей среды» (1978), «Научные и практические проблемы мелиорации почв» (1978), «Возможные изменения климата и их влияние на земледелие» (1979), «Прогноз изменения криогенных почв под влиянием хозяйственного освоения территорий» (1980), «Роль и функции почвенного покрова в биосфере Земли» (1985) и др.

Тематические отчеты «Почвенный покров Благодарненского района Ставропольского округа» (1928), «Биологическая продуктивность главнейших природных зон СССР» (1981), «Эколого-геохимические особенности почвенных ресурсов» (1986).

Полевые дневники почвенных экспедиций в Джаныбекскую область (Казахская ССР, 1936), в Узбекистан (1939, 1941–1978), в Новосибирскую область (1943, 1945), в Азербайджан (1949–1951, 1987), в район Северного Кавказа (1950–1952), в Амурскую область (1956–1957), в Крым и Украину (1952, 1980), Подмосковье, Тульскую и Омскую области (1971, 1976), в Среднюю Азию (1972).

Лекционный курс «Проблема вторичного засоления и заболачивания почв» (1978), конспекты лекций «Коллоидная химия» (1927–1928), «Геология, химия, морфология и микология» (1939–1940), «Почвенно-геохимические методы разведки нефти» (1950-е).

Рабочие материалы к монографиям «Биогеохимические циклы в природе и их нарушение человеком» (1975), «Аридизация суши и земледелие» (1976).

Отзывы о трудах других лиц, о докторских и кандидатских диссертациях, о научной деятельности ученых.

Биографические документы: автобиография (1980), анкеты (1979), памятные дипломы и свидетельства (1954–1985), юбилейно-поздравительная корреспонденция (1965–1989), отзывы и статьи о научной и общественной деятельности В.А. Ковды (1958–1985), фотографии В.А. Ковды во время работы научных съездов и совещаний, в научных экспедициях и командировках (1924–1988).

Документы о служебной деятельности: индивидуальные отчеты и отчеты о научных командировках, дневниковые записи о поездках в зарубежные страны, переписка с иностранными учеными и общественными организациями об участии в международных конгрессах, конференциях, семинарах, докладные записки по проблемам экологии, почвоведения и мелиорации почв, издательские договоры (1952–1989).

Письма В.А. Ковды к Е.Б. Величко, Ю.Н. Градову, В.А. Духовному, К.Я. Кондратьеву, А.Л. Яншину (1974–1988).

Письма В.А. Ковде от Г.Х. Агаджаняна, В.М. Боровского, М.А. Глазовской, И.П. Горбучева, Т.И. Евдокимовой, К.Я. Кондратьева, В.Г. Мдивани, А.А. Ничипоровича, В.И. Тюльпанова, Б.П. Чуракова, А.В. Яблокова и др. (1954–1989).

Труды других лиц: статьи Н.И. Базилевич «Основные черты круговорота зольных элементов в различных почвенно-растительных зонах», Ф.В. Игнатенка «Положительный и отрицательный опыт осушения земель», А.А. Прошлякова и В.А. Тикавого «О схоластическом толковании оптимума гумуса», И.Н. Скрынниковой «Неко-

торые особенности проектирования мелиорированных систем на торфяных низинных почвах центральных и южных районов нечерноземной зоны Европейской части РСФСР» (1953–1985).

Список сокращений

Список сокращений

BAR – Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета
BnF – Национальная библиотека Франции АМН СССР – Академия медицинских наук СССР
АМН СССР – Академия медицинский наук СССР
АН СССР – Академия наук СССР
АРАН – Архив Российской академии нау БАН – Болгарская академия наук
БАН – Болгарская академия наук
БАСТ – Байкальская станция
ВАК – Высшая аттестационная комиссия
ББС – Байкальская биологическая станция
БЛС – Байкальская лимнологическая станция
ВАК – Высшая аттестационная комиссия
ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. Ленина
ВДНХ – Выставка достижений народного хозяйства СССР
ВНИИБ – Всероссийский научно-исследовательский институт целлюлозно-бумажной промышленности
ВНИИДАД – Всероссийский научно-исследовательский институт
ВНИРО – Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии
ВОП – Всесоюзное общество почвоведов
ВУАН – Всеукраинская академия наук
ВХНРЦ – Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И.Э. Грабаря
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГАБТ – Государственный академический Большой театр
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГДР – Германская Демократическая Республика
ГЕОХИ – Институт геохимии и аналитической химии им.В.И. Вернадского АН СССР/РАН
ГИМ – Государственный исторический музей
ГИН – Геологический институт АН СССР/РАН
ГМИИ – Государственный музей истории искусств имени А.С. Пушкина
ГОИН – Государственный океанографический институт
ГОСТ – Государственный стандарт
ГОТВ – Газовые огнетушащие вещества
ГПТ – Газовое пожаротушение
ГРМ – Государственный Русский музей
ГФУ – Гидрофторуглеродные реагенты
ДГУ – Днепропетровский государственный университет
ИАИ – Московский государственный историко-архивный институт
ИГД – Институте горного дела им. А.А. Скочинского АН СССР
ИГЕН – Институт генетики АН СССР
ИГУ – Иркутский государственный университет
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИС – Институт исследования Сибири
ИК – инфракрасное излучение
ИОХ – Институт органической химии им. Н.Д. Зелинского АН СССР
ИПАН – Институт полупроводников АН СССР
ИР НБУВ – Институт рукописей Национальной библиотеки Украины имени В.И. Верна́дского
ИРЯ – Институт русского языка АН СССР
ИФЛИ (МИФЛИ) – Московский институт философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского
ИЯ – Институт языкознания АН СССР
ИЯЛ – Институт языка и литературы АН СССР

ИЯМ – Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР
КИБ – Комиссия по изучению озера Байкал
КНР – Китайская Народная Республика
ЛГПИ – Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена
ЛГУ – Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова
ЛИН СО РАН – Лимнологический институт Сибирского Отделения РАН
ЛИФЛИ – Ленинградский институт философии, литературы и истории
ЛКРД СПбФ АРАН – Лаборатории консервации и реставрации документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН
ЛО ИЯ – Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР
МАКЭ – Морская арктическая комплексная экспедиция
МБС – Мурманская биологическая станция
МВД – Министерство внутренних дел
МВиССО – Министерство высшего и среднего специального образования СССР/РСФСР
МГБ – Министерство государственной безопасности
МГИ – Московский горный институт им И.В. Сталина
МГК КПСС – Московский городской комитет Коммунистической партии Советского Союза
МГПИ – Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина
МГПИИЯ – Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. М. Тореза
МГРИ – Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МГЛУ – Московский государственный лингвистический институт иностранных языков им. М. Тореза

МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова МНР – Монгольская Народная Республика
МНР – Музей народов России
НА БАН – Научный архив Болгарской АН
НА ЗИН РАН – Научный архив Зоологического института РАН
НБУ – Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского
ОГГН – Отделение геолого-географических наук
ОГИЗ – Объединение государственных книжно-журнальных издательств
ОГПУ – Объединённое государственное политическое управление
ОЛЯ АН СССР – Отделение литературы и языка АН СССР
ПГПУ – Поморский государственный педагогический университет им. М.В. Ломоносова
ОР ГМИИ – Отдел рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ОР ИИМК – Отдел рукописей ИИМК
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПАН – Польская академия наук
ПГПУ – Поморский государственный педагогический университет им. М.В. Ломоносова
ПИН – Палеонтологический институт
Плавморнин – Плавучий морской научный институт
РАИК – Русский археологический институт в Константинополе
РАН – Российская академия наук
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота
РГБ – Российская государственная библиотека
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГО – Русское географическое общество

РНБ – Российская национальная библиотека
РО НА ИИМК – Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ – Российская Федерация
СНК – Совет народных комиссаров
СОПС – Совет по изучению производительных сил
СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
США – Соединенные Штаты Америки
ФО НА ИИМК – Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН
ФТИ – Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе АН СССР/РАН
ЦБКЦ – Центр безопасности культурных ценностей
ЦГА г. Москвы – Центральный государственный архив г. Москвы
ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов
ЦДА – Централен държавен архив на Република България
ЦИАМ – Центральный исторический Архив Москвы
ЦИК СССР – Центральный исполнительный комитет СССР
ЦК КПСС – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЦНИЛИ – Центральная научно-исследовательская лаборатория ионификации
ЧАН – Чешская академия наук
ЮНЕСКО (UNESCO) – United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization
2-й МГУ – Второй Московский государственный университет

Список авторов

Сведения об авторах

Аносов Дмитрий Владимирович исполняющий обязанности младшего научного сотрудника Центра комплектования Архива Российской академии наук, 8 (499) 129-53-39, anosov.ARAN@yandex.ru

Афиани Виталий Юрьевич, к.и.н., советник директора Архива РАН по научной работе, 8 (499) 129-09-55, academ_archive@mail.ru

Басаргина Екатерина Юрьевна, д.и.н., главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, 8 (812) 328-05-12, akhos@mail.ru

Бойко Надежда Владимировна, старший научный сотрудник Архива Российской академии наук, 8 (499) 129-34-88, nadintrenova@yandex.ru

Бокарева Ольга Борисовна, старший научный сотрудник Научно-информационного центра Архива РАН, 8 (499) 129-15-55, bokareva.olya@mail.ru

Бондарь Лариса Дмитриевна, к.и.н. ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, 8 (812) 328-05-12, l007@list.ru

Бухерт Владимир Генрихович, к.и.н., старший научный сотрудник Научно-информационного центра Архива РАН, 8 (499) 129-34-88, buhert-1955@mail.ru

Васильева Елена Викторовна, научный сотрудник Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, 8 (495) 697 66 39, elena.vasileva@arts-museum.ru

Веденеева Наталия Олеговна, к. искусствоведения, заведующая Отделом графики Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина

Великова Татьяна Дмитриевна, канд. техн. наук, заместитель руководителя ФЦКБФ, Российская национальная библиотека, 8 (495) 272-61-15, velikova@nlr.ru

Виноградова Лориана Донатовна, старший научный сотрудник Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернад-

ского РАН, хранитель Мемориального кабинета-музея академика А.П.Виноградова

Власов Алексей Дмитриевич, канд. геогр. наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Филиала Архива РАН, 8 (921) 981-91-09, alex_vlasov@mail.ru

Галушкин Александр Алексеевич, к.т.н., заведующий Лабораторией консервации и реставрации документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

Груздева Елена Николаевна, к.и.н., заведующая Отделом информационного обеспечения Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

Гонобоблева Софья Львовна, к.филол.н., старший научный сотрудник Лаборатории консервации и реставрации документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

Гусев Никита Сергеевич, к.и.н., научный сотрудник, ученый секретарь Отдела истории славянских народов периода мировых войны Института славяноведения РАН

Доведова Наталья Михайловна, младший научный сотрудник Лаборатории консервации и реставрации документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, 8 (812) 328-76-80, lkrd@rambler.ru

Завьялова Наталья Васильевна, художник-реставратор I категории Лаборатории консервации и реставрации документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН 8 (812) 328-76-80, lkrd@rambler.ru

Кандыба Павел Ефимович, научный сотрудник Лаборатории реставрации документов Музейно-выставочного и реставрационного Центра Архива РАН, 4 (499) 129-05-44

Ковалев Михаил Владимирович, к.и.н., старший научный сотрудник Архива РАН и Института Всеобщей истории РАН, 8 (499) 129-34-88, kovalevmv@yandex.ru

Косырева Екатерина Вячеславовна, к.и.н., руководитель Центра комплектования Архива Российской академии наук, 8 (499) 129-01-22, katya_ran@mail.ru

Лаптева Татьяна Николаевна, к.и.н., старший научный сотрудник Центра комплектования Архива РАН, 8 (499) 129-53-39, laptistv@yandex.ru

Лебедева Елена Геннадиевна, к. культурологии, старший научный сотрудник Музейно-выставочного и реставрационного Центра Архива РАН, 8 (499) 129-11-66

Лившиц Ольга Дмитровна, научный сотрудник Научно-информационного центра Архива РАН, 8 (499) 129-33-66

Лиманова Светлана Андреевна, к.и.н., научный сотрудник Научно-информационного центра Архива РАН, 8 (499) 129-34-88, serovasvetlana@mail.ru

Литвина Наталья Викторовна, старший научный сотрудник Лаборатории информационных технологий Архива РАН и межкафедральной археографической лаборатории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, 8 (499) 129-09-55, tartalja@mail.ru

Медведева Мария Владимировна, к.и.н., заведующая Научным архивом Института истории материальной культуры РАН

Мелентьев Федор Ильич, к.и.н., главный специалист Государственного архива Российской Федерации

Осипова Надежда Михайловна, к.и.н., ученый секретарь Архива РАН, 8 (499) 129-35-66, ocunoba@mail.ru

Паламарь Наталья Федоровна, реставратор высшей квалификации, заведующая Лабораторией реставрации документов Музейно-выставочного и реставрационного Центра Архива РАН, 8 (499) 129-05-44

Павличенко Наталья Андреевна, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН; младший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

Полонский Дмитрий Георгиевич, к.т.н., научный сотрудник Отдела истории средних веков Института славяноведения РАН, старший научный сотрудник Научно-информационного центра Архива РАН, 8 (499) 129-34-88, dpolon@gmail.com

Поникаровская Марина Владимировна, к.и.н., старший научный сотрудник Отдела информационного обеспечения Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

Рижинашвили Александра Львовна, к.б.н., старший научный сотрудник Сектора истории эволюционной теории и экологии Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Рыбченкова Анна Эдуардовна, младший научный сотрудник Научно-информационного центра Архива РАН, 8 (499) 129-09-55

Савельева Диана Николаевна, к.филос.н., заведующая Сектором истории технических наук и инженерной деятельности Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Станулевич Надежда Алексеевна, главный хранитель Музея-квартиры П.К. Козлова Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН

Стеценко Юлия Владимировна, младший научный сотрудник Научно-информационного центра Архива РАН, 8 (915) 184-43-82, danilina-yuliya@mail.ru

Ткаченко Татьяна Семеновна, старший научный сотрудник Лаборатории консервации и реставрации документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

Урмина Ирина Александровна, д. культурологии, старший научный сотрудник, руководитель Музейно-выставочной группы Музейно-выставочного и реставрационного Центра Архива РАН, 8 (499) 129-11-66, urminaia@gmail.com

Хосид Елена Геннадьевна, PhD, и.о. старшего научного сотрудника Санкт-Петербургского Филиала Архива РАН, 8 (930) 001-09-46, lenahosid@gmail.com

Цыпкина Анна Георгиевна, младший научный сотрудник Центра комплектования Архива РАН, соискатель на Кафедре средних веков Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 8 (499) 129-53-39, anna021090@yandex.ru

Чернова Наталия Валерьевна, реставратор высшей категории, старший научный сотрудник Лаборатории консервации и реставрации документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

Швиль Людмила Михайловна, старший научный сотрудник Лаборатории консервации и реставрации документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

Щепанская Юлия Витальевна, научный сотрудник Центра комплектования Архива РАН, 8 (499) 129-33-88, shepanskaya@mail.ru

Научное издание

АРХИВНЫЙ ПОИСК
Электронный сборник научных статей и публикаций
Выпуск 1

С о с т а в и т е л и:
Д.В. Аносов, к.и.н. Т.Н. Лаптева,
к.и.н. С.А. Лиманова,
д. культурологии И.А. Урмина, А.Г. Цыпкина

Макет и оформление:
В.А. Денисов

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Архив Российской академии наук
www.arran.ru

Подписано в печать 27.12.2018.
Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 33.

ISBN 978-5-9909105-8-4

